

АЛЕКСАНДР КОНТОРОВИЧ

ПЕПЕЛЬНОЕ НЕБО

ЭПИЦЕНТР
ЯДЕРНАЯ ФАНТАСТИКА

Вместо снега здесь радиоактивный пепел. Вместо неба - низкие своды бомбоубежищ. Вместо пашни - мертвая пустыня. Вместо будущего - черная дыра тоннеля, в конце которого не видно света...

В испепеленном ядерной войной мире человеческая жизнь стоит меньше куска хлеба, одного-единственного патрона, глотка свежей воды и чистого воздуха. И вопрос стоит не «как выжить в этом беспощадном будущем», на пепелище цивилизации, среди отчаявшихся, искалеченных лучевой болезнью, озверевших полулюдей, - а как, выживая, самому остаться человеком.

**НОВАЯ СЕРИЯ ФАНТАСТИЧЕСКИХ БОЕВИКОВ О ВЫЖИВАНИИ
ПОСЛЕ ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ "ЧЕРНЫЕ
БУШЛАТЫ" И "РЫЦАРЬ В СЕРОЙ ШИНЕЛИ"**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР:
Александр ШАЛГАНОВ.

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА:
Елена БОСОВСКАЯ.

КРИТИКА, БИБЛИОГРАФИЯ:
Евгений ХАРИТОНОВ.

КИНОФАНТАПИКА, НОВОСТИ:
Дмитрий БАЙКАЛОВ.

ЗАВЕДУЮЩАЯ РЕДАКЦИЕЙ:
Екатерина АРОЯН.

ВЕРСТКА:
Татьяна МУРИНА.

ТВОРЧЕСКИЙ СОВЕТ:

Эдуард ГЕВОРКЯН, Александр ГРОМОВ, Олег ДИВОВ, Марина и Сергей ДЯЧЕНКО, Евгений ЛУКИН, Сергей ЛУКЪЯНЕНКО, Борис СТРУГАЦКИЙ.

ОБЛОЖКА:

Игорь ТАРАЧКОВ.

САЙТ ЖУРНАЛА:

www.esli.ru

ЭЛЕКТРОННАЯ ПОЧТА:

if@esli.ru

АДРЕС ДЛЯ ПЕРЕПИСКИ:

МОСКВА, 119435, Б.Саввинский пер., д. 9,
ИД «Любимая книга», журнал «Если».

КОНТАКТНЫЕ ТЕЛЕФОНЫ:

8(499)248-08-90 (доб. 201).

РАСПРОСТРАНЕНИЕ:

ИД «Любимая книга»,
тел. 642-97-55.

ИЗДАТЕЛЬ:

Издательский дом «Любимая книга».

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДИСТРИБЬЮТОРЫ:

«Наша пресса», «Центропечать», «Сити Пресс Сервис», «Сейлс»,
«Метропресс» (С.-Петербург), «ДМ пресс», ХК «Сегодня пресс»,
«Роспечать», «Желдорпресс», «АРПИ-Сибирь» (Новосибирск).

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ по печати.

Свидетельство ПИ № 77-7491.

Отпечатано в ООО «Красногорская типография»

143400, Московская область, г. Красногорск, Коммунальный кв., д. 2.

Зак. 2401.

Тираж 14 000 экз.

Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция вступает в переписку только на страницах журнала.

Редакция не несет ответственности за содержание рекламных

объявлений.

© «ЕСЛИ», 2011

ФАНТАСТИКА № 10 (224)

ISSN 1680-645X

ЕСЛИ

19 Евгений ЛУКИН

АНДРОИДЫ СРАМУ НЕ ИМУТ

Американский писатель задавался вопросом, снятся ли андроидам электрические овцы. Ну, а наши люди способны на такое, что его героям и не снилось.

3 Армин РОСЛЕР

ЛОВЦЫ

...не душ, но тел, при этом понять их намерения непросто.

143 Брэд ТОРГЕРСЕН

БРОДЯГА

Он потерял отца, мать, сестренку вместе со всем населением Земли и самой Землей, оставив себе одно - надежду.

173 Марианна ДАЙСОН

ОТПРАВИМСЯ НА ЛУНУ

Любимая забава ветхого старика - детский имитатор полетов. Никто и не предполагает, что это увлечение мистера Смита не случайно.

203 Шон МАКМАЛЛЕН

ВОСЕМЬ МИЛЬ

Мало кому известно, что воздухоплавание у самых истоков совершало открытия, шагнувшие через миры и века.

229 Бад СПАРХОУК

ПАПАШИНО ЛУЧШЕЕ

Или особенности национального пивоварения в окрестностях Юпитера.

125 Николай КАЛИНИЧЕНКО

КОГДА ВСЁ ХОРОШО...

По мнению критика, зрителю предложен НФ-фильм новой формации.

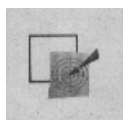
132 Валерий ОКУЛОВ, Аркадий ШУШПАНОВ

НАШ ВИЛЬЯМ

Самая загадочная личность в мировой литературе. Самый экранизируемый из драматургов. Поэтов много. Бард - один.

127 ВИДЕОРЕЦЕНЗИИ

Супергерой за -годы своего существования в комиксах успел повоювать со всеми, начиная с нацистов и кончая террористами. Ну а другой, даже скончавшись, не прекращает сражений.

245 Сергей ШИКАРЕВ

ПОЧИТАТЬ И ПОСЧИТАТЬ

Ничего хорошего ожидать не приходится. Миром правят проекты. Так ли это на самом деле?

251 РЕЦЕНЗИИ

Статистика статистикой, но на нашей книжной полке есть место и «возрожденческой» НФ, и фэнтези, и фантазмагориям, и все тем же межавторским проектам.

266 КУРСОР

Российские критики выбрали три лучших НФ-произведения года... Названы лауреаты премии «Хьюго»... Вручен приз самому многообещающему фантасту.

257 Николай РОМАНЕЦКИЙ

ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

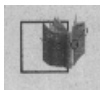
Писатель попытался выяснить, какие герои по сердцу нынешнему поколению читателей. Результатами эксперт удовлетворен, но тревога осталась... Почему?

260 Вл. ГАКОВ

БЕГЛЕЦ В ПРОШЛОЕ

Однако литературными почестями одарило автора все-таки настоящее. И сейчас его творчество не оказалось в забвении.

268 ПЕРСОНАЛИИ

Свой среди чужих... Хотя какие же они чужие! В фантаграде все свои.

АРМИИ РОСЛЕР

ЛОВЦЫ

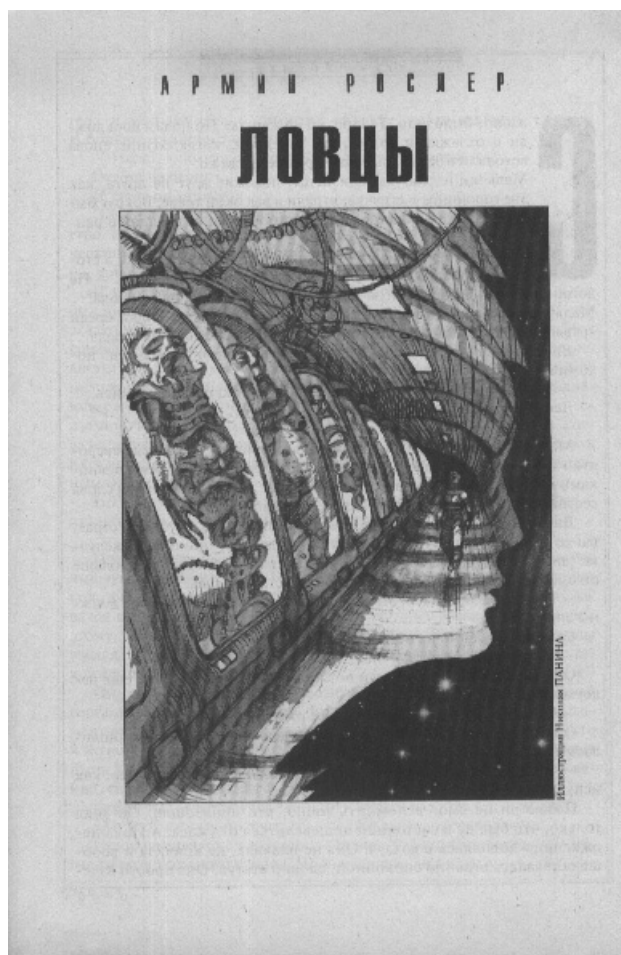

Иллюстрация Николая ПАНИНА

Славное было лето. Теплое, но не жаркое. По ночам шли дожди и охлаждали воздух, так что днем, когда солнце снова восходило в зенит,

было по-прежнему свежо.

Мальчик и девочка, близнецы, похожие друг на друга, как две горошины в стручке, играли в высокой траве. Вокруг была долина на окраине маленького города, безлюдная в ранний час.

- А вот и не поймаешь! - кричала девочка и, прыгая в сторону с тропинки, ловко ускользала от протянутых рук. - Не догонишь! Не поймаешь! Вода-вода-неотвода - порослячья порода!

Мальчик бежал следом молча, сосредоточенно пыхтя, виляя среди травяных кочек. Шаг за шагом они удалялись всё дальше от города.

Внезапно небо потемнело. Солнце закрыл огромный корабль, похожий на маленькую луну.

- Посадочный модуль, - прошептал мальчик, остановившись.

Девочка тоже замерла и подняла глаза к небу.

- Я такого еще не видела, - произнесла она тихо.

Мальчик не отрывал взгляд от корабля. Пришелец казался невероятно большим. Мальчик давно интересовался космическими челноками и неплохо в них разбирался, но сейчас мог бы повторить слова сестры: он никогда раньше не видел такой модели.

Внезапно он испугался. Это был инстинктивный, глубокий страх, ранее не знакомый ему. Страх добычи, увидевшей хищника. В желудке заныло, маленькие волоски на коже встали дыбом. И чем дольше он смотрел на корабль, тем страшнее ему становилось.

- Он мне не нравится, Йола, - прошептал мальчик. - Мы должны спрятаться.

Сестра удивленно на него посмотрела.

- Мы должны бежать! - настаивал брат.

Он схватил девочку за руку и потянул ее в траву. Йола, все еще недоумевающая, повиновалась.

- Бежим в лес! - Мальчик сжал ее руку еще крепче.

Они уже добрались до опушки, когда девочка внезапно остановилась и вырвала руку.

- Скорее, Йола! - крикнул он, но, оглянувшись, тоже замер, как испуганный зверек.

Позже он не смог вспомнить точно, что произошло. Он знал только, что был не в состоянии пошевелиться от ужаса. А Йола неожиданно поднялась в воздух. Она не плакала, не кричала и вообще оставалась странно спокойной, словно статуя. Она просто взлетела и устремилась к темному объекту, закрывавшему солнце. И больше он ничего не видел.

- Йола! - позвал он, когда снова смог говорить.

Ответа не было.

И тогда он заплакал.

Позже он узнал, что Йола была не единственной, кто пропал в то утро. На корабль забрали многих людей. По официальным подсчетам,

несколько сотен. То, что сестренка оказалась на чужом корабле не одна, конечно, утешало, но не слишком.

И тогда мальчик поклялся, что вернет свою сестру, чего бы ему это ни стоило. По правде говоря, он даже не догадывался, и никто не мог сказать ему, чего это может стоить. Никто не знал, откуда прилетел этот корабль, чего хотели существа, которые прибыли на нем. Даже кем были эти существа и как они выглядели, осталось неизвестным. Корабль пытались атаковать, но космические аппараты людей были по сравнению с ним, словно комары рядом с медведем, и не могли нанести ему серьезного вреда. Он исчез так же неожиданно, как появился. Позже, когда мальчик покинул свою родную планету Комон и начал странствовать в космосе, ему удалось узнать чуть больше. То посещение было уникальным. Корабля не видели ни на одной из планет-колоний.

Но однажды, когда мальчик вырос, ему представился случай проникнуть туда, где раньше никто не бывал.

Пробуждение было ужасным. Холод, боль в мышцах, молочно-белый туман перед глазами. Температура в помещении была очень низкой, и казалось чудом, что он еще может дышать. Каждый вздох отдавался в легких болью. Он не знал, как очутился здесь и, удивившись этому, понял, что не помнит вообще ничего. Кто он такой, откуда взялся? Впрочем, сейчас это было неважно, ведь еще немного при такой температуре - и он умрет.

Он снова с трудом втянул воздух и закашлялся. Из пересохшей гортани вырвался хрип. Пить! Ему нужна вода! И в следующий момент руки отяжелели - в них оказался сосуд. Он не стал думать, кто и почему сотворил это чудо, просто прильнул губами к краю и начал пить. Хорошо! Вода смочила горло, пропало противное чувство жжения, сознание прояснилось. Но память не вернулась.

- Кто ты? - прозвучал звонкий и ясный голос за его спиной.

«Хотел бы я сам это знать?» - подумал он, поворачиваясь.

Голос принадлежал женщине. Он видел ее смутно, окутанную облаком разноцветного тумана. Но она обращалась к нему.

- Я... я... - он повторял это в смутной надежде, что ответ придет сам. Но всё тщетно - память словно отделила от его сознания стальная завеса.

- Тебя не должно быть на нашем корабле, - продолжала женщина. - Мы не брали тебя. Ты пришел сам. Добровольно. Это очень необычно. И глупо.

Ее голос звучал спокойно и отстраненно, словно она обсуждала сериал или просматривала фотографии в глянцевого журнале.

Он растерянно улыбался. Ее слова ничего не значили. Он даже не понимал, где находится.

- А... что, собственно, случилось?

- Мы отправили тебя в криокамеру и забыли. На долгое-долгое время. Ну... почти забыли. - Она усмехнулась. - А теперь я хочу узнать, что тебе нужно от нас. Мне любопытно. Благодарю Вселенную: если бы не мое любопытство, ты бы умер. Или того хуже. Есть разные возможности...

Он вздохнул, ощущая странную вину. Она освободила его, спасла, а он не может исполнить ее желания - или он был виноват не перед ней? Не только перед ней?

- Я ничего не помню. К сожалению...

Женщина молчала, а он силился вспомнить хоть что-нибудь. Воспоминания казались раскаленным камнем, который он перебрасывал в ладонях. О, как это было больно! Но погоди! Вокруг все еще царил адский холод. И он принялся вообразить, что камень постепенно остывает, его цвет темнеет - и вот уже можно различить форму и прожилки, вкрапления других пород. Внезапно его голова наполнилась смутными картинками - воспоминания возвращались! Но их пока было слишком много, и были они слишком неотчетливы, чтобы он мог разобраться. Образы... голоса... цвета... запахи... ощущения... - всё это обрушилось на него, словно он оказался в центре гигантского калейдоскопа.

Но вот одна картинка стала четкой. Это было воспоминание о его собственной смерти. Выстрел - и пуля пробила грудь. Яркая вспышка боли и слабость. Отчаянный крик. Гнев и скорбь. И его тело, падающее на пол. Но кто держал оружие? Кажется, он улыбался?

- Вы? Это вы убили меня?

- Ага, ты уже кое-что вспомнил, - женщина осталась невозмутимой. - Это хорошо. Теперь ты будешь говорить со мной и расскажешь все, что знаешь, ничего не утаивая. Иначе я снова убью тебя, на этот раз навсегда. Ты знаешь, как это больно, так что советую не запираяться.

Он услышал в ее голосе угрозу, но не испугался, а, скорее, разозлился. Он понимал, что нужно скрывать свои чувства и ждать, пока разрозненные воспоминания не сложатся в единую картину.

- Сейчас я не могу говорить... - произнес он жалобно. - Я еще очень слаб после криосна. Мне нужно больше жидкости. Тепло... И время... Чтобы отдохнуть и всё вспомнить. Я совсем запутался. Кажется, сейчас сойду с ума...

Это не было ложью. Почти.

- Тогда мы покинем кабинет, - сказала женщина. - И перенесемся в другое место. Тебе там понравится. И надеюсь, ты не разочаруешь меня.

Она протянула руку. Он сжал ее ладонь - они взлетели и понеслись вверх по заполненной радужным туманом шахте. От неожиданности у него закружилась голова, и он стиснул зубы, стараясь не потерять

сознание. Потом движение прекратилось, туман исчез и вокруг разлился золотистый свет.

Теперь он мог видеть ясно и чувствовал себя лучше, бодрее. Он рассмотрел свою собеседницу. Она была молода, длинные золотистые волосы падали на белое с серебром платье. И хотя она любезно улыбалась, в ее темных глазах было что-то пугающее: взгляд казался странно пристальным и холодным.

- Ты человек, как и я?

- Нет. - Она качнула головой и прибавила: - Идем.

Он пошел следом за ней по длинному коридору мимо бесконечного ряда темных и узких вертикальных ящиков, напоминающих саркофаги. Безмолвные и грозные хранители смерти. «Моей смерти?» - спросил он себя. И тут же память подсказала: это криокамеры, аппараты для искусственной гибернации. Они не убили его, они его заморозили, бог знает насколько. И все же он помнил выстрел и боль - и не знал, какому воспоминанию может доверять.

Многие криокамеры были заняты. Люди и существа из других миров спали бок о бок. Некоторые инопланетяне казались ему смутно-знакомыми, других он видел в первый раз. И тут ему пришло в голову слово, которое должно было объяснить всё: «ловцы». Оно отражало суть той цивилизации, с которой он столкнулся. Так называли их давным-давно, задолго до его рождения. Теперь он понял, где находится и как сюда попал.

Йорд Винцентс был пилотом флота Ассоциации Миров. Война пришла на Коммон, и он пошел вслед за ней. Его маленький быстрый и верткий кораблик базировался на звездном крейсере и совершал боевые вылеты так часто, как этого требовало командование флота. Что означало: очень часто. Потери штурмовиков в первых вылетах были чудовищны. Шестьдесят два процента. Однако Йорд неизменно оказывался в числе выживших - уже семь лет. А значит, был чертовски хорош. Хотя по меньшей мере дважды он висел на волосок от смерти, а от его корабля оставалась только груда обломков. Он не сомневался, что рано или поздно умрет в бою.

Сейчас они находились в системе Турнеона. Здесь только один пригодный для жизни людей, мир, причем не слишком заманчивый. Не больше ста тысяч колонистов. Но Ассоциация Миров и Союз Тигри готовы были драться за него.

Йорд считал эту войну бессмысленной. Он полагал, что враги смогли бы легко договориться, не потеряв лица, если бы были чуточку менее упрямыми. Но он скрывал свои мысли от командиров. У него была причина оставаться здесь. Поэтому он всегда выполнял задания и был на хорошем счету у командования.

Сейчас его корабль подбирался к крейсеру Тигри, лавируя в облаке

каменных обломков и прячась от вражеских радаров. Крейсер вел огонь по кораблям Ассоциации из всех орудий, а в карусели космического боя Йорду нетрудно оставаться незамеченным.

«Приготовиться к атаке!» - прозвучало в наушниках.

И Йорд бросил свой корабль вперед, целя в орудийные башни крейсера и выпустив ракеты, ушел в вираж, уклоняясь от преследования истребителя Тигри, который мгновенно вырос за кормой. «Слишком поздно!» - усмехнулся Йорд. Он только что существенно снизил боевую мощь крейсера, и все истребители не могли этого исправить - их месть запоздала. Маленький штурмовик Йорда, разумеется, не мог одолеть могучий бронированный корабль, но умел больно жалить. И уходить невредимым, прячась от истребителей, среди груд обломков менее удачливых штурмовиков. Краем глаза он взглянул на панель, где отражалась диспозиция боя. Зеленых огоньков, изображавших корабли Ассоциации, оставалось очень мало. Этот бой явно складывался не в их пользу.

Уцелевшие штурмовики собирались для второй атаки, а Йорд пытался стряхнуть с хвоста истребителя, когда увидел нечто, что полностью завладело его вниманием. В систему входил корабль, очертания которого Йорд помнил так ясно, словно они были выжжены у него на сетчатке.

«Не верю, - подумал Йорд, выполняя маневр уклонения и оставляя корабль-пришелец между собой и истребителями. - Этого просто не может быть».

Он видел этот миг тысячи раз - в своих мечтах. Нет, миллион раз. Снова встретиться с похитителями Йола. И на этот раз он не жертва, а мститель! Что это - случайность? Или судьба? Не все ли равно...

На пилонах больше не было ракет. Но Йорд и не собирался атаковать корабль: возможно, Йола еще там. Рация гремела и дребезжала - это командир вызывал своего пилота, с каждым разом повышая голос. Но с той секунды, как корабль вошел в систему Турнеона, Йорд Винцентс стал дезертиром. Он направил свой штурмовик прямо к кораблю, уравнивая скорости. Вражеских истребителей не видно: кажется, они его потеряли.

Вдруг штурмовик кувыркнулся, а на табло замигали красные лампочки. Пытаясь выровнять корабль, Йорд не отрывал глаз от экрана. Но вблизи видел только зеленые огни. Значит, по нему бьют свои: командир так и не получил от него ответа и отдал приказ стрелять на поражение. К счастью, бешеные кувырки машины спасли ее от прямого попадания: большинство выстрелов прошло по касательной. «Теперь нельзя вернуться, иначе - трибунал», - подумал Йорд и усмехнулся. Как глупо! Он и не собирался возвращаться.

Ему удалось остановить вращение, и он спрятался под брюхом огромного гостя, как рыба-лоцман под брюхом акулы. Корабль-

пришелец, кажется, не замечал его. Он вообще никого не замечал. Бой, кипевший в этой планетарной системе, оставил гостя совершенно равнодушным. Выстрелы кораблей Ассоциации и Тигри не оставляли следов на его темной обшивке.

Между тем состояние штурмовика оставляло желать лучшего. Лампочки отчаянно мигали, оповещая о том, что потеряна герметичность. Йорда защищал скафандр, но запас кислорода не бесконечен. Надо что-то предпринять. Медленно он начал облет корабля. Рулевая система была тоже повреждена, и штурмовик, утратив прежнюю грацию, перемещался короткими рывками. Один раз Йорд не рассчитал, высунулся слишком далеко из-под прикрытия массивного тела корабля и чуть не попал под огонь. Наконец он заметил краем глаза какой-то ободок, чуть светлее основной обшивки корабля. Похоже, это был люк. К сожалению, чтобы добраться до него, пришлось выйти из тени. Йорд бросил свой штурмовик вперед и прижался к обшивке в районе люка. Пока лазеры врагов и бывших друзей пытались взрезать его кораблик, он отстегнул ремни, схватил универсальный набор инструментов и бросился к люку.

Но инструменты не понадобились. Гибкая темная мембрана просто втянула его, едва он к ней прикоснулся.

А потом он заметил фигуру в белом и наставленный на него пистолет. И обжигающая боль разорвала грудь. Йорд закричал и упал на пол. И увидел, как нападавший улыбается. «Йола! - подумал он. - Йола, прости!» И всё кончилось.

- Ты очень храбрый, - задумчиво протянула женщина. - Или просто сумасшедший.

Йорд смотрел на нее, с трудом сдерживая гнев. Как она может быть такой равнодушной? Такой спокойной?

- Почему вы похищаете людей? - спросил он хрипло. - Зачем они вам? Зачем вам моя сестра? Где она?

Он сдерживался из последних сил. Если бы не мысль о Йоле, он давно свернул бы инопланетянке шею.

- Тебе лучше было бы держаться подальше от нас, - ее голос звучал так безучастно, что Йорд задумался, а не машина ли перед ним.

- Я должен найти сестру, - произнес он упрямо.

- Это невозможно. - Женщина не шевельнула и бровью.

Йорд пожал плечами и решил сменить тему:

- Ты не похожа на других...

Если ему удалось ее смутить, то она ничем этого не показала. Лишь спросила с легким любопытством:

- Что ты знаешь о моем народе?

- Ничего... - ответил он. - Но ты разбудила меня... Ты говоришь со мной... Другие... они просто забирали то, что хотели, и уходили. Я

думаю, ты поможешь мне.

- У тебя ничего не получится, - ответила она. - Я пришла сюда не помочь тебе, а узнать твою историю. Всё остальное меня не интересует.

- Но...

Договорить он не успел. Внезапно его собеседница изменила свой облик. Исчезли длинные светлые волосы, исчезло серебристо-белое платье. Ее фигура потеряла контуры - женщина растворилась в мерцающем тумане.

Нечто, возникшее на ее месте, больше всего напоминало растрепанный клубок или небольшое облако. И оно смеялось. Звонким человеческим смехом.

- Видишь, - произнесло оно. - Здесь нельзя верить собственным глазам.

И снова перед ним была женщина. Превращение свершилось мгновенно, и Йорд спросил себя: какой из образов был правдой, а какой - иллюзией? Он сомневался, что сможет узнать ответ.

- Когда я поднялся на борт, вы стояли на моем пути, - сказал он. - Это я помню. Вы выстрелили в меня. Я думал, что умираю.

- Ты был близок к тому, чтобы умереть. Ты здорово рассердил нас. - Женщина рассмеялась, словно это была хорошая шутка. - Никогда раньше никто не приходил на наш корабль по своей воле. И тем более никто не врывался сюда. Такая дерзость, такая наглость - это непростительно. Нелибрий был просто вне себя.

- Но я всё еще жив.

- Ты заинтересовал Нелибрия, и он решил заняться тобой на досуге. Поместил тебя в Кабинет и... забыл. У нас много важных дел, знаешь ли. Мы долго о тебе не вспоминали.

- Где он сейчас, этот Нелибрий?

- Его здесь нет.

Загадочный ответ, который мог значить что угодно. Женщина, кем бы она ни была на самом деле, не спешила делиться информацией. Но Йорд не отступал.

- Зачем вы похищаете людей?

Снова таинственная улыбка вместо ответа.

- Скажите: зачем?

- Но я тебе уже сказала. - Женщина начала проявлять нетерпение. - Нас интересуют ваши истории. Вокруг так много пустоты... Любые перемены - это радость. Узнавать о простой жизни простых существ - это... это очень мило.

У Йорда впервые возникло впечатление, что ей трудно выражать свои мысли. Как будто в человеческом языке не хватало слов.

- Но это не причина для похищений. Вы могли бы получить то же самое гораздо проще.

Она пожала плечами очень по-человечески.

- Возможно. Но нам нужны рабочие на борту. Те, кто способен на это, остаются.

- А остальные?

Она снова промолчала, и на этот раз Йорд был рад этому - он не хотел слышать ответ. Поступки ловцов были вне человеческой морали. В частности, это означало, что как ни дружелюбно выглядела эта женщина, или вернее это существо, он не мог ему доверять.

А она задумчиво покачала головой и прищурилась, словно решая дилемму.

- Даже не знаю, что с тобой делать...

- Отпусти меня, - попросил Йорд. - Дай мне уйти вместе с сестрой.

- Ты действительно пробрался сюда ради нее? Это впечатляет.

- Тогда помоги нам.

Она улыбнулась.

- Лучше я снова помещу тебя в криокамеру. Когда нам потребуются работники, мы тебя разбудим.

Несколько секунд Йорд продолжал надеяться вопреки всему. Потом надежда угасла. И всё же он был слишком упрям, чтобы отчаиваться. «Главное, меня не выбросят, - подумал Йорд. - Я буду на одном корабле с Йолой и обязательно что-нибудь придумаю». Ему нужно выглядеть ошеломленным, покорным и нерешительным. Что, по правде говоря, было не так уж сложно.

У ряда криокамер он остановился и задал вопрос:

- Как долго я спал? Сколько времени прошло?

Но ответа он не дождался. Казалось, его собеседница окончательно утратила к нему интерес. Из тумана внезапно появились два инопланетянина - странные существа, кожа которых была покрыта синими и коричневыми пятнами, а угловатые головы лишены глаз и ушей. У них было по четыре когтистых руки, которыми они осторожно, но твердо взяли Йорда под локти, и он почувствовал, как их когти протыкают ткань его формы и легонько касаются кожи. Это был очень красноречивый жест: если человек будет сопротивляться, его разорвут на куски.

Йорду хватило благоразумия, чтобы подчиниться им. И всё же он негромко сказал:

- Вы ведь не из команды корабля. Вы не ловцы, вы тоже пленники.

Существа не ответили. Скорее всего, они не понимали человеческий язык. Но Йорд и не собирался бежать. Куда? Как бы он тогда нашел Йолу? А затем выбрался с корабля? Нет, сейчас он ничего не мог сделать. Оставалось только ждать.

Существа привели его к пустой криокамере.

Йорд в последний раз окинул взглядом зал и снова поразился тому, как много здесь жителей разных планет. Ряды саркофагов казались

бесконечными. «Где ты, Йола? - подумал он. - Как я найду тебя?»

А вдруг она умерла? Или он умрет во время криосна? Эти мысли причиняли боль. «Если она умерла, я не хочу этого знать. Если она мертва, пусть я тоже не проснусь».

Синекожие усилили хватку, заталкивая его в криокамеру.

- Подождите! - воскликнул он. - Вы...

Крышка захлопнулась. Снова холод проник в его тело. Йорд почувствовал страшную усталость. Глаза закрывались. Но одна мысль придавала ему сил. Та женщина сказала: «Это впечатляет». Значит, она не забудет о нем... Значит, еще есть надежда. Надежда на...

Второе пробуждение было таким же болезненным, как первое. Снова холод, туман вокруг и туман в голове. Но на этот раз воспоминания вернулись быстрее. Как только он выпил воду из сосуда, он уже знал, как сюда попал. Но теперь это никого не интересовало. Вместо женщины его встретили двое синекожих. Те же, что в прошлый раз, или другие? Один из них проскрипел:

- Мы знаем тебя.

Очень неразборчиво, но, несомненно, на человеческом языке. Винцентс кивнул, решив ничему не удивляться. Существа именовали себя «стрипины», были очень дружелюбны и общительны. Они показали ему Кабинет - так они называли помещение с криокамерами. Рассказали, где можно брать еду и одежду, в чем будут заключаться его обязанности. И удивленно уставились на него, когда он хлопнул ладонями по коленям и захохотал.

- С тобой все в порядке?

- Со мной все отлично! Я даже не надеялся, что так повезет.

«Это впечатляет», - так говорила инопланетянка. И, кажется, теперь ему представилась возможность доказать ей это. Случайность? Он так не думал. Однако возможностью еще нужно воспользоваться. Здесь чертовски много криокамер. Поиски Йола могут затянуться надолго.

Стрипинов звали Грекель и Каймерсет. Они обучили Йорда следить за криокамерами. Это оказалось довольно простым делом. Нужно было сличать данные на дисплеях, закрепленных на каждом саркофаге, с имеющимся эталоном. Если обнаруживались различия, о них следовало сообщить, набрав информацию на пульте. Вот и всё, что требуется.

- Больше ничего не надо делать, - закончил рассказ Грекель. - Можно есть, спать, отдыхать.

Йорд уже научился их различать.

- Ты справишься? - спросил Каймерсет.

- Думаю, да, - ответил бывший пилот.

И они занимались этой работой много-много дней. Однажды Йорд обнаружил неполадки в одном из саркофагов. Он попытался починить

хладопроцессор, но получил такой удар током, что долго не мог прийти в себя.

Грекель и Каймерсет прибежали к нему, синие пятна на их мордах потемнели от волнения.

- Зачем ты это сделал? - спрашивали они. - Это дело ловцов. Они во всем разберутся.

- Но саркофаг поврежден, - объяснял Йорд. - Его нужно отремонтировать. Или разбудить спящего, пока он не умер.

- У тебя достаточно другой работы, - возразил Грекель.

Йорд так и не смог ничего от них добиться. Какое-то время они посматривали на него с подозрением, но потом снова стали дружелюбны.

Время шло. Они медленно продвигались вдоль бесконечных рядов криокамер и находили всё больше неисправных. Кажется, женщина говорила правду: побеседовав с пленником один раз и выслушав его историю, ловцы теряли к нему всякий интерес. Он спрашивал у стрипинов, не хотели бы они сбежать отсюда. Они поводили из стороны в сторону своими безглазыми мордами, выражая недоумение.

- Это никому не удавалось, - сказал Грекель.

- Во всяком случае мы ничего о таком не слышали, - добавил Каймерсет.

Но это, по мнению Йорда, не значило, что удачных побегов не было. Просто ловцы вряд ли распространялись о том, что кто-то покинул корабль против их воли.

- Так как насчет вас? - снова спросил он. - Вы хотите бежать?

- Ты ничего не знаешь о стрипинах, - ответил Каймерсет.

- Нам приходилось жить в местах похуже, чем это, - пояснил Грекель.

- Вы собираетесь провести в клетке остаток жизни? - не отставал землянин.

Стрипины отвернулись, пятна на их мордах побледнели. Явно разговор был им неприятен. Йорду удалось задеть их за живое. Он это понял и оставил их в покое - на время. Все равно он пока не знал, как найти Йолу. Здесь были тысячи и тысячи саркофагов, и для того чтобы осмотреть их все, могло не хватить остатка его жизни. А на корабле не было никакой базы данных, никакой поисковой системы. По крайней мере, он не имел к ней доступа. К тому же, чтобы покинуть корабль ловцов, необходим челнок. Исследуя корабль, он обнаружил большой ангар, где стояли сотни корабликов, очевидно, взятых на борт во время полета. Ему понадобилось довольно много времени, но он отыскал свой штурмовик. К несчастью, герметичность была нарушена, и он не мог ее восстановить, а устройство остальных кораблей было ему незнакомо.

Часто ночами он лежал без сна, придумывал планы, отбрасывал их и вновь думал. Одно он знал точно: он не отступится, не сдастся.

Стрипины были взволнованы. Поступило новое задание. Ловцы решили совершить налет на одну из человеческих колоний, и рабочим надо было готовиться к поступлению большой партии новых пленников. Особенно Грекеля и Каймерсета беспокоило, что Йорду предстояло работать вместе с ними.

- Новичков редко ставят на такие задания, - говорили они. - Это большая честь.

У Йорда были на этот счет свои соображения. Новая операция... это означало, что он окажется близко к планете. Возможно, сможет найти компаньона для побега. Кроме того, в тот момент ловцы будут очень заняты и наверняка ослабят бдительность.

Но его ожидало разочарование. Когда пленники начали поступать в Кабинет, они были уже без сознания. Ему даже не удалось выяснить, рядом с каким миром они находились и сколько прошло времени. Целые дни напролет он раскладывал людей по криокамерам. Мужчины, женщины, дети, старики. Внезапно Йорд затаил дыхание. Один из взятых на борт был пилотом - во всяком случае был одет в скафандр, который не слишком отличался от скафандра Йорда! Это настоящая удача! Он решил снять скафандр с пилота немедленно (потом может быть поздно) и обратился к Грекелю:

- Позволь мне самому положить этого человека в криокамеру.

Лицевые пятна Грекеля потемнели, по ним побежали фиолетовые разводы.

- А ты сумеешь?

Йорд пожал плечами:

- Разве не ты учил меня?

- Да... но ты новичок.

- А ты прекрасный инструктор. Лучшего у меня не было даже в космофлоте.

Пятна буквально вспыхнули фиолетовым светом. Грекель оказался падок на лесть и согласился.

Йорд доставил тело в Кабинет и поспешно снял скафандр.

Знаки и буквы на ткани были ему незнакомы. Этот пилот не принадлежал ни к Ассоциации Миров, ни к Союзу Тигри. Интересно, идет ли еще война? Возможно, нет. Он не знал толком, сколько прошло времени с тех пор, как он попал на борт.

Он поместил тело в саркофаг, но медлил закрыть крышку. Этот человек, кем бы он ни был, заслуживал спасения не меньше, чем Йола. И любой другой на борту.

Когда-то в детстве он без труда мог отыскать Йолу, где бы она ни пряталась. Они были близнецами - их нервные системы настроены друг на друга. После ее исчезновения он словно закрыл какую-то дверь в своем разуме: слишком болезненным было ощущение, что протянутая рука каждый раз находит пустоту.

Когда Йорд закрыл саркофаг, на глаза навернулись слезы. Ему казалось, что спящий молча упрекает его. Когда он проснется, он будет так же одинок, как Йорд сейчас, и ему придется выбираться с корабля без посторонней помощи.

«Прости!» - прошептал он, выходя из ангара.

Когда Йорд спросил у стрипинов, сколько его продержали в криокамере во второй раз, то получил ответ: «Один год». Но никто не мог сказать ему, как долго он находился в криосне в первый раз. «Мы о тебе не вспоминали», - говорила та женщина.

За те двенадцать лет, которые прошли с тех пор, пока он рос, учился и наконец вступил в космофлот, его родная планета Комон разительно изменилась. Какие же перемены произошли за следующее десятилетие? А если их разделяет сто лет? Или тысяча? Что они с сестрой увидят, вернувшись на родину? Смогут ли они назвать ее родиной? Ждет ли их там хоть кто-нибудь? И не будут ли для Йолы, которая покинула Комон ребенком, эти перемены еще страшнее и непостижимее, чем для него? На какую жизнь он ее обречет, освободив?

Ему снились кошмары. Ужасные фантазии, которые преследовали его целыми днями, не давали теперь покоя и по ночам. Чаще всего ему снилось, что он все-таки находит Йолу, но перед ним - древняя старуха. Тщетно он вглядывается в ее черты, но видит лишь увядшее морщинистое лицо, седые волосы и тусклые глаза, в которых нет ни проблеска мысли.

Однако эти кошмары только подстегнули его: он должен найти сестру - хотя бы для того, чтобы избавиться от неопределенности. Пусть случится самое страшное, но это лучше, чем неопределенность.

Кроме того, ему помогли визиты в ангар, где стояли корабли. Он проводил там много времени, пытался отремонтировать свой штурмовик, разбирался в устройстве скафандра или просто рассматривал чужие корабли и гадал, из каких планетных систем они попали сюда. Эти занятия возвращали ему надежду, он снова начинал верить, что всё получится. Если повезло один раз, другой, повезет и третий. Удача любит упорных. Правда, саркофагов было гораздо больше, чем кораблей, но он решил положиться на удачу - а на что еще?.. Он понимал, что рискует, шатаясь по ангару, однако до сих пор не встречал здесь живых существ.

Однажды во время очередной прогулки среди чужих кораблей Йорд услышал за спиной тихий шорох. Оглянулся - никого. Он повернул назад, но тут шорох повторился. Тогда он испугался по-настоящему. Что если ловцы обнаружили его? Что если они поймут, что он готовит побег, и захотят ему помешать? Им нет нужды беречь его: они без труда найдут новых рабочих в криокамерах. Значит, его ждет смерть

или новый долгий сон. И никакой надежды для Йола.

Йорд сорвался с места и бросился в Кабинет. Уже больше года они с Грекем и Каймерсетом ходили вдоль рядов саркофагов, проверяли их и никогда не возвращались на прежнее место. Как велик Кабинет? Он казался бесконечным, а шанс найти Йола - мизерным. Но Йорда это сейчас не интересовало. Пусть она состарилась, пусть потеряла память, пусть умерла в криосне, но он должен увидеть ее! Хотя бы один взгляд, а потом будь что будет.

И внезапно он понял: перед ним та, которую он искал так долго.

У него кружилась голова. Это был длинный день, и перед тем как пойти в ангар, он отработал полную смену, а потом просмотрел еще несколько рядов криокамер, ни на что особенно не надеясь, просто на всякий случай. Сейчас он едва не проскочил нужный саркофаг, но безошибочный инстинкт остановил его.

Йорд смотрел во все глаза. Всматривался в лицо, в изгиб губ, искал родинку на левой щеке - у него была точно такая же. Нашел и закричал от радости.

Она выглядела старше, чем в день, когда он видел ее в последний раз. Наверное, лет шестнадцать-семнадцать. Уже не девочка, а девушка. Время изменило ее. Она казалась знакомой и вместе с тем чужой.

Но она ли это?

Он положил руку на крышку саркофага, потом отдернул.

Это могла быть просто фантазия. Он отчаялся найти потерянную сестру и теперь ищет черты Йола в первой попавшейся девушке. Сила желания может изменить для него реальность.

Он снова всмотрелся в лицо девушки. Если это Йола, значит, какое-то время она росла на корабле, прежде чем попала в криокамеру. Что ей пришлось пережить?

Он мог бы разбудить ее и спросить. Здесь никого не было, стрипины давно спали, скорее всего, ему никто не помешает. Но что делать дальше? Если эта девушка не Йола, решится ли он отправить ее обратно в криосон?

Он постоял в задумчивости, а потом выдернул саркофаг из гнезда и взвалил на плечи. Сейчас не время задавать вопросы. У него только одна попытка. Девушка могла быть Йолой, и этой вероятности ему достаточно.

В ангаре у корабля он заметил облачко тумана. Но, не остановившись, продолжал шагать вперед. Отступать было некуда, бежать бессмысленно. Из тумана вышла женщина.

- Итак, ты ее нашел, - голос ловца звучал по-прежнему равнодушно.

Йорд стиснул зубы. Неужели они играли с ним? Но больше он этого им не позволит.

- Отойди, - сказал он женщине. И добавил: - Пожалуйста.

- Значит, ты все-таки нашел ее, - повторила она. - Тебе снова удалось произвести на меня впечатление.

- Я не уверен, что это она, - сознался Йорд,
Он стоял напротив женщины и смотрел ей в глаза. И в его тоне не было неуверенности.

- Ты должен знать твердо. - Женщина улыбнулась. - Ведь ты рисковал ради нее своей жизнью.

- Я знаю твердо, что хочу забрать ее домой, - ответил Йорд. И повторил: - Прошу тебя, отойди.

- Но я вовсе не намерена мешать тебе. - Она сделала шаг в сторону. - Я знаю, что ты думаешь о нас. Наверное, ты прав в чем-то. Но это меня не беспокоит. Я хочу, чтобы ты кое-что знал: ты не первый и, наверное, не последний. И еще: возможно, настанет день, когда мы с тобой увидимся. Но об этом тебе лучше не думать.

Она исчезла. Ошеломленный Йорд тряхнул головой, однако размышлять сейчас над словами женщины он был не в силах.

Йорд пристроил саркофаг в кормовом отсеке штурмовика, надел скафандр, проверил приборы. Двери ангара распахнулись перед ним, и он увидел звезды.

«Смотри, Йола, мы летим домой! Я разбужу тебя, когда мы будем на Комоне».

Как долго они отсутствовали? Что ждет их там? Йорд этого не знал. Но он верил, что его родина еще существует, как верил, что Йола жива. Это было не слишком логично, однако помогало ему жить дальше. И он надеялся, что найдет на Комоне хоть что-то знакомое.

Перевела с немецкого Елена ПЕРВУШИНА

© Armin Rößler. Die Fänger 2009. Публикуется с разрешения автора.

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

АНДРОИДЫ СРАМА НЕ ИМУТ

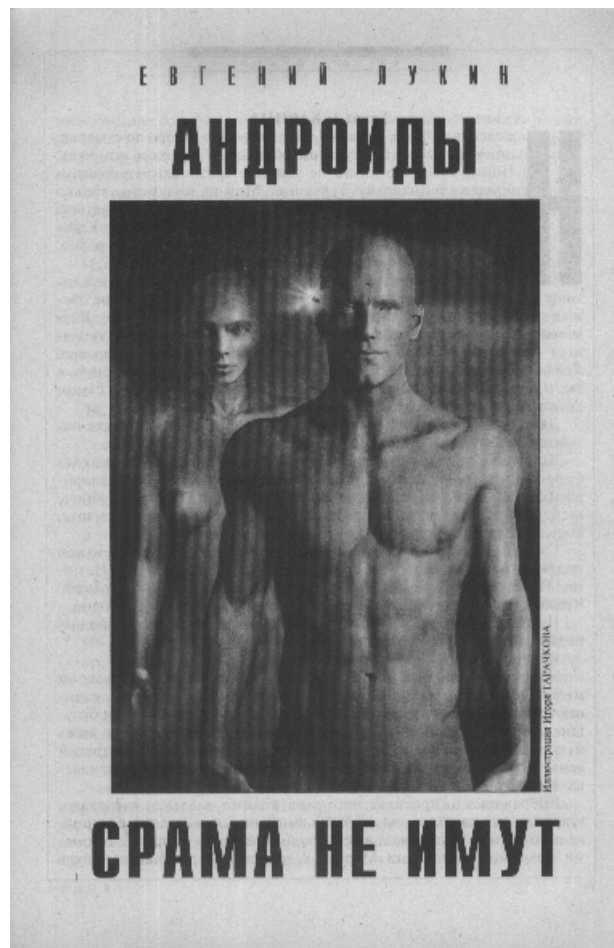

Иллюстрация Игоря ТАРАЧКОВА

Глава 1. КАРИНА

Не следовало мне, конечно, покидать свое логово до сумерек, но, как говорится, дураком родился - дураком помрешь. Понадеялся, что никто не узнает в грязноватом небритом бродяжке Володьку Турухина. Можно подумать, только у них и забот, что шастать по окраинам и всматриваться: не Володька ли это бредет Турухин, обувший нас на... Кстати, на сколько? Мне ведь теперь, как мертвому, все равно. Вешай на меня хоть миллион, хоть миллиард...

Кроме того, неизвестно еще, кто опаснее: Толиковы кредиторы или Врангель с его перочинным ножиком, которым он мне обещал перепилить ночью горло, если, еще раз увидит в подвале. Возможно, брал на испуг. А возможно, и нет - он же псих. Чуть выпьет - принимается орать о чести белого офицерства. Белогвардеец! Лебединый стан... Мочой разит за версту. Последнюю ночь заснуть я так и не смог. При мысли, что этот ублюдок подкрадется и в самом деле зарежет, становилось противно и страшно.

Даже бомжа из меня порядочного не вышло. Интересно, как называется следующая степень падения? Покойник? Да, видимо.

Кстати, чем не выход? Лечь на асфальт и помереть. И никаких тебе проблем... Только ведь не помрешь. Дурак-то ты дурак, а со здоровьем все в порядке. Как и свойственно большинству дураков. Иначе не пережить бы нам с тобой, Володька, этих полутора недель марта, больше похожего на февраль.

Господи, мысленно скулил я, бредя по вымощенному новенькой плиткой тротуару, ну что мне стоило тогда сказать твердое нет? Не поеду! Ничего никому передавать не буду! Задолжал - сам и возвращай! Крепко, видать, запутался шурин, если свояка пришлось подставить... На стене дома бросала вызов неизвестно кому художественно выполненная надпись: «Я тоже робот». И ты тоже, да?..

Надпись расплылась, и я обнаружил, что глаза у меня на мокром месте. Очень было жаль себя. А тут еще апрель. На каштанах покачиваются какие-то светло-зеленые кочанчики: то ли почки, то ли будущие свечки. Теплынь. Заскорузлое чужое пальтишко и вязаную лыжную шапочку (теплую куртку с капюшоном у меня увели на третий день) я сбросил на урну в скверике. Поступок сумасшедшего человека. Ночью пожалею, но будет поздно.

Выбравшись на проспект, чего тоже, видимо, делать не следовало, и пройдя уже квартала два, обратил внимание, что вровень со мной, не обгоняя и не отставая, движется черная легковая машина с темными зеркальными стеклами. Марка... А черт ее разберет! Какая-нибудь иностранная. Ничего в них не понимаю и вообще ненавижу. Не зря же пишут, что в авариях больше гибнет людей, чем от бомбежек. Да и положено мне их ненавидеть - в силу своего нынешнего социального статуса.

От греха подальше свернул в переулок. Машина свернула следом. Остановился. Машина тоже остановилась - глянцевая, слепая, неотвратимая, как судьба.

Так... - беспомощно подумалось мне.

Мыслей об избавительнице-смерти будто и не бывало. Нестерпимо захотелось жить. А бежать некуда. Ни подъезда нигде, ни арки.

Слабенько теплилась одна-единственная надежда, что это все-таки совпадение. Задействовать ради моей скромной персоны столь крутую тачку? Куда логичнее было прислать обшарпанную колымагу с двумя мордоротами и багажником потеснее...

Минутку! А откуда бы они узнали, где я сейчас нахожусь? Об этом даже Танька не знает!

Да, тогда все увязывается. Ехали по своим делам - и вдруг, глядь, ковыляет по тротуару тот самый поганец. Как кстати!

Тем временем боковое стекло чуть приспустилось - ровно настолько, чтобы я мог слышать приказ.

- Садитесь, - прозвучало оттуда.

Обращались ко мне. Больше не к кому. До ближайшего прохожего -

шагов двадцать... Но почему на «вы»? Издеваются?..

Вот и все. Вот и кончилась твоя извилистая, бессмысленная жизнь, милый мой и единственный Володенька Турухин.

Обреченно поплелся к задней дверце. Ну и как теперь со мной поступят? Взять с меня нечего... Продадут в рабство? Расчленят на органы? Забьют до смерти колами? Нет. Колами - дурной тон... Бейсбольными битами.

Не сразу разобравшись с хитро устроенной ручкой, точнее с ее отсутствием, открыл, со страхом заглянул внутрь - и ничего не понял. За рулем восседала незнакомая надменная дама, а больше никого в салоне не было.

- Добрый день, - произнесла она звучным контральто, причем слово «день» отдалось подобно удару колокола.

- Д-добрый... - с запинкой отозвался я.

- Сядьте и закройте дверцу.

Наверное, следовало кинуться наутек. До первой подворотни, а дальше ищи-свищи. Но я подчинился. Опять. Как всегда. Опасливо, бочком (еще испачкаешь, не дай бог) устроился на краешке заднего сиденья, послушно закрыл дверцу, и навороченная тачка тронулась. За тонированными стеклами поплыл смуглый апрель.

- Простите... - просипел я.

- За что? - равнодушно осведомилась автовладелица.

- Н-ну... - Я замолчал.

А не сошел ли я, братцы мои, с ума? Кстати, весьма правдоподобное объяснение. Неуравновешенная психика, стрессовая ситуация - вот и вообразил себе миллионершу, влюбившуюся с первого взгляда в прохожего люмпен-пролетария. В зеркальце отражалось ее брюзгливое холеное лицо. Холодноглазое, поджатогубое. Мог бы и кого посимпатичнее вообразить, помоложе...

- Представьте, будьте добры, - сказала она.

- Турухин Владимир Сергеевич, - хрипло отрапортовал я. Как на допросе. Потом ужаснулся: ну не придурок ли? Мог бы ведь и по-другому назваться...

- Паспорт при вас?

- Вот... - Терять уже было нечего. Достал сложенный вчетверо пластиковый пакет. Зачем-то извлек документ, открыл, протянул.

- Нет, пока оставьте у себя, - благосклонно разрешила она, бросив быстрый взгляд на фотографию. - Чем занимаетесь, Владимир Сергеевич?

Я отважился на горькую ухмылку.

- Бомжую...

- Давно?

- Вторую неделю...

- Что-то вы легко одеты для бомжа, - заметила она. - Ни куртейки, ни

пальтеца...

Ишь, как чешет! «Куртейки», «пальтеца»... С этакой, знаете, барственной снисходительностью.

- Было пальто, - нехотя признался я. - В парке оставил...

- Такое пальто, что даже уже и не грело?

- Грело... Грязное просто, рваное... Ну и оставил.

- Любопытно. А в бомжи-то вы как угодили, Владимир Сергеевич?

- Подставили...

- Каким образом?

- Н-ну... - Я несколько растерялся. - Брат жены попросил отвезти долг...

- По-родственному?

- Д-да... По-моему, он с ними просто боялся встречаться...

Меня самого удивляло, с какой откровенностью я все это ей выкладываю. В подвале-то молчал... Как же тебя, Володенька, оказывается, легко расколоть! Одна роскошная тачка, одна интеллигентная дама, один вежливый, сочувственно заданный вопрос - и ты уже растаял.

- Отважный вы человек...

- Нет, - сказал я. - Не отважный. Я их тоже испугался, как увидел...

- Та-ак... Дальше?..

- Вскрыли они пакет, а там то ли мало денег было, то ли вообще не было... Стали угрожать. Ну и я, словом... убежал...

- Сразу в бомжи?

- Н-нет... Сначала к Таньке.

- Танька - это жена?

- Да...

- Почему не к друзьям?

Ничего себе вопросец! Я запнулся. Почему не к друзьям?.. Да, наверное, по причине отсутствия таковых...

- Понятно, - сказала дама. - И что жена?

- В истерике. Оказывается, Толик... Ну, шурин... Словом, он ей позвонил и сказал, что это я его подставил...

- Вы - его?

- Да.

- И как он все это потом объяснил?

- Никак. Потом он исчез. По-моему, даже раньше меня...

- Почему не обратились в полицию?

- Они сказали, что у них в полиции все схвачено...

Я говорил, а сам пытался уразуметь, куда же это мы, собственно, едем. Такое впечатление, что никуда: чертили неторопливые причудливые петли вокруг бывшего заводского дворца культуры - ныне Дома юстиции.

- Расскажите о себе подробнее...

- Зачем?

Ответа не последовало. Делать нечего, облизнул губы и снова принялся излагать. С пятого на десятое. Выпускник педуниверситета. По специальности не работал. Сначала в одном офисе прозябал, потом в другом, в третьем. Пока не угодил в дурацкую эту историю.

- Кому задолжал ваш шурин?

- Не знаю. С виду быки какие-то. Криминалитет...

- Долг большой?

- Н-ну... тысяч триста... - сказанул я наугад.

Сумма была воспринята с полным безразличием. Возможно, показалась смехотворно малой.

- Курите?

- Н-нет, спасибо...

- Курили?

- Да, но... бросил. Года два назад. А к чему все это?

Такое впечатление, что вопроса моего она не расслышала.

- И жена вас не ищет?

- Вряд ли. Брата, может быть, ищет... Он у них в семье младший. Любимчик... Тем более с Танькой мы в разводе...

Высоко нарисованная бровь (я видел это в зеркальце) дрогнула. Впервые. Кажется, дама была слегка позабавлена моим ответом.

- Когда ж это вы успели?

- Полтора года назад... Потом опять сошлись. Хотели снова расписаться, но все как-то вот...,

- Высокие отношения... - пробормотала она. Краешек рта изогнулся в некоем подобии улыбки. - Особые приметы?

- Чьи? - не понял я.

- Ваши. Шрамы, татуировки, дырки от пирсинга...

- Нету.

- Под следствием были?

- Ни разу...

О чем она спросит еще? Страдаю ли я эпилепсией? Что думаю о роботах-андроидах?

Ни о чем не спросила. Ни с того ни с сего заложила крутой поворот и дала по газам. Блуждание по окрестностям бывшего дворца культуры кончилось - мы явно куда-то направлялись. Похоже, решение о моей дальнейшей судьбе было принято.

- Можете звать меня Кариной Аркадьевной, - милостиво позволила она.

- Куда вы меня везете?

- К себе.

- Зачем?

- Будете сторожить мою дачу. Если вы, конечно, не против. Если против, могу высадить прямо сейчас.

* * *

Сторожить дачу? Извините, не верю. Кто же так нанимает сторожа? Она что, никому другому столь серьезного дела поручить не могла? За каким лешим нужно было самой колесить по городу, высматривая подходящую, на ее взгляд, кандидатуру? Нет, я понимаю, у каждого своя придурь, но всему же есть предел. И несолидно, и...

Пока я судорожно размышлял в таком духе, путешествие наше кончилось. Приехали.

Особнячок был невелик, но крут. Крутехонек. Достаточно сказать, что фасад его состоял из диких камней, притертых друг к другу вплотную. Бумажки не просунешь. Раньше такую кладку могли себе позволить только древние инки. Потому что использовали рабский труд.

Уж не это ли архитектурное сооружение она именует дачей? Да нет, вряд ли - мы же в черте города.

Узорчатые железные ворота художественнойковки, подчиняясь нажиму кнопочки пульта, разъехались в стороны сами. Точно так же сама поднялась и металлическая шторка гаража. Автомобиль скатился по бетонному пандусу в полуподвал, тускло вспыхнули матовые лампы.

Мы вышли из машины и посмотрели друг на друга. Она - оценивающе, я - ошалело. Благодетельница моя оказалась рослой особой лет пятидесяти, осанистой, одетой с вызывающей скромностью, иными словами, очень дорого. Этакая стареющая фотомодель, спортивная, подсохшая, почти пергаментная. Рядом с ней я особенно остро ощутил себя невзрачным замухрышкой в отрепьях. Хорошо хоть пальто и вязаную шапку со всеми их дырами в сквере оставил.

- Пойдемте, - велела загадочная Карина Аркадьевна и направилась к винтовой лестнице, ведущей из гаража на первый этаж. Я подчинился.

- Ванная - там, - указала она. - Прикид свой будьте добры отправить в мусорный бак... Халаты - в шкафу. Приведете себя в порядок - поднимайтесь в гостиную...

Ой не сторож ей, братцы, нужен, ой не сторож... Во что же это мы с тобой, Володенька Турухин, опять вдряпались? И главное - выложил ей все как на духу! Кто тебя за язык тянул?

Веселенький выбор: перочинный ножик Врангеля или зловещая пергаментная матрона с непонятными и, возможно, садистскими поползновениями... Вряд ли она связана с Толиковыми кредиторами, но, как ни крути, все ее предыдущие вопросы сводились к одному: будут ли меня в случае чего искать? Только вот насчет курева не совсем понятно... Курево-то здесь при чем?

Такое ощущение, что, кроме нас двоих, в особнячке ни души. Смелая дама. Подобрать в переулке одичавшего самца - свихнуться можно! Да я бы уже в машине мог ее грабануть и изнасиловать - в порядке

классовой борьбы... А держится самоуверенно - похоже, вообще ничего не боится. Должно быть, особнячок поставлен на охрану, сигнализация кругом. Да и оружие, наверное, под рукой...

Я отчетливо обонял запах бесплатного сыра и хорошо помнил, чем это чревато. Сиживал в мышеловке, сиживал...

Стоило, однако, очутиться в ванной, все мои сомнения и страхи сменились ликующей бесшабашностью. Да за такую ванну, пусть хоть к стенке приковывает, хоть хлыстом стегает! Я и раньше-то ничего подобного этакой роскоши в глаза не видел - даже в дни относительного благополучия. А уж последний месяц... Лучше не вспоминать: мылся почленно холодной водой из-под крана и то не каждый день...

Когда десять-пятнадцать минут спустя (и дольше бы блаженствовал, да неловко) чистый, выбритый, благоухающий, ничем уже не напоминая подобранного в переулке бродяжку, я в махровом халате и мохнатых шлепанцах взошел в сумрачную гостиную с задернутыми шторами, Карина Аркадьевна ждала меня в кресле возле стеклянного стола, на коем располагались темная коренастая бутылка квадратного сечения, два фужера и какая-то снедь. Жратва! Боже мой, жратва! Второе кресло стояло напротив.

Я думал, мне предложат присесть, и, как водится, ошибся.

- Снимите халат, - предложила она.

Я обомлел. Стало быть, все-таки... А мы с тобой, оказывается, Володенька, даже в затрапезном виде способны произвести впечатление! Хотя бы на зрелых дам... Я был приятно поражен и, как следствие, резко поглупел. Пропади оно все пропадом! В любовники - так в любовники... Кстати, под халатом у меня не было ничего. Прикид сгинул в мусорнике, а мужского нижнего белья в шкафу не обнаружилось.

Не то чтобы меня до безумия возбуждала ее изможденная диетой и тренажерами плоть или там хотелось отомстить Таньке, однако мысль о сексе на чистых сухих простынях опьянила. Даже голод прошел. Отважно сорвав махровый халат, я бросил его на спинку кресла, после чего был поражен снова - на этот раз весьма неприятно.

Среди прочего на толстой стеклянной столешнице возлежал электрошокер. Странно, что я заметил его только сейчас.

Сами понимаете, стало как-то сразу не до секса.

- Повернитесь, - с интонациями врача призывной комиссии велела Карина Аркадьевна. - Поднимите руки. Еще раз повернитесь. Еще раз... Можете одеться.

Рукава халата были вывернуты, поэтому я сначала надел его наизнанку. Пришлось переоблачаться.

- Действительно, ни единой особой приметой, - задумчиво молвила она. - Да вы присаживайтесь, Владимир Сергеевич, чего стоять? Ну, с

татушками понятно. А как же вы от шрамов-то убереглись?

- Как-то вот уберегся... - сипло сказал я, присаживаясь.

- Приступайте... - Она указала глазами на коренастую бутылку темного стекла.

Я освободил горлышко от пластика, вынул тихо пискнувшую пробку и отмерил в каждый фужер граммов по сорок.

- Вы всегда по столько разливаете?

Почему-то меня подкупил этот ее вопрос. Уж больно попросту он был задан. С интимной, я бы сказал, теплотой. Мне стало вдруг легко и просто с Кариной Аркадьевной. Помани мизинчиком - ей-богу, пошел бы за ней в альков. Несмотря на электрошокер.

- Да я уж забыл, когда в последний раз разливал... - смущенно признался я. - В подвале мне таких ответственных дел не доверяли. Да и вообще сторонились...

- Верю, - сказала она. - Но мне кажется, вы и до подвала были белой вороной. Откуда в вас эта старомодность, Володя? Вы довольно молоды...

- Воспитание... - с неохотой ответил я.

- Тогда за встречу.

Мы пригубили напиток, оказавшийся ликером «Куантро». Дорогущее, помнится, пойло...

- Почему не залпом? - поинтересовалась она.

- А надо?

- Н-ну... все-таки полторы недели без спиртного...

- Что ж полторы... Могу и больше.

Деликатно взял грушу и, не устояв, слопал целиком, Окончательно утратил стыд и взял вторую.

Благодетельница моя покачивала фужер, задумчиво разглядывая поверхность прозрачного маслянистого напитка, словно проверяя, в любом ли положении она параллельна земле.

- Кажется, вы мне подходите, Владимир Сергеевич, - сообщила наконец Карина Аркадьевна.

Глава 2. ДАЧА

Вы не поверите, но она действительно отвезла меня утром на дачу. Всего ожидал: появления этих жутких братков, которым я вручал пакет, ритуального убийства, где мне, конечно же, предназначалась высокая роль жертвы, известия о том, что я потомок древнего рода и единственный наследник, но дача...

Дача меня поразила больше всего. Я-то предполагал увидеть нечто, подобное тому же особнячку: высокий полет архитектурной мысли, ландшафтный дизайн, а увидел одноэтажную кирпичную коробочку

под замшелым шифером, кое-где даже дырявым. Дверь - железная, ставни - тоже. И то, и другое слегка уже тронута ржавчиной, однако выглядит поновее стен и крыши.

Располагалось имение у черта на куличках - добирались на внедорожнике. Всего там насчитывалось участков восемь, но этот был самый запущенный. Просто кусок степи, огороженный где штакетником, где врытыми и прикрученными друг к другу проволокой кроватиными грядушками. Естественно, ни клумб, ни грядок - прошлогодний бурьян, весенняя травка и безнадежно засохшие плодовые деревья. Цвела одна абрикосина, и то не вся.

- Вы убеждены, что это надо охранять? - спросил я в замешательстве.

На мне, кстати, были джинсовый костюм, рубашка, свитерок, высокие ботинки со шнуровкой на крючках. Не шибко дорогое, но все новенькое, все с бирками. Можно подумать, Карина Аркадьевна заранее знала размеры моей одежды и обуви.

- Убеждена, что не надо, - сказала она, и мы прошли за штакетник, скорее отведя, нежели отворив, болтавшуюся на одной верхней петле калитку.

- А-а... зачем же тогда? - недоумевал я, следуя за хозяйкой по ведущей к дому узкой кирпичной дорожке, застеленной местами обрывками ветхого линолеума.

- Хотите обратно в подвал? - усмехнулась она.

- Пожалуй... нет.

- Вот и я так думаю. А здесь у вас какая-никакая крыша над головой...

Вот оно что! Благотворительность. Всего-навсего благотворительность. Увидела, пожалела, решила оказать покровительство.

Честно говоря, это был наиболее безопасный и выгодный для меня вариант даже в том случае, если платить сторожу не станут. И все же какво разочарование!

Клочок земли перед домом кто-то уже явно пытался окультурить, но то ли ему не хватило на это сил, то ли времени. Интересно кто? Мой предшественник? Подобранный, пригретый... Любопытно, какова была его дальнейшая судьба?

Мы отперли железную дверь, включили пустой холодильник, после чего я был послан в джип за продуктами.

- Обживайтесь, Владимир Сергеевич, обустраивайтесь... - пожелала напоследок любезнейшая Карина Аркадьевна. - Через недельку заеду, завезу харчей...

- Только охранять или?..

- Это уж как вашей душе угодно, - отозвалась она и отбыла восвояси.

Я остался один.

Велено обустроиваться - будем обустроиваться. Изнутри новое мое жилище имело форму глубокого длинного ящика с дверью в торце и двумя окошками слева. Под одним окном - голый стол, под другим - газовая плитка с баллоном. У противоположной стены - железная койка, в дальнем правом углу - старый платяной шкаф. Про холодильник я уже упоминал. Все. Ах да, еще рукомойник у входа. Телевизора нет.

Присел на койку, задумался.

Ну, допустим, благотворительность... Тогда как прикажете понимать допрос в машине, медосмотр в особняке? Совместное распитие с будущим дачным сторожем дорогого ликера... Что это было?

Я вышел из дому - и недоумение мое усилилось. Особняк и дача совершенно не сочетались. Ну не могли они принадлежать одному и тому же владельцу... Отомкнул сарайчик, вдохнул запах плесени, поглядел на вспучившийся дощатый пол, на сваленный в углу садовый инвентарь, замкнул снова. В туалет и душ заглядывать не стал. Оба шедевра народного деревянного зодчества почернели от дождей и обрели заметный крен. Словно бы отшатнулись в ужасе друг от друга.

Да, охрану таких объектов абы кому не поручишь. Доверить их можно только бывшему офисному работнику без вредных привычек: некурящему, не пьющему залпом, несколько старомодному и - первое условие - без особых примет.

Что-то тут не так, что-то тут, братцы, не так...

Или я уже стал пуганой вороной, что куста боится?

Раньше надо было пугаться! Полторы недели назад, когда пакет принял от Толика...

Выбрался за калитку, побродил по округе и вскоре убедился, что охранять здесь не только нечего, но и не от кого. Степь да степь. Пруд с обрывистыми краями - видимо, искусственный. Цепочка хилых столбов, ныряя по ложбинам, уходит куда-то в никуда. Отвечай я за некий сильно секретный эксперимент, лучшего бы места для него не нашел. На грунтовой дороге следы от нашего (от нашего!) джипа - других отпечатков не видеть.

И нигде ни души. Возможно, ходил сюда раньше дребезжащий разболтанный автобусик, а потом маршрут отменили. Дачники распродали участки - ну и... Хорошо. Допустим, вложила она деньги в землю. Но это ж надо ума лишиться, чтобы в такую землю деньги вкладывать!

Вот я и думаю: а не обратиться ли нам, Володенька, куда-нибудь в никуда? Подобрать-поздорову. Вдоль линии электропередач, а? Пока не поздно... В том-то и штука, что поздно! Куда ты уберешься - без паспорта?

* * *

Наутро успокоился. Вышел ранехонько за калитку, а там солнце на краю степи алой юртой стоит. В лиловой дымке. Посмотрел я на него, посмотрел и почувствовал себя таджиком-гастарбайтером. Вспомнил вчерашнюю свою подозрительность - сам себе подивился. Ну сдвинулась баба под старость, бывает! Подавай ей не просто униженного и оскорбленного, а униженного, оскорбленного, покладистого и с высшим образованием... Конечно, дача - не особняк, но ведь и не подвал в конце-то концов! Койка есть, одежда есть, продукты кончатся - завезет. Главное, что Врангеля нет, нарывучего и неблагоуханного, да и кредиторы Толиковы не достанут.

А что паспорт отобрала... Ну так всё гастарбайтеры без паспортов живут. Ты-то чем лучше?

С такими вот мажорными мыслями я и начал обустроиваться и обживать. Для начала откинул окованную жестью крышку посреди участка и обнаружил под ней неглубокий приямок с торчащей из грунта обсадной трубой. Скважина. Не иначе - дело рук прежних хозяев.

Насос, шланги, клапан и моток электропровода отыскались в сарае. Должно быть, Карина Аркадьевна покупала дачу с условием ничего не вывозить, оставить все как есть. Полдня ушло на сборку, прокачку, отладку. К полудню скважина заработала, и я принялся отпаивать изнемогающий от жажды абрикос.

Робот-андроид, с привычным унынием думал я. Просто робот, как и все офисные служащие. Роботом был, роботом остался. Велели сесть в машину - сел. Велели снять халат - снял. Велели передать пакет...

Да и чем, собственно говоря, наш житейский опыт отличается от компьютерной программы? Только тем, что грузится очень медленно и глючит чаще. А коли так, то вывод один: мы просто дефектные роботы. И не вздумайте вешать мне на уши лапшу относительно духовности или там глубокого внутреннего мира... Прикажут под угрозой увольнения пойти и проголосовать - пойдешь и проголосуешь. И где она, твоя духовность? Где он, твой внутренний мир?

А вот яблоню мне, пожалуй, не отлить. Сухая - аж звенит...

В подобных трудах и размышлениях я и провел неделю.

* * *

И был вечер, и было утро: день седьмой. Или шестой. Со счета я, честно говоря, сбился. Сотовым телефоном меня работодательница снабдить забыла. Зря! Не дай бог что стряется - как сигнализировать? До ближайшего села, по ее словам, полтора часа ходьбы, и располагается оно вон за тем холмом, а до него тоже чапать и чапать... Хотя чему тут стрястись? Разве что концу света. Так об этом

сигнализируй, не сигнализируй...

Часть изгороди, ту, что из кроватных грядущек, я сгоряча решил заслонить плетнем. Угнетали они мое эстетическое восприятие. Почему бы мне, в самом деле, не поучиться плести плетень? Взял секатор, сходил в низинку, нарезал лозы. Земля возле грядущек была влажная, нарочно вчера заливал. Вбил четыре кола, а вот до пятого очередь так и не дошла. На том месте, куда я собирался его вколотить, произрастало нечто, принятое мною поначалу за одинокую поганку на тонкой прямой ножке. Хотел сшибить пинком, потом вдруг раздумал, присел, всмотрелся. Да нет, никакой это не гриб - вообще не растение. Просто шарик на стержне... В следующий миг он повернулся, подобно главному яблоку, и уставил на меня крохотную линзу.

Я, как был на корточках, так и окоченел. Стало быть, не зря мерещилась мне во всей этой истории некая чертовщина. Как это ни дико, но получается, что каждый мой шаг отслеживали! Домишко, душ, сарай, сортир - не более чем декорации. А реальность - вот она, пялится на меня крохотным зрачком объектива. Сколько еще таких видеокамер растыкано по периметру? Сколько в это вбухано денег? Да уж, наверное, побольше, чем стоит сама дача! В правой руке у меня была кувалдочка. На секунду возник исступленный соблазн одним ударом вогнать электронную дрянь в мягкую от полива землю. И пусть кто потом докажет, что я нарочно!

Из оцепенения меня вывел автомобильный сигнал за штакетником. Значит, все-таки день седьмой, а не шестой. Барыня пожаловать изволила. Харчишек привезла. Как вовремя! Поднялся с корточек и, несколько угрожающе поигрывая кувалдой, двинулся к калитке. Слава богу, сообразил приостановиться и оставить инструмент у сарая. А то еще, чего доброго, не так поймет. За выражение своего лица я бы в те мгновения не поручился.

Карина Аркадьевна посмотрела на меня с любопытством. Во всяком случае, мне так показалось: на барыне были темные очки. Не любила она прямого солнечного света. Поздоровались, провел на охраняемую территорию. Шла и оглядывалась, словно бы дивясь тому, сколько я тут всего наворотил.

- Вы не из крестьян приходите, Володя? - осведомилась она.
- Горожанин в третьем поколении, - сказал я, пристально на нее глядя.
- Откуда же такая тяга к земле?
- Так...
- Хороший ответ, - одобрила она. - Главное - исчерпывающий...

Давайте-ка присядем, потолкуем.

С обеих сторон стола имелись две опять-таки врытые в землю скамеечки. На них мы и расположились друг напротив друга. Я посередке, а она почему-то с краешку, словно бы ждала кого-то еще, кто скоро подойдет и присядет рядом. Подробность эта меня

встревожила, что, впрочем, неудивительно: после обнаружения видеокамеры мнительность моя резко возросла.

- Рада, что я в вас не ошиблась, - после краткого раздумья промолвила Карина Аркадьевна.

- То есть дачу мне доверить можно? - уточнил я.

Улыбнулась краешками губ.

- Дачу я вам доверила неделю назад, - напомнила она. - Удивительный вы человек, Владимир Сергеевич! Неделю без людей, без книг, без телевизора... Ну, без книг, без телевизора - понятно, вы уже привыкли, наверное. А вот без людей...

- Зато с видеокамерами, - обронил я как бы ненароком. - Чуть было не растоптал одну... сегодня...

Надеялся, что она смутится хотя бы.

- Ну и растоптали, бы! - беззаботно сказала Карина Аркадьевна. - Бойтесь, из жалованья вычту?

- А что, и жалованье будет?

- Возможно, - уклончиво отозвалась она. - Больше всего меня поражает, что вы ни разу не выбрались в село. Другой на вашем месте давно бы уже сгонял за водкой...

- Туда полтора часа идти.

- Подумаешь, полтора!

- И не на что.

- Ну как это не на что? Полон сарай инвентаря.

- А совесть?

- Для настоящего мужчины это не помеха, - со знанием дела заметила Карина Аркадьевна. - Для настоящего современного мужчины ничто не помеха...

- От людей устал, - честно признался я.

- Понимаю... - с сочувствием сказала она. - И все-таки, согласитесь, целую неделю в полном одиночестве...

- Что ж такого? Было чем заняться, было о чем подумать...

- О чем?

- Да мало ли...

- Ну, например?

Кажется, барыня затевала очередной допрос. Странная дама, что ни говори.

- Например, об андроидах, - брякнул я и лишь пару секунд спустя обратил внимание, что за столиком нашим стало тихо. Карина Аркадьевна сидела, чуть отшатнувшись и уставившись на меня во все глаза. Даже очки сняла.

- О ком?.. - Мне почудилось, что голос ее дрогнул.

- Об андроидах, - озадаченно пояснил я. - В смысле о человекоподобных роботах...

- Почему?

- Так... Видел однажды по телевизору.
 - И что?
 - Да ничего. Сидит манекен, ногой качает. Моргнет иногда...
 - И вы об этом думали?
 - Ну, не совсем об этом...
 - Тогда о чем? Вот привязалась!
 - О том, что лучший андроид - это я. И моргать умею, и ногой качать...
- А пусть кто-нибудь из них скважину запустит!

Похоже, Карина Аркадьевна была потрясена. Еще секунду она сидела ко мне лицом, утратив дар речи, потом внезапно предъявила профиль и воззрилась в пустоту над скамейкой, словно вопрошая о чем-то воображаемого собеседника. И такое впечатление, что воображенный ответил ей утвердительным кивком.

- Знаете, - сказала она, снова поворачиваясь ко мне и недоверчиво покачивая стильной пепельной стрижкой, - если бы я всю неделю не наводила о вас справки, я бы сейчас решила, что вы кем-то подосланы...

Глава 3. ОБМЫЛОК

В зеленеющей, полупрозрачной кроне пирамидального тополя незримая иволга издала игривую причудливую трель. И тут же заорала драной кошкой. Со стороны запросто могло показаться, будто это две разные птицы. Семейная пара.

- Справки? - беспомощно переспросил я. - Вы что... встречались? С ними?!

- Да, - подтвердила моя благодетельница. - Вас до сих пор ищут, Володя. Супругу вашу дергали несколько раз, пытались выяснить, где вы находитесь. Похоже, их больше интересует ваш шурин, но вам от этого, поверьте, ничуть не легче. Все уверены, что вы с ним заодно...

Я сидел ни жив ни мертв.

- Конечно, скрываться можно и здесь... - успокоила она. - Я не против. Живите на здоровье. Место, как видите, глухое... Но, предупреждаю, будут трудности. С отоплением тут не очень. На зиму свет отключают...

Карина Аркадьевна умолкла и выдержала паузу, в течение которой разглядывала меня с той же пристальностью, что и в особняке, когда проверяла, не соврал ли я относительно особых примет. Потом не выдержала - рассмеялась.

- Значит, говорите, лучший андроид - это вы? Потрясающе! Неприхотливы, исполнительны, способны к самообучению...

- И почти не требую затрат, - хриповато прибавил я.

- И почти не требуете затрат... - согласилась она. - Тогда как насчет того, чтобы поработать андроидом?

- А я кем, по-вашему, работаю?

- Сторожем.

- В чем разница?

- Разница?.. - Она задумалась на секунду. - Разница в том, что вы сейчас трудитесь бесплатно. За харчи... Тысяча рублей в день вас устроит?

Тысяча рублей в день? Это, стало быть, тридцать тысяч в месяц. Ну, для провинции, пожалуй... Обнаглел! Обнаглел гастарбайтер... Вчера еще червонцу был бы рад!

- Что за работа? - прямо спросил я.

- Я же сказала: андроидом.

Ладно. Андроидом так андроидом. Пусть хоть горшком называет, лишь бы в печь не сажала.

- А условия?

- Примерно такие же. Может, чуть получше. Свежий воздух, мягкий климат, умеренные физические нагрузки... Но главное, что вы там будете чувствовать себя в полной безопасности. Мне кажется, для вас это оптимальный вариант.

- Укрываете беглого преступника?

Она поморщилась.

- Не морочьте голову, Володя! Тоже мне преступник выискался! Дело не заведено, ищут вас в частном порядке... Что скажете?

- Работа постоянная, временная?

- Полностью зависит от вас. Сколько продержитесь.

Последняя фраза прозвучала зловеще. Куда же это нас с тобой, Володенька, сватают? Уж не в горячую ли точку?

- А бывает, что и...

- Бывает, - завершила она. - Но вам это, думаю, не грозит... Вы, насколько я могу судить, шизоид с легким раздвоением личности: беседуете мысленно сами с собой, возможно, даже обращаетесь к себе на «ты»... А есть люди, которые и минуты не могут пробыть в одиночестве, подавай им слушателя! Вот таким эта работа при всей ее соблазнительности категорически противопоказана.

- Смотрителем каким-нибудь? - предположил я.

Карина Аркадьевна взглянула на меня с сожалением.

- Не разочаровывайте меня, Володя, - попросила она. - Вы казались мне таким сообразительным... Да! Забыла спросить: на голове у вас, надеюсь, шрамов нету?

- Нету, - сказал я. - А если бы были?

- Тогда бы все сорвалось. Первое условие: никаких шрамов.

- На голове-то? Кто там что разглядит - под волосами?

- Голову придется обрить наголо.

- Та-ак... - вымолвил я. - Прикольненько... Что мне еще придется обрить наголо?

- Все, - сказала она. - Все волосяные покровы.

Некоторое время я таращился на Карину Аркадьевну, надеясь, что та улыбнется. Не улыбнулась. Взялся за внезапно загудевшую лобную кость. Кусочки смальты сложились воедино, однако мозаика вышла настолько бредовой...

- Вы что, с ума сошли? - заорал я, напроочь забыв, кто здесь кто и чей у кого хранится паспорт. - Вы что, всерьез хотите впарить меня кому-то вместо...

- Владимир Сергеевич, - утомленно сказала она. - Я так надеялась, что хоть вы обойдетесь без восклицаний...

Хоть вы? Очень мило...

- Так я вдобавок не первый?!

- И не последний, надеюсь... Да, представьте! Именно это я и собираюсь сделать. Впарить вас вместо. Только, пожалуйста, не кричите так больше...

- Извините... - сказал я, нервно хихикнув. Не удержался и добавил полупрошепотом, как бы по секрету: - Да на всей Земле не найдется придурка, чтобы принял меня за...

- На Земле - да, - не дослушав, спокойно согласилась Карина Аркадьевна. - На Земле, пожалуй, не найдется...

Братцы, да она ненормальная! Как же я сразу-то не врубился? Все ясно: вышла на контакт с инопланетными цивилизациями... Ку-ку! Вот только видеокamеры... Хотя и они тоже вполне вписываются в общую картину... заболевания...

Высказать это барыне вслух я, понятно, не дерзнул, поэтому решил обойтись без слов: выразительно посмотрел на сарай, на отшатнувшиеся друг от друга душ с туалетом, потом оглянулся на полупрозрачный тополь, где незримая иволга продолжала изображать семейную сцену... Дескать, опомнитесь, дамочка! Вы в каком мире живете? Вот дом, вот изгородь из кроватных грядущек... А вы о чем?

- Обмылок!.. - злобно прошипела Карина Аркадьевна. - Я же вас просила...

Обмылок? Почему обмылок? Я обернулся к ней в смятении и обнаружил, что окрик адресован вовсе не мне. Рядом с разгневанной хозяйкой дачи сидел невесть откуда взявшийся некто в эластичном трико и с таким, знаете, волдырем взамен головы. Фигура казалась отлитой целиком из гибкого серого стекла. Ни пуговики нигде, ни застежки.

Вне себя от бешенства Карина Аркадьевна потрясала кулачками перед гладким округлым рылом сидящего.

- Вы соображаете вообще, что творите? Я же сказала: только по моему сигналу! Какого черта?..

Тот сидел неподвижно. Возможно, тоже оцепенел.

- Ну и что теперь?! - В ярости Карина Аркадьевна была страшна.

Никогда не считал себя храбрецом, однако, должен признаться, поначалу испуга вообще не почувствовал. Оступение - да, было. Не знаю, сколько бы оно еще продлилось, но тут Карина Аркадьевна, спохватившись, подалась через стол, вцепилась мне в запястье.

- Спокойно, Володя, спокойно...

. И по спине моей наконец пробежали мурашки.

- Расслабьтесь, Володя... - заклинала она. - Расслабьтесь... Ну будьте же мужчиной, ну!..

«Для настоящего мужчины совесть не помеха...» - внезапно всплыла в памяти недавняя ее фраза.

- А чо муму тянуть?.. - надменно и гнусаво послышалось вдруг из волдыря-головы. - Типа нормальный пацан...

Я обмяк. Во-первых, слишком уж неожиданно это прозвучало, а во-вторых, точно с такими же интонациями со мной беседовали месяц назад Толиковы кредиторы.

- Он просто в скафандре, Володя! - в отчаянии втолковывала Карина Аркадьевна. - Выключил мимирию - стал видимым...

- Вы... кто?.. - выпершил я, обращаясь к безликому незнакомцу.

- Конь в пальто... - все так же гнусаво и надменно отозвался он. Отнял пальцы от стола и, к моему изумлению, раскинул их веером. Серая обтягивающая оболочка была, надо полагать, тончайшей - ногти проступали.

Не веря слуху и зрению, я растерянно взглянул на хозяйку. Та удрученно поджала губы и отпустила наконец мою руку.

- Ну, что делать... - с горечью молвила она. - Прибыл он сюда в середине девяностых. Можете представить, с кем ему пришлось общаться... поначалу... А переучиваться не хочет. Понимают - и ладно...

- Как-то... дико слышать...

- Вам дико? - Она усмехнулась. - А мне какво? Я, между прочим, бывший директор школы... Вы в порядке, Володя?

- Я бы, пожалуй, выпил... - просипел я, берясь за горло.

- Разумеется, разумеется... - засуетилась Карина Аркадьевна, извлекая из сумочки крокодиловой кожи стеклянную флягу коньяка и, что уж совсем поразительно, пару мельхиоровых стопок.

Должно быть, предвидя подобную ситуацию, припасла все заранее.

* * *

- Чуткий ты больно, - говаривал мне когда-то в подпитии Толик, мой задолжавший криминалитету шурин. - Как прибор. Ты на сотую долю ватта рассчитан, а жизнь - это киловатты, мегаватты... У меня стрелка чуть качнулась, а у тебя уже зашкалила...

Конечно, он был прав. Но, с другой стороны, там, где у других стрелку

зашкалит, у меня она давно уже зашкалена. Все в обморок падают - один я, как вел себя, так и веду. Потому что давно уже в обмороке, падать некуда.

Видимо, именно эта особенность меня тогда и выручила.

Первую стопку я вопреки обыкновению ахнул залпом. Ждал, что ударит в затылок. Не ударило. Властно протянул опустевший мельхиор Карине - и, еле дождавшись, когда он станет полным, ахнул вторую.

Ударило в затылок, повело... Вот теперь можно было, не теряя интеллектуального равновесия, рассмотреть незнакомца в подробностях. Пришелец с уличными манерами был примерно моего роста и моего сложения. Особых примет, сами понимаете, не имелось.

- Как к нему обращаться?

- Обмылок.

- Простите?..

- Обращайтесь к нему Обмылок, - раздраженно повторила она. - Это кликуха. Погоняло. Как его зовут на самом деле, даже мне не известно.

А кликуха-то, между прочим, весьма точная. Гладкий, скользкий, ни единой отличительной черты. Словно и впрямь смылились.

- Слышь, Обмылок... - подавив истерический смешок, окликнул я на пробу.

- Чо надо? - осведомился он. Чем добил меня окончательно.

- Знаете что? - не выдержав, вмешалась Карина Аркадьевна. - Идите пока погуляйте. Черт бы вас драл с вашими спецэффектами! Весь разговор сломали... Зла не хватает!..

Удивительно бесцеремонное обращение с братьями по разуму! Пришелец, однако, смолчал. Потом сквозь него стали проступать очертания сарая - и несколько секунд спустя инопланетный гость растаял в воздухе. Смылился. Не иначе, мимирию включил. Или ушел в иное измерение.

- Он здесь еще? - спросил я, не решаясь протянуть руку и проверить на ощупь.

- Не знаю. Вряд ли.

- А где?

- В Караганде... - надменно и гнусаво послышалось со стороны кирпичной дорожки. Шаркнула по обрывку линолеума незримая ступня. Надо полагать, Обмылок направлялся к калитке.

Карина Аркадьевна была сильно раздосадована. Выждала, пока отойдет подальше, потом сердито досмотрела на свою непечатую стопку - и тоже ахнула залпом.

- Спрашивайте! - отрывисто приказала она.,

- Кто он? - Я замороженно смотрел на пустую кирпичную дорожку, ожидая, что отремонтированная мною калитка вот-вот сама собой откроется. Так и не открылась. Наверное, ушел через пролом на соседний участок.

- Жулик, - последовал мрачный ответ.

Я оторопел.

- В каком смысле?..

- Жулик в смысле жулик. Какой еще тут может быть смысл?

- А вы, простите?..

- А я его поделница.

- А я?!

- А вы, Владимир Сергеевич, товар. Левый андроид. Контрафакт. Бракованная продукция. Естественно, без сертификата, без гарантии... Обижайтесь, не обижайтесь...

- Чего уж там обижаться! - ошарашенно вымолвил я. - Мы - люди негордые... дачи сторожим...

- Вот и хорошо. Еще налить?

- Нет, пожалуй, хватит... - Голова у меня и так уже шла кругом. - Слушайте, а если я откажусь?

Она поглядела на меня едва ли не с грустью.

- А как вы теперь откажетесь?

И непонятно, чего было больше в этом вопросе: любопытства или соболезнования. Действительно, кто же мне позволит отказаться после того, как Обмылок вылез раньше времени и все рассекретил? Кстати, не исключено, что он сейчас обретается где-нибудь поблизости, готовый в случае чего перехватить беглеца. И справки, обо мне наведены. Стоит позвонить - нагрянут кредиторы. Поверят они, будто я понятия не имею, где их должник? Да никогда!..

Из мысленных этих конвульсий меня вывел голос Карины Аркадьевны.

- Совершенно верно, Володя... - подтвердила она. - Назад дороги нет. А с другой стороны: куда назад? Оно вам надо?

- А куда вперед? - угрюмо спросил я.

- На заработки, - последовал спокойный ответ. - Другие вон рвутся за границу, в цивилизацию, душу заложить готовы, а вы еще и кобенитесь...

- Смотря что за граница...

- Слишком дальняя, что ли? Ну так, чем дальше граница...

- ...тем больше платят? - не удержавшись, съязвил я.

Нисколько не обидевшись на мой выпад, равно как и на то, что я ее перебил, Карина Аркадьевна пожала плечами.

- Иными словами, Владимир Сергеевич, тысяча рублей в сутки вас уже не устраивает... Как насчет пяти?

Пять тысяч в день? Какие же, спрашивается, невыносимые бабки срубит на этом она сама? А уж о том, что с меня будет иметь Обмылок, и помыслить страшно! Пять тысяч...

- А-а... когда?..

- Вернетесь - рассчитаемся.

- А вернусь?

- Рано или поздно. Но лучше поздно, чем рано. В ваших же интересах. Пара месяцев - и сможете погасить долг. Триста штук - так ведь, кажется?..

Я еще раз оглядел убогий окрестный пейзаж, с которым, возможно, в двух шагах от меня неотличимо сливался инопланетный жулик в скафандре-хамелеоне. Попробовал собраться с мыслями, но все они оказались какими-то исступленно-глумливыми.

- Летающей тарелкой доставят? - натужно съерничал я.

- Вот с этим - не ко мне. Чего не знаю, того не знаю.

- А что за планета?

- Какая вам разница? Работать будете в помещении. Уверена, справитесь. Сами же сказали, что лучше вас андроида быть не может.

- А разоблачат?

- Не разоблачат. В крайнем случае решат, что глючит программа, вызовут наладчика... Догадываетесь кого?

- Его? - Я кивнул в пространство.

- Вот именно. Кто технику поставлял, тот ее и чинит. Он вам растолкует, что вы делаете не так, и считайте себя отремонтированным. Работайте дальше...

- Погодите! - взмолился я. - А кто их вообще производит? Настоящих...

Она пожала плечами. Потом воздела указательный палец и произвела им несколько неопределенных вращательных движений. Там, дескать, где-то...

- Все равно не понимаю! - упрямо сказал я. - Обмылки изготавливают андроидов... Наверняка полно специалистов. Да меня там в шесть секунд вычислят!

- Не спешите, Володя, - мягко попросила она. - Вы просто ничего еще не знаете. Все дело в том, что обмылки, как вы их окрестили, гонят андроидов исключительно на экспорт. Сами они услугами андроидов не пользуются. Когда-то пользовались, но сейчас это считается неприличным. А вот негуманоидные расы...

- Негуманоидные?!

- А что это вы вздрогнули? Какого-нибудь монстра представили? Зря... Поверьте, Володя, с негуманоидами работать легче.

- Откуда вы знаете?

- Работала... - молвила с грустной улыбкой Карина Аркадьевна. - Я ж не сразу в вербовщицы подалась...

Пришел мой черед утратить дар речи.

- И-и... к-как?.. Долго продержались?

- Довольно долго, - с достоинством отозвалась она. - На особняк хватило.

Особняк?! Ничего себе...

- И сколько вам в день платили?

- Червонец.
- А почему мне только пять?
- Ну так кризис же...

Я хорошо уже был знаком с обычаем Карины Аркадьевны ошеломлять каждой второй фразой, но это дикое сочетание происходящего с тысячу раз слышанной ссылкой на кризис повергло меня в ступор.

- Вернемся к нашим негуманоидам, Володя, - терпеливо продолжила она. - Относитесь к ним спокойнее. Никакие они не чудовища - так, явления природы. Навыки общения у вас уже есть. Скажем, дерево. Оно ведь тоже негуманоид...

Я очумело оглянулся на пирамидальный тополь. В кроне было тихо. Иволга то ли улетела, то ли примолкла.

- Но я же с ним не общаюсь!
- Не туда, - поправила она. - Лучше на абрикос посмотрите.

Я посмотрел на абрикос. Вернее, на пол-абрикоса. Засохшая ветвь была спилена пару дней назад, а срез покрыт варом.

- С ним вы общались целую неделю. Он вам: «Помоги, засыхаю...». А вы ему: «Бедняжка... Сейчас мы тебе землицу взрыхлим, водички нальем...». Именно так и говорили. Вслух.

Черт его знает, может, и впрямь говорил... А ей откуда знать? Хотя... тут же видеокамеры кругом... с микрофонами...

- Единственное, чего там следует опасаться, - многозначительно добавила она, - настоящих роботов. Лицензионных. Эти вас могут распознать запросто...

- А тот, кто меня приобретет... он будет знать о том, что я нелицензионный? - вырвалось у меня. Мысли толпились, толкались, невозможно было угадать, которая выпрыгнет наружу первой.

- Разумеется. Лицензионные гораздо дороже.
- Насколько дороже?
- Намного.
- Ну примерно хотя бы!..
- Ей-богу, не знаю...

Издаലെка донесся призывный автомобильный сигнал. Не наш. Потом снова.

- Это еще что такое? - встревожилась Карина Аркадьевна и встала. Я тоже встал.

Мы направились к калитке.

- Обмылок! - негромко окликнула она. - Что происходит?
- Какие-то бакланы на двух тачках прибыли... - лениво известил ниоткуда наш незримый поделщик.

- Сюда? - не поверила Карина Аркадьевна и ускорила шаг. - Не может быть... - бормотала она на ходу. - Ну не следили же они за мной...

Мы выглянули за штакетник. Непонятно, почему они остановились в самом начале улицы вместо того, чтобы сразу подъехать к нашему

участку. Ошибиться невозможно: напротив калитки стоял Каринин внедорожник. Тем не менее тормознули метрах в пятидесяти от цели и начали выгружаться. Двоих я опознал сразу. Именно им я вручал когда-то пакет с Толиковым долгом.

- Ну, все... - обреченно выдохнула рядом Карина Аркадьевна. - Это за вами, Володя... Тут уж и я ничем вам помочь не смогу. Решайтесь.

Глава 4. МЫМРА

Да, единственный мой и неповторимый Володенька Турухин, вот это нас с тобой угораздило... А ты еще гадал, как называется следующая степень падения! Андроид она называется. Андроид. А никакой не покойник. Хотя временами и впрямь кажется, будто попал на тот свет. Ад не ад, но тоже страна теней. Серенькие вертлявые сумерки подступают почти вплотную, и на каждом шагу вылупляются из них вялые однообразные кошмары.

Никогда в жизни не видел цветных снов, а попал сюда - и словно прорвало. Стоит смежить веки, представляются окрестности Карининой дачи. Наяву они такими яркими не были: зеленое озерцо поляны, цыплячья желтизна одуванчиков, солнечный расплав пруда.

Танька не приснилась ни разу. Шурин - тоже. Мелькнул однажды Врангель, но враждебных чувств к нему при этом не возникло. Потому что есть теперь с чем сравнить.

Вообразите полутораметровый шарообразный ком неспешно шевелящихся замшевых... Нет, скорее все-таки лиан, нежели щупалец. Щупальца щупать должны, а эти колышутся, извиваются - и только... Коротенькая шерстка на них обретает временами иной оттенок, колеблясь от пепельного до светло-сиреневого, возможно, в связи со сменой настроения, хотя не исключено, что и в результате мыслительной деятельности.

Так выглядит моя владелица. Зовут Мымра. Точнее, зову, а не зовут, поскольку звать больше некому. Не знаю даже, растение она или животное.

Почему я думаю о ней в женском роде? Наверное, просто по привычке. Дело в том, что начальством моим всегда были дамы. Согласен, ничего хорошего, однако в теперешнем положении это скорее плюс, чем минус. Непредсказуемость распоряжений давно стала ожидаемой, и любую причуду воспринимаешь как нечто должное.

Доставили меня сюда в бессознательном состоянии. Наверное, так и надо: новенький андроид, только что с конвейера, ни разу еще не включали. Думаю, на дорожку мне вporоли транквилизатор, поскольку, очнувшись, даже не слишком испугался.

Способ доставки остался неизвестен. Последним, что я запомнил там,

на даче, и первым, что я увидел здесь, было непроницаемое округлое рыло Обмылка. Распаковал он меня, подвел к Мымре и молча сгинул, скотина. Несмотря на все предупреждения Карины Аркадьевны, разумного существа в увиденном я не заподозрил и очумело продолжал ждать чьего-нибудь появления. Поведение мое было наверняка воспринято как сбой программы, вернулся раздраженный Обмылок и помимо прочего объяснил на жутком своем жаргоне, что приобретен я именно этой связкой веревочных концов и никем другим.

Так вот, возвращаясь к вопросу о степени падения...

В данный момент я сижу на корточках, касаясь пола руками, абсолютно голый, во всех смыслах: ни тряпочки на мне, ни волоска. Жду очередной команды. На каком языке? А ни на каком! Если помните, были одно время в моде стереокартинки: вроде простенький геометрический узор, а чуть расфокусируешь зрачки - от бумаги отделяется объемное изображение: портрет президента, рождественская елка...

В точности то же самое. Сижу на корточках и, распустив, если можно так выразиться, хрусталики, пляжусь на мерное колыхание шерстистых лиан. Потом ни с того ни с сего из плавного их мельтешения сам собой возникает то ли образ, то ли приказ. В данном случае: оторвать, не вставая с корточек, правую руку от пола (почвы?) и взяться за мочку левого уха. Отрываю. Берусь. Замираю в нелепейшей этой позе.

Помнится, Федор Михайлович Достоевский утверждал, будто самый тяжелый труд - чепуха по сравнению с легким, но бессмысленным. Заставь человека ежедневно толочь воду в ступе, сойдет с ума. Ну я-то уже твердо решил, что не сойду.

Притремся, бормочу, сработаемся. Не с такими срабатывался. Тем более что податься нам с тобой, Володька, некуда. Как вспомнишь этих громил в кожаных куртках, направляющихся к калитке - вразвалочку, с надменно приотворенными ртами, - до сих пор в животе холодно...

Долго она меня так держать будет? Неловко и бровь чешется. Ну наконец-то! Велено принять ту же позу, только наоборот. Иными словами, поменять местами право и лево. Это запросто! Послушно выполняю команду, успев между делом провести по лобным долям тыльной стороной ладони. Унизительное ощущение. Не знаю, как я смотрюсь со стороны, но бровь у меня бесстыдно голая, гладкая.

Ох уж эти мне сбывшиеся мечты человечества! Когда Гагарин полетел в космос, отец мой был мальчишкой. Рассказал однажды, что творилось в тот день. Восторг, ликование, мир перевернулся! Запомнилась фраза: «Ты, Вовка, такого не увидишь. Такого больше не будет. Разве что братьев по разуму встретим - тогда...».

Вот встретил. Просто поразительно, насколько быстро человек ко всему привыкает! Новизна ощущений мелькнула и сгинула, осталась рутина. Ать-два, сел-встал, упал-отжался. И какая тебе разница, кто

тобой командует?..

Подозреваю, Карина Аркадьевна имела дело с совершенно иными негуманоидами, иначе она бы ни за что не сравнила их с плодовыми деревьями. Гоняй меня так по участку полузасохшая абрикосина - ей-богу, спилил бы под корень.

Но главное: зачем? Зачем?! За каким вообще лешим я держусь левой рукой за правое ухо? Смысл-то в чем?

Сижу на корточках и тихо стервенею. Благоговения перед высшим разумом - никакого. Кого стыдиться-то? Ее, что ли? Пусть лучше на себя посмотрит. Если, конечно, есть чем смотреть. Приобрела контрафактного андроида, вот и возись теперь с ним! Левообладательница...

Мымра шевелит щупальцами вхолостую - не знает уже, чем бы ей еще достать Володеньку Турухина... Ох, дождется она у меня! Возьму и сломаюсь. Плюну на эти триста штук... Стоп! Какие триста штук? Триста штук я сам придумал - откуда мне знать, сколько им Толик реально должен? Лишь бы на счетчик его не поставили...

Велено взяться за мочки накрест. Берусь. Отчего ж не взяться? Мне за эту ерунду, между прочим, пять тысяч в день набегает. Вернее, не мне и даже не Толяну, а этим его кредиторам, ну да все равно... Плохо, что нет тут ни дня, ни ночи. Скорее всего, денежку станут начислять по нашему календарю и обуют, как водится; поди угадай, сколько времени прошло, если ничего не меняется! Хотя нет, вряд ли - расплачиваться будут дома, дата убытия известна... Минутку, минутку! Когда меня точно сюда доставили? Месяц помню, а вот число...

Снова отпустить уши и коснуться обеими руками пола. Черт возьми, чем я здесь занимаюсь?.. Внезапно приходит в голову, что, возможно, работа моя даже еще и не начиналась... Опаньки! Ну конечно же!.. Меня просто тестируют. Проверяют. Я ведь новенький, только-только приобретенный! Ну так это совсем другое дело...

Отпускаю уши, касаюсь руками пола. Сижу и чувствую себя исправным. Исправный андроид - это звучит гордо.

Внезапно Мымра приходит в неистовство, лианы взбурлили. Видели по телевизору косяк сельди, сбиваемый хищниками в шар? Очень похоже. Вдобавок беснующиеся щупальца начинают отсверкивать тусклым серебром - точь-в-точь чешуя.

Возможно, я сделал что-то не так или, напротив, привел в восторг неслыханно точным исполнением команды. Хотя вполне вероятно, что я тут вообще ни при чем, - допустим, она подобным образом общается со своими сородичами. Хвастается покупкой. Почему бы и нет?

Такие припадки приключаются с ней то и дело. Потом ураган утихает, и что-нибудь происходит, например, появляется наладчик. Или не появляется. Чаще не появляется...

На этот раз Мымра просто исчезает. Была - и нету. То ли побежала

ябедничать на меня Обмылку, то ли просто унеслась по собственным делам. Такое впечатление, что по-другому она перемещаться не может. Где возникнет, там и сидит. Или стоит... Пребывает, короче. Но возникает всегда в одной и той же точке.

В любом случае, перекур. Отдыхай, Володя...

* * *

Карина Аркадьевна, помнится, предупреждала, что работать придется в помещении. Не берусь ни подтвердить ее слова, ни опровергнуть. Сквозняков вроде нет, воздух свеж и достаточно тепл, чтобы расхаживать нагишом, но даже если это и впрямь помещение, то о нем абсолютно нечего сказать. Круглое оно, квадратное? Огромное или просто большое? Неведомо... Какая-то тут чепуха с преломлением света. С двадцати шагов сумеречная окрестность просматривается более или менее четко, с тридцати начинаются искажения, гримасы и прочие конвульсии, а уж дальше вообще ничего не различишь - все сливается в общей мешанине размытых пятен. Куда бы ни отступил, везде одно и то же. Блеклая абстрактная фата-моргана, непрозрачный миражик. Попадали когда-нибудь в туман солнечным днем? Вот что-то отдаленно похожее: пятачок ясной погоды, а вокруг белесая муть.

Есть, правда, ориентир - смутная темная блямба, но сходить посмотреть, что она означает, я не решаюсь. По-моему, заблудиться здесь проще простого. Поэтому маршрут пока один: полсотни шагов от футляра до Мымры (блямба справа) и полсотни шагов от Мымры до футляра (блямба слева). А под босыми подошвами то ли пол, то ли почва - до сих пор не разобрался. Мелкая пружинящая путаница тоненьких волокон. Может, корешки, а может, что-нибудь синтетическое. Рельеф местности неровный, но мне подчас кажется, что расположены эти неровности не как попало, а в определенном, может быть, даже шахматном порядке.

Вот и думай тут...

Умру не забуду, как я впервые самостоятельно одолевал эти полсотни шагов. К Мымре-то меня, мало что тогда соображавшего, вел Обмылок, а вот обратно... Стоило сдвинуться с места, сумерки вокруг шевельнулись, закопошились. Волей-неволей пришлось остановиться, переждать головокружение. А впереди между тем меня подстерегала первая страшилка. Я еще в ту пору не знал, что это за штука. Не знаю и сейчас. С уверенностью могу сказать одно: бояться ее не следует.

. Было так: полумгла справа подернулась чем-то вроде паутины, затем беззвучно раскололась длинными черными трещинами, превратившимися через миг в заросли гигантских прямых шипов, что, разумеется, тоже было оптическим обманом. Далее возникшие ниоткуда дебри взметнулись и протянули все свои острия ко мне. По-

моему, я заорал. И это не было худшим из того, что могло стрястись. Например, кинулся бы наутек, наверняка покалечился бы - и прощай, карьера андроида.

Вообще такое ощущение, что здешняя атмосфера представляет собой сплошную воздушную линзу. Потом я, конечно, сходил осмотрел страшилку вблизи. Ну что сказать?.. Черный прямой ствол со смоляными наплывами, распадающийся вверху на три отростка, каждый из которых тоже разветвляется, но крону дерева это не напоминает несколько - скорее, торчащий кверху корень. Впрочем, за точность сравнения не поручусь: выше третьей-четвертой развилки перспектива начинает гулять.

Вторая страшилка располагается чуть подалее и с той стороны, где блямба. Похоже, их тут много. Зачем они? Понятия не имею! Возможно, опоры, поддерживающие свод, а возможно, местная растительность.

Хорошо еще, что мне в тот раз ежики навстречу не попались. Тоже, доложу я вам, зрелище. Собственно, никакие они не ежики - вообще непонятно что. Сначала прилегающая к полу мгла вспучивается, становится бугристой, бородавчатой - и вот уже накатывают на тебя бурые глыбы, быстро при этом уменьшаясь. Этакие перекасти-поле, размером чуть больше футбольного мяча. Впрочем, иногда чуть меньше. Вроде бы состоят из того же мха, которым здесь все покрыто, однако назвать их растениями я бы не решился. Передвигаются суетливыми стайками, и такое впечатление, что все на пути обнюхивают. Ткнувшись в босые ноги нелицензионного андроида, замирают, отскакивают и катятся дальше.

Еще они мне напоминают, как ни странно, катящиеся снежные комья. Я даже смотрел, не остается ли за ними дорожки во мху. Нет, не остается...

На редкость скудный мир. Иных объектов здесь, судя по всему, не имеется. Хотя нет, вру. Есть еще медузы, но я их сперва принимал за атмосферные глюки, пока одна из них не проплыла, кривляясь, в каком-нибудь метре над голой моей головой. Вблизи она скорее походила на мыльный пузырь, чем на медузу - ни бахромы, ни стрекал. Бывают крохотные, с горошину, таких тут полно, а та была гигант - не меньше полуметра в диаметре...

Кажется, госпожа сгинула надолго. А коли так, то у меня есть полное право перейти в спящий режим. Поплетемся-ка мы, Володенька, к нашему родному футляру.

* * *

Со стороны футляр похож на прямоугольную подтаявшую глыбу льда. Длинной - в полтора человеческих роста, высотой - по грудь, углы -

скругленные. При моем приближении он гостеприимно раскрывается, предъявляя уютное нутро, содержащее все, что необходимо фальшивому андроиду для нормального функционирования. Бритва (она же губка), ночной горшок и еще одно интимное устройство, о котором умолчу. Собственно, все эти предметы лишь называются так (точнее, я их так называю), а с виду чистый сюрреализм. Если бы не краткие объяснения Обмылка, никогда бы не понял, что это и зачем.

Вот, например, желеобразный комок размером с кулак. Вы не поверите, но это именно бритва. Ложишься навзничь, кладешь ее, скользкую и холодную, на пузо - и принимается эта тварь по тебе ползать на манер улитки, сокращаясь сноровисто и щекотно. Потом переворачиваешься ничком, после чего процедура повторяется. Несколько минут - и ни волоска на тебе, ни пылинки. Гладок, стерилен, готов к услугам.

Или вот нечто, напоминающее плоский, слегка изогнутый булыжник. Черного цвета, тяжеленный, будто из свинца отлит. Окращен дозатором. Внутри у него жратва, густая паста. Высасывать ее можно с любого края, причем вкус в разных местах разный. Замечательное устройство, однако есть у него одна подлая черта: все помнит, и добавки не выпросишь. Может, оно и правильно. Роботы не жиреют. Тем не менее постоянно достает чувство легкого (а если слопать пайку в один прием, то и волчьего) голода. Как в подвале.

Назначение безымянного предмета, напоминающего большую сувенирную спичку со стержнем круглого сечения и граненой головкой, мне неизвестно. Забыл спросить. Потому он и безымянный.

Прочие устройства, чтобы избежать физиологических подробностей, описывать не буду.

Насколько я понимаю, оболочка футляра настоящая, содержавшая когда-то лицензионного андроида, а вот внутреннее оборудование наверняка раздобыто оттуда-отсюда пронырливым Обмылком, потому что для меня вдавливание в донышке предусмотрено, а для других приспособлений - нет. Вернее, вдавливания-то есть, но по форме они ни с чем, имеющимся в наличии, не совпадают. Стало быть, что-то в них лежало другое.

Зато выемка, в которой я сплю и отдыхаю, словно под меня делана. Самое время вспомнить, что размеры одежды моей и обуви Карина Аркадьевна как будто знала заранее. Да и Обмылок... Вряд ли это совпадение. Так что, окажись я сложен по-другому, проехала бы тогда мимо, даже взглядом не удостоив...

Укладываюсь в футляр, крышка сама собой закрывается. Лежу, перебираю в памяти события, в результате которых дошел до жизни такой. Что-то там сейчас поделывает Толян? Может, тоже по трущобам прячется, а может, на Канарах давно...

Странно, ей-богу: лежу черт знает где, черт знает в чем, изображаю из

себя нелегальное устройство, а сам гадаю, выкрутился или не выкрутился подставивший меня родственничек, чей долг я сейчас непонятно за каким дьяволом отрабатываю...

Но какова Карина! Да, теперь все концы с концами сходятся: увидела бродяжку, параметры подходящие, тормознула, подобрала, выспросила, поместила на недельку в похожие условия, смотрит - вроде то, что надо: разденется, обреется, в футляр залезет, самую нелепую команду выполнит беспрекословно, да еще и благодарен будет, придурок...

Накатывает злость. На Мымру, на Карину, на Толяна, на себя самого, на тот свет, на этот... Чума на оба ваши света!

Глава 5. ЛИЦЕНЗИОННЫЕ

Нет, так нельзя. Так и до кондрашки себя доведешь. А не сходить ли нам, Володя, на разведку, и не выяснить ли наконец, что это за блямба такая? Боязно однако; Не дай бог, вернется Мымра, а у андроида опять программный глюк, причем серьезный, если по окрестностям вздумал бродить. Обычно, когда госпожа возвращается и вызывает на ковер (то ли из корешков свалянный, то ли из синтетических волокон), потолок моего гробика вспыхивает фиолетовым и раздается низкое прерывистое гудение. А уйду на прогулку - ничего не увижу и не услышу...

Или рискнуть?

Принимаю сидячее положение, саркофажок мой послушно раскрывается. Встаю, перешагиваю через борт. Вот она, эта темная загадочная блямба. Маячит в тумане и очертания имеет, если смотреть с этой точки, не совсем приличные. Интересно, сколько до нее? Метров сто? Во всяком случае, не больше - иначе бы она растворилась в общей мешанине бликов.

Главное - идти медленно и строго по прямой. Отсчитываю первые шаги - и смутный абстрактный фон начинает не то чтобы биться в судорогах, поскольку ленивых судорог, в моем понимании, не бывает, но одни блеклые пятна меняют форму, другие тают, третьи появляются... Справа восстает из мрака всклокоченная страшилка, протягивает ко мне черные шипы. Не обращаю внимания. Главное - идти по прямой, и, кажется, мне это удастся, несмотря на подворачивающиеся под ноги вдавлины и выпуклости. Блямба ведет себя странно. Сначала распадается на две блямбы - малую и большую, затем обе, истаявая на глазах, расплываются врозь и в конце концов исчезают. Я останавливаюсь. Итого: восемьдесят четыре шага.

Пожалуй, дальше углубляться не стоит. Отрицательный результат -

тоже результат. Разведка проведена, можно возвращаться.

Поворачиваюсь и тут же теряю ориентировку. Куда теперь идти-то? Та-ак... А ведь знал заранее, чем эта авантюра может обернуться! Можно, конечно, покричать... Кому? Совершенно не уверен, что купившая меня веревочная швабра обладает слухом. Я даже не уверен, обладает ли она зрением.

Спокойно, Володенька, не паникуй! Поступим-ка мы с тобой умнее: сделаем пяток шагов наугад, потом оглянемся и проверим, не появились ли у нас в тылу обе исчезнувшие блямбы. Если появились, то, стало быть, направление выбрано относительно верное...

Делаю пяток шагов, оглядываюсь. Даже ни намек.

Что тут еще можно придумать? Оставить какую-нибудь приметку и, не теряя ее из виду... Какую приметку? Стою голый, без единого волоска на теле. Выщипать мох на особо выдающейся выпуклости - в качестве ориентира? Во-первых, замучишься выщипывать, во-вторых, ни одна выпуклость особо не выдается, в-третьих, что толку? В десяти шагах не различишь: выщипан мох, не выщипан... Поискать ту страшилку, мимо которой я проходил? А как ты удостоверишься, что страшилка именно та?

Заблудился, братцы. Ау-у...

Я принимаюсь озираться, и вскоре внимание мое оказывается прикованным к проступающему из мрака подобию вздутой ледяной горы. Что-то мне этот волдырь сильно напоминает... Не может быть! Делаю шаг - и смутный холм словно бы оседает слегка. Подхожу ближе, потом присаживаюсь на корточки и смеюсь. Долго смеюсь. Случись такое дома, сказал бы: леший водит. Короче говоря, меня снова вынесло к моему футляру. С чем себя и поздравляю. А ведь старался идти по прямой...

Повезло. Но больше так, Володенька, прошу тебя, не рискуй. Блямба, видишь ли, заинтриговала! Да тут из таких блямб вся окружающая действительность состоит... Чувствуя невероятное облегчение, приближаюсь к саркофажику, но он почему-то, зараза, не открывается.

Э! Ты чего? Ошеломленно похлопываю по крышке. Никакого эффекта... Минутку-минутку! А что это он вроде переместился? Раньше стоял на выпуклости, теперь стоит в выемке... Слушайте, братцы, да это же...

Это не мой футляр.

* * *

Полагаю, примерно такую же оторопь ощутил Робинзон, когда обнаружил на пляже след босой ноги. Оторопь и ужас. Я здесь не один! Мало мне Мымры - я еще и в окружении настоящих андроидов, у каждого из которых сертификат, гарантийный талон и, что самое

скверное, наладчик, не являющийся жуликом... Хотя, если подумать, чему ужасаться-то? Ну андроиды, ну даже наладчик! Не дикари, не съедят. В крайнем случае, отправят обратно. Как не подлежащего ремонту...

Но это, если подумать.

Чувствуя себя на грани провала, я удалился на цыпочках от чужой упаковки и, только когда растаяли последние льдистые отсветы, сообразил, что заблудился окончательно.

Вот теперь и впрямь полное ау!

- Обмылок... - негромко позвал я от отчаяния.

Ответа, как можете сами догадаться, не последовало.

Присел голыми ягодицами на шершавую колкую выпуклость защитного цвета (хотя тут почти все защитного цвета) и оцепенел в тревожном раздумье. Мыслитель. Раньше надо было мыслить...

Не трагедия, конечно, однако досадно. Вернется Мымра, хватится, вызовет Обмылка, услышу от него лоха, ботаника, оленя... да и все, собственно. Конец происшествия... надеюсь.

Лишь бы он меня побыстрее нашел. Неуютно, знаете... Стоп! А искать-то он как будет? Не на ощупь же! Хоть бы картой какой снабдил... Поди тут найди кого! Над головой круглится, смыкаясь, сумеречная пухлая полусфера, словно тубетейкой тебя накрыли. Где-то что-то шуршит, поскрипывает, похрустывает, но очень тихо - на грани слышимости.

Мне уже и сидеть надоело, когда краешек левого глаза уловил некое движение. Повернулся, всмотрелся. Там определенно завязывалась легкая чехарда цветных пятен, проклюнулись, зашевелились белесые блики, постепенно складываясь в подобие гигантской фигуры - скорее обезьянней, нежели человеческой. Стало страшно. К счастью, по мере приближения чудовищный силуэт начал уменьшаться в размерах, одновременно обретая четкость. Тут ведь как под водой: чем дальше предмет, тем больше он кажется...

Хорошо, что к тому времени, когда она вошла в зону ясной видимости, я уже был на ногах. Увидела, остановилась. Голая, белая, без единого волоска, и смотрит на меня пустыми немигающими глазами. Спина неестественно прямая, руки неподвижно висят по сторонам, кулаки сжаты, к правому виску, если не обманывает зрение, приделана параллельная земле антенка, отдаленно похожая на заложенный за ухо карандаш столяра. Возможно, съемное оборудование. Вот, значит, как они выглядят, лицензионные.

У меня хватило соображения застыть в похожей позе и бессмысленно вытаращиться. А может, и не хватило. Может, сам по себе застыл. С перепугу.

Не знаю, как долго мы тупо глядели друг на друга. У меня возникло ощущение, будто мне сканируют мозг. Не исключено, что так оно и

было. Поэтому я не только мимику - я даже мысли постарался отключить. Раскусит или не раскусит?.. Кажется, не раскусила. Повернулась в три четверти и, механически переставляя ноги, двинулась по неизвестно куда ведущей прямой. Скорее всего, к футляру. Вскоре вздулась до гигантских размеров и начала таять, распадаться на отдельные белесые пятна. Потом исчезли и они.

Все. Ушла. Я обессиленно опустил на колкую шершавую выпуклость и долго смотрел в ту сторону, где скрылась андроида.

А походочку эту механическую мне придется освоить...

* * *

Встреча настолько меня впечатлила, что я занялся шагистикой прямо там. Где заблудился. С неподвижным лицом совершал повороты, бездумно смотрел вперед, затем принимался вспоминать, с какой ноги начинала она движение: с левой или с правой?

За этим занятием меня и застал Обмылок, как всегда, медленно соткавшийся из ничего прямо передо мной.

- Ну ты чо, олень? - укоризненно прогнусил он. - Мымра икру мечет!

Между прочим, сказано было метко. Представилась взбешенная Мымра, клубящаяся подобно плотной рыбьей стае и отсверкивающая тусклым серебром. Кстати, само словечко Обмылок перенял у меня. Раньше он Мымру именовал безлико и политкорректно - клиент.

- Заплутал, - хмуро пояснил я.

- Чо-чо-чо?

- Заблудился, - перевел я на общепринятый.

- А чо спичку не взял?

- Чего не взял?

Но он уже повернулся и пошел. Я последовал за ним не сразу - стоял и с ностальгическим умилением смотрел ему вслед. Эта его расхлябанная полублатная походочка... Тоже ведь перенял у кого-то. Шаг от бедра, таз чуть выдвинут вперед, плечи слегка откинута, руки болтаются... Если бы не волдырь взамен башки, шпана шпаной.

Очнулся, догнал - и вскоре очутились мы перед моим обиталищем. Крышка неспешно поднялась. Обмылок наклонился, достал со дна фляжку. Взвесил в руке, отправил на место. Затем извлек безымянный предметик, похожий на большую сувенирную спичку. Повел, как фонариком, из стороны в сторону. Каждый раз, стоило нацелить устройство на футляр, граненая головка принималась мерцать.

- Все дела, - пояснил он и вручил.

- Мог бы и раньше сказать, - буркнул я.

- Уши мыть надо, - последовал надменный ответ.

Стало быть, объяснил уже, да я, видать, прослушал. Или так объяснял, что не поймешь ничего. Тоже возможно.

- Обмылок! - сипло позвал я, - Тут, оказывается, лицензионных полно...

- И чо?

- Через плечо! - сорвался я. - Как себя с ними вести?

- Никак, - сказал он и растворился бесследно.

Ну не баламут, а? Ему же самому в копеечку влетит, если меня разоблачат... Есть у него вообще башка в этом волдыре? Может, потому и скафандр не снимает, что нету... Раздосадованный, я еще раз проверил спичкообразное устройство. Все правильно: наставишь на футляр - начинает мерцать. Надо полагать, действует с любого расстояния. Полезная штуковина...

Отправляю спичку в футляр, велю крышке опуститься и со всех ног кидаюсь к мечущей икру Мымре. Исправен я, исправен!

* * *

Все-таки есть разница между днем и ночью, правда слабенькая-слабенькая. Камуфлированные сумерки становятся то ярче, то темнее. День (если легонькое это просветление можно назвать днем) раза в полтора короче нашего. А может, и в три, поди пойми, без часов-то! Но что самое, на мой взгляд, забавное: в условно-светлое время суток Мымра меня почти не тревожит, зато в условно-темное гоняет, как новобранца. Хотя, возможно, пик активности у местных жителей приходится на ночь. Еще мне не нравится, что меня продолжают тестировать. Не то чтобы я жаждал окунуться с головой в работу - вполне хватает и проверки функций, однако чую нутром: что-то не так. Что-то тут, братцы, не так...

Лицензионные не тревожат. Скорее, я их тревожу, потому что полюбил ходить на прогулки. Промахнулась со мной Карина Аркадьевна. Думала, раз я в село за водкой не сбежал, значит, и здесь никуда не сбегу... Еще как сбегу, Карина Аркадьевна! Это на даче можно скважиной заняться, калиткой, плетнем... А тут, кроме удовлетворения собственного любопытства, и радости никакой. Кстати, гулять со спичкой - милое дело! И куда возвращаться знает, и вспыхивать умеет, когда на службу требуют.

Лицензионных как минимум трое. Два андроида и одна андроидиха - та самая. Других не видел. При встрече со мной механические соседки цепенеют, затем резко меняют курс. Я - тоже.

А приспособление, напоминающее заложенный за ухо карандаш, действительно съемное. То оно у нее на правом виске, то на левом, то вообще отсутствует.

Вскоре осмелел до такой степени, что решил сходить в гости, иными словами, осмотреть чужой футляр, на который наткнулся во время первой своей вылазки. Маршрут известен: идем по прямой на

загадочную темную блямбу, делаем восемьдесят четыре шага, а там видно будет. Воспользовался отлучкой Мымры - и двинул. Все было, как в прошлый раз: сначала блямба раздвоилась, затем обе ее доли разъехались, расплылись и в итоге растаяли.

Побродил по округе, высматривая холмообразный волдырь льдистых оттенков, но так нигде и не высмотрел. Хотя «побродил» - не совсем то слово. Андроиды не бродят, они движутся в заданном направлении. Пластику их я уже к тому времени, можно сказать, освоил. Ну и двигался, стало быть, в разных заданных направлениях, пока бурая мгла впереди не шевельнулась.

Залег, подполз, выглянул из-за бугорка, но тут что-то шершавое и, как показалось, живое ткнулось мне в ногу. Я чуть не вскрикнул. Это был небольшой ежик, почему-то одинокий, и он явно претендовал на мое место. Толкал то в бедро, то в ребра, как будто пытался согнать. Я не выдержал и перелег. Вроде отстал...

Выглянул снова. На ровном, как плац, пяточке вовсю шел тренаж. В центре плаца колыхался комок шерстистых щупальцев, а перед ним, стоя на одной ноге, замерла моя знакомая. Я привычно расфокусировал зрачки, пытаюсь понять, чего от нее хотят. Ага... Опустить ногу... Повернуться... Следующую команду я не понял. Мымра, во всяком случае, ничего похожего не требовала. Ах, вот оно что: бегом марш! Всего-навсего...

Лицензионная андроидиха побежала. С неуклюжей грацией автомата нарезала она круги, центром которых был ее владелец. Или владелица. Гладкие белые локти и колени ходили, как шатуны. Зрелище, прямо скажем, не слишком эстетичное. Ничего, Володенька, не горюй, со временем и мы так научимся...

И еще бы наблюдал, да полыхнула спичка. Мымра вернулась. Зовет. Чуть отполз, поднялся, сверился с направлением и побежал, старательно двигая локтями и коленями.

* * *

Одного не понял: соседку-то мою зачем тестировать? Ну я ладно, я новичок. Но она-то лицензионная, приобретена раньше меня. Хотя откуда мне знать: раньше, позже? Очень даже может быть, что купили нас одновременно и теперь доводят до ума. Честно сказать, последнюю вылазку я учинил с единственной целью - разведать, что за работа мне предстоит. Не век же заниматься физзарядкой!

- Те чо надо? - не понял Обмылок, когда я поделился с ним своими сомнениями.

- Работу, - честно сказал я.

- От работы кони дохнут, - прогнусил он и неспешно слился с окружающей средой.

Истинная правда. Кони - от работы, люди - от безработицы... Совершил еще несколько вылазок, посмотрел, чем занимаются два прочих андроида, и к разочарованию своему удостоверился, что тем же самым. Ать-два, левой-правой... Такое впечатление, что все мы только-только приобретены.

Вскоре начались неприятности. Помню, Мымра проверяла исправность моей правой кисти, предлагая волнообразно пошевелить пальцами, сжать кулак и все такое прочее в том же роде, когда я заметил вдруг, что за мной наблюдают. На незримой границе, за которой однообразная здешняя действительность начинает расплываться, становясь еще более однообразной, неподвижно стояли плечом к плечу оба изделия мужского пола. Лица их были повернуты в мою сторону. Все это очень напоминало проверку.

Разумеется, занервничал. Неизвестно, было ли связано появление лицензионных с моими опрометчивыми рейдами, но легче мне от этого не стало. Проклял себя, как водится, за беспечность и, стараясь не покоситься случайно на цепенеющих неподалеку страшных белесых соглядатаев, с удвоенным старанием продолжал исполнять, что велено.

Не знаю, сколько они еще там торчали. Когда решился наконец взглянуть, их уже и след простыл.

Дальше - хуже. Повадились то вдвоем, то поодиночке. Однажды гостечки дорогие заняли позицию точно между мною и футляром. А Мымра как раз дала команду «отбой». Выбора не было - с неподвижным лицом кретина двинулся прямиком на зрителей. Тут же развернулись и сгнули. Причем в разных направлениях.

С тех пор как отрезало. Мало-помалу вновь обрел уверенность, проще сказать, обнаглел, и вот в один прекрасный день (именно день, поскольку сумерки чуть просветлели, а Мымра погрузилась то ли в сон, то ли в меланхолию) я взял свою верную спичку и вновь отправился на поиски приключений. Похоже, предположение, что господа негуманоиды склонны к ночному образу жизни, можно было считать доказанным: владелец андроида тоже едва колыхал лианами и других признаков жизни не подавал. Я нахально прошел мимо него, не скрываясь - никакой реакции.

Шагах в пяти от футляра приостановился. Крышка была откинута, а это означало, что лицензионное устройство на месте. Я и сам уже мог проделывать такой фокус, открывая свой гробик изнутри, когда вздумается. Невелика премудрость. Поразило другое: над раскрытым саркофажиком крутилась стайка некрупных медуз, а со дна его поднимался тонкий сизоватый дымок. Да уж не перегорела ли моя соседка?.. Вот они, лицензионные-то! Видать, Володенька Турухин понадежнее сработан. Хотя почему обязательно перегорела? Механизм - он и есть механизм. Может, у него выхлоп такой... или

подзаряжается... Залетная дымная прядка коснулась моих ноздрей - и я не поверил обонянию.

Впереступочку приблизился почти вплотную, затем, приподнявшись на цыпочки, с замиранием запустил глаз внутрь. И что же я увидел? Андроидиха лежала на спине и, бесстрастно глядя в сумеречный зенит, - курила!

Мало того что остолбенел, я, братцы вы мои, пережил тяжелейшую умственную контузию. Первая мысль, робко проникшая в голову, мне вообще не принадлежала. Эта была цитата из классика, и я чудом не воспроизвел ее вслух: «Кухарка брилась!».

- Дай дернуть... - хрипло выговорил я наконец.

- Облезешь, - равнодушно прозвучало в ответ. - И неровно обростешь.

Потом последовала пауза. Должно быть, андроидиха сообразила, что кто-то ее о чем-то спросил, а она ответила! Села рывком, уставилась.

- Ешки-матрешки... - потрясение вымолвила она. - Так ты тоже, что ли?..

Растерянно взглянула на тонкую почти уже до фильтра докуренную сигарету и дрогнувшей рукой протянула мне.

- Н-ну... н-на...

Я машинально принял бычок и затянулся. Ничего доброго из этого, разумеется, не вышло - два года, напоминая, не курил.

- Где погасить? - просипел я.

Она молча протянула карманную пепельницу с крышечкой.

Глава 6. ЛЕРА

Убить Обмылка мало! Нет бы по-человечески сразу растолковать: так, мол, и так, тот - лицензионный, а вон тот - такой же Володенька Турухин, просто другого пола и звать его по-другому. Того опасайся, этого - не надо... Зла не хватает!

- Тебя как зовут? - спросила она.

- Владимир.

- А я Валерия. Можно просто Лера.

И почувствовал я себя, братцы мои, словно бы в Эдеме. Вкусил Адам яблочка (в данном случае - затянулся окурком) и осознал, что стоит перед ним совершенно голая Ева, да и сам он совершенно гол. Крякнул, прикрылся. Двумя руками. Накрест.

- Ошизел?! - злобно прошипела она. - Никогда так не делай!..

Верное замечание. Андроиды срама не имеют. Я совершил над собой усилие и убрал руки.

- Спичку подбери, - велела она. - Уронил.

Да, действительно... Нагнулся и долго пытался ухватить крохотное путеводное устройство. Как они все-таки любят командовать! Пальцы

не слушались... Хорошо еще, лысые девушки не способны вызвать во мне ничего, кроме шока...

Подобрал наконец. Выпрямился, не рискуя отвести взгляда от спички.

- Так и будешь ее в руках держать?

- А куда?

- За ухо. Как сигарету.

Или как плотницкий карандаш. Ну да, ну да... Та самая антенка... Попробовал пристроить куда было сказано - улеглась идеально.

- А если потеряю?

- Другую выдадут. Но лучше не терять.

Руки опустели, и стало совсем неловко.

- Вы давно здесь, Лера? - блудливо откашлявшись, спросил я. На всякий случай перешел на «вы». Какая-никакая, а отстраненность. Дистанция. Пусть словесная, но одежда. Подозреваю, что вежливый мой вопрос, учитывая обстановку, прозвучал довольно-таки идиотски.

- С января.

Почти четыре месяца. Однако...

- Домой не тянет? - Взор мой блуждал по нашей замкнутой сумрачной вселенной.

- Нет.

- Почему? - пораженно пробормотал я и все-таки взглянул ей в лицо. Только в лицо. Нижняя точка - подбородок.

- Есть причины... - уклончиво отозвалась она.

Ну ясно... Тоже, наверное, ищут. Дальше можно не выпрашивать - на собственной шкуре испытал. В следующий миг меня осенило. Казалось бы, мелочь, но эта мелочь опрокидывала все мои представления о здешней жизни.

- А где вы тут сигареты берете?!

- Обмылок приносит...

Даже не скажу, что именно потрясло больше: то, что Лера тоже завербована Обмылком, или то, что он, рискуя провалить своих подопечных, снабжает их куревом.

- В счет выплаты? - ахнул я.

Кажется, она удивилась.

- Н-нет... Просто. Закачу истерику - и приносит...

- К-как?..

- Так. Видит, что вот-вот завизжу, ногами забью - спрашивает: «Что надо?» - Произношение Обмылка соседка скопировала весьма точно. - Ну и приносит. Только помалу. Может, и правильно...

- Рискуешь, - заметил я, глядя на нее с уважением.

- Рискую, - согласилась она. - А иначе сдвинешься...

- А заметят, что куришь?

- Кто? Лохматые, что ли? - презрительно хмыкнула она.

Под лохматыми Лера, надо полагать, подразумевала местных

жителей. Что ж, словцо довольно точное. И впрямь лохматые.

- Да нет... эти... лицензионные...

По-моему, она испугалась. Даже зрачки расширились. И не то чтобы мне стало жалко ее - просто я вдруг осознал, насколько одинок каждый из нас в этом нечеловеческом мире. Загнанные, спасшиеся ценой унижения, бритые, как каторжники, безбровые, вынужденные прикидываться черт знает чем, мы стояли посреди обжимающей нас чуждой полумглы и беспомощно смотрели друг на друга.

- Лицензионные?.. - переспросила она.

Я был полностью сбит с толку. Неужели за четыре месяца Лера ни разу с ними здесь не столкнулась? Быть того не может! У кого бы иначе она переняла эту свою угловатую механическую пластику?

- Двое их... - с запинкой пояснил я. - Самцы...

- А-а... ты вон про кого... - облегченно сказала она. - Ну, с ними - ладно... Я думала, новых завезли... модернизированных...

- А со старыми почему ладно?

Махнула рукой.

- А, барахло! Но ты с ними все равно осторожнее... Тебя кто сюда сосватал?

- Карина Аркадьевна...

- Слышала, - с недоброй усмешкой отозвалась Лера. - Та еще пройда...

Слышала? Интересно от кого? Не от Обмылка же! Хотя вполне возможно. Раз сигареты проносит контрабандой, значит, и беседы ведет... Иными словами, агентов у него на Земле как минимум несколько. Можно было и самому догадаться...

- Как она тебя окрутила-то? - спросила Валерия.

- Задолжал.

- Много?

- Триста тысяч, - привычно соврал я.

- Сколько?! - не поверила соседка.

Я повторил. Лера недоверчиво на меня уставилась.

- А там ты их заработать не мог? - с неожиданной злостью спросила она.

Ответить мне помешало негромкое прерывистое гудение. Изнанка откинутой крышки затлела фиолетовым. На службу требуют. По привычке я чуть было не подхватился и не кинулся стремглав к месту исполнения обязанностей, но вовремя сдержал свой трудовой порыв. На службу-то ведь требовали вовсе не меня, а Леру. Такое, однако, впечатление, что моя соседка сигнала вообще не заметила.

- Зовет... - нерешительно намекнул я.

- Обождет, - цинично скривив рот, выговорила она. - Не растреплется... Да хоть бы и растрепался! Задолбал уже...

Я в изумлении взирал на отчаянную свою соседку. Похоже, за четыре

месяца пребывания здесь Лера напрочь утратила страх божий. Повернулась к футляру, перегнулась через борт (в панике я вновь отвел глаза) и достала целенькую сигарету.

- Может, еще одну? На двоих...

- Да я вообще-то не курю. Бросил...

- Прямо сейчас?

- Н-нет... года два назад...

- А чего ж тогда докурить просил?

- Растерялся...

- М-дя... - Она с сожалением оглядела меня с головы до ног, чем опять-таки сильно смутила. - Тогда и я не буду.

Кинула сигарету обратно, вздохнула:

- Ладно. Пойду принесу пользу.

Вскинула руку, пошевелила на прощание пальчиками и двинулась нормальной человеческой поступью, без дурацких этих шатунных тычков коленями и локтями. Крутившиеся над футляром медузы почему-то двинулись за нею следом.

- Лера!.. - ошеломленно окликнул я.

Обернулась.

- Лера... А почему вас до сих пор тестируют? Вы же уже четыре месяца здесь...

- Тестируют?

- Н-ну... проверяют. Лечь-сесть, сесть-встать... А сама-то работа в чем заключается?

Засмеялась.

- Глупенький, - сказала она чуть ли не с нежностью. - Это и есть наша с тобой работа.

* * *

Вот оно как. Стало быть, это и есть наша с тобой работа, наивный мой Володенька Турухин... Стою на четырех мослах, верноподданно вывернув голову в сторону Мымры, и пытаюсь хоть что-то сообразить. Надежда на обретение смысла почти утрачена. Получается, лохматые покупают у обмылков (возможно, на другом конце Галактики) уникальную технику только для того, чтобы та по команде совершала нелепые телодвижения и принимала малоприличные позы... А кому такая роскошь не по карману (или что у них там взамен карманов?), те вынуждены втихаря приобретать леваков: Леру, меня... Карина вон даже предположить не решилась, сколько может стоить настоящий лицензионный андроид.

Главное, Володенька, не спешить с выводами. Для начала перевернись на спину и отвесно подними левую ногу. Вот так. Теперь можешь размышлять дальше...

Работа... Тогда уж скорее служба, чем работа. Работа, в моем понимании, это когда что-нибудь производишь. Приносишь зримую пользу... Кстати, Лера так и сказала: «Пойду принесу пользу...».

Может, шутила, а может, и нет...

Так какую же мы с тобой, Володенька, приносим пользу, лежа на спине и стараясь удержать левую ногу в вертикальном положении? Не исключено, что никакой. Мало ли на Земле обесмыслившихся занятий! Взять, к примеру, строевой устав. Веке в семнадцатом он и взаправду был необходим: шагнешь не в ногу - смешаешь ряды. Смешаешь ряды - каре прорвано. А в нынешние времена, поведи себя кто-нибудь в бою, как на плацу, - тут же и прихлопнут. Так что шагистика теперь не более чем традиция...

Ты себя самого вспомни! Третью жизни проторчал в офисе, занимался бог знает чем, а теперь вдруг смысл тебе подавай!

И потом с чего ты взял, будто принимаемые тобою позы неприличны? Это они в твоих глазах неприличны, а Мымра от тебя, андроид-гуманоида, возможно, эстетическое удовольствие получает. Опять же экзотика... Сама-то она правой рукой за левое ухо при всем желании не возьмется. Ни рук, ни ушей - щупальца одни...

Да, но Лера сказала: «пользу»... Погоди, Володенька, погоди! Эстетическое удовольствие... настроение... самочувствие... А не вывозят ли нас в качестве медицинского препарата? Нет, не препарата - аппарата! Хм... Собственно, почему бы и нет? Может, лохматые с нашей помощью стресс снимают... Самих обмылков вывозить нельзя. Потому что разумные существа. А вот механические копии их...

Стоп! Быстро поменял ноги местами. Левую - вниз, правую - вверх. Молодец...

Тэк-с... На чем мы остановились? Лечение... Да, тогда это, пожалуй, именно работа, а никакая не служба. И должен сказать, что подобная трактовка нравится мне куда больше.

Но если так, то почему Лера столь бесцеремонно обходится со своим пациентом? «Скорая помощь» и та быстрее выезжает. Хотя, с другой стороны, не фиг было приобретать бракованную продукцию! Без сертификата, без гарантии,..

Опуститься на колени и откинуться далеко назад... Вы ставите меня в неловкое положение, госпожа Мымра!

* * *

- Как там травка?.. - со вздохом спросила Валерия, мечтательно глядя в серенькое пятнистое ничто.

Я, признаться, слегка одурел от такого вопроса. Потому что неправильно понял.

- В каком смысле?

Обернулась, уставилась.

- Травка!.. - повторила она возмущенно. - Обыкновенная травка... Ты что, наркоман?

- Н-нет... Вообще не курю.

Боже, она же здесь почти четыре месяца! А у нас там апрель... Или уже май?.. Хамло я все-таки, что ни говори! Незлоумышленное, правда, но хамло...

- Зеленеет... - произнес я как можно более нежно.

- А солнышко блестит... - процедила Лера. - Надо же память какая! Иззавидуешься...

- Все время снится... - попытался исправить я.

- Мне тоже...

Беседовали мы неподалеку от Лериного футляра.

- Ты лохматому своему кликуху дал уже? - спросила она.

- Дал...

- Ну?

- Мымра... - признался я с неловкостью.

Лера оживилась.

- Думаешь, самка?

- Не знаю, не заглядывал...

После этих моих слов, кстати, произнесенных просто так, вполне меланхолично, без малейшего желания рассмешить, с Лерой приключилась форменная истерика. Завизжала, забила ногами.

- Не заглядывал... - стонала в изнеможении Лера. - Не заглядывал он...

Наконец отхохоталась.

- Ну, спасибо... - вымолвила она, кое-как переведя дух. - Развлек...

- А твоего лохматого как зовут? - в свою очередь, полюбопытствовал я, заходя издали на главный для меня вопрос. О смысле работы.

На этот раз приступ веселья был куда короче.

- Ну так как же? - настаивал я.

- Не скажу.

- Почему?

- А неприлично... - пояснила она, досмеиваясь.

Мы сидели нагишом на колкой шершавой выпуклости, поглядывая изредка на прильнувший к полу льдистый блик, поскольку больше поглядывать было не на что, а вокруг смыкался куполом серенький мертвенный абсурд. Сумерки всмятку.

- Что носят? - полюбопытствовала она.

- В смысле?

- В смысле прикида. У вас же там весна сейчас...

Откровенно признаться, за женской весенней модой я никогда особо не следил. Один только раз заметил ее - и содрогнулся. Было это в тот год, когда городские дуры все подряд напялили укороченные маечки и

брючки с низким поясом, вывалив наружу серые целлюлитные животы. И каждая была горда собой...

- Ну, ясно... - недовольно сказала Валерия. - Ботаник. То-то тебя Мымра гоняет почему зря!..

Я моргал.

- Неужели ты и дома такой был?.. - спросила она. - Что прикажут - выполнишь, на фиг никогда не пошлешь...

- Ну а как иначе? Работа...

Усмехнулась.

- Мы ведь тебя взаправду за лицензионного приняли...

- Мы?! - всполошился я. - Кто это - мы? Тут что... еще есть кто-то?..

- Мы - это я, - с простотой Людовика Четырнадцатого пояснила она. - Мы с Лерочкой.

Ну, ясно. Родственная душа. Тоже, видать, сама к себе на «ты» обращается. Других сюда, наверное, и не берут. Другие здесь удавятся... Кстати, на чем? Разве что лиану у Мымры одолжить...

- Заездит она тебя, - предрекла Валерия. - И правильно сделает. Шестеришь, суетишься. Умей себя поставить. Тут так: чуть дашь слабину - на шею сядут...

Внезапно вскочила, повернулась ко мне, в глазах - чертики, рот - до ушей.

- Пошли посмотрим, как лицензионных муштруют!

Надо полагать, иных развлечений тут не имелось. И двинулись мы в неизвестном направлении. Вернее, известном, но только ей, Лере. Мне - нет. Я старался держаться вровень с моей спутницей, не обгоняя, чтобы не попасть в поле ее зрения, но и не отставая, чтобы не подумала, будто плююсь сзади. Хотя пора бы уже привыкнуть, перестать стесняться. Скандинавы, говорят, со скандинавками вместе в общественных банях моются - и не потому что темперамент северный, а потому что разницу сознают между койкой и парилкой. Так и тут. Если на то пошло, что есть нагота? Рабочая одежда андроида.

А Леру, похоже, и дома трудно было чем-нибудь смутить. Развязная особа, ой развязная... Кто ее такую в андройды пропихнул? И курит вдобавок... Шла чуть ли не вприпрыжку, болтала не переставая, выпытывала подноготную, донимала вопросами:

- А тебя-то чего трясли? Шурин должен, а ты при чем?

- Наверное, думали, что мы с ним на пару...

- Развели тебя, как лоха, понял? Никто тебя не искал...

- Как же не искал? - сердито возражал я. - Карина Аркадьевна специально выясняла... справки наводила...

- Ага! Наводила она там... Нашел, кому верить! Сколько, ты говоришь, им должен был? Триста штук? Ну так эта Карина твоя им сразу же за тебя триста штук и вернула...

- Да нет же! Они за мной на двух машинах приехали! Прямо туда, на

дачу...

- Значит, еще и доплатила, чтобы пугнули...

Меня настолько поразили Лерины слова, что я едва не споткнулся. Неужто правда? Ну, если так, то Карина Аркадьевна просто сволочь!

- Это сколько ж доплачивать! Там такие крутые ребята...

- Сколько надо. Ты прикинь, какие на тебе бабки срублены!..

- А на тебе?

Валерия остановилась, нахмурилась. Правда, как выяснилось, совсем по другому поводу.

- Дрыхнет, - разочарованно сообщила она.

- Кто?

- Андроид. В спящем режиме он. Фиг с ним, пойдем другого поглядим...

Я всмотрелся в обозначившийся впереди искривленный светлый блик. Очертания футляра расплывались, но крышка точно была закрыта.

- Думаете, он внутри, Лера?

- Конечно, внутри! Змейки видишь?

Мы подошли поближе. Действительно, если приглядеться, по льдистой оболочке чужого футляра вились, подобно языкам поземки, струйки белых искорок. Не представляю, как Валерия ухитрилась заметить их издали. Впору предположить, что зрение здесь со временем обостряется. Оно и понятно - в сумерках-то...

- А если крышка откинута? - спросил я.

- Тс-с... - Лера приложила палец к губам и опасно указала глазами на закрытый саркофажок. Надо полагать, слух у лицензионных тончайший. Даже в спящем режиме.

Я испуганно покивал, и мы отступили подальше.

- Если крышку откинуть?.. - шепотом повторил я.

- Тогда тишина, - ответила мне Лера тоже шепотом. - Тогда никаких змеек...

Что ж, запомню. Но Карина-то, Карина! (Похоже, я уже и думал шепотом.) Это ж надо было все просчитать, спланировать... Хотя схемка-то, наверное, наигранная... Ты ж не первый и не последний... А вдруг и Обмылок возник на дачной скамейке вовсе не самочинно, а по предварительному сговору? Не зря ж она с ним перемигивалась... когда он еще мимикрию не вырубил. Очень может быть.

Ладно, об этом потом. Спросим-ка наконец о главном.

- Лера, - сказал я, осторожно откашлявшись. - А в чем все-таки смысл нашей работы?

Пожала голыми плечами, покосилась на меня удивленно.

- Ну а в чем смысл любой работы? В том, что деньги платят.

- Да нет... Зачем это нам - понятно. А вот им это зачем?

- Лохматым?

- Ну да...

- А мода такая, - не задумываясь, ответила Лера. Такое впечатление, что она вообще никогда не задумывалась, отвечая. - На Земле все по япошкам тащатся, а тут по андроидам... Сами-то они их делать не умеют!

Резонно. Но как-то, знаете, оскорбительно. Выходит, мы здесь в роли механических игрушек. Те же тамагочи, только наоборот... А с другой стороны, чего бы ты хотел, Володенька Турухин? С самого начала русским тебе языком было сказано, что это за работа...

Лера тем временем ухватила меня за локоть и повлекла дальше, в отступающую перед нами мглу. Смотреть, как лицензионного муштруют.

- Сколько тебе платить обещали?

- Пять тысяч в день.

- А чего так мало?

- Н-ну... кризис...

- У вас там еще кризис? - удивилась Лера. - Я думала, он кончился давно...

- Ага, кончился!.. А тебе сколько платят?

- Коммерческая тайна, - самодовольно отозвалась она.

По-моему, соседка надо мной просто издевалась...

Впереди на манер северного сияния проклюнулись, шевельнулись белесые пятна. Подобно ртутным каплям сползли воедино и образовали огромный силуэт питекантропа. Лицензионный андроид! Больше некому. Тот в спящем режиме, а этот гуляет.

- Нарвались... - услышал я свистящий Лерин шепот. - Навстречу прется... Значит, так! Морду - ящиком, и расходимся по касательной...

Я сделал морду ящиком и, приняв выправку, двинулся по касательной. Краем глаза успел ухватить механическую тварь, прошедшую от меня в каких-нибудь пяти-шести шагах. Белесую, гладкую, чуткую.

Боже, как я их ненавижу!

Глава 7. РАЗОБЛАЧЕНЫ

Иногда мне кажется, что жизнь понять нельзя - к ней можно лишь привыкнуть. Скажем, когда-то Земля была плоская, потом стала округлая. И то, и другое совершенно невразумительно, но... привыкли же!

Вот и я вроде бы помаленьку начинаю привыкать. Травяная зелень и желтизна одуванчиков снятся все реже. Временами происходящее представляется мне справедливым: серенькая была у тебя жизнь, Володенька Турухин, и мысли серенькие, и поступки - так с чего ты решил, что достоин ярких весенних красок? Здесь тебе самое место,

здесь ты гармонично сочетаешься с окружающим. Блеклое пятно среди блеклых пятен. Другого бы подобные мысли убили, а меня, как ни странно, дисциплинируют.

Мертвенный, плотно облегающий пейзажик (он же интерьерчик) по-прежнему уныл, но не вызывает уже приступов клаустрофобии, смысл ежедневных (еженощных) Мымриных сумасбродств остается загадочным, однако, прекрати она меня гонять, чувствую, что-то из жизни уйдет.

Но кто меня по-настоящему восхищает, так это Лера! Нет-нет, чисто по-человечески, не как женщина. Выдержать здесь четыре месяца и не утратить при этом легкости характера...

- Подумаешь, четыре! - пренебрежительно говорит она. - Вот отпашу полтора года, куплю себе островок в Тихом океане, построю виллу...

Мне вновь становится жаль ее. Я не верю в будущие виллы, я иногда не верю даже в Тихий океан. А Лера, похоже, себя не жалеет - она себя любит, умница.

- Там цунами, - предостерегаю я.

- С подвалом виллу, - не задумываясь, уточняет Лера. - Схлынет - вылезу...

- Почему именно в Тихом?

- А там не достанут... - Голос ее становится пугающе таинственным. - Ты думаешь, как я сюда попала-то? Повелся на меня криминальный авторитет, глава мафии... Ревни-ивый...

В прошлый раз она, помнится, рассказывала, будто нечаянно раскрыла государственную тайну. А где от ФСБ спрячешься? Только здесь...

Свежий воздух почти недвижим. Сизый волосяной дымок Лериной сигареты - что хочет, то и вытворяет. И вьются вокруг, словно мыльные пузыри, медузы. Романтика... А с другой стороны, странно. Надо мной никогда не вьются, а над Лерой - всю дорогу.

- Лера, а как же вас сюда взяли? Вы же курите...

- А!.. - беззаботно отмахивается она. - Соврала, что не курю, а он поверил...

- Кто?

- Обмылок.

- Вас что, сам Обмылок вербовал? Без посредников?

Валерия сосредоточенно гасит окурочек в крохотной пепельнице и закрывает крышечку. Пепельница не здешняя - земная, я такую у одной нашей сотрудницы видел.

- Да у нас с ним, можно сказать, роман был... - с затаенной грустью признается Лера.

- С Обмылком?! Он же в скафандре!

- Это он при вас в скафандре, - снисходительно роняет она.

Я шалею. Разумеется, не верю ни единому ее слову, но становится

любопытно.

- Как он выглядит?

- Красив, - убежденно говорит Лера. - Дьявольски красив. Волосы нежные, мягкие...

- Волосы?!

- Ну да... - нисколько не смутившись, подтверждает она. - Волосы. А в чем дело?

- Мне сказали, андроиды - точная копия изготовителей.

- И что из этого?

- Ну так на андроидах-то - ни единого волоска!

- Правильно. Чтобы не перепутать...

Интересно, куда она потом вытряхивает окурки? Не на пол же!

Через некоторое время Лера закуривает вторую сигарету. Зажигалка у нее газовая, не шибко дорогая. Медузы кидаются на огонек, как мотыльки на свечу, и приходится их отгонять. Одна из медуз, неудачно сманеврировав, попадает под взмах Лериной ладошки. Глухой шлепок - и в лицо мне выплескивается примерно полстакана воды.

- Блин! Последнюю! - Лера горестно рассматривает мокрое табачное изделие. - Ладно, будем сушить...

И сигарета бережно укладывается на крышку.

- Так они... - ошарашенно утираясь, говорю я.

- Вода, - не дослушав подтверждает Лера. - Капли, только крупные и летают...

Не без опаски облизываю губы. Если это и впрямь вода, то какая-то горьковато-солонватая. Как слеза андроида.

* * *

В конце концов нас раскусили. На этот раз Лера была у меня в гостях. О чем беседовали - не помню. Не иначе память с перепугу отшибло.

- Ну?! - раздался сзади исполненный желчи мужской голос. - Что я тебе говорил?

Мы вскочили и обернулись.

Рядом с моим футляром стояла пара лицензионных андроидов - оба вне себя. Один упирал кулаки в бедра, другой с застывшей палаческой усмешечкой скреб ногтями подбородок.

- Развлекаешься, овца? - проскрежетал первый, уставясь на мою собеседницу.

- Мальчики! - отчаянно вскричала она, хватая меня за руку. - Да я сама только сейчас поняла, что он не робот!

И глаза застигнутой врасплох Валерии были столь натурально округлены, а в голосе звучало столь неподдельное возмущение, что я на месте этих двоих, скорее всего, ей бы поверил.

Я - да, но не они. Опытные были андроиды, знающие.

- Я на тебя наладчику стукну! - проклокотал первый.
- Да?.. - на повышенных тонах отвечала Валерия. - Про что стукнешь? Про то, что вы, лодыри, за работу как следует взялись? Стукнет он! На себя поди стукни! Кто под меня в прошлый раз клинья подбивал?..

- Чего-чего?.. - с нездоровым любопытством переспросил второй, поворачиваясь к первому.

Тот отшатнулся.

- Лёха! - завопил он. - Кому ты веришь? Да на кой она мне сдалась такая?

- Какая такая? - Второй прищурился.

- Слышал? - с горечью сказала ему Валерия. - Вот я уже и такая!..

Я продолжал стоять андроид андроидом. Слишком уж много информации на меня обрушивалось ежесекундно. Механизм я, конечно, прочный, но так и перегореть недолго...

- Лера... - укоризненно обратился я наконец к моей соседке.

- Да не знала я! - вновь закричала она.

- Не знала, что я не робот?

- Что они не роботы!..

После таких слов остолбенели все трое, включая меня. Потом андроид Лёха (он стоял поближе к футляру) взвизгнул и в избытке чувств ударил кулаком по крышке, а на суровом лице первого обозначились мучительные следы умственного процесса.

Я понял, что пора вмешаться.

- Послушайте, ребята! - сказал я. - Между прочим, это моя упаковка. Не надо по ней кулаками.

Реплика легла как нельзя удачнее. Опомнились, сообразили, что здесь еще и Володенька Турухин стоит глазеет.

- Вадим, - хмуро представился первый.

- Алексей, - назвалась второй.

- Владимир, - сказала Валерия.

* * *

Принесенная Вадимом плоская металлическая фляжечка была земного происхождения, как и Лерина пепельница. Я даже не стал спрашивать, откуда взялась - и так понятно. Содержала она виски и, судя по привкусу, недешевое. Рюмок не нашлось, так что пустили фляжечку по кругу.

- С прибытием! - провозгласил суровый Вадим, делая весьма скромный глоток и передавая емкость дальше. - Ну навел ты шороха...

- признался он, покручивая безбровый гладкой башкой. - Сколько времени из-за тебя дебилами ходили! И эта еще... овца!..

Лера прыснула.

- Скажи, прикольно, да?.. - ликующе произнесла она.

Разборка миновала, бояться теперь было нечего. Но ведь испугалась поначалу! Интересно чего? Неужели рукоприкладства? Между прочим, логично: не дай бог останется шрамик - пиши пропало! У лицензионных-то андроидов, наверное, регенерация... Хотелось бы знать, какое наказание в случае потасовки понесет зачинщик.

- А настоящие?

- Что настоящие? - повернулся ко мне Алексей.

- Настоящих тут много?

- Нету, - обронил Вадим коротко и емко.

- Вообще?! - поразился я.

- Да, видишь, - Вадим замялся, нахмурился. - Народ здесь небогатый, на лицензионного ни у кого не хватает, ну и... берут, наверное, что подешевле...

Похоже, придумывал на ходу. Зеленоглазый Лёха слушал его, улыбаясь иронически и в то же время несколько покровительственно: гони, дескать, гони, все равно ведь правды не знаешь.

Я уже различал их с легкостью, Вадима и Алексея. Сложением они, понятное дело, не слишком разнились (всех нас подбирали под вдавлину в футляре), а вот лица, если взглядишься, не перепутаешь. Хорошо еще, спим навзничь. Спи мы ничком, имелась бы и для рыла подробная выемка. Поди тогда кого-нибудь распознай! Одних двойников вербовали бы...

Так вот, о лицах. У Вадима черты правильнее, а голубые (насколько можно понять в сумерках) глаза широко раскрыты, словно он все время чего-то от тебя требует. Андроидное личико. У Лёхи физиономия посложнее: прищур, упрямо и насмешливо выдвинутая нижняя губа, нос чуть вздернут, но простоватости это Алексею ничуть не придает. Да, такому индивиду прикинуться роботом, я думаю, куда труднее.

И характеры у них, наверное, несхожие. Мягко говоря...

- Так, девушка! - сказал Алексей. - По-моему, ты уже второй глоток пьешь. Володе передай...

- А надо ли?... - усомнился я. - Вызовут на работу - я поддатый...

На меня посмотрели - каждый по-своему.

- Вот! - воскликнул Вадим. - Первый порядочный человек прибыл!

- А ты? - с интересом осведомился Лёха.

- Н-ну... - замялся тот. - И я тоже... - Вдруг разгорячился, возвысил голос: - Честно надо деньги зарабатывать! Честно!.. Неважно, чем занимаешься, главное - душу вкладывать!..

Такое впечатление, что спор на эту тему они вели постоянно.

- Вложи душу, а то сами вынут... - изрек Алексей. - Когда на жулика работаешь, тоже вкладывать?

- Почему на жулика?

- А Обмылок тебе кто?

- А вот это меня не касается! - вспылил Вадим. - Скажем, шеф у тебя

взяточник - ты что, за него в ответе?

- Смотря по обстоятельствам, - резонно заметил Алексей. - Если ни о чем не знал, то нет. А ты все знал с самого начала. Мало того, согласился участвовать в обмане...

- Это кого я обманываю?

- Лохматых, - невозмутимо отозвался Лёха. - По предварительному сговору разводишь кузенов по разуму, выдаешь себя за то, чем на самом деле не являешься. И ладно бы еще лицензионного корчил! Ты подделка подделки, Вадик! Контрафакт контрафакта...

- Ну, я долго ее держать буду? - очень вовремя вмешалась Лера. - Сейчас ведь еще отхлебну!

Спор прервался.

- Дай сюда, - буркнул Вадим и забрал фляжку. - Как там недвижимость? - хмуро спросил он. - Дешевеет? Дорожает?

- По-моему, дорожает, - не слишком уверенно ответил я.

- А инфляция как?

- По-моему, растет...

- И ведь не прикидывается Володечка, - чуть ли не с гордостью сообщила Валерия. - В самом деле такой...

Зеленоглазый Лёха смотрел на меня - и любовался.

- Истинный россиянин, - с удовольствием выговорил он. - Вот на ком государство держится... Кстати, держится еще?

- Держится, - сказал я. - А вы здесь давно?

- Здесь - недавно, - как-то странно ответил Алексей, особо выделив слово «здесь». Не исключено, что он был из числа тех таинственных всезнаек, для которых главное - многозначительность. Спокоен, самоуверен, слегка насмешлив, загадочен. Спроси такого, много ли у него при себе денег, скажет: «Сейчас - немного». Вот и гадай: то ли потратился, то ли ему вот-вот долг принесут.

А я-то думал, он тут ветеран.

Послышалось слабенькое мышинное попискивание - и правая половина лица Вадима вспыхнула синим бьющимся пламенем. Это сработала заложенная за ухо спичка. Владелец немедленно ее вынул - и голубоватые отсветы затрепетали теперь сразу на трех безбровых бледных лицах.

- Ну? - Лера с вызовом повернулась к Вадиму. - Поднялся - и честно бегом на работу! За язык никто не тянул...

Тот нахмурился, закричал.

- Ну... не сегодня же... - проворчал он. - Можно подумать, к нам тут каждый день люди прибывают...

И сунул фляжечку Алексею.

Потом ожила Лерина спичка, потом Лёхина. Мымра молчала. Казалось, лица нынешних моих сослуживцев светятся и мелко помигивают в сумерках сами по себе, словно испорченные неоновые

лампы. Удивительные люди! Я бы уже извелся, издергался, а им хоть бы хны.

- А у Володи владелица - дама, - в очередной раз заложила меня Валерия. - Сам, говорит, проверял... Зовут Мымрой.

Лёха закудаhtал. На редкость неприятный смех.

- Она что, еще и представилась?

Вадим обиделся.

- Бесполые они! - возмущенно сказал он. - И потом... как это можно проверить?

- А подходы знать надо, - поддела его Лера. - Это ты у нас валенок, а Володя куртуаазен... Как он тут меня без вас обхаживал!

- Шутит она так... - с неловкостью объяснил я.

Три спички пищали, как выводок мышат. Светились и помигивали голубовато-мертвенные лица, голубовато-мертвенные тела... Призраки мы, братцы, призраки... Потом я обратил внимание, что Лёха смотрит на меня с нескрываемым любопытством.

- Да почему же непременно огромное?.. - ни с того ни с сего вкрадчиво осведомился он, хотя я вроде ни о чем огромном слова не проронил. - Одна комнатка, эдак вроде деревенской бани, закоптелая, по всем углам пауки. Вот и вся вечность... А почему знать, может, это и справедливо?..

Похоже, кого-то цитировал. Да-да-да, где-то я что-то подобное встречал... В любом случае, невразумительной своей фразой Алексей привел меня в смятение. Уж больно совпадала она с моим строем мыслей. Слушайте, да он опасный человек...

Собеседники наши тоже слегка опешили. Опомнились лишь миг спустя.

- Идиот!.. - искренне сказала Валерия Алексею.

- Преступление и наказание, - спокойно уточнил тот и снова повернулся ко мне. - Ругачки еще не читаешь?

- Ругачки?..

- Значит, еще нет... - кивнул он. - Как бы тебе объяснить? Приказы - это для тупых...

- Для тупых?..

- Для нас, - сухо пояснил Лёха. - Для андроидов. Приказ он и есть приказ. Тут все, сам понимаешь, упрощено до примитива, как в армии: вольно, смиренно, налево, направо, кругом... А вот когда твоя Мымра бушевать начинает, то это она уже лопочет по-своему. Мысли вслух. И нам этого понимать не положено...

- Так... - с замиранием выдохнул я, предчувствуя, что услышу сейчас нечто крайне важное.

- Не положено, но можно... - с ленцой продолжал Алексей. - Поэтому, как начнет щупальцами мельтешить, не отвлекайся, попробуй подстроиться. Поначалу ни черта не понятно, а потом мало-помалу

кое-что, глядишь, и вылупится... Массу интересного о себе узнаешь. О себе, о роде людском...

- А при чем здесь род людской? Мы же андроиды!

- В смысле - о тех, кто нас якобы изготовил...

- И почему обязательно ругачки? - не выдержала Валерия. - Мой, например, старикан от меня в восторге...

- Вранье! - угрюмо подвел черту Вадим. - Не слушай их, Володька! Мозги пудрят. Я сюда раньше всех прибыл - я-то знаю... На вот лучше, допей. Как раз на глоток осталось...

На этом увлекательнейшая наша беседа была прервана появлением Обмылка.

- Чо, алкаши? - укоризненно прогнусил он. - Совсем уже оборзели, да?

Удивительный у него все-таки скафандр - гладкий, словно мыльный пузырь, а ничего не отражает. Даже синие вспышки наших спичек от него не отскакивали.

- Подумаешь, сенсация!.. - недовольно пробормотал Вадим. - Повод был, новичка обмывали...

Обмылок не стал с ним разговаривать и растаял в сумерках. Делать нечего, поднялись с колкого мха.

- Ладно, пошли, - сказал Лёха. - Хорош наглеть. А то на свалку отправит.

Я счел его последнюю фразу шуткой, а вот Вадим, кажется, нет. Резко обернулся, и мне почудилось, что лицо у него испуганное.

- Слышь! - плаксиво выкрикнул он. - Пургу-то не гони! На свалку он отправит... Я свои права знаю!

* * *

И остался я, братцы вы мои, один в полной растерянности посреди невразумительного серенького мироздания. Встреча с товарищами по несчастью должна была обрадовать меня и действительно обрадовала. Приняли радушно, да и сами по себе люди оказались приятные: умница Лёха, трудяга Вадим... Что до Леры, то она меня и раньше восхищала. Поймите, другие бы давно озверели от такой жизни, а они людьми остались. Несмотря ни на что. Ну дурачат друг друга, разыгрывают... Но это ж хорошо!

Однако вилась в душе некая червоточинка. Как всегда. Потрясающий ты человек, Володя Турухин: все бы тебе холить и лелеять какое-нибудь несчастье... А нету несчастья - так выдумаем.

Коротко говоря, опять не обошлось без разочарования, вроде того, что я испытал, очутившись впервые на Карининой даче, когда наивные мои страхи и не менее наивные надежды разбились вдребезги о кирпичную сторожку. Так и тут. Раньше в моей истории присутствовала трагическая нотка: одинокий человек, олицетворявший собою весь род

людской, пытался противостоять абсурду здешнего мира. Окружающее представлялось чуть ли не кругом ада, затем, с приходом Леры, стало казаться подобием Эдема... А теперь появились сослуживцы. Трагедия исчезла, начался быт: мелкая ревность, подначки, склоки местного значения.

Кроме того, мне очень не понравилось упоминание свалки. Ни о какой свалке мы с Кариной Аркадьевной, помнится, не договаривались. Надеюсь, что это тоже местный прикол...

А вот совет Алексея меня, честно сказать, поразил. Неужели и впрямь можно проникнуть в мысли негуманоида? Правда, Вадим говорит: вранье... Может быть, и вранье. Но надо попробовать. Обязательно надо попробовать...

Глава 8. СТРАХИ

Она меня не любит. Мало того, она меня, оказывается, боится до судорог. Пока просто командует, этого не заметно. Но потом ее пробивает - и начинается пресловутое кипение рыбьей стаи: лианы бурлят, отсверкивают тусклым серебром, шарообразность утрачивается - мечется моя Мымра и приседает, как дерево под ветром...

Сначала грешил на собственную впечатлительность: мы ведь очень сильно зависим от чужих слов. Лёха наплел, я поверил - и, глядишь, взаправду померещилось. Однако потом мало-помалу в истериках Мымры стали угадываться некие вполне конкретные образы. Когда такое произошло впервые (с седьмой или с восьмой моей попытки вникнуть), я по привычке принял эти образы за приказы. Нечеткие, невнятные, почти нечленораздельные. Но дело было даже не в нечеткости их, а в самой сути. Мне предлагалось (а может, и запрещалось) сделать что-то страшное: сжечь Мымру, например... Аж мороз пробрал - вдоль голого хребта.

И лишь потом я сообразил, что никакие это не приказы и не запреты, а просто страхи. Она меня боится. Оказывается, Володенька Турухин смертельно опасное существо!

Зачем тогда покупала? Зачем выводит из себя дурацкими своими причудами? Адреналину не хватает?

Собирался спросить у Лёхи, однако не случилось. Каждый раз когда мне выпадал досуг, зеленоглазый коллега, как нарочно, был при исполнении. И я подошел к Вадиму.

- Слушай, - сказал я ему. - У тебя с лохматым твоим отношения нормальные?

Он чуть не вздрогнул и посмотрел на меня с подозрением.

- А в чем дело?

Я растерялся. Уж больно агрессивно это прозвучало.

- Так... интересуюсь...

Секунды две Вадим проедал меня глазами, потом, видно, понял, что издевки в моем вопросе никакой не содержит, и малость расслабился.

- Н-ну... непросто... - уклончиво ответил он. - Придирчивый очень, требовательный...

- А я думал, Мымра у меня придирчивая...

- Сравнил! - Вадим высокомерно усмехнулся. - В каком-то смысле с Мымрой тебе повезло. Четкости исполнения не требует, повторять не заставляет. Отработал абы как - и гуляй...

В голосе старожилы слышались покровительственные нотки.

- Знаешь, - признался я. - Пугливая она у меня какая-то.

Не понял, уставился.

- А кого ей пугаться?

- Меня.

- Тебя? - переспросил он. - А ты кто такой, чтобы им тебя пугаться? Это высший разум! Мы для них все равно что букашки... Для них Обмылок - букашка!

- Да видишь ли... - И я имел неосторожность поделиться недавними своими впечатлениями. С кем-то же надо было поделиться! Вадим глядел на меня, словно прикидывая, кто перед ним: лжец или псих? Третьего варианта, я так понимаю, было не дано.

- Ты... завязывай с этим... - выдавил он наконец. - Лёха тебе такого наврет... Мозги вспотеют!

- При чем тут Лёха? Я собственными глазами видел! То есть не глазами, а... Ну, понятно, короче! Что ж это, глюки?..

- Глюки, - уверенно подтвердил Вадим. - И чем больше будешь приглядываться, тем больше будет глюков...

Может, он и прав. Было у меня в детстве такое развлечение: уставишься на пятнышко или на сучок в доске - и рано или поздно вытаскивает из него человеческое лицо, птичка, словом, что-нибудь вполне постижимое рассудком. Случалось мне встречать людей, утверждавших, будто знают, в чем смысл жизни. Жутко представить, сколько времени пришлось им точно также пялиться на окружающую действительность, пока этот смысл не возник.

- Вообще осторожнее с ним, - предупредил Вадим. - Он тебе насчет свалки не впаривал еще?

- Нет...

- Не верь. Свалка - это не для нас. Это для настоящих андроидов!

- А не перепутают?

Старожил разволновался, В широко раскрытых глазах его проглянуло беспокойство, а то и страх.

- Как перепутают? - закричал он. - Как вообще можно перепутать?

- Как-нибудь... - пробормотал я, оробев.

- Это высший разум! - несколько даже угрожающе повторил Вадим. - Как он тебе перепутает?

- Да я не про лохматых, я про Обмылка. На свалку-то, наверное, наладчик отправляет...

При упоминании имени наладчика мой собеседник скривился. Не ладили они с Обмылком,

- Хрен он меня отправит, - мрачно сказал Вадим. - Я свои права знаю...

Да, такой человек, наверное, и в аду будет знать свои права. Такого не наколешь. Восемь часов на раскаленной сковороде - и ни минутой больше.

- Ты настоящего андроида хоть раз видел? - спросил я.

- Откуда?!

- Они вообще бывают?

Вадим моргнул несколько раз подряд. Впервые на моей памяти.

- Н-ну... а как же?... Это в нашей мути их нет, а так... Конечно, бывают!

Мы ж под них косим...

Да, пожалуй, именно Вадим первый произнес при мне это слово. Муть. Так, оказывается, мои сослуживцы именовали меж собой наш сумеречный мирок.

- Короче, я тебя предупредил, - хмуро подвел он черту. - Уши с Лёхой не развешивай...

А я думал, здесь одна Лера захлеб завирается...

- Вадик, а как на твой взгляд... Что мы тут делаем?

Он покосился на меня, как на идиота.

- Работаем.

- Я понимаю... Но делаем-то мы что?

Совсем оторопел.

- Ты что, сам не знаешь, что делаешь?

- Да знать-то знаю... Зачем?!

- Свихнуться хочешь? - грозно спросил Вадим. - Так тут это запросто!

Если каждый будет спрашивать зачем, это что будет? Приказали - выполнил! Зачем... Изучают нас, понял?

- Кого нас? Мы же не андроиды, мы даже не контрафакт!

- Ну и что? Они-то этого не знают...

- А зачем андроидов изучать? Возьми инструкцию, прочти - все дела!

- Да, может, они только прикидываются, что не знают...

Так. По-моему, разговор пора прекращать. О чем свидетельствуют истово раскрытые глаза собеседника? О том, что собеседнику все в этой жизни понятно и, стало быть, не о чем толковать. Ну, подумаешь, каждая последующая фраза противоречит предыдущей... Это, братцы вы мои, чепуха. Лишь бы голос уверенно звучал...

Потом его вызвали на службу, и я, поколебавшись, последовал за ним

- посмотреть, настолько ли строг его лохматый, как о нем недавно говорилось.

Муштровали Вадима долго. Знаете, по-моему, или он сачкует, или просто не слишком сообразителен. Приказы ему лохматый выдавал едва ли не по складам - я, во всяком случае, читал их с легкостью, хотя и находился в двадцати шагах от негуманоида. Между прочим, очень терпеливый и выдержанный дядечка - ни разу из себя не вышел. А за Вадима просто неловко. Велят присесть - встает, велят встать - ложится.

Не зря на него Обмылок бухтит.

* * *

Я лежал на спине в предназначенной не для меня выдавине и, откинув до предела крышку футляра, созерцал низко нависшую пухлую муть, где подобно бабочкам играли в чехарду две небольшие медузы. Думал о Мымре. Может, она действительно женщина? Мне ее жалко уже становится - до того боязлива. Но и я тоже хорош!.. Это же надо было такое отколоть: там лианы всю бурлят, страхи мерещатся, а мне взбрело в голову успокоить, чуть ли не по щупальцу погладить. Сделал, короче, шаг вперед. Без команды. Вмиг исчезла. Тут же появился Обмылок, отчихвостил на все корки. Оказывается, подходить ближе положенного расстояния - ни-ни! Спросил почему, услышал в ответ «по кочану» и был отправлен на нечестно заслуженный отдых. Вирусы щелкать. Надо полагать, Мымра после такого потрясения не скоро еще в себя придет...

Вскоре задремал. Я уже привык к здешнему режиму: часа четыре спишь, часа четыре бодрствуешь. А может, и не четыре, может, пять - какая разница!

Разбудил меня хорошо поставленный мужской голос, неистово и самозабвенно скандировавший:

*Толпами автоматы
топают к автоматам,
сунут жетон оплаты -
вытянут сок томатный....*

Ошалев, я вскинулся над бортом своего футляра и увидел Лёху. Тот простер руку и продолжал с еще большим надрывом:

*Некогда думать, некогда!
В офисы, как вагонетки!
Есть только брутто, нетто -
быть человеком некогда!..*

Замолчал, одарил насмешливым взглядом.

- Андрей Вознесенский, - пояснил он. - Доброе утро...

Должно быть, у него было два совершенно разных голоса: одним он

говорил, другим декламировал.

- Привет... - отозвался я и выбрался из футляра.

- Мне сказали, ты меня искал.

- Искал... - Я провел ладонью по голобровому лицу и проснулся окончательно. - Короче... сделал, как ты говорил...

Он посмотрел на меня с любопытством.

- Получилось?

- Да, получилось...

- А что такое?

- Она думает, я ее сожгу!

- Мымра?

- Да...

Алексей задумчиво поджал губы, покивал.

- Все правильно... - сказал он. - Огонь для них - самое страшное.

- А Лера курит, - растерянно напомнил я.

- Тоже с огнем играет, - с досадой отозвался Алексей. - В прямом смысле...

- Обмылок ей сигареты приносит, - не удержавшись, наябедничал я.

- Это меня и тревожит, - признался Лёха. - Странно ведет себя наш наладчик, не находишь?.. Как будто чувствует, что терять уже нечего.

Последняя его фраза меня обеспокоила.

- А что тут терять?

Лёха взглянул на меня и улыбнулся.

- Ему или нам?

- А разве это не одно и то же?

Лёха рассмеялся и потрепал меня по голому плечу.

- Тебе чего надо-то? - спросил он.

- Правды, - твердо ответил я.

- Ишь чего захотел... Я бы, знаешь, тоже не отказался.

Меня сильно раздражала эта его манера то и дело напускать на себя таинственность, но выбора не было.

- Видишь ли, в отличие от нашего пахаря, - миролюбиво продолжил он, - ты мне симпатичен, Володя. Может, я ошибаюсь, но есть в тебе такая внутренняя честность. Ты мыслишь, а не просто трындишь. Вопрос лишь в том, насколько прочна твоя нервная система...

Под нашим пахарем, судя по всему, подразумевался Вадим.

- Прочна, - заверил я.

- Хотелось бы верить... Ну, давай порассуждаем вместе. Нас боятся и ненавидят, так? Спрашивается - за что?.. За уродство? Вряд ли. Потому что и у моего лохматого, и у твоей Мымры главный мотив - огонь, а вовсе не наша с тобой внешность. Они панически боятся огня. И нас - как возможных носителей огня. Откуда мог взяться такой страх?

- Ну? - сказал я.

- Из прошлого! - Алексей был явно разочарован моей

несообразительностью. - Они уже имели с нами дело...

- С нами?

- Ну, не с нами... С изготовителями андроидов. Какая разница?

Я ошалел:

- То есть как какая разница?!

- Сейчас объясню, - утешил меня Алексей. - Если слышал, японцы...

Да, по-моему, японцы... Додумались, короче, ставить в офисах резиновую статую начальника. И бамбуковая палка рядом лежит. Отчитал тебя босс - идешь в холл, берешь палку и лупишь это чучело сколько твоей душеньке угодно. Снял стресс - иди работай дальше... Вот я и думаю: а что если здесь то же самое? Приобретают копии своих врагов - ну и...

Мне очень не понравился ход его мысли.

- Ты еще магию вспомни! - буркнул я. - Берут восковую куколку и начинают через нее порчу наводить...

На секунду Лёха оцепенел.

- А между прочим... - потрясенно вымолвил он.

- Что между прочим? - вспыхнул я. - Ну, присесть на корточки, ну, взяться левой рукой за правое ухо! Не жгут же, спицами не прокалывают...

- Дорогое было бы удовольствие, - заметил Лёха. - Кроме того, ты не учитываешь, что мораль-то нечеловеческая. Допустим, убийства и пытки расцениваются как знак уважения к противнику...

- Тогда почему лохматые не заставляют нас заниматься чем-нибудь действительно постыдным... Позорным...

- Трахаться у всех на виду? - предположил Алексей.

- Хотя бы так...

- Ты уверен, что это для них позорно и постыдно?

Я не был в этом уверен.

- На кого ты работаешь, Вова? - задушевно, как в контрразведке, спросил Алексей. Пристальные зеленоватые глаза его загадочно мерцали. - На Мымру... А кто такая Мымра? Негуманоид... А как будет «негуманоид» по-русски? - Ответа Лёха дожидаться не стал. - Нелюдь, - ласково сообщил он, выдержав крохотную паузу. - Мы с тобой, друг ты мой ситный, обеспечиваем нужды нелюдей...

- Ты меня не в партизаны вербуешь? - холодно спросил я. - Может, сразу сколотим диверсионную группу? Что тебе сделали негуманоиды?

- Они всех ненавидят, Володя!

- Кого всех?

- Всех, у кого две руки, две ноги и одна голова. Тебя, например, меня... Ты же сам недавно в этом убедился! Страх и ненависть. Ничего, кроме страха и ненависти...

- Христа распяли, Галактику продали... - в тон ему добавил я.

Лёха поглядел на меня с восхищением.

- Чувствую, будет с кем потолковать, - молвил он.

* * *

Я настолько уже привык к нашей мути (вернее, к тому ее пяточку, на котором мы обитаем), что почти уже не пользуюсь спичкой в качестве компаса. Заложил за ухо - и пошел. Озираться давно перестал, ноги сами придут куда надо. Читал в каком-то рассказе Куприна о забаве балаклавских рыбаков: завязывают человеку глаза, раскручивают как следует, а потом велют вслепую ткнуть пальцем на север. Так и я теперь. Куда бы ни занесло, в любой момент могу не глядя определить, в какой примерно стороне и на каком примерно расстоянии располагается мой саркофажик. Моя Полярная звезда.

Когда я вышел к Лериному футляру, он оказался закрыт и морозные искорки по нему не бегали. Должно быть, соседка моя была на службе. Я двинулся восвояси, как вдруг услышал странные звуки. Естественно, странные, какие же еще! Мирок у нас тихий (шорохи и потрескивания не в счет). Лохматые, если и общаются меж собой, то беззвучно, так что, кроме фальшивых андроидов, шуметь тут некому.

Взметнула навстречу черные свои шипы страшилка. Определенно у подножия ее что-то происходило: там ворочались бурые сгустки мглы, уменьшающиеся с каждым моим шагом. Разумеется, ежики. Сослуживцы мои, кстати, называют их колобками. Растерянно и бестолково округлые создания суетились вокруг черного со смоляными наплывами ствола, возле которого лежала и плакала Валерия.

Я остолбенел, потом кинулся к ней.

- Лера... Что с вами?..

Она ударила кулачком по колкому пружинистому мху.

- Не могу... больше... Сил моих больше нет...

- Ну что вы, Лера... - пролепетал я. - Что вы...

- Домой хочу... - пожаловалась она детским голосом, утирая мокрый от слез подбородок.

Дрогнувшей рукой я осмелился погладить ее голое бледное плечо.

- Ну и... отправитесь домой... - растерянно бормотал я. - Черт с ним, с островком в океане... Если не вмоготу уже!.. На особняк-то, я думаю, вы за четыре месяца заработали...

Она резко приподнялась на локте и посмотрела на меня с ненавистью.

- Дур-рак! Ты что, еще ничего не понял? Отсюда не возвращаются! Отсюда путь один - на свалку...

Я даже не испугался услышанному. Я просто не поверил.

- Господи... - простонала она. - Какая дура!.. Ну дали бы мне там два условно... А тут пожизненное... пожизненное!..

И стало до меня помаленьку доходить, что все это всерьез. Так не

разыгрывают.

- Позвольте, Лера... - Я попробовал улыбнуться - лицо задергалось. - А как же... пять тысяч в день?..

- Кретин!.. - с наслаждением проскрежетала она и снова уткнулась лицом в мох.

Я стоял перед ней на коленях, а в локоть мне тыкался колобок: дескать, уходи, все равно утешать не умеешь. Он-то и привел меня в чувство.

- Что такое свалка? - отрывисто спросил я.

Лера всхлипнула. Мне представилась копошащаяся гора бледных изуродованных тел. Стало жутко.

- Лера... - сказал я, и голос у меня дрогнул. - Бедная Лера...

Вскинулась, взяла за плечи.

- Иди ко мне... - обессиленно попросила она. - Иди...

Мне бы закрыть глаза, а я не закрыл. Вряд ли она увидела в них свое отражение, да этого и не потребовалось. Охнула, уткнула в ладони голое лицо и тихонько завыла. Я почувствовал, что еще секунда - и сойду с ума. Наконец дыхание у Леры кончилось, но тишина оказалась еще хуже, чем этот тихий вой.

- Я там красивая была... - разрывая мне сердце, прерывисто произнесла Лера. - У меня ресницы были...

Я медленно поднялся на ноги. Горло перехвачено от злобы, руки отяжелели.

- Зажигалка... далеко?.. - хрипло выговорил я.

Она отняла ладони, смахнула слезинки, всмотрелась.

- Зачем?

- Сожгу все тут... на хрен!..

Резко выдохнула, стремительно приходя в себя.

- Не дам, - сказала она. - Я еще жить хочу...

Перед глазами у меня затанцевали сразу три медузы. В бешенстве отмахнулся. Увернулись и затанцевали снова - уже вчетвером.

- Тогда пойду Обмылка изуродую!..

Лера грустно улыбнулась.

- Не надо, Володя... Кулак обобьешь. Обмылок - андроид...

После этих слов неистовство мое как рукой сняло. Колени подвинулись, и я снова опустился на колкое упругое покрытие. Обмылок - андроид?!

- Но... ты же говорила... у вас роман был...

- Да мало ли что я говорила!..

Помяни чертушку, а он тут как тут. Серенькое пространство поблизости лениво искривилось, складываясь полегоньку в знакомую гладкую фигуру с волдырем взамен головы. Гримаса жизни.

- Чо надо? - привычно осведомился наладчик.

Глава 9. ЛЁХА

Я ненавижу этот мир. Я ненавижу тесные кривляющиеся сумерки, ненавижу Мымру, Обмылка, даже ежей. Один из них сунулся мне под ноги, и я его, стыдно вспомнить, пнул. Он, естественно, увернулся, но все равно стыдно.

А разбираться я шел почему-то к Лёхе. Хотя понятно, с лохматыми попробуй разберись! Думаю, дивное и грозное зрелище представлял тогда собой Володенька Турухин. Взбесившийся Турухин - свихнуться можно...

«Я еще жить хочу...» Боже мой, какие мы выносливые твари! Лишь бы жить, лишь бы жить...

Лёха работал. В данный момент он пребывал в сложной позе: стоя на одной ноге, придерживал правой, заведенной за спину рукой левую ступню, а левой ладонью прикрывал правый глаз. Высший пилотаж! Андроид седьмого разряда.

Не знаю, осмеливался ли кто-нибудь до меня прервать рабочий процесс. Наверное, нет. Стремительно подойдя к коллеге, я вызвал настоящий переполох. Два открыто сговаривающихся механизма - это уже, согласитесь, мятеж. Бунт машин. Перед тем как исчезнуть, Лёхин владелец не просто взбурлил, он, по-моему, еще издал панический писк. Впрочем, мне могло и почудиться.

Лёха отнял ладонь от глазницы, отпустил ступню. Изумленно повернулся ко мне.

- Ну ты и впрямь партизан! - произнес он, покручивая головой. - На свалку захотелось?

- От кого ты узнал про свалку? - хрипло спросил я.

- От Леры, - отозвался он, продолжая с любопытством меня разглядывать.

- А она говорит, что от тебя услышала!

- В самом деле?.. - удивился он. - При мне она ссылалась на Вадима... Да-а, вот так и рождаются мифы. Концов не сыщешь...

- Ты сам-то в это веришь?

- Во что?

- В то, что домой отсюда не возвращаются! Только на свалку.

Алексей поскуачнул, досадливо крякнул.

- Понимаешь, - признался он с неохотой. - Вообще-то логика в этом есть... Какой смысл отправлять нас домой? А вдруг мы там все разболтаем? Это ж весь бизнес накроется...

- И ты так спокойно об этом говоришь?

- Я рассуждаю. А рассуждать следует только спокойно.

Мне уже хотелось его убить.

- Но Карина-то вернулась! Аркадьевна...

Алексей оживился.

- А! Так тебя тоже Карина вербовала? Это мы с тобой, выходит, молочные братья-андроиды...

Как всегда, уводил разговор в сторону.

- Вернулась же! - неистово повторил я.

- Если вообще здесь была, - меланхолично отозвался Лёха. - Про негуманоидов она, помнится, совершенно непохоже рассказывала...

У меня екнуло сердце. Вправду ведь непохоже!

- В любом случае, - задумчиво продолжал Алексей, - свалка - это вопрос веры. Если бы даже свалки не было, ее следовало придумать. С целью укрепления трудовой дисциплины...

- Дисциплины?.. - Я задохнулся. - Домой не вернут, денег не заплатят... Может, нас потому лохматые и боятся! Узнаешь, что терять нечего, все тут на фиг спалишь!..

Алексей вскинул глаза.

- Хорошая мысль, - оценил он. - Мне это как-то в голову не приходило... Только почему ты так уверен, что не вернут, не заплатят?..

Пришлось рассказать про Леру. Лёха выслушал, покивал.

- То-то, я смотрю, тебя с болтов сорвало... Истерика, Володь! Обыкновенная дамская истерика. Ей теперь чем хуже, тем лучше... Слушай, а что мы тут стоим? Меня ведь тоже, по твоей милости, не скоро задействуют. Пойдем прогуляемся...

Такое впечатление, что он и сам слегка нервничал. Деланым было его спокойствие. Мы двинулись к Лёхиному футляру.

- Может, лучше Леру навестим?

- Позже... - сказал выдавший виды Лёха. - Сейчас она или спит, или бесится. И на будущее запомни: если взбрык, на глаза ей лучше не попадаться. И себе нервы сбережешь, и сама она быстрее очухается...

- Часто это с ней?

- На моей памяти второй раз... Так ты, говоришь, тоже через Карину прошел? Как там моя грядка перед домом? Заросла небось?

Но я еще был слишком взвинчен, чтобы вести светские беседы и вспоминать общих знакомых.

- Это правда, что Обмылок - андроид?

Лёха остановился. Медленно повернулся ко мне.

- Первый раз слышу... Тоже Лера сказала?

Самое неприятное в общении с такими умниками заключается в том, что даже если они признаются в собственном незнании, ты им уже не веришь. Вот и тогда мне показалось, будто Лёха опять морочит мне голову.

- Собственно, почему бы и нет?.. - помыслил он вслух. - Тогда все становится еще забавнее. Мы прикидываемся андроидами, а андроид прикидывается...

- Да не может такого быть! - сказал я в сердцах. - Ну ладно, лохматые

не различают, кто где. Но чтобы мы сами так пролетели с Обмылком...

- Запросто! - заверил Лёха. - Лексикон его - триста слов. Ну, может, чуть больше... Как он отвечает на вопросы, ты знаешь. А что под шпану косит подворотную... Так это, согласишься, самая простая форма поведения!

Я брел и горестно размышлял о том, что унижить можно лишь того, в ком сохранилась хотя бы крупица собственного достоинства. Унижен - стало быть, человек достойный... Но куда ж еще дальше-то унижать?..

В молчании добрались до футляра.

- Присаживайся, - пригласил Лёха, и уселись мы рядышком на холодную крышку. Мох, конечно, теплее, но он колкий.

- Выпить нет? - спросил я.

- Выпить - это к Вадиму, - отозвался он. - Честно говоря, сам я с Обмылка еще ничего не требовал... Не знаю почему.

- Как бы все это проверить?.. - сказал я в тоске.

- Ты о свалке или?..

- О свалке. Бог с ним с Обмылком...

- Самое простое - прикинуться не подлежащим восстановлению. Только кто ж на это решится?

- Страшно?

- Страшно, - согласился Алексей, но с такой легкостью, что ему опять-таки не верилось.

И я вдруг почувствовал себя совершенно опустошенным. Слез с крышки, оглядел безнадежную нашу муть.

- Пойду все-таки к Лере схожу.

Лёха не стал меня удерживать.

- Сходи, - понимающе глядя, сказал он. - Если что серьезное - свистни...

* * *

На сей раз Лерин футляр был раскрыт. Сама она спала. Я склонился над ее похожим на посмертную гипсовую маску лицом и почувствовал легкий запах коньяка. Тоже выход.

Наладчик-андроид, контрабандой проносящий спиртное сотрудникам... Дикость какая-то. В башке не укладывается. Хотя, с другой стороны, почему бы и нет? Это же все равно что вовремя сменить смазку. А иначе станок просто выйдет из строя...

Возвращаться к Лёхе не хотелось. Пошел к себе, улегся в свою выемку и попытался осмыслить хотя бы часть обрушившихся на меня сведений.

Плохо, что в ремонте мне еще пребывать долго. Поломка-то нешуточная...

Все-таки изгнание людей из рая не было, на мой взгляд, карой.

Наоборот! Если ты вкусил плода с дерева познания, сравнялся разумом с Богом, а делать тебе при этом абсолютно нечего... Подумаешь так, подумаешь, осознаешь собственное ничтожество, бессилие, недолговечность, да и повесишься на первом суку... И что оставалось Всевышнему? Только одно - выгнать Адама с Евой в неплодородные земли, где думать им будет некогда. Трудиться надо! Хлеб свой в поте лица добывать...

А тут лежишь-лежишь, и того... ан и вольнодумец...

Пытаюсь взглянуть на себя глазами Мымры - или что у нее вместо глаз? Не представляю, как они вообще воспринимают окружающее. Зрения нет, слуха, судя по всему, тоже... Ни к чему не прикасаются, даже к почве - я нарочно смотрел: там зазор между нижними лианами и мхом, небольшой, но зазор. Короче, просто висят в воздухе. А коли так, то, стало быть, и осязание им ни к чему. Вкус? Для вкуса рот необходим, язык и прочее... Ну и совершенно точно, что с нюхом у них совсем никак, иначе бы они в два счета подловили Валерию с ее куревом. При их-то боязни возгорания!

Тем не менее Мымра безошибочно угадывает, правильно или неправильно я выполнил команду. Видимо, шестое чувство, взамен наших пяти.

Каков же я, однако, в представлении Мымры? Перебираю все ее страхи - и содрогаюсь. Злобное, маленькое, уродливое существо, думающее только о том, как бы улучшить момент и поджечь, испепелить, уничтожить. Несправедливо...

Да? Несправедливо? Ты уверен в этом, Володенька Турухин? А вспомни-ка историю своего рода-племени! Пожары и пепелища. Одни пожары и пепелища... Ну да, ну да, имеются еще в наличии пирамиды, греческие акрополи, римские акведуки... Моны Лизы, скрипки Страдивари... Все то, короче, что по каким-либо причинам не удалось сжечь или разнести по камушку. До поры до времени... Карфаген должен быть разрушен. А иначе Риму не жить... Так мы относимся к себе подобным...

А к неподобным? Вот существовали когда-то на планете Земля такие негуманоиды - мамонты назывались. Интересно, что они о нас думали, проваливаясь в вырытые нами ямы на вбитые нами колья?..

А у Лёхи, по-моему, какая-то извращенная форма гуманизма. Гуманоиды всех планет, объединяйтесь! Нет, не понимаю. Ну нелюди, ну... Можно подумать, это нелюди нас вербовали, это нелюди загнали нас сюда и развели как последних лохов! На мой взгляд, единственное, что можно вменить в вину лохматым, - сам факт покупки. Создали спрос - вот тебе и предложение...

Да, но на кой мы им черт нужны? Тут я теряюсь, тут я до сих пор не знаю, что и предположить...

С освещением здешним тоже не все ясно. Точнее - не ясно ничего.

Зачем вообще освещение, если нет глаз? Напрашивается вывод, что сумрачный полусвет лохматым не нужен - они, судя по всему, и в темноте прекрасно ориентируются. А нужен он нам, андроидам, чтобы могли различать команды.

Видишь теперь, сколько с тобой хлопот, Володенька Турухин? Осознай и возгордись...

Хотя нет, повремени. Похоже, что гордиться все-таки нечем... Как ты тогда объяснишь столь быструю смену дня и ночи? И почему работать приходится в более темных сумерках, а отдыхать в более светлых? Допустим, яркий свет лохматым неприятен или даже вреден, но сутки-то зачем укорочены?

Проще всего, конечно, предположить, что подобные условия создавались не для человека, а для андроида. Нежный, видать, механизм, капризный... Подай ему оптимальный режим, температуру, влажность, освещение... То ли дело мы, нелицензионные! И в Сибири выживем, и в Каракумах. Нужда припрет - любую команду поймем на любом языке. Поймем даже то, что нам и понимать-то не положено.

А они нас понимают? Как растолковать Мымре, что не все гуманоиды сволочи, что я, например, не люблю оружия, что хищная его красота кажется мне противоестественной?..

И приходит в голову совершенно бредовая идея. Помните, с древних времен то один, то другой безумец пытался обучить обезьян человеческой речи? Естественно, ничего не получалось, потому что как ты их обучишь, если нет речевого аппарата? А в двадцатом веке кто-то попробовал применить жесты - упрощенный язык глухонемых. И, как выяснилось, шимпанзе и гориллы запросто его освоили. Общаются всюю с людьми, друг с другом...

Вот я и думаю: а вдруг с нами тут хотят проделать то же самое, что мы проделали с обезьянами? Щупальцев у нас нет - и приходится работать по упрощенной схеме: присел на корточки, взялся левой рукой за правое ухо...

Но если так, то жизнь вновь обретает смысл.

* * *

Оставаться наедине с такими догадками было свыше моих сил. Требовался собеседник. Вылез я из футляра и снова поперся к Лёхе. Пришел, высказался. Сбивчивую мою речь Алексей воспринял с нескрываемым сомнением.

- Остроумно, - кисло признал он. - Местами даже блестяще. Только, знаешь, как-то слишком уж... лестно... Я бы даже сказал, благородно...

- Что ж тут благородного? - Я даже опешил слегка. - Мы, получается, в роли обезьян выступаем...

- Я не про нас, - пояснил Лёха. - Я про лохматых. У меня привычка готовиться к худшему, а в твоей трактовке они предстают такими благодетелями... филантропами...

- По-моему, ты просто ксенофоб, - брякнул я. - Ненавидишь то, чего не можешь понять...

Алексей поморщился.

- Да не то чтобы ненавижу... Скорее, опасаясь. На всякий случай... И неувязочки кое-какие смущают.

- Например?

- Ты говоришь, учат нас своему языку... Кого нас? Андроидов?

- Н-ну... может быть, хотят выйти через андроидов на обмылков?..

- Ты же сказал, что Обмылок сам андроид.

- Нет, я имел в виду... на производителей андроидов...

- Так давно уже вышли! Раз торгуют между собой, воюют...

Загнал в тупик играючи. Вообще-то было у меня в запасе еще одно соображение, но, во-первых, глуповатенькое, во-вторых, услышанное от Вадима, в-третьих, выскажи я нечто подобное, Лёха бы объявил, что я окончательно продан лохматому. Тем не менее решил:

- А если они знают, кто мы такие?

- То есть?

- Если они знают, что никакие мы не андроиды, что все это просто афера... Что ж они, железяку от человека не отличат?..

-Железяку отличат, - хладнокровно согласился Алексей. - А биоробота - не знаю...

Внезапно меня озарило:

- Да, может, они сами Обмылка и перепрограммировали, чтобы он им людей сюда поставлял...

Лёха смотрел на меня, вздернув голые брови.

- Да-а... - с уважением протянул он. - Virtuозно выкрутился, ничего не скажешь... Молодец!

Тем временем прямо перед нами в сереньком мареве замаячила, зашаталась колоссальная расплывчатая фигура.

- Лера, - уверенно определил Алексей - и ошибся.

Белесая фигура приблизилась и съежилась в Вадима. За правым ухом - спичка, в руке - фляжка.

- У, лодыри! - укоризненно вымолвил он, подойдя и со стуком поставив ношу на крышку. - Все в ремонте, один Вадик за вас паши!

- Ну, неправда ваша, дяденька! - возразил ему Лёха. - Это Володя с Лерой дефектными прикинулись, а я уж так, под раздачу попал...

Должно быть, Вадим был уже в курсе моих подвигов - покосился, неодобрительно покачал головой. Дескать, от кого от кого, а от тебя, Володя, я такого грубого нарушения трудовой дисциплины не ожидал. С кем же это он успел побеседовать? С Лерой - вряд ли. Значит, с Лёхой. Не с Обмылком же...

- Тут наш Вован новую версию выдвинул, - осклабившись, известил Алексей. - По-моему, она тебе, Вадик, должна понравиться... Каждая наша поза - это буква их языка. Грамоте нас, темных, учат. Скоро с лохматыми болтать начнем... хореографически...

Я тоже думал, что Вадим обрадуется. Ничуть не бывало. Насупился, кашлянул.

- Опять ноль на ноль делите, - проворчал он. - Ноль поделить на ноль - что будет?

- По-моему, бесконечность, - сказал Лёха.

- Ноль будет! - отрубил Вадим, и видно было, что лучше с ним по этому поводу не спорить. Как, впрочем, и по любому другому поводу. - Станут они тут с нами разговаривать...

Да, пожалуй, Алексей не такой уж глубокий психолог, каким пытается казаться. При том, конечно, условии, что он действительно хотел привести собеседника в хорошее настроение. Можно было бы и сообразить: если работа наша на самом деле - учеба, то Вадим неминуемо оказывается двоечником.

Заложённая за ухо спичка пискнула по-мышинному, и половина обиженного лица окрасилась синим. Как у клоуна.

- Вот, - с упреком сказал Вадим. - Вы тут прохлаждаетесь, а я за вас трудись...

Повернулся и двинулся прочь.

- Фляжку забыл, - окликнул Лёха.

Вадим лишь рукой махнул:

- Пользуйтесь... Глотнуть оставьте.

Хороший он все-таки мужик. Простоватый, но хороший.

- Уважает Вадик лохматых... - несколько глумливо произнес Алексей, когда муть окончательно поглотила вздувшийся белесый силуэт. - Шибко уважает... Не дай бог что стряется, жизнь за них положит, себя не пощадит...

- Пожалуй... - согласился я, наблюдая, как мой собеседник сноровисто свинчивает откидную крышечку фляжки. Потом спохватился: - Позволь! А что тут может стрястись?

- Ну мало ли... - с загадочным видом отозвался он.

Глава 10. МУТЬ

- Ничего вы в нашей осени не смыслите, - сказал я, вернувшись неделю спустя. - У нас полутона, нюансы. А у вас - как пьяный маляр красок наляпал.

Сильно обиделась. Неделю не разговаривали.

Сам не знаю, как и когда это началось, но родная муть стала потихоньку обретать цвета. Она уже не кажется мне мертвенной,

уныло-серой. Просто смотреть надо умеючи: приостановись, вникни, потом отшагни тихонько в сторону - и ты увидишь, как серебристо-сизый мазок, изогнувшись, вбирает в себя лимонный оттенок. Говорят, именно так пишут акварели: нанесут капельку, выждут, пока подсохнет, и только потом кладут на нее другую. А иначе не возникнет ощущения глубины.

Страшилки - вообще нечто удивительное. Потрясающая графика, причем меняется через каждые полшажка. Я теперь не хожу, я теперь глазею. Как в Эрмитаже. Как в осеннем (линялом) парке.

Суматоха, вызванная моими выходками, улеглась и забылась. От Обмылка, разумеется, влетело, ну да это дело привычное. Кстати, пользуясь случаем, попробовал его расколоть. Взять на пушку.

- Обмылок! - прямо сказал я ему. - Ты андроид?

- От андроида слышу! - без запинки огрызнулся он.

Думаете, я от него отстал? Черта с два! Распоясался Володенька Турухин, разнузданся...

- А на свалке ты давно был?

- Только что оттуда...

Вот тут я, честно говоря, малость струхнул. Не ждал столь откровенного ответа. Значит, не просто слухи, значит, свалка и впрямь существует. Единственное, что утешало: андроид он, не андроид, но раз бывает на свалке регулярно и, главное, возвращается невредимым, то, стало быть, не так уж она и страшна, эта свалка, как ее малюют...

- И как там? - спросил я с опаской.

- Как в Норвегии... - спесиво отозвался Обмылок. - Кому хрен, кому привилегии...

Где же он, интересно, эту фразочку подцепил? Ни разу ни от кого не слышал ничего подобного... Я понимаю, что Норвегия приплетена для рифмы. И тем не менее... Как в Норвегии?..

Рискнул обратиться к Лере, разумеется, со всей осторожностью и тактом: помянешь свалку - не дай бог опять в рыдания ударится. Опасения оказались напрасны. Лера встрепенулась, таинственно расширила глаза.

- А что ж ты думаешь! - увлеченно подхватила она. - Может быть, еще и лучше, чем в Норвегии! То, что для них свалка, для нас, я не знаю... супермаркет бесплатный!.. Идешь, а там такие вещи валяются... Просто так, представляешь?..

Лера уже забыла о произнесенном ею мгновение назад «может быть» - теперь для нее так все оно и было. Я зачарованно смотрел на эту удивительную женщину, и не верилось даже, что именно она лежала недавно под страшилкой, ударяя кулачком в жесткий пружинистый мох, жаловалась, плакала навзрыд.

- Знаешь, откуда нам Обмылок все приносит? - вдохновенно

продолжала она. - Угадай с трех раз!..

- Стоп! - не выдержав, перебил я. - Свалка чья? Наша или инопланетная? Откуда там сигареты возьмутся, фляжки с коньяком?

- А Обмылок говорит: со свалки...

Та-ак... Сейчас забудет, что сама же объявила Обмылка андроидом, и снова начнет повествовать захлеб о своих романтических с ним отношениях. Ох, Лера, Лера...

Или в виду имелась какая-нибудь земная свалка? Я представил нагроможденную как попало гору фляжек, сигаретных блоков, зажигалок, новеньких карманных пепельниц с крышечками и решительно эту версию отбросил.

* * *

Да и лохматые мне с каждым днем все более симпатичны. Не знаю, что против них имеет Алексей. Оказывается, красивые создания. Вот у кого переливы оттенков! Сравнить лохматых со связками веревок можно было только сослепу или по большой злобе. Сейчас они мне напоминают гигантские орхидеи. Или, я не знаю, хризантемы. Никогда в цветах не разбирался. А что шевелятся... Ну так, когда быстро прокручиваешь запись, цветок на экране тоже начинает шевелиться. Не исключено, что наша муть (приходится поневоле пользоваться этим устаревшим для меня словом) с ее ровным климатом и мягким освещением всего-навсего теплица или что-то в том же роде.

Собственно, почему нет? Оранжерея, где выращивают экзотические разумные растения. И обратите внимание, все лишние детали тут же находят себе нишу. Это называется: была бы гипотеза, а факты распишем! Страшилки, к примеру, вполне сойдут за кислородные установки, а ежики (они же колобки) обретают черты автономных газонокосилок. Катаются и мох ровняют. Ляжешь на неподстриженный участок - сгонят. Медузы, понятно, заняты орошением, а заодно следят за противопожарной безопасностью - не зря же они только вокруг Леры и вьются...

Правда, моя собственная роль и при таком раскладе не становится понятнее. Кто я? Совершенно точно, что не садовник. Даже не дачный сторож. Скорее уж, полезное насекомое вроде божьей коровки... Где тогда вредные насекомые, против которых я заточен? Приходится допустить, что невидимы. Сажусь на корточки, берусь за ухо, а у астральной тли при виде такого ужаса - бац, инфаркт...

Надо будет Алексею рассказать - пусть посмеется. Впрочем, нет, не надо. Неприятный у него смех, кудахтающий.

Размеры теплицы весьма скромные. Гектар или что-то в этом роде. Формы она, представьте, не имеет вообще. Не представляете? Я, честно говоря, тоже. И тем не менее. Первая попытка определить

границы мира была предпринята мной еще до знакомства с Лерой: как только овладел спичкой - понесло в неведомое. Очертя голову, таким Колумбом, двинулся по прямой в никуда, через каждые сто шагов оборачиваясь и с удовлетворением отмечая, что граненый набалдашничек исправно мерцает. На пятой сотне устройство отказало, бросив меня в холодный пот. Я, конечно, решил, что выбрался из зоны действия прибора. Скорее машинально, чем осознанно, обвел спичкой окрестности, и набалдашничек вспыхнул вновь. Однако теперь он указывал не назад, а вперед. И действительно еще шагов через четыреста я вышел к своему футляру, но уже с другой стороны, причем даже не слишком этому удивился.

Так что, братцы вы мои, не исключено, что с преломлением света тут как раз полный порядок. Это не атмосфера кривая - это пространство кривое. Гектар, замкнутый сам на себя. Произрастают на нем не менее четырнадцати лохматых (точное количество указать не могу - они ж на месте не сидят), торчат около тридцати страшилок, катается чертова прорва ежеиков, плавают армада медуз и стоят четыре футляра.

То есть на четырнадцать лохматых рыл всего четыре владельца. А что же, интересно, остальные? Боятся покупать или такие все нищие, что даже на фальшивого андроида денег наскрести не могут?

* * *

С Мыррой у меня не вышло ничегошеньки. Заступил на пост, принялся запоминать позы с целью последующей расшифровки. Во-первых, ни черта не запомнил, во-вторых, все команды требовали разного. Ни одна не повторилась. А нет последовательности - нет закономерности...

Вспомнил сетования Вадима, выкроил время, сходил посмотрел еще раз, как он трудится. Все верно, сплошные повторы, однако никто, кроме него самого, в этом не виноват...

Пожаловался Лёхе. Думал, начнет ехидничать. Но Лёха на сей раз был какой-то странный, сумрачный, с застывшей кривой полуулыбкой и остановившимися глазами.

- У тебя какое образование? - спросил он.

- Филфак.

- Педуниверситет небось?

- Да.

- Так я и думал. Это ж тебе не фонетическое письмо! А вдруг каждая твоя поза вовсе не буква, а иероглиф, а?..

В иероглифах я вообще ничего не смыслил. Ни в китайских, ни в японских, ни в египетских.

- Прости, не понял. В чем принципиальная разница?

- Буква обозначает звук и только звук. А в иероглифе присутствует

еще и смысловая составляющая.

- Так... И что?

- Есть у меня такое ощущение, - признался Лёха, - что ее-то мы и не улавливаем...

- Смысловую составляющую?

- Угу...

- То есть становимся в позу, а что она означает, не знаем?

- Угу...

- А я тебе разве не то же самое говорил?

Лёха вздохнул.

- В любом случае, спасибо, - сказал он.

- За что?

- За подсказку.

- Ты что-то понял?!

Лёха отозвался не сразу. Оглядел мох под босыми ногами с таким видом, словно спичку из-за уха обронил.

- Как там в Евангелии?.. - ни с того ни с сего осведомился он. - Посмотрите на смоковницу и на все деревья...

- И что? - спросил я.

- Пока еще не распускаются, - сухо ответил Лёха.

Кроме этой белиберды, я из него выжать тогда так ничего и не сумел.

* * *

Не ведаю, что тому причиной: мои попытки вникнуть в тайный смысл приказов или дурное настроение владелицы - но с некоторых пор она как с цепи сорвалась. Хризантема хренова! Никогда меня еще с таким остервенением не муштровали. Вздремнуть почти не удастся. В истерику Мымра, правда, ударяется реже, зато сильнее и жутче. В страхах ее теперь явно сквозит отчаяние, да и сам предмет боязни, Володенька Турухин, стал выглядеть несколько иначе. Как будто она хочет мне внушить ненависть к себе самому и при этом безбожно сгущает краски. Ну не такой я, не такой! Вообще не я! А уж о том, что я в Мымрином воображении творю, лучше и не упоминать. Головореза нашла, спецназовца... Еще смущает странная штукавина, неизменно возникающая у меня в руках. Понимаю, орудие убийства, но, клянусь, ничего подобного я в жизни своей не видел. Для зажигалки велика, для огнемета, пожалуй, маловата...

- По-моему, она в тебя влюбилась, - сказала опытная Лера.

Такое впечатление, что с моей легкой руки все двуногие обитатели нашей мути считают Мымру женщиной. Даже Вадим, уверявший, что лохматые бесполы.

- И что мне теперь делать?

- Ответь взаимностью.

- Как?!

- Сердце подскажет.

Издевается, зараза. До сих пор не может простить, что мы с ней тогда под страшилкой не согрешили. Откровенно говоря, я и сам до сих пор себе простить не могу... Но поймите; этот голый череп, безбровое бледное лицо, веки без ресниц... Да! Знаю! Сам такой! И тем не менее. Даже если бы закрыл глаза, осязание-то никуда не денешь...

Но больше всех, конечно, поведением моим возмущен трудяга Вадим.

- Ты что творишь? - шипит он. - Ты что ей позволяешь?

- Можно подумать, от меня что-нибудь зависит...

- Зависит! Прикинься неисправным! Уйди в ремонт!

- Ну вот... А говорил, деньги надо честно зарабатывать.

Мои слова поражают Вадима в самое сердце. Такого коварства он от меня не ожидал. Отшатывается, делает глаза убийцы.

- Честно?! Отдыха андроиду не давать - это, по-твоему, честно?

- Я-то тут при чем? Мымре поди скажи!

Не слышит. Гнет свое:

- Да по-честному ты просто обязан уйти в ремонт! Обязан! Лицензионный на твоём месте сгорел бы давно. А ты пашешь! Может, она как раз проверяет, робот ты или не робот... Ты же нас всех подставляешь пахотой своей!

А действительно, почему я до сих пор не сказался дефектным? Сам не знаю. То ли на прочность себя проверить решил, то ли проснулось во мне этакое детское упрямство: а вот не замучишь ты Володеньку Турухина! Приказы отдавать надоест.

- С чего ты взял, будто лицензионный сгорит? - вяло возражаю я. - Ты же их не видел ни разу...

- Да ни один робот такого не выдержит! - Внезапно лицо Вадима становится тревожным, в глазах - испуг. - Или еще хуже, - прибавляет трудяга, конспиративно понизив голос. - Другие посмотрят-посмотрят и своих тоже так гонять начнут...

А может быть, всему виной Лёхина таинственность. Намекнул в прошлый раз, будто вот-вот уяснит смысловую составляющую наших ежедневных кривляний, - и мне, дураку, тоже захотелось. Теперь терплю, жду, когда количество перейдет в качество...

Мой правый глаз залепляет синим светом, а барабанная перепонка едва не лопаётся от оглушительного писка. Поспешно вынимаю спичку из-за уха.

- Стоять! - рычит Вадим. - Никуда не пойдешь!

Спичка пищит и мигает.

- Справедливость должна быть на свете? - угрожающе надвигается он на меня. Видимо, это его последний и главный козырь.

- Нет, - говорю я и ухожу, оставив собеседника в состоянии остолбенения.

* * *

Настроение - ни к черту. Машинально выполняю все повеления Мымры, а сам угрюмо думаю о своем.

Справедливость... Что это такое, я в полной мере осознал года четыре назад, когда мы с Танькой поздним январским вечером возвращались из гостей. Надралась она тогда основательно, да и я, признаться, лишнего принял. По дороге стала нарочно падать в сугробы, откуда мне ее каждый раз приходилось извлекать. В конце концов лопнуло мое терпение, и я высказал раскинувшейся в снегу супруге все, что о ней думаю.

В этот самый миг возникли из январской мглы двое: рослый паренек и хрупкая девчушка. Наверное, подумали: это я Таньку в сугроб толкнул.

- Вы что делаете с женщиной?!

- Домой веду! - огрызнулся я.

Они кинулись к Татьяне и о чем-то ее спросили. Не знаю, что она им сказала, но мне тут же был отвешен вполне профессиональный крюк справа в челюсть. Должно быть, спортсмен был парнишка. Меня повело, заснеженный тротуар вывернулся из-под ног, далее снизу приплыл удар ботинком в рыло - и опрокинул навзничь.

А потом произошло главное. Хрупкая девчушка склонилась ко мне и отчаянно-звонким голосом прокричала прямо в ухо:

- Подонок! Подонок! Таких, как ты, убивать мало!

И они ушли, правые, гордые собой, уверенные в том, что совершили добрый поступок. Добро должно быть с кулаками. А я кое-как перекаптался на карачки, очумело приложил пригоршню снега к разбитой вдрызг морде и, делать нечего, вновь принялся поднимать из сугроба невменяемую Таньку.

И это еще не все. Услышав от меня утром, что случилось, она перестала со мной разговаривать. Посудите сами: вчерашнее из памяти выпало, но, раз за нее вступились добрые люди, значит, ее муж и впрямь подонок.

Тогда-то мне и открылось, что представляет собой справедливость в чистом виде. Она именно такая и другой не бывает...

Удрученный неприятным воспоминанием, я не сразу обратил внимание на то, что от Мымры перестали поступать приказы. Мымра бурлила, но медленнее обычного и вроде, бы неуверенно. Попытался вникнуть, подстроиться - ничего не вышло. Страх, правда, чувствовался, но какой-то иной, незнакомый, а вот ненависти я вообще не уловил. Мало того, померещилось, будто в бессмысленном колыхании лиан сквозили жалость и растерянность.

И тут, совершенно некстати, возник Обмылок.

- Свободен, - коротко сообщил наладчик.

- Как?

- Как Куба. Хорош пахать. Два дня профилактики.

Надеюсь, в виду имелись два местных дня. Земной день, напоминаю, раза в три длиннее.

- А в чем дело?

- Люди жалуются, - молвил он свысока и сгинул.

Я обернулся. Шагах в десяти стоял и победно глядел на меня трудяга Вадим.

- Ну ты гад! - подивился я. - Наладчику стукнул?

- Стукнул! - с вызовом ответил он мне. - А что же, стоять смотреть, как ты себя в гроб вгоняешь?

- Стоять и смотреть! - подтвердил я.

Снова повернулся к Мымре, но той уже не было.

* * *

Черт бы их побрал, Обмылка с Вадимом! Никогда уже, наверное, не избавлюсь от ощущения, что они, гады, сорвали мне контакт. Чего я только потом ни делал: восстанавливал в памяти эту историю, как мне морду набили, вспоминал еще более душещипательные подробности нелегкой моей биографии - бесполезно. Мымра замкнулась. Если вообще раскрывалась. Вполне возможно, померещились мне и жалость ее, и растерянность. Усталый был, невыспавшийся, вздернутый - вот и померещились.

Глава 11. СРЫВ

По-моему, припадки отчаяния у нас, андроидов, приключаются здесь строго по очереди. Сначала Валерия, потом, как ни странно, Алексей. Кто бы мог предположить... Насмешливый, выдержанный, всезнающий - и надо же! - нервный срыв. Ей-богу, со взбрыками Леры было проще: характер легкий, переменчивый, разрыдается - рассмеется, а вот у Лёхи - сухая истерика. Если хотите, истерика мысли. Самая страшная из истерик...

Мне повезло наткнуться на него первым. Напоминаю: по милости стукача Вадима я пребывал на профилактике, проще говоря, сачковал. Поначалу хотел плюнуть втихомолку на распоряжение наладчика и, выждав время, вернуться к Мымре (не по долгу службы, а в частном, так сказать, порядке), но та, кажется, исчезла надолго. Раздосадованный, побрел по окрестности, утешаясь акварелями родимой мути и подвижной графикой страшилок. Брел-брел и набрел на Лёху.

Ксенофоб сидел на краю своего рабочего пятачка, причем сидел как-

то странно. Это не было позой отдыхающего человека (да и кому бы пришло в голову отдыхать на плацу!), скорее казалось, будто Алексей, внезапно обессилев, опустился наземь, а встать уже не смог. Лохматого на пяточке не наблюдалось. Я приблизился, но сидящий даже глаз не поднял. И что-то в нем было не так. Присутствовала в его облике некая жуткая, пока еще неуловимая подробность.

- Ты чего? - испуганно спросил я.

- Жду, - глухо ответил он.

- Чего ты ждешь?

- Обмылка...

Вскоре появился Обмылок.

- Чо надо? - осведомился он, как водится.

- Расчет, - негромко, но отчетливо произнес Алексей.

Я понял, о чем речь, и мне стало страшно. Обмылок молчал, и это тоже было страшно. Он стоял неподвижно - такая статуя Командора с пузырьком взамен головы.

- Слабо? - презрительно осведомился он наконец.

- Слабо, - ответил Лёха, глядя в слепое округлое рыло.

Я думал, следовавшая пауза никогда не кончится.

- Ладно, перетрем, - пробурчал Обмылок, и мы опять остались с Алексеем наедине. Тогда-то я и прозрел окончательно. Лицо и голова Лёхи стали вроде бы слегка шероховаты. Щетина. На маковке, на подбородке - везде. Перестал бриться! Будь он брюнет, я бы заметил это сразу, но Лёха у нас, оказывается, был блондин.

Он посмотрел на меня и усмехнулся через силу.

- Вот так... - то ли виновато, то ли назидательно молвил он. Потом уперся ладонью в мох и довольно бодро поднялся на ноги. - Ну что, пойдём коллег обрадуем?..

И пошли мы радовать коллег. Сначала отыскивали Валерию.

- Почему нет? - запальчиво спросила она, узнав, в чем дело. - Я и сама собиралась расчета попросить! На море хочу...

А вот Вадим всполошился. Даже лоб ладонью придержал.

- Погоди... - сказал он Лёхе. - С чего это ты вдруг?

Работа была остановлена повсюду. Вадим оказался последним, кого мы оторвали от дела, поэтому общее сборище состоялось возле его футляра. Вился сигаретный дымок, фляжечка переходила из рук в руки, а вокруг роились медузы.

- Бояться надоело, - надтреснутым голосом известил Алексей. Выглядел он скверно: в зеленоватых глазах - лихорадочный блеск, на резко обозначившихся скулах, насколько можно судить в нашем приглушенном освещении, - по розоватому пятну.

- Не мальчик! - скрипуче продолжал он. - И не надо меня страшить! Хыкой, свалкой... Сам сейчас отправлюсь и увижу. Домой - значит домой, на свалку - значит на свалку...

Никто ни при каких условиях не должен был произносить в нашей мути подобных слов. Я понимаю Лёхино состояние, и все же не следовало так безжалостно это оглашать. До сей поры мы жили, неустанно убеждая себя, что свалка нам не грозит. Кто вообще придумал, будто нас туда могут отправить? Поди пойми! Услышали от Обмылка - и раздули услышанное до мифологических размеров. Обычный ребяческий ужастик, предмет сомнительных подначек... И вдруг нашелся человек, решившийся проверить подлинность наших опасений. Это все равно как, если бы кто-нибудь, усомнясь, есть ли жизнь после смерти, взял да и объявил, что сейчас покончит с собой и все точно выяснит.

- Ты что, кретин?.. - прохрипел Вадим, выкатывая глаза.

Лёха ожил. Он любил, когда на него наезжают.

- Тебе не нравится, что я окажусь дома? - осведомился он.

- Так ты же сам в это не веришь!

- Не верю, - спокойно согласился Алексей. - И в то, что окажусь на свалке, тоже не верю... Я просто хочу проверить. Дальше что?

- Ну проверишь ты!.. - закричала Лера. - А мы-то об этом как узнаем?

- Никак. С чего ты вообще взяла, что я иду на разведку? Я просто иду.

А там посмотрим...

- Почему?!

- Я же сказал: надоело.

Тихая непреклонная решимость звучала в его голосе.

Даже не знаю, братцы вы мои, с чем это можно сравнить. Разве только с недоверчивым детским ужасом, когда впервые услышишь о том, что все смертно. И ты в том числе.

- Надоело ему... - злобно вымолвил Вадим. - Этак каждый может сказать: надоело...

- Ну и скажи.

- И что будет?

- Ничего не будет, - снова обессилев, выговорил Лёха. Голос его ушел в шамкающее бормотание. - Ночь придет, перекусит и съест...

- А ну хлебни! - яростно потребовала Валерия, ткнув ему в зубы металлическое горлышко. - Да не так! Как следует хлебни!.. Андроид называется!

Нет, все-таки оставаться наедине с ужасом не в обычае русского человека. Тем более когда рядом с тобой собратья по генам и по разуму. И фляжечка в придачу. Уговаривать или успокаивать Лёху не имело смысла - следовало только подначивать и дразнить. Первым это понял, как ни странно, Вадим.

- А что свалка? - ослабившись, огласил он вдруг. - Еще неизвестно, где лучше, здесь или там...

- Там, - уверенно сказала Валерия. - Здесь ничего нет, а там всего навалом...

- Откуда сведения?
- Говорят...
- Кто говорит? Нас тут всего четверо!
- Володя говорит!
- А он откуда знает?

Алексей слушал нас с вымученной снисходительной улыбкой.

- Слышь, - глумливо обратился к нему Вадим. - Ты это... пользуясь случаем, родне моей там привет передавай...

- Где? На свалке!

- Ага! Нужен ты кому на свалке!.. Ты им, короче, скажи: сами вы фуфло! А Вадик вон с высшим разумом корешится, деньги лопатой гребет... Адрес я тебе дам...

Шуточки его, как и следовало ожидать, были неумелы и неуклюжи, хотя это, может, и к лучшему. До оглашения адреса так и не дошло - начальство пожаловало. До сих пор не могу понять: Обмылок просто возникает в нужный момент в нужном месте или все же добирается туда пешком, а потом выключает свою мимикрию? Наверное, возникает. Уж больно у него это быстро выходит...

- Не понял, - буркнул наладчик. - Все, что ли, на расчет подали? Работать кто будет? Я буду?..

Не подававшие на расчет послушно поднялись. Я - тоже, но был остановлен.

- А ты чо пошел? Ты ж на профилактике...

Пришлось остаться.

- Ну? - с вызовом спросил Лёха, обращаясь к Обмылку.

- Перетрем... - недовольно повторил тот и вновь покинул сумрачные наши акварели.

* * *

Мы долго молчали. Я просто не знал, что сказать. Лёху было жалко, но не говорить же об этом вслух!

- Как ты сюда попал, Володя? - чуть ли не с укоризной неожиданно спросил он. - Ну ладно, Вадима безденежье достало, Лера у сослуживицы норковый воротник в гардеробной срезала...

- Как? - не поверил я.

- Не знаю. Технических подробностей не выспрашивал...

- Но почему?! - Я был настолько поражен, что даже Лёхины беды отодвинулись на второй план.

- Наверное, справедливости захотелось. У одних есть воротник, у других нету...

- Откуда знаешь?

- От нее.

- И ты ей поверил?

- Н-ну, во всяком случае, из всех ее автобиографий эта самая правдоподобная...

Я моргал, переваривая услышанное. Да ерунда это все! Мало ли что правдоподобно! Если на то пошло, как раз правда невероятна, а правдоподобнее вранья вообще ничего не придумано. Наверняка оговорила себя - под настроение...

Лёха смотрел на меня с усталым пониманием.

- Тебя-то, Володя, с чего сюда занесло? - повторил он. - А то ведь так и не узнаю...

Я кое-как передал в двух словах свою историю. Алексей кивнул шершавой серой головой.

- Что-то в этом роде я и предполагал... По-другому с тобой просто быть не могло...

Речь его звучала неторопливо и отрешенно, словно он уже не принадлежал нашей мути.

- А тебя с чего? - вновь преисполнившись жалости, спросил я.

Алексей слегка оживился.

- Ты не поверишь, - сказал он, как бы сам себе удивляясь. - Из высоких соображений. Нет, были, конечно, и житейские трудности, иначе бы Карина ко мне не подкатилась. Но в целом...

- Высокие соображения - это?..

- Ну как же!.. - язвительно выговорил он. - Такой шанс! Осознать место человека во Вселенной... Идиот!

- Почему идиот?.. - невольно заступился я за Лёху прошлого перед Лёхой нынешним. Прошлый и впрямь казался мне понятнее и ближе.

- Потому что меньше знаешь - крепче спишь, - отрезал он.

И я наконец заподозрил, что не только моральный износ был причиной его срыва.

- Смысловая составляющая?.. - У меня даже голос сел.

Алексей молчал.

- Ты что... говорил со своим лохматым?..

-Черт его знает, - безрадостно откликнулся он. - Может, с ним, а может, с самим собой... Поди разберись!..

- И что? - с трепетом спросил я.

Лёха нахмурился, вздохнул.

- Помнишь, ты удивлялся, что здесь нет ни одного лицензионного андроида? А их здесь, оказывается, и быть не может...

Я ждал, что он скажет дальше.

- Видишь ли, Володенька, насколько я понял, запустить сюда хотя бы одного лицензионного - это все равно что запустить хорька в курятник. Лицензионные лохматых уничтожают.

Последние три слова проникали в сознание поочередно. Проникли. Сложилось. И ослепительно взорвались. Бог ты мой, я ведь и сам мог об этом догадаться - из Мымриных страхов! Уничтожают лохматых...

Этакие механические спецназовцы, как в американских фильмах: ищут очередную муть, тайное убежище нелюдей, находят - и жгут дотла.

- Почему?..

Наверное, я произнес это вслух. Поскольку Лёха мне ответил. Спокойно, рассудительно.

- Наверное, потому что их так запрограммировали. Искать и уничтожать. Как клопов. Как крыс.

- Да, но... зачем их так запрограммировали?

- Затем что лохматые - наши враги.

- Наши?..

- Да, в том числе и наши... Ты ведь гуманоид, не так ли?

- Твари! - вырвалось у меня.

- Ну слава богу, - с насмешливым облегчением молвил Лёха. - Дошло наконец. Понял теперь, почему я не могу здесь больше оставаться? Хоть куда, хоть на свалку...

- Да не лохматые твари! - взвился я. - Мы твари, мы!

Лёха был так озадачен, что слетели с него вмиг и траур, и обреченность - одна щетина бросала вызов общепринятым правилам. Он даже чуть отстранился, словно бы желая оглядеть меня как явление в целом.

- Они кого-нибудь убивают? - вопрошал я с пеной у рта. - Кто?

- Лохматые!

- Кого?

- Кого угодно! Нас, друг друга!

- Видимо, да...

- Ах, видимо!.. А ты это видел?

- Нет, но...

- А мы?

- Во-он ты куда гнешь, - сообразил он. - Под презумпцию невиновности подводишь...

- А мы?! - в бешенстве повторил я.

- Ну, убиваем... - вынужден был согласиться он. - Себя, других...

- Трупы убитых они едят?

- Чего? - не поверил Лёха своим ушам.

- Того! Ни разу в жизни говяжьё котлету не пробовал?

- Да вы, батенька, толстовец, - восхищенно заметил Алексей.

На мелкую эту провокацию я не повелся.

- Боятся нас и ненавидят, говоришь? Правильно делают! Мы сами себя боимся и ненавидим...

Лёха перестал улыбаться.

- Это наше право, - пропустил он сквозь зубы, причем левая щека его дернулась. - А у них такого права нет и не будет... Помнишь, у Пушкина? «Я презираю Отечество мое с головы до ног, но мне досадно, если иностранец разделяет со мной это чувство...»

- Стоп! - прервал я его. - Презирать - одно. Уничтожать - другое. В чем их вина? В том, что они на нас не похожи? В том, что они красивы, а мы уродливы?..

На этот раз ответа не было долго. Лёха сидел, опустив голову - серую, шершавую, будто посыпанную пеплом.

- Слушай, ты... - словно бы через силу произнес он, так и не подняв глаз. - Либеральная обшмыга третьего разряда... Неужели трудно уразуметь: будь они ни в чем не повинны, с ними бы так не поступали...

Это был хороший профессиональный крюк в челюсть. Как тогда, на заснеженном январском тротуаре. Меня повело, однако на сей раз я удержался на ногах. В том смысле, что сохранил душевное равновесие. Кое-как.

- Да-да... - сипло выдавил я. - Если за тебя вступились добрые люди, а сама ты ничего не помнишь... значит, твой супруг - подонок...

Алексей, естественно, ошалел.

- Ты о чем? - спросил он, вглядываясь в меня с тревогой.

Еще минута - и я бы сорвался по-настоящему. Истерика - штука заразная. Слава богу, в следующий миг сработала спичка. Два укороченных местных дня, отпущенных мне на профилактику, истекли. Мымра жаждала лицезреть Володеньку Турухина.

- Прости, друг... - с натужной развязностью выговорил я, вынимая спичку из-за уха. - Служба...

* * *

Не знаю, что ей наплел о моей исправности Обмылок, но нагрузку мне Мымра резко снизила. Лучше бы она этого не делала. Я к ней как на свидание спешил, а нарвался на супружескую размолвку в самой мерзкой ее разновидности, когда муж мельтешит и суетится, не зная, как восстановить гармонию, а жена отворачивает нос, давая понять, что все между ними кончено.

Главное - за что? В чем провинился? С лучшим другом разругался вдребезги, ее же, Мымру, защищая, и вот тебе благодарность! Вы не поверите, но я оправдываться перед ней начал - припоминать лестные для себя подробности нашего с Лёхой раздора, кое-что даже преувеличивая, - до того понравиться хотел.

Ничего доброго из этого, разумеется, не вышло, и вскоре возненавидели мы друг друга до сладострастия. Что она из себя корчит? Лиана под хвост попала? Было очень обидно.

Потом пришло спасительное отупение. Машинально выполнял приказы, а мысли брели своим чередом.

Может, Лёха в чем-то и прав: бросить все к чертовой матери и потребовать расчет... Обратите внимание, сам Обмылок, не отрицая факт существования свалки, ни разу не пригрозил никого туда

отправить. Во всяком случае, при мне. Свалка... Ну есть такое место - и что с того? Наладчик, по его собственным словам, наведывается туда постоянно... Стоп! Зачем он туда наведывается? Что он там забыл, если работает исключительно с людьми?

Лёхе он сказал: перетрем... А Лёха человек въедливый, наверняка постарается воспользоваться такой okazji и выцедить из Обмылка максимум информации. Надо будет потом расспросить...

Но тут я осознал, что никакого потом, скорее всего, не будет. Лёха упрям. Настоят на своем и сгинет в неизвестном направлении. Домой ли он попадет, на свалку ли - какая разница? Все равно я его больше не встречу. Мы виделись последний раз - и поссорились на прощание...

Осознал - и чуть не взвыл.

Я готов был Мымру на лианы раздергать. Из-за какой-то твари лохматой взял и обидел хорошего человека. Да, представьте, хорошего! Ранимого, честного... Ну наплел черт знает чего - так нужно ж учитывать, в каком он был состоянии!

Может, еще не поздно, а? Может, он еще сидит там, на рабочем пятачке, свесив бедовую свою, словно пеплом посыпанную голову, Обмылка ждет... Изобразить очередной сбой программы - и к нему... Нет, неловко. Я же только что с профилактики...

* * *

Наконец Мымра скомандовала отбой, и я со всех ног метнулся к Лёхе. Пятачок был пуст, футляр закрыт, и никакие морозные змейки-искорки по нему не гуляли. Неужто опоздал? Побежал к Вадиму, к Лере. Леры тоже на месте не обнаружилось, а Вадим работал. Прервать производственный процесс я на сей раз не отважился...

Кляня себя за все сразу, побрел домой. Улегся в выемку, долго не мог уснуть, с горечью перебирал Лёхины доводы. Умница-то он умница, а в чем-то разочаровал. Самый примитивный способ придать жизни видимость смысла - это найти себе врага. Ей-богу, я ожидал от Лёхи чего-то большего... Или, может быть, в нем просто сработал основной инстинкт русского интеллигента: никогда ни при каких обстоятельствах не верить властям. А власть в нашем случае кто? А лохматые! Другого источника информации здесь просто нет, следовательно источник этот недостоверен... Хотя есть еще Обмылок, но информации от него - как от козла молока...

Действительно, странно. Мы, гуманоиды, все такие злобные, агрессивные, а что ж это у лохматых ни единого грешка? Так бывает вообще? Никого не трогают, других существ не едят, питаются не поймешь чем, мировой энергией, парят себе в воздухе, лианами колеблют. Пусть не белыми, однако вполне пушистыми...

Это, братцы вы мои, как голливудские фильмы о войне в Ираке.

Прекрасно знаешь, что не Ирак вторгся в Америку, а Америка в Ирак - тем не менее смотришь и сочувствуешь америкосам...

Да, но если наша работа заключается в том, чтобы лохматые ежедневно (еженощно) накачивали нас своей пропагандой, то это, простите, не пропаганда, а полный идиотизм. Против кого настраивает Мымра Володеньку Турухина? Против Володеньки Турухина? Оригинально...

Нет, что-то тут Лёха не додумал. Мягко говоря. Если совсем честно, то версия его - откровенный бред, сведения, выуженные из собственной подкормки. Вообразил картинку - и сам в нее поверил. А картинка между тем весьма сомнительная, вдобавок отдающая плагиатом: механические спецназовцы - опять-таки чистый Голливуд! И что вообще можно сделать с лохматым, если он способен исчезнуть в любую секунду? Кстати, а тебе, Володенька, известно, чем они занимаются, когда их здесь нет? Вот то-то же...

Рассуждения я не закончил, ибо задремал. Снились Мымра, война в Ираке, падающая в сугроб Танька.

Потом в крышку моего гроба постучали. Открыл, взглянул. Надо мной склонялась довольная, я бы даже сказал, торжественная мордень Вадима.

- Вылазь, - приказал он. - Есть повод...

Вылез.

- Случилось что-нибудь?

- Случилось...

Я последовал за ним. Вскоре из шевелящихся бликов восстала навстречу смутная ледяная гора. И два белесых силуэта... Два?

- Кто второй? Лёха?

- Угу...

Слава богу! Надо полагать, Обмылок разрешил устроить проводы. Значит, успею и помириться, и кое о чем выпросить...

Мы подошли к футляру вплотную. Лера сияла, а Лёха, похоже, был малость смущен. Я пригляделся и вдруг увидел, что череп бунтаря, равно как и челюсть, и все остальное, гладок и стерильно чист.

Глава 12. ПРЕДВЕСТИЯ

- Нет, ты скажи, чем тебя Обмылок охмурил! - не унимался Вадим. - Зарплату прибавил?

Лёха поморщился.

- О деньгах мы вообще не говорили...

- А чем тогда?

- Н-ну... выяснились новые обстоятельства...

- Какие?

- Так тебе и скажи...

Алексей был, как всегда, загадочен, но теперь загадочность эта внушала нам надежду, придавала сил.

- Неужели нет никакой свалки? - предположил я.

Раскаившийся бунтарь надолго задержал на мне взгляд и вроде бы заколебался.

- Есть, - вымолвил он наконец. - Но это совсем не то, что мы думали...

- А что? - изнемогая от любопытства, спросила Валерия. - Что, Лёшенька?..

Лёшенька ухмыльнулся.

- Не скажу, - объявил он. - А то жить неинтересно станет.

- Ну Лё-оша-а...

Возможно, Алексей блефовал. Опять-таки как всегда. Однако факт оставался фактом: наладчик явно выдал ему по секрету нечто такое, что непреклонный Лёха пошел на попятную.

- Знаешь, как это называется? - выпалила Валерия. - Гордыня паче чаяния!

- Ты хотела сказать, смирение паче гордыни?..

- Какая разница?!

Вытрясти нам из него в тот раз так ничего и не удалось. Лера надулась - не могла уразуметь, как это вообще возможно: узнать что-либо и ни с кем не поделиться? Она-то сама давно бы уже выложила втрое больше, чем развела. Вадим отнесся к Лёхиной неуступчивости куда уважительнее: приказ есть приказ. Потому как порядок должен быть.

Что до меня, то я решил выждать и при случае потолковать наедине. Долго ждать не пришлось. Лёха подошел ко мне сам.

- Я в тот раз на тебя наехал... - хмуро напомнил он. - Извини. Нервный дерг, сам понимаешь...

Каждый раз, когда передо мной за что-либо извиняются (как видите, бывает и такое), мне почему-то становится стыдно. Такой уж дурацкий характер.

- Да это я, скорее, наехал... - пробормотал я, пряча глаза.

Однако Лёхе было не до сантиментов.

- Короче, все, что я тебе тогда говорил, забудь, - велел он. - Все не так. Все гораздо хуже.

От таких слов неловкость моя вмиг прошла, и я уставился на него с недоверием. Удивительно. Все гораздо хуже, и тем не менее бодр Алексей, собран, никакой расслабухи, никакого уныния. Хотя, возможно, он из тех людей, для которых любая определенность лучше самых радужных надежд и фантазий.

- Перетерли? - спросил я, понизив голос.

- С наладчиком? - уточнил Лёха. - Перетерли... Кое-что перетерли... - Медленно усмехнулся. - Андроид, знай свое место... - внезапно

выговорил он как бы про себя.

- Это тебе Обмылок так сказал?!

- Что? - Лёха очнулся. - Нет, что ты? Обмылок Шварца не читает...

- Он правда андроид?

Алексей посмотрел на меня с удивлением.

- Для тебя это существенно?

- Нет, но...

- Вот и для меня тоже. Аферист он или инструмент афериста... Не вижу особой разницы. Ты спрашивай, не стесняйся!

- Позволь... А тебе можно говорить?

- Почему же нет? Я никаких обещаний не давал.

- Но Лере-то...

- Лере ничего не скажу. И Вадиму не скажу. Потому что примерно представляю, как они отреагируют... Ты спрашивай.

Мысли мои разбежались по закоулкам.

- Почему ты остался?

- Хороший вопрос... - Алексей кивнул. - Спасибо. Кроме шуток, спасибо... - Помолчал, сосредоточился. - Потому что, оказывается, милый мой Володя, основная мерзость в этом мире - отнюдь не лохматые...

- А кто?

- Мы, - ласково сообщил он. - Как видишь, я почти уже принял твою точку зрения... Не ожидал?

Мою точку зрения... А была ли она к тому времени моей? С Мымрой-то я успел опять рассориться... Дружба врозь - детей об землю!

- Н-нет, не ожидал... А причина?

- В окончательном осознании места человека во Вселенной, - язвительно поведал Лёха. - Баста!.. - объявил он во весь голос. - Остаюсь здесь. Никуда не хочу.

- Ни домой, ни на свалку?

Вообще-то я собирался пошутить, однако Алексей воспринял мои слова крайне болезненно. Даже лицо скукожилось.

- Это одно и то же, - глухо сказал он.

- Прости, не понял...

- Это одно и то же, - повторил он громче и отчетливее. - Свалкой Обмылок называет нашу с тобой родную планету.

Захотел я не сразу. Пока вылупил глаза, пока уяснил смысл сказанного, секунды две прошло. Зато потом долго не мог остановиться. Мой нервный смех был неприлично визглив. Сами подумайте: страхи, кошмарные видения шевелящихся тел - и все это из-за одного-единственного неправильно понятого жаргонного словца?

Потом обратил внимание, что Лёха не улыбается. Он смотрел на меня с печальным любопытством.

- Ну вот и славно... - молвил он. - Вот и развеселил...

Повернулся и пошел прочь.

Тут уж мне стало не до смеха.

- Погоди!.. - в панике окликнул я его.

Лёха обернулся.

- Дело же не в том, как ее называет Обмылок, - с болью в голосе произнес он. - Дело в том, что Земля действительно свалка.

* * *

Я не дал ему уйти. Я вцепился в него, привел к своему футляру, усадил на крышку и принялся выспрашивать.

- Все просто, - отрывисто излагал Алексей. - Черт знает сколько сотен тысяч лет на Землю сбрасывали бракованную продукцию. Продукция размножилась. В итоге - цивилизация, в итоге - человечество... А я, главное, башку ломал: что ж мы так похожи-то? Ну не бывает, согласишься, подобных совпадений! По теории вероятности - не бывает... Так что мы с тобой, Володя, почти наверняка потомки списанных андроидов! Отходы высоких биотехнологий...

- И тебе это рассказал Обмылок? - усомнился я.

Представить нашего наладчика в роли лектора-популяризатора было выше моих сил.

- Нет, - признался Лёха. - Все эти сведения я извлек в основном из его недомолвок.

А! Ну тогда другое дело. Тогда все в порядке. Я почти успокоился.

- А как же наши предки? Неандертальцы, питекантропы...

- Не были они никогда нашими предками... Это, кстати, давно доказано. Прямых наших предков, обрати внимание, так до сих пор и не раскопали.

- Тогда кто такие питекантропы?

- Надо понимать, первые пласты свалки. Устаревшие модели. От нас они отличались примерно так же, как первый «форд» от нынешнего. И обрати внимание, сколько сразу снимается вопросов. Палеонтологи никак не найдут переходные формы. А их и быть не могло. Выбрасывали-то готовую продукцию! Бракованную, но готовую...

- Ага... -Я покосился на Лёху с невольным уважением. - Ты полагаешь, роботы могут размножаться половым путем?

Пожал голыми андроидными плечами:

- Мы же размножаемся...

- А на конвейере нас изготавливать не проще?

- Вряд ли. Андроид - не трактор...

- Почему тогда вымерли первые модели? Почему тоже не размножились?

- Как же не размножились? Размножились... Просто модель «кроманьонец» оказалась совершеннее, агрессивнее... Ну и вывела

всех остальных под корень...

Вот если бы и у меня на любой вопрос собеседника тут же находился готовый ответ... Тогда бы я был не Володя Турухин.

- Слушай, - взмолился я. - Давай по-другому. То, что ты рассказываешь, безумно интересно, но... Просто передай свой разговор с Обмылком. Дословно.

- Хренов тачку и полтачки впридачку? - кисло осведомился Лёха.

- Чего-чего?

- Это если дословно, - пояснил он. - Там еще много народной мудрости было, всего не упомнишь...

- Ну хорошо, тогда хотя бы своими словами... По сути. Что он тебе сказал?

Лёха увял, окончательно утратил интерес к беседе.

- Ну а что по сути... - нехотя произнес он. - Сказал, что увольняться сейчас нет резона...

- И все?

- Ну... про свалку еще сказал...

- А почему нет резона?

- Потому что нас и так скоро рассчитают. Или оформят переводом... Это уж как пожелаем.

- Переводом - куда?

- К другим владельцам... в другую муть...

- Но почему?

- Потому что параллелепипед! - отрезал он.

Я опешил. Лёха посмотрел на меня и осклабился.

- У моего друга сынишка, - пояснил он. - Тоже как привяжется... Пап, почему снег? Потому что холодно. А почему холодно? Потому что зима. А почему зима?.. Ну, папаша возьми да и брякни: потому что параллелепипед! А почему... - Лёха изобразил ошарашенную детскую физию. - И все. Повторить-то не может...

- Отстал?

- Нет, - с сожалением сказал Лёха. - Второй раз этот номер не прошел. Напрягся пацан - и выговорил...

- Так почему параллелепипед? - спросил я.

Алексей вздохнул. Понимал, что не отвяжусь.

- В каких случаях увольняют всех разом? Банкротство, форс-мажор... Я бы предпочел первое, но нас, боюсь, ждет второе. Именно форс-мажор...

- Лицензионные с огнеметами? - не удержавшись, съязвил я и запоздало прикусил язык.

К счастью, Алексей не обиделся.

- Черт его знает! Вполне возможно...

- Что ж ты у Обмылка не уточнил?

- Пытался. Но это же Обмылок...

Прилегающая к полу буро-сиреневая мгла за клубилась, и на пяточок выкатились три ежика. Посуетились, поныряли во вдавлины - и сгнули.

- Все равно непонятно, зачем мы им, - сказал я. - Лохматым. Ненавидят, боятся - и покупают...

- Не исключено, что все предельно просто, - помолчав, отозвался Лёха. - Возьми людей. Что для нас страшнее всего? Смерть. А что мы считаем символом смерти? Череп. Тем не менее находятся особи, у которых татуировка в виде черепа, брелок в виде черепа... Те же панки, скажем. Вот, мол, какие мы бесстрашные! Смотрите и ужасайтесь...

- Ты полагаешь, что...

- Почему бы нет? Для лохматых мы символ насильственной смерти. Кстати, с нами и обращаются соответственно: поигрывают, как брелоками... Да и, собственно, все. Больше мы ни на что не пригодны... И слава богу!

Я слез с крышки - сумрачная акварели вокруг шевельнулась подобно осенней линиям листве. Изобилующей нюансами и оттенками. Мимо примерно на высоте моего роста, колыхаясь, плыла вперевалку крупная медуза. Приостановилась и на долю секунды приняла идеально круглую форму, отразив голое кувшинное рыло и выгнутую часть футляра, увенчанную другим кривобоком уродцем. Первый раз я узрел здесь свое отражение. Хотя бы в таком виде.

- Обрати внимание... - задумчиво произнес Алексей. - Как это похоже на последний день перед войной. Тишина, спокойствие... благоденствие... А завтра вдруг - ба-бах!..

- Ты так и не ответил, - напомнил я. - Почему ты остался?

- Думаешь, опять из высоких соображений? Ничего подобного! Мне теперь что лохматые, что лицензионные... Просто из любопытства. Хочу досмотреть, чем все кончится...

* * *

Чего у Алексея не отнимешь, так это умения нагнать мурашек одной-единственной фразой. Надо же было такое придумать: последний день перед войной! Однако время шло, а в нашей мути ничегошеньки не менялось. Все так же мирно плавали медузы, катались колобки, играли оттенки, ветвились страшилки, все так же беспредельничала Мымра.

Станный человек Лёха. Хлебом не корми - дай пострадать себя и других. Хотя здесь хлебом и не кормят - из дозаторов питаемся.

Может, он просто лодырь? Сколько он проторчал на Карининой даче? Тоже, наверное, не меньше недели. Скважину не запустил, калитку не исправил... Так, покопался в грядке перед домом... А чем-то же надо свое безделье оправдать! Чем? Только философией...

Но вот Обмылок... Удивительная личность. При том, конечно, условия,

что он вообще личность. Торговец в горячей точке. Почти маркитант. Рискующий жизнью, рискующий товаром... Горячая точка... Нет, не верю. Все это, братцы вы мои, Лёхины фантазмагии. По-моему, он и сам в них не очень-то верит...

Но что бы я особенно хотел узнать: каким образом здесь расходятся слухи? Вроде толковали мы с Алексеем наедине, без свидетелей, если, конечно, не считать тех же колобков с медузами, тем не менее Лере о нашей беседе откуда-то стало известно. А может, брала на пушку. Как я Обмылка.

- Ну так что он тебе сказал?

Я решил по примеру Лёхи быть скрытным. Просто не хотелось пугать Валерию.

- Да почти ничего. Ты ж его знаешь! Чисто контрразведчик...

Подсунулась почти вплотную, раздула зрачки.

- Тоже догадался, да?.. - шепнула она.

- О чем?

Конспиративно огляделась, снова повернулась ко мне.

- Его сюда внедрили...

- Лёху?

- А что ж ты думаешь? Я его сразу вычислила! Только никому не говори...

Кому ж это, интересно, никому? Вадиму, что ли?

- Да ладно тебе! - сказал я. - Станет шпион на расчет подавать, истерики закатывать...

- Да это провокация была! - досадуя на мою твердолобость, прошипела она. - Он из Обмылка сведения вытрясал... Не веришь - Вадима спроси!

О господи, Вадиму-то откуда знать? Хотя... Вполне мог подползти и подслушать - штука нехитрая. Я готов был принять это на веру, однако неумная Валерия ухватила меня за локоть и поволокла к нашему трудяге.

Дальше начались потрясения. Для начала мы заблудились. Мы! Опытные андройды, способные с закрытыми глазами выйти к любому из четырех футляров, вышли черт знает куда. Место вроде то, но смутного ледяного холма нигде не вздымалось. Беспомощно озираясь, мы бродили по знакомым вдавлинам и выпуклостям, пока я наконец не разозлился.

- Да не может такого быть! - рявкнул я и ринулся в самую гущу плотной ежиной стайки, копошившейся неподалеку. Колобки метнулись в рассыпную. На ровном участке почвы обозначился прямоугольник со скругленными углами, внутри которого мшистый газончик был заметно короче. Вне всякого сомнения, здесь, именно здесь стоял раньше футляр Вадима.

* * *

Кинулись за Лёхой. Этот, слава богу, был на месте.. Услышав, чтостряслось, он, к нашему удивлению, нисколько не встревожился, даже не слишком удивился.

- Да-а... - с насмешливым уважением процедил он, когда мы привели его на место события. - Я знал его... Человек бесконечно остроумный...

- Что с ним? - в страхе спросила Валерия.

Мы стояли над прямоугольником подрастающего мха, как над свежей могилкой, а вокруг, очень недовольные нашим присутствием, крутились колобки.

- Успокойся, Лера, - сказал Алексей. - С кем с кем, а с Вадиком наверняка все в полном порядке. В отличие от нас к себе он относится крайне заботливо...

- Где он?

- Полагаю, на новом рабочем месте. Которое, впрочем, ничуть не отличается от старого.

- Ты уверен?

- Дело в том, Лерочка, что сначала это место Обмылок предлагал мне, но я отказался...

В суровом недоумении Лера смотрела на прямоугольный отпечаток во мху - все, что осталось от футляра со всем его содержимым, включая Вадима.

- Свинья! - вырвалось у нее. - Хоть бы проститься зашел!

- Некогда было, видать... Или не до того...

- Ты правда отказался? - спросил я Лёху.

- Сам не видишь? Вот же он я, никуда не делся...

- Не поняла! - возмущенно произнесла Валерия. - Мне почему-то никто ничего не предлагал. Что происходит вообще?

- Н-ну, видишь ли, Лерочка... - с несвойственной ему угодливостью начал Лёха. - Муть нашу собираются расширять... реконструировать... Вот и распахивают временно... кого куда...

- Почему не всех сразу?

- Ну так... нужно ж еще вакантное место найти...

- Все всё знают! - Лера оглядела нас с подозрением. - Это что же, одна я дура получаюсь?.. Лёха!

- Да, хорошая моя...

- Почему ты отказался?

Лёха стал серьезен. Или сделал вид, что стал серьезен.

- Да что-то привык я к вам, - признался он. - С людьми схожусь трудно. А начинать все по новой, притираться... Никуда не хочу. Малая родина опять же...

Мы невольно оглядели малую нашу родину и внезапно обратили внимание, что медуз вокруг поприбавилось. Да и вели они себя

несколько необычно: сбивались в стаи, как грачи перед перелетом. Только что не галдели.

- Осень, что ли, близится? - заметил я. - Лер, а здесь времена года бывают?

Валерия озадаченно проводила взглядом вереницу медуз.

- Н-нет... - сказала она. - Не помню такого...

- Скорее весна, чем осень, - уточнил Лёха. И опять заговорил чужим голосом: - Посмотрите на смоковницу и на все деревья: когда они уже распускаются, то, видя это, знаете сами, что уже близко лето...

- Ты это при мне второй раз цитируешь, - напомнил я. - Откуда?

- Евангелие от Луки, если не ошибаюсь... Главу и стих, прости, не приведу.

- А к чему это ты?

Нет чтобы ответить по-человечески - продолжил цитату, неспешно, торжественно:

- Так, и когда вы увидите то сбывающимся, знайте, что близко Царствие Божие...

- Нет, спасибо! - сердито сказала Лера. - Я пока помирать не собираюсь!

Глава 13. ЗАЧИСТКА

Таких медуз я здесь еще не видел. Она была настолько огромна, что даже не могла собраться в шар. Ее форму можно было бы назвать сигарообразной, если бы эта гигантская капля вела себя поспокойнее, не сокращалась, как гусеница, и не пыталась разорваться пополам. Чем-то она мне напомнила аэростат заграждения - из тех, что поднимали перед бомбежкой, перекрывая путь вражеским самолетам. И еще, не знаю почему, «Предчувствие гражданской войны» Сальвадора Дали. Должно быть, ракурс похожий. Громада зависла под самым куполом, так что причиной ее колыханий были, возможно, все те же искажения перспективы.

Я замер, не в силах отвести взгляда от грозного знамения, и, даже когда вспыхнула и запищала спичка, продолжал стоять какое-то время неподвижно. Наконец заставил себя двинуться к месту службы. Шел с оглядкой - и все же главный момент пропустил. За спиной послышался оглушительный чмок. Обернувшись, увидел, что гигантская водяная амeba успела разделиться надвое, при этом рассеяв в высоте десятка полтора медузок помельче.

Что ж это, братцы вы мои, на нас надвигается, если такую пожарную машину вызвать пришлось?

В голливудские пророчества Лёхи я, повторяю, не очень-то верил, однако унять нервную дрожь мне так и не удалось: в том-то и беда, что,

как свидетельствует опыт, особенно мой, реальность всегда превосходит самые мрачные ожидания.

С госпожой тоже явно было не все в порядке: бессмысленно пошевеливала щупальцами, будто не знала, с какой команды начать, шла пятнами на манер осьминога, что, впрочем, выглядело со стороны весьма эффектно. Непонятно лишь, зачем вызывала.

- Ну что, Мымра? - сочувственно спросил я и вдруг осознал, что впервые обратился к ней вслух. Не под нос себе пробормотал, а именно обратился - в полный голос.

Реакция ее меня удивила: Мымра исчезла. Раньше она перед отбытием бурлила хотя бы, а тут без прелюдии: бац - и нету!

Постоял подождал, собрался уже вернуться к футляру, когда она возникла вновь.

- Ну? - с вызовом сказал я. - Чего дуришь?.. Вот заберут сейчас твоего Володеньку Турухина - кого тогда гонять будешь?

Показалось, будто Мымра вздрогнула. Возможно, опять отлучилась, но лишь на долю секунды. Сзади послышалось знакомое неприятное кудахтанье, и я обернулся. В пяти шагах от меня стоял Лёха.

- Никак на правду перед увольнением пробило? - язвительно осведомился он. - Что ж, это по-нашенски! Терять нечего, режь все как есть начальству! Пусть знает...

В другой раз я бы, может, и обиделся, однако тогда мне было не до того.

- Как-то странно она себя ведет сегодня... - сказал я.

- Прикидывает, куда бежать, - уверенно объяснил Лёха. Как водится, все знал заранее. - Выбирает, в которую муть прятаться...

Словно подтверждая его слова, Мымра пропала надолго.

- Ты думаешь, у нее не один дом?

- Думаю, да. Насколько я понимаю, жить они могут только в таких условиях. Вот и скачут из одного укрытия в другое.

- Так, может, я снова к ней попаду? В другой мути...

- М-м... Вряд ли. Хотя... - Он задумался.

- А чего ей тогда бояться? Укрытие есть и, ты говоришь, не одно... Спросил - и сам пожалел. Сейчас ведь снова начнет ужаски плести. А тут и без ужасок зябко.

Но Лёха лишь вздохнул:

- Скоро узнаем...

И это было хуже любого ужасика.

- Слушай, - сказал я. - Надо бы Леру предупредить...

- О чем?

- Ну... вообще... Предупрежден - значит, вооружен...

Лёха скорчил досадливую гримасу.

- Предупрежден и очень опасен, - с безобразной усмешкой вымолвил он. - Опоздал ты, Володенька... Лера-то наша - тю-тю! Вслед за

Вадиком. Так что предупреждай, не предупреждай...

- Да брось ты!.. - И я, не обращая внимания на попытки Алексея удержать меня, устремился к Лериному футляру. Все правильно. Та же самая картина: прямоугольник коротенького, словно подстриженного мха и копошащиеся на нем ежики. Видимо, Валерия сразу после недавнего нашего разговора вызвала Обмылка и потребовала немедленной эвакуации. Вот, значит, какие у нас дела... Вот, значит, откуда ветер дует... Побежали крысы. Стало быть, скоро тонуть... То есть не тонуть - гореть... Пожар - к потопу, потоп - к пожару...

Несколько секунд я пребывал в ошеломлении, потом подошел приотставший Лёха. В отличие от меня, он никуда не спешил.

- Ну что, убедился?

- А на Вадика бочки катила... что попрощаться не зашел... - в недоумении начал я и осекся.

Такое впечатление, словно кто-то взвихрил чайной ложечкой воду в стакане: муть вскипела, медузы крутнулись смерчем, как пузырьки. От неожиданности я чуть равновесия не потерял.

- Ого... - упавшим голосом произнес Лёха.

Ежики метнулись враскат, и на месте Лериной упаковки нарисовался Обмылок. Мне показалось, что на сей раз наладчик проделал это быстрее, чем обычно.

- Резко по футлярам, - скомандовал он. - Крышки закрыть, бестолковку не высовывать. Подкрался.

- Кто подкрался?

- Комбец подкрался!

С этими словами он и сгинул. Что ж, коротко и ясно. Мы с Лёхой переглянулись. Начинается. Медузы продолжали кружить, распавшись на стайки, но как-то более деловито, без прежней паники, словно выбирая особо пожароопасные объекты. На секунду полупрозрачный рой сгустился вокруг нас с Лёхой, но быстро рассеялся.

Было ли нам страшно? Да, пожалуй...

- Давай хоть провожу, что ли... - поколебавшись, предложил я.

- А стоит ли? - озираясь, спросил Алексей. - Кажется, в самом деле что-то серьезное, раз за товар беспокоится...

Да, товар... Товар - это мы. Сам помирай, а товар выручай... Первое правило бизнеса...

И все-таки я увязался за Лёхой до самого футляра. Черт его знает, вдруг действительно распихают по разным мутям - больше и не увидимся...

Идти было всего ничего, но мы и тут, успели потрепать языками. Как всегда.

- Вот тебе версия напоследок, - сказал он. - Насчет нашей здешней работы...

- Ну?

- Все эти ужимки и прыжки - комплекс упражнений для пробуждения совести. Как тебе такое?

- Знаешь, - искренне ответил я ему. - Я смотрю, у тебя каждый раз новая версия...

- Ну а как же! - невозмутимо откликнулся он. - Мысль-то на месте не стоит.

- Зачем им понадобилось пробуждать в нас совесть?

- Возможно, для них это высшая форма пыток...

- А для нас?

- Для нас - не уверен...

- Позволь, это что же получается? - Я хмыкнул. - Принял ты, скажем, коленно-локтевую позицию - и почувствовал угрызения совести?

- Ну не так сразу. Я сказал: комплекс упражнений. Почувствуешь, только чуть позже, когда все это выполнишь... Но ведь было же, - нарочито-проникновенно произнес Лёха. - Признайся, было?

- Н-ну, было... - вынужден был признаться я.

- Вот. Значит, и ты тоже. А я сперва думал, у меня у одного так...

Мы подошли к футляру. Лёха велел крышке открыться, потом обернулся, пожал мне руку. Мы бы, пожалуй, и обнялись на прощание, но, сами понимаете, не в голом же виде!

- Чеши к себе, - сказал он, укладываясь в выемку. - Удачи!

Крышка за ним закрылась.

* * *

Вы не поверите, но вместо того чтобы припуститься бегом к своей упаковке, я еще с минуту, не меньше, стоял возле чужого футляра, придурок, и недоверчиво озираю взбаламученную нашу муть. Забрось меня судьба в горячую точку, роль первой жертвы была бы мне обеспечена. Наградит же Бог одного человека всеми достоинствами сразу! С одной стороны, не в меру пуглив, с другой - полное отсутствие инстинкта самосохранения.

Стоял и тупо размышлял над последними словами Обмылка. Комбец подкрался. Какого рода комбец, хотелось бы знать, а главное - кому? Ну хорошо, выпадают на нас, допустим, Лёхины терминаторы. Лохматые тут же брызнут кто куда, фальшивые андройды либо эвакуированы, либо уложены в непробиваемую и непрожигаемую фабричную упаковку. И что остается десанту? Только уничтожить опустевшую муть, лишить среды обитания - примерно так солдаты Ермолова вырубали чеченские леса, чтобы абрекам негде было укрыться. Да, вполне возможно...

Э! А чего я тут стою-то? Ну-ка быстро в укрытие!

Здравая мысль. Жаль, запоздалая. В следующий миг я был ослеплен вспышкой справа. Оттенки исчезли. Остались сгусток злобно-золотого

пламени и стремительно сгустившаяся мгла. А еще оглушительный треск. Это, как выяснилось, горела страшилка. Полыхнула разом, пожар вскинулся до небес. До низких пухлых небес.

Вы не представляете, что это такое: прожить целый месяц (или сколько я тут прожил?) в полумраке - и вдруг увидеть свет. Яркий свет. Крайне болезненное ощущение.

К счастью, местность я к тому времени выучил наизусть. Побежал вслепую, но, оказывается, прямой путь был уже перекрыт. Навстречу мне, опадая с каждым мгновением, неслись вприпрыжку огромные полыхающие шары. Этакое огненное цунами... Ежики! Я охнул. И хотя знал, что на самом деле каждый из бедолаг не больше футбольного мяча, нервы мои не выдержали - свернул, решил уклониться. Голую спину лизнуло теплом. Споткнулся, упал. Обо что же это я? Ровный пяточок, ни бугорка, ни вдавлины... Вскочил и обмер. Оказывается, споткнулся я о нашего наладчика. С виду совершенно невредимый, Обмылок лежал ничком и признаков жизни не подавал. Розово-золотистые отсветы ощупывали его облегающий скафандр. Словно обыскивали.

Я попятился, но ужаснуться по-настоящему так и не успел, потому что секунду спустя раздался оглушительный взрыв, перешедший в не менее оглушительное шипение. Меня обдало паром и пеплом. Последний день Помпеи. Не иначе одна из огромных медуз обрушилась напрямиком в полыхающее пламя.

И тут наконец я увидел одного из них. Боже, как мы были наивны, пытаюсь копировать лицензионных андроидов! Какие, к черту, шатунные тычки локтями и коленями? Ни единого лишнего движения: он застывал на миг - и вдруг оказывался в нескольких шагах поодаль. Хищник, убийца, спецназовец. У меня даже мысли не возникло, что это кто-то из наших (вылезший из футляра Лёха или каким-то чудом вернувшийся Вадим) - совершенно иная пластика.

На моих глазах он вскинул ту металлическую штуковину, что являлась мне в Мымриных кошмарах, и точно поймал миг, когда лохматый (кажется, это был прежний владелец Леры) возникнет из ниоткуда. Негуманоид вспыхнул, как хворост. И закричал. Страшно. Воюще. Только потом, день или даже несколько дней спустя, я сообразил, что принял за крик рев пламени. Не могут они кричать. Нечем.

Упал и пополз. Неважно куда, лишь бы подальше. Потом заставил себя подняться - и побежал. Добраться до футляра. Лишь бы добраться живым до футляра, а там гори оно все огнем!

Прوماхнулся на каких-нибудь тридцать метров - выскочил на свой рабочий пяточок. И в этот момент появилась Мымра.

- Ты что, дура?! - завопил я. - Тебе что, жить надоело?!

Она исчезла. Тут же возникла вновь. Исчезла. Возникла. Опять исчезла.

И я понял, что не зря она мечется - ей просто некуда бежать. Это облава. Везде одно и то же. В каждой мути. Надо полагать, братья-гуманоиды решили выжечь нечисть повсюду.

Опасность я почувствовал спиной. Хребтом. Обернулся - и очутились мы на одной линии: Мымра, я и он. Лицензионный.

Оказывается, у меня хорошая реакция: он еще только поднимал руку с этой металлической хренью, а я уже зажмурился. Прощай, Володенька Турухин... Секунду ждал вспышки, жара, боли. Не дождался - и осторожно разъял голые веки.

Лицензионный андроид по-прежнему стоял неподвижно. Во вскинутой руке - смертоносная железяка, в глазах - пустота.

И я шагнул вперед.

Храбрый поступок, говорите? Да, наверное... Собственно, что есть храбрость? Это страх, сошедший с ума.

- Пошел вон! - срывающимся на визг голосом выкрикнул я. - Это моя Мымра!..

Сжал кулаки и осмелился еще на один шаг. Думал, попятится. Ничего подобного. Я не знал, что мне делать дальше. Ну не было в моей жизни подобных случаев! В памяти скользнул тот давний январский вечер, когда мне разбили морду во имя справедливости, - и дальнейшее стало неизбежным. Я тебе покажу справедливость! Ты у меня узнаешь справедливость!..

Я подступил к механической твари вплотную и, сам себе ужаснувшись, нанес удар. Старательно и неумело. Справа в челюсть.

С тем же успехом можно было бы ударить телеграфный столб, например. Кроме того, я ухитрился промахнуться - кулак чиркнул по стальному подбородку, и мой мизинец оказался сломан. В таких случаях обычно пишут: руку пронзило болью. Нет, не пронзило. Боль оказалась тупая, ломящая. Поначалу мне и в голову не пришло, что это перелом. Думал, сильный ушиб.

Лицензионный наконец-то попятился, затем, не поворачиваясь, отступил - и словно растворился в общем хаосе. За спиной моей металась, безумствовала Мымра. Такое чувство, что Володенька Турухин внушал ей больший страх, нежели все лицензионные разом.

Не знаю, сколько еще времени я обходил ее, дуреху, дозором, подвывая, пристанывая, нянча поврежденный кулак и боясь, что откуда-нибудь снова подкрадется очередной комбец. Очередной лицензионный с железякой. Но нет, никто не подкрался. Кажется, андроиды просто удрали. То ли не осмелились поднять руку на живого человека, то ли время, данное им на зачистку, истекло.

Уверившись в этом, я обессилел и прилег.

* * *

Кто-то пытался приподнять меня под мышки, усадить. В воздухе стояла лесная гарь. Мизинец дергало болью. Сперва я решил, что любопытный Лёха все-таки не улежал в своем футляре и вылез. Ничуть не бывало. Вокруг меня хлопотал Обмылок. Товар выручал.

- Ты же... - не веря, сказал я ему. - Тебя же...

- Где болит? - спросил он, почти не гнуся.

Я привскинулся, осмотрелся. Надо мной колыхались лианы. Разумеется, не прямо надо мной, но рядом. На такое расстояние мне к Мымре подходить категорически запрещалось. Нигде ничего не горело, но отовсюду тянуло дымком - не паленой плотью, а именно дымком, как от костерка или от сжигаемой прошлогодней листвы. Похоже, лохматые и впрямь относились не к животному, а к растительному царству.

- Где эти... лицензионные?..

Обмылок оставил вопрос без внимания.

- Где болит? - повторил он.

- Куда делись?

- Под штанишки пододелись!.. Где болит?

- Вот... - Я выставил руку. Сустав уже начинал распухать. Наладчик склонился и надолго замер над моей поврежденной конечностью. Да, такое фиг наладишь...

- И куда мне теперь? - скривясь, осведомился я.

Округлое рыло, естественно, никаких чувств не выразило. Обмылок молчал, и молчание его показалось мне угрюмым.

- Пошли, - сказал он, выпрямляясь.

Кое-как я поднялся на ноги. Лианы всколыхнулись. Мымра будто попыталась шарахнуть от меня подальше.

- Сейчас вернусь... - хрипло пообещал я, хотя сам в этом был нисколько не уверен.

Мы двинулись к моему футляру. Под босыми ногами хлюпал мокрый мох, но ни одной медузы мне высмотреть нигде не удалось. Видимо, вся влага потрачена. Потоп - к пожару, пожар - к потопу. Справа должна была взметнуться страшилка - не взметнулась. Сгорела дотла. Под ноги подвернулся черный шар пепла, распался в прах. А на соседнем бугорке... Я остановился, не веря глазам.

На соседнем бугорке ничком лежал некто в облегающем сером скафандре и с волдырем шлема взамен головы. Вот оно что! А я-то гадал, каким образом он повсюду успевает... Обмылков несколько, просто программа у всех одна... Обмылок бессмертен.

Я обернулся к моему безликому конвоиру.

- Как там Лёха? Уцелел?

- А что ему в коробке делается?

Да, действительно. Крышку не открывать, бестолковку не высовывать...

- Мы насовсем или еще вернемся?

- С концами, - буркнул он.

Мне снова стало страшно.

- На свалку? - сипло спросил я.

Ответом было угрюмое молчание. Я собрался с духом и отважился на главный вопрос:

- Свалка - это Земля?..

Ни слова не говоря, Обмылок поднес к моему лицу нечто, напоминающее черную полиэтиленовую стельку, и залепил мне глаза. Как смертнику перед расстрелом. Я попробовал отлепить, но краешков не нашел.

- Зачем?! - крикнул я в кромешную тьму.

- Чо, ослепнуть хочешь? - ворчливо отозвалась тьма.

Я слегка успокоился.

- А отключить меня не проще?

- Некогда, - буркнул наладчик и куда-то подтолкнул.

Шаг - и ощущение жесткого пружинящего мха под босыми подошвами исчезло. Я стоял на чем-то гладком, твердом, прохладном. Наладчик возился неподалеку с какой-то допотопной механикой: что-то долго лязгало, скрипело, иногда гулко ухало - подобно листу кровельного железа. Наконец черную стельку с моих глаз сняли, и я... Нет, конечно же, не ослеп - ржавые ставни дачного домика, равно как и дверь, были закрыты, но солнечное сияние в щелях и впрямь заставило меня поначалу плотно зажмуриться.

Ничего не изменилось. Под одним окном - голый стол, под другим - газовая плитка с баллоном. У противоположной стены - железная койка, в дальнем правом углу - старый платяной шкаф. Разве что паутины поприбавилось и пыли.

Снаружи раздалась игривая причудливая трель иволги. И тут же вопль драной кошки в том же исполнении.

Глава 14. СВАЛКА

Когда Гулливер вернулся в Англию из страны лилипутов, люди казались ему огромными и он очень боялся, как бы кто-нибудь не растоптал его ненароком. Нечто подобное ощущаю теперь и я.

Как они вообще могут жить в адской чехарде ослепительных красок и находить в этом удовольствие? Долго я еще, наверное, не отважусь высунуть нос на улицу до наступления сумерек. Хотя чертовы гуманоиды даже сумрак умудрились изуродовать: ночь гремит, полыхает, жжет. Одно спасение - темные очки. Или тонированные стекла Карининового автомобиля.

Одежда - и вовсе верх кретинизма. Июнь, жара, а они утепляются.

Голыми им, видите ли, разгуливать неприлично. Можно подумать, они напяливают шмотки из стыдливости! При чем тут стыдливость, если главный наш срам, лицо, ничем не прикрыт? Прав был Максимилиан Волошин: одежда - вроде государственной тайны. Пока не засекретишь какой-нибудь орган, на него никто и внимания не обратит! Одежда - орудие разврата. И трет вдобавок. Не знаю, к ноябрю я, возможно, пересмотрю свою точку зрения, а пока...

Шевелюры, прически - тоже дикость. Как говаривал наш облученный и поэтому лысый военрук: волосня - плацдарм для насекомых. К счастью, нынешняя мода позволяет мужчинам брить голову, что я и проделываю дважды в день. Брови, правда, щажу. Скрепя сердце.

До сих пор не знаю, как относиться к Лёхиным фантазиям по поводу происхождения человечества от бракованных андроидов, но что свалка - то свалка. Как еще назвать сборище ущербных, ненужных существ, сброшенных как попало в беспорядочную грудку, именуемую городом? Одно только немыслимое количество их уже наводит на подобную мысль. И брак, брак, сплошной брак! Кто выше, кто ниже, кто толще... И почти у всех болезненная страсть наносить себе повреждения: прокалывают уши, щеки, носы, лишая себя тем самым единственной возможности вырваться из этого ада. О татуировках вообще умолчу.

И тем не менее сходство с лицензионными поразительно. Я даже не о внешних чертах, я о поведении. Так сказать, не о железе, но о программе. Включил телевизор, а там десантники боевые навыки шлифуют. Если не брать во внимание экипировку, один к одному! Не вынес знакомого зрелища, принялся щелкать пультом. И на всех каналах то же самое: зачистки, гранаты, огнеметы... А хуже всего художественные фильмы, где эту дрянь еще и пытаются облагородить... Видишь трупы? Здесь прошел положительный герой. Романтика смертоубийства. Занятие настоящих мужчин, для которых совесть не помеха. А преступление во имя Отечества у них называется подвиг.

Содрогулся и выключил. Навсегда.

Внезапное мое возвращение застало Карину Аркадьевну врасплох и, пожалуй, потрясло. Кроме шуток. Примчалась на дачу, забрала в особняк (глаза пришлось снова залепить), вызвала знакомого травматолога.

- Бедный Володечка... - с преувеличенным ужасом говорила она. - Как же это вас угораздило?

В мизинец мне засадили штифт. Вернее, не в сам мизинец, а в ту косточку, к которой он крепится. В любом случае на роль фальшивого андроида я уже не годюсь. Увы.

Все выглядело так же, как в прошлый раз: мы сидели в той же гостиной и пробавлялись тем же «Куантро», разве что электрошокера на толстой стеклянной столешнице не наблюдалось. Свет был приглушен, шторы задернуты.

- Да-а, угораздило вас, Володечка... - в который раз с горечью повторила Карина и тут же взглянула на меня с любопытством. - Вы в самом деле его ударили?

- Вот, - сказал я, предъявляя загипсованную правую кисть. Фужер я держал в левой.

- До этого дрались когда-нибудь?

- Нет.

- Удивительно!

- А что мне оставалось? - взорвался я. - Лежать в футляре и не высовываться?

- Лежать в футляре и не высовываться, - подтвердила она. - Это их разборки, поймите! Их, а не наши... Вас не для того покупали в конце-то концов! Представьте: приобрели вы уют, а он возьми да и прими участие в семейной склоке...

- Чего тут представлять? - буркнул я. - Так обычно и случается...

Карина Аркадьевна свела нарисованные брови, должно быть, хотела рассердиться, но, посмотрев на меня, невесело рассмеялась.

- Ох, Володя, Володя... Ну и что мне теперь с вами прикажете делать? Я-то думала, у меня с Алёшенькой будут проблемы, а за вас даже и не беспокоилась... Как он, кстати?

- Лёха?... Раньше барахлил, теперь исправен. Обмылок его переводом в другую муть оформляет...

- Ну вот видите? Уж на что, казалось бы, неумный...

- И все-таки! - упрямо перебил я ее. - Что это было? То, чем я там занимался.

- Не знаю, - сказала она.

- Даже вы?

- Даже я.

Опечалилась, тронула губами край фужера.

- Месяц... - произнесла она со вздохом. - Ну что такое месяц?

Неужели я пробыл там всего месяц? Мне казалось, месяца три как минимум...

- Сто пятьдесят тысяч... - продолжала мыслить вслух Карина. - Ладно, округлим до двухсот... Удвоим - все-таки, как ни крути, серьезная производственная травма... Утроим... - Она усмехнулась. - В связи с вашим героическим участием в боевых действиях... Итого, шестьсот. Ну и что это по нашим временам? Однокомнатка на окраине? Не пенсию же вам, согласитесь, назначать...

- На мне еще долг висит, - напомнил я.

- Ничего уже на вас не висит, - отрубил она. - Живите спокойно.
- Меня правда тогда искали? - спросил я, испытующе глядя ей в глаза.
- Тогда - да, - спокойно отозвалась Карина Аркадьевна. - Теперь - нет.
Понимаете, Володенька, я чувствую себя несколько перед вами виноватой. Но мне действительно казалось, что уж год-то вы точно продержитесь. А теперь... Я, конечно, могу помочь вам с трудоустройством, но...

- Может, вам сторож требуется? На даче... - подсказал я.

Карина Аркадьевна улыбнулась.

- Вы же сами знаете, что нет. Дача мне нужна для других целей...

- Жаль, - молвил я. - У меня там негуманоиды знакомые...

- Если вы про абрикос, то он засох. Кстати, цветущие деревья вообще поливать не рекомендуется...

- Может, вам помощник нужен? - осведомился я без особой надежды.

Карина чуть не поперхнулась.

- Знаете... - изумленно глядя на меня, проговорила она. - Как-то плохо представляю вас в качестве вербовщика...

- Могу попробовать... - уныло предложил я.

- Попробуйте, но... - Карина Аркадьевна недоверчиво покачала пепельной стрижкой. - Ваше здоровье!

Чокнулись, пригубили, призадумались. Я оглядел схваченное гипсом ребро ладони.

- А если удачно срастется?..

Она соболезнующе вздохнула.

- Никаких механических повреждений... Поймите, это не мое требование, Володя! Это требование Обмылка.

- Да что Обмылок! - сказал я с досадой. - Обмылок, если хотите, сам андроид.

Известие это Карина Аркадьевна восприняла без особого удивления. Вздернула бровь - и только.

- Вот как? - довольно-таки равнодушно переспросила она. - Андроид... Собственно, какая разница? Исполнитель - он и есть исполнитель. Что Обмылок на кого-то работает, я давно догадалась.

- На кого?

- Любите вы задавать праздные вопросы, Володечка...

- Люблю! - с вызовом признал я.

- Тогда задавайте...

Ну вот как это у нее получалось? Обвела вокруг пальца, запугала, загнала черт знает куда, в горячую точку, я там палец сломал, а разозлиться на нее не могу. Наверное, такой и должна быть вербовщица. Смотри, Володенька, и учись.

- Вы знали, что там будет зачистка?

- Нет.

- Карина Аркадьевна!

- Да нет же, я вам говорю, нет... Что такое возможно - да, знала! Но это настолько ничтожный шанс... Вам просто повезло, Володя. Как всегда.

Глаза ее были ясны и правдивы.

- Ну хорошо... - сказал я. - А как вам удастся сохранять секретность? Люди оттуда часто возвращаются?

- Возвращаются. - Она кивнула. - А через неделю-другую просятся обратно. Да вот и вы тоже... Не знаю, что там с нами происходит, но... То ли отвыкаем мы от здешнего безумия, ото всех этих нелепостей, жестокостей, толкотни, то ли... Странно, правда?..

- А вы почему обратно не попросились?

Она смотрела на меня с грустной улыбкой. Потом подняла руку, словно собираясь поправить стильную свою пепельную стрижку, но вместо этого сняла ее целиком.

- Вот, - призналась она, наклоняя гладкое темя с едва приметным шрамом. - Надралась однажды и вписалась в футляр...

Метнула парик под стол, поднялась из кресла, подошла к зеркалу. Стерла одну бровь, вторую. А потом вдруг взяла и разделась донага. Повернулась ко мне, гладкая, белая, и сильно напомнила Леру. Постаревшую. Поумневшую.

Я вскочил и, подчиняясь порыву души, судорожно повторил ее интимный, по здешним меркам, поступок.

Думаете, мы после этого упали в койку? Ни черта подобного! Снова присели к столу и продолжили нашу беседу, ставшую вдруг задушевной и ностальгической. Мы вспоминали графику страшилок, игру оттенков, суетливую побегу ежиков...

* * *

И почему я не растение? Странная мысль, правда? Любой может подойти, сломать, вырвать с корнем... Но ведь и так подходят и ломают. С корнем рвут. Причем самое забавное, что всех. Рано или поздно. Если уж Наполеона сломали, то о нас-то грешных что говорить?

Был вечер. Я стоял перед стеклянной витриной закрывшегося цветочного магазина и смотрел сквозь темные очки на то, что вздымалось из простенького керамического горшочка. Чем-то оно напоминало мою Мымру. Вот только цвет вульгарно ярковат. Названия на прилепленной бумажке, к сожалению, не значилось, была указана лишь цена, кстати, чепуховая. До которого часа они работают? Ах, до девяти... Ну что ж, завтра подойду спрошу. Может быть, даже куплю. Вдруг у них есть что-нибудь в том же роде, но менее аляповатое...

Бракованных андроидов на бульваре поубавилось: либо расползлись по футлярам, либо собрались вокруг фляжечки. Совершали

телодвижения и называли это жизнью. Весь рабочий день присаживались по приказу начальства на корточки, брались правой рукой за левое ухо... Правда, мало кому из них платили за это пять тысяч в сутки...

- Володька?.. - произнес кто-то испуганным шепотом за левым моим плечом.

Я обернулся. Вы не поверите, но это был мой непутевый шурин Толик, небритый и, по-моему, малость с похмела. Одежка тоже оставляла желать лучшего. Стало быть, так и не добрался до Канар - осел в трущобах...

- Ты... откуда?.. - не веря, спросил он.

- Оттуда, - сурово сказал я и показал загипсованную кисть.

Глаза Толяна остекленели, он непроизвольно облизнул губы и быстро огляделся. Губы - толстые, раскатанные. Жизнелюбивые.

- Тоже скрываешься?.. - Он снова понизил голос.

А что тут еще можно было предположить? Голова обрита наголо, темные очки в пол-лица... Это в одиннадцатом-то часу вечера! Вот только прикид мой явно смущал Анатолия. Кожаные сандалеты, шортики, маечка - все новенькое, все из бутика. Я почти слышал, как скрипят мозги шурина, пытаюсь все это совместить.

- Слушай, - сказал я. - Тут за углом подвальчик есть...

- «Тихий омут»? - Толян оробел. Раньше за ним такого никогда не замечалось. - Он же дорогуший...

- Осилим.

Подвальчик был хорош полумраком, ширмочками и приглушенной бормочущей музыкой. В остальных заведениях она гремит.

Мы свернули за угол и сошли по каменным ступеням в прохладные колодезные сумерки.

- Это со мной, - предупредил я на всякий случай служителя в ливрее.

Расположились в уголке.

- Как же ты выкрутился? - поражение спросил Толян.

- Я не выкрутился, - честно ответил я ему. - Я закрутился.

- Может, и меня закрутишь? - рискнул пошутить он.

- Может, и закручу... Как там Танька? Замуж не вышла?

- Хрен ее знает! Я уже на нее выходить боюсь... Пасут.

Неужели до сих пор пасут? Что-то не слишком верится. Долг у нас был один на двоих, а Карина его погасила. То ли он об этом еще не знает, то ли, пока я там вкалывал андроидом, успел новых дел наворотить... Тоже вполне возможно.

Нам подали пиво и обильную закуску. Все по высшему разряду. Глядя на такую роскошь, Толян расчувствовался.

- Ты на меня сердца-то не держи, - побряхтывая, сказал он и ушел в надрыв: - Ну не было выхода, не было! Сам не знаю, что я им плел, отца родного продал бы... с перепугу... - Всхлипнул, хлебнул. - Тебе вон

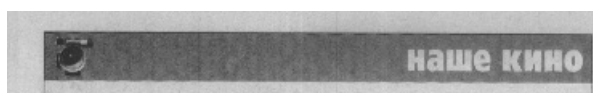
руку повредили, а мне бы точно башку снесли... - то ли пожаловался, то ли похвастался страдалец.

Мне стало совсем неловко.

- Да ладно тебе... - пробормотал я. - Ну было... Ну и что ж теперь? Было, да прошло... Ты лучше вот что скажи... У тебя особые приметы есть? Ну там шрамы, татушки...

Видеодром

наше кино

КОГДА ВСЁ ХОРОШО.

Вечная жизнь - тема не просто избитая. Она - непобедимая, словно насморк или чиновничьи поборы. Запоздалые зрители еще заглядывают на четвертых «Пиратов», посмотреть, как стареющий Джонни Депп ищет источник вечной жизни, а на Берлинском кинофестивале уже показывают новый фильм Александра Зельдовича «Мишень».

Давайте сразу: «Мишень», снятую по оригинальному сценарию Владимира Сорокина, посмотреть стоит. Визуально картина воспринималась вполне достойно. Удачен подбор актеров, успешно выстроен видеоряд. Музыкальное сопровождение не вызывает отторжения, иногда даже ласкает слух. Конечно, в плане спецэффектов с западным кино спорить трудно, Однако у отечественных кинематографистов, со скрипом осваивающих компьютерные и иные возможности процесса, появляется шанс

нащупать новый путь, соединяя «умное» кино с адреналиновым блокбастером.

Словом, можно сделать дешевле, но лучше. И нам предложен фантастический фильм новой формации.

Владимир Сорокин, тонко чувствующий эволюцию социального мифа, помещает источник бессмертия в заброшенном советском НЦ по исследованию космического излучения. Достаточно побыть там некоторое время - и тебе не грозят ни смерть, ни старость.

Показательно, что пятерку наших соотечественников, отправляющихся к заветной «Мишени», в основном составляют представители паразитирующих профессий. Главный герой фильма (Максим Суханов) руководит министерством по добыче полезных ископаемых. Его шурин (Данила Козловский) - телеведущий, Вместе с ними - таможенник-экстремал (Виталий Кищенко) и ведущая радиопередачи «Китайский для чайников» (Анна Стоянович). На ком паразитирует жена министра (Джастин Уодделл), думаю, разъяснять не нужно.

В полном соответствии со своей упыриной натурой герои Сорокина не вкладывают средства в восстановление дорогостоящих разработок, но спешат сами поскорее присосаться к источнику вечной молодости и жить, получая все больше материальных благ, радости, удовольствий. Как тут не вспомнить «Средство Макрополуса» и «Пять ложек эликсира». И Карел Чапек, и братья Стругацкие однозначно указывали на то, какие люди могут желать бессмертия ради него самого. Дефицит вольной мысли у власть имущих замечательно показан в фильме. Как милы и бесполезны успешные герои Сорокина. Окружая себя изысканными игрушками, они в конце концов сами превращаются в занятные безделицы. Ни одному из персонажей бессмертие, по сути, не нужно. Это печально и правильно.

«Мишень» - это попытка недалекой прогностики. В сущности, реализуется один из сценариев геополитического будущего РФ, так называемый «Китайский вариант». В школах и вузах россияне учат язык Поднебесной. Через нашу страну протянулись трансконтинентальные хайвеи, по которым днем и ночью идут автопоезда с товарами. Иными словами, Россия перестала кокетничать с новыми технологиями и космосом, окончательно и бесповоротно став сырьевой базой для Востока и Запада.

Что же ожидает новоиспеченных агасферов в блаженствующем на транзитных деньгах фатерлянде? «Справедливый» общественный строй, милое стерильное общество кровососов, в котором разобщенность социальных групп становится нормой. Горстка избранных обитает в заоблачных дворцах наслаждений, а всем прочим достается мрачный урбанистический афедрон, усаженный чирьями типовых небоскребов.

Среди критиков бытует мнение, что «Мишень» - духовный наследник фильма «Москва», также созданного при участии Владимира Сорокина. Однако это верно лишь отчасти. Действительно, отдельные концептуальные и стилистические решения выглядят схоже, но только в том смысле, в котором походят друг на друга изделия одного цеха. В «Мишени» мажорный фасад столицы образца 2020 года напоминает пустынный, но величественный коммунистический рай из ленты «Новая Москва» (1938) и отчасти город будущего из «Метрополиса» Фрица Ланга (1927). Ну а изнанка - она и есть изнанка: толпы нищих, мрак и безнадега.

Печально, что даже такие необычные и находчивые авторы, как Сорокин, не способны вообразить облик пристойного «завтра». Как видно, сказывается заражение апатией 1990-х. Получается, что эстетическая концепция будущего у нас отсутствует. Вот и приходится заимствовать из прошлого либо брать у других. Да и какое может быть светлое будущее, когда главные герои сегодняшней сказки - сплошь зажавшиеся паразиты?

Николай КАЛИНИЧЕНКО

рецензии

ПЕРВЫЙ МСТИТЕЛЬ

(CAPTAIN AMERICA: THE FIRST AVENGER)

Производство компании Marvel Enterprises (США), 2011. Режиссер Джо Джонстон.

В ролях: Крис Эванс, Томми Ли Джонс, Хьюго Уивинг, Доминик Купер, Нил МакДонаф и др. 2 ч. 4 мин.

Не удивительно, что полное название фильма наши прокатчики не стали объявлять. Резоны ясны. Во-первых, большинству наших зрителей культовый персонаж марвеловских комиксов Капитан Америка известен разве что по пародиям. Во-вторых, локальный американский патриотизм сейчас у нас... как бы это помягче... не в моде. А создавался данный персонаж именно как пропагандистский элемент и за десятилетия своего существования (с 1941 года!) успел повоевать и с нацистами, и с коммунистами, и с анархистами, и с террористами - в соответствии с текущим политическим заказом. В-

третьих, такое название проводит прямую линию к стартующему в следующем году марвеловскому же мегапроекту «Мстители», где будет собрана целая «банда» из классических супергероев - Тор, Халк, Капитан Америка, Железный человек и другие.

С тех пор как ведущая компания на рынке комиксов «Марвел» решила сама заниматься производством киноверсий, а особенно после приобретения ее «Диснеем», она все больше и больше захватывает кинорынок. Это ведь выгоднее: не торговать франшизой, как это «Марвел» делала все время, а самим извлекать прибыль из собственных брендов.

Вторая мировая. Субтильный американский подросток Стив Роджерс мечтает попасть в армию и воевать с нацистами. Но его не берут по медицинским показателям. Некий ученый, еврей, бежавший из Германии, с помощью изобретенного им устройства собирается создавать суперсолдат, наделяя их огромной мышечной силой, скоростью и реакцией. Первым и единственным становится Стив. Тем временем в Германии появляется антагонист - некто Шмидт, нацистский оружейный магнат и изобретатель. Он при помощи древнего скандинавского артефакта создает супероружие и готов уничтожить весь мир и Германию заодно (военные машины нацистов, все такие огромно-готические, сейчас модная тема; пора уже создавать течение, по аналогу с паропанком - наципанк). Шмидт (забавно, что его сыграл экранный почти однофамилец: Хьюго Уивинг, он же агент Смит из «Матрицы») в результате и окажется главным врагом Капитана Америки, знаменитым Красным Черепом.

Тимофей Озеров

СМУРФИКИ

(THE SMURF)

Производство компаний Sony Pictures Animation и Columbia Pictures (США), 2011.

Режиссер Раджа Госнелл.

В ролях: Нил Патрик Харрис, Хэнк Азария, Джейма Мейс, София Вергара и др.

1 ч. 43 мин.

Эти синенькие существа, выдуманные бельгийским художником Пейо в 1958 году, - герои комиксов, мультсериала от «Ханны и Барберры», книжек, игр и вообще любимцы детей всего мира, теперь обзавелись еще и собственной экранизацией.

Впрочем, ничего особенного ни в самом сюжете, ни в 3D, ставшем уже

палочкой-выручалочкой для любого мало-мальски приличного проекта, рассчитанного на детскую аудиторию, не наблюдается, Любопытная возможность в очередной раз «сосмурфетить» рисованных персонажей с живыми актерами заслужила вполне закономерное прохладное отношение. В основном, конечно, критиков - не зрителей. И уж точно, не маленьких зрителей. Им-то смотреть в охотку. Как, впрочем, и «Гарфилда», и «Скуби-Ду», и вообще всё на свете, где появляются любимые герои.

Живут себе Папа-смурф со своими сыновьями Смурфами и единственной дочкой Смурфеттой в сказочном лесу, Радуются жизни и никого не трогают. Но злобный и туповатый волшебник Гаргамель лелеет мечту сделать из смурфиков волшебный эликсир. Скрываясь от злого мага-недоучки, несколько синекожих героев через портал между мирами попадают в современный Нью-Йорк, в семью рядовых американцев,

Разумеется, не обошлось без патоки, пафоса, набивших оскомину занудств и «моралите». Но на этом заскучает лишь взрослый зритель. Для детей же все здесь предельно ясно, беззлобно и по-настоящему весело.

Мировые сборы в 225 миллионов против затраченных ста на производство - гарантия давно уже запланированного выпуска сиквела, Не так уж и много появляется в прокате по-настоящему забавных детских фильмов, заряжающих хорошим смурфением, после которых выходишь из зала с улыбкой.

Вячеслав Яшин

ВОССТАНИЕ ПЛАНЕТЫ ОБЕЗЬЯН

(RISE OF THE PLANET OF THE APES)

Производство компаний Chernin Entertainment и Twentieth Century Fox Film Corporation (США), 2011.

Режиссер Руперт Уайатт.

В ролях: Джеймс Франко, Джон Литгоу, Фрида Пинто, Тайлер Лэбин, Брайан Кокс, Том Фелтон, Дэвид Ойелоуо, Джэми Харрис, Дэвид Хьюлетт, Ти Олссон и др. 1 ч. 45 мин.

Молодой и обаятельный ученый по имени Уилл, наблюдая, как собственный отец увядает на глазах, ищет лекарство от болезни Альцгеймера. После пяти лет исследований Уиллу кажется, что он наконец-то добился успеха. Но подопытная шимпанзе Синеглазка в день презентации внезапно сходит с ума. Уже после того как проект закрывают, Уилл выясняет причину ее агрессии - беременность,

Ученый тайно забирает детеныша домой, называет его Цезарем и вскоре понимает, что у питомца невероятно развит интеллект...

Первый фильм по мотивам романа французского писателя Пьера Булля «Планета обезьян» увидел свет в 1968 году. После успеха кинокартины последовали продолжения «Под планетой обезьян», «Бегство с планеты обезьян», «Завоевание планеты обезьян» и «Битва за планету обезьян». В 2001-м вышел ремейк «Планеты обезьян», режиссером которого стал Тим Бартон. Формально «Восстание планеты обезьян» 2011-го Руперта Уайатта - ремейк кинокартины «Завоевание планеты обезьян» 1972-го, которая, в свою очередь, является приквелом к фильму «Планета обезьян» 1968-го. Но только формально! Да, в обеих картинах главного героя зовут Цезарь. Да, обе картины раскрывают причину появления гениальных приматов. Однако в фильмах 1972 и 2011 годов рассказываются совершенно разные истории, причем сложно отдать предпочтение той или другой. Но, естественно, фильм Уайатта сейчас смотреть интереснее - благодаря современным технологиям. Специалисты из Weta Digital сделали обезьян настолько живыми, насколько это возможно. Не обошлось и без участия Энди Серкиса, подарившего мимику Горлуму, Кинг-Конгу, а теперь и Цезарю. Впрочем, не стоит думать, что, как и многие летние блокбастеры, «Восстание планеты обезьян» напичкано исключительно спецэффектами и экшеном. Такое впечатление может возникнуть от рекламных роликов, но не от просмотра самого фильма. На самом деле «Восстание планеты обезьян» - история о взаимоотношениях человека и животного, где есть над чем подумать.

Степан Кайманов

КОВБОИ ПРОТИВ ПРИШЕЛЬЦЕВ

(COWBOYS & ALIENS)

Производство компаний Universal Pictures, DreamWorks Pictures и др. (США), 2011.

Режиссер Джон Фавро.

В ролях Дэниэл Крэйг, Гаррисон Форд, Оливия Уайлд, Сэм Рокуэлл, Адам Бич, Пол Дано, Ноа Рингер и др.

1 ч. 58 мин.

Представляете, если бы Агата Кристи назвала новый роман «Убийца - садовник»? Много ли нашлось бы покупателей книги? Так и здесь. Зачем же было одной строчкой титула пересказывать сюжет? И тогда к чему устраивать дебютное подобие загадки: главный герой просыпается в пустыне с непонятной штуковиной на руке, ничего не

помня и не понимая. Но мы-то название фильма уже знаем: а штука-то у него на руке инопланетная! Зачем долгое время показывать быт и нравы городка Абсолюшн, чьих жителей в традициях Дикого Запада держит в страхе некий полковник Долархайд. Ведь зритель все равно ждет появления пришельцев.

С сюжетом тоже нелады. Чего хотят добиться злобные aliens, терроризируя глухой провинциальный городок, так и останется неясным. Нагромождение не очень логичных поворотов зачастую отвлекает даже от экшена.

Что радует - картинка и актерский состав. Замечательна эклектика бешеных скачек по прериям, револьверов, индейцев и паропанковской атрибутики пришельцев, Поклонники вестернов, соскучившиеся по новым образцам жанра, будут довольны. Да и нехитрая мораль - перед внешней угрозой необходимо объединяться. А уж звезд Джон Фавро, создатель «Затуры» и «Железных человек», подобрал в картину самых что ни на есть! Пытается отдохнуть от будней агента 007 действующий Джеймс Бонд - Дэниэл Крэйг, специально для этого фильма серьезно похудевший. Старается избавиться от прилипшего образа врача Оливия Уайлд, та самая Тринадцатая из «Доктора Хауса». Вспоминает, вновь надев шляпу, индианоджонсовское прошлое Гаррисон Форд. Даже юный Ноа Рингер, не очень узнаваемый после обретения волос Аанг «Повелитель стихий», стремится не отставать от партнеров.

Кроме того, «продвинутые» зрители смогут полюбоваться не только пейзажами и перестрелками, но и обнаружить немалое количество киноцитат. А ведь на постмодернизм можно списать любые сюжетные огрехи, не так ли?

Тимофей Озеров

СУМАСШЕДШАЯ ЕЗДА

(DRIVE ANGRY)

Производство компаний Millenium Films, Nu Image и Saturn Films (США), 2011.

Режиссер Патрик Люсье.

В ролях: Николас Кейдж, Эмбер Херд, Уильям Фихтнер и др.

1 ч. 40 мин.

В кино, как и вообще в искусстве, в конечном счете все определяет мера таланта. Можно экранизировать аттракцион из парка развлечений и в результате получить «Пиратов Карибского моря» - мощнейшую кинофраншизу. А можно снять мистический боевик по оригинальному

сценарию, но смотреться он будет как унылая экранизация второразрядного комикса или компьютерной игры. После просмотра «Сумасшедшей езды» любопытный зритель почти наверняка пожелает узнать, по мотивам какой игры или комикса он снят. И к огромному своему удивлению обнаружит отсутствие каких-либо «первоисточников». А на самостоятельное произведение, не предназначенное для ублажения уже существующих поклонников какого-то медийного продукта, эта лента, к сожалению, не тянет.

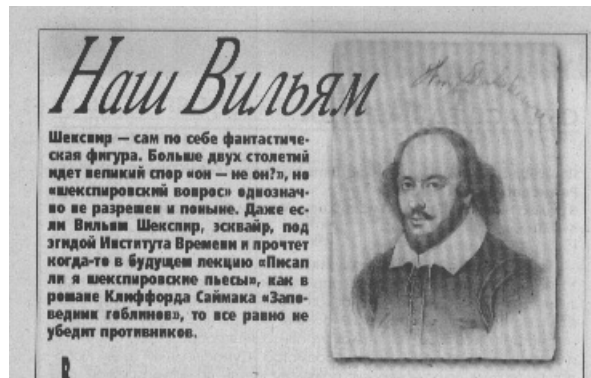
Сюжет ее не то чтобы прост, а суперпрост. Дурной тон для критика выдавать ключевые сюжетные ходы, но здесь ситуация такова, что любая фраза на эту тему будет «спойлером», потому что весь сюжет можно уместить в одну фразу. Например, такую: умерший преступник Милтон (Кейдж) бежит из ада, чтобы отомстить за убитую дочь и вырвать внучку из рук дьяволопоклонников, а по его следам движется посланник самого Сатаны (Фихтнер), чтобы вернуть беглеца обратно. Это, собственно, почти всё, что есть в фильме. Львиную долю экранного времени занимает изображение милтоновской мести: он крошит в капусту дьяволопоклонников, причем в его успехе не возникает сомнений, поскольку сам он уже мертв и убить его вторично нельзя. Такому героическому зомби, к сожалению, решительно невозможно сопереживать, и зрительский интерес к происходящему быстро угасает...

Конечно, подобных фильмов история кино знала много. Существуют и процветают целые компании, специализирующиеся на выпуске кинопродукции класса «Б» с вышедшими в тираж актерами в главных ролях (вроде какого-нибудь Майкла Дудикоффа), Но тут-то все-таки Кейдж, 3D, бюджет в 50 миллионов..., Пожалуй, у создателей картины все-таки есть талант. Правда, своеобразный. Талант не создавать кино, а упускать свалившиеся на них возможности.

Александр Ройфе

тема

Наш Вильям

Шекспир - сам по себе фантастическая фигура. Больше двух столетий идет великий спор «он - не он?», но «шекспировский вопрос» однозначно не разрешен и поныне. Даже если Вильям Шекспир, эсквайр, под эгидой Института Времени и прочтет когда-то в будущем лекцию «Писал ли я шекспировские пьесы», как в романе Клиффорда Саймака «Заповедник гоблинов», то все равно не убедит противников.

В современном мире «Шекспир», кем бы он ни был в действительности, как драматург - авторитет непререкаемый. «Он обладал богатой фантазией, смелым полетом мысли», - так писал о нем даже соперник по творчеству Бен Джонсон. Но о Шекспире-фантасте рассуждать предпочитают в англоговорящих странах, что вполне естественно. Как в России немало пишут о фантастике Александра Сергеевича... «Волшебство и фантазия у Шекспира», «Сон в летнюю ночь: Шекспир и фэнтези», «Шекспир и Толкин: сопоставление и вдохновение», «Шекспировские темы в фэнтези, НФ и кино» - эти и подобные проблемы статей и докладов в англосаксонских странах являются обычным делом. Без отдельной статьи «Шекспир» не обошлась «Энциклопедия фэнтези» (1997) Джона К्लюта и Джона Гранта, упоминание «Бури» есть даже в «Энциклопедии НФ» К्लюта и Николса. Учреждена и особая «Fantasy Shakespeare League».

Чтобы убедиться, что великому драматургу фантастическое действительно не чуждо, советскому человеку достаточно было посмотреть замечательный фильм Григория Козинцева «Гамлет» (1964). По-настоящему академичный, за что режиссера некоторые авангардисты даже упрекали, хотя за сорок лет до того Козинцев сам намеревался «осовременить» «Гамлета»: короля должен был убить высоковольтный разряд в телефонную трубку!

«Экранизаций Шекспира сотни. Это и прямые экранизации, и свободные, и осовремененные версии, и разнообразные переделки, пародии, фильмы по мотивам, и киноленты, обязанные Шекспиру

только названием. Первый «фильм» был выпущен «Фоно-Синема-Театр» в 1900 году и длился три минуты, конечно, это был «Гамлет»,...» - отмечала в очерке «Влюбленные в Шекспира» Евгения Марковская. Правда, первая из множества кинопостановок «Гамлета» - совсем не первая экранизация Шекспира, годом ранее появился «Король Джон».

«Замахнуться на Вильяма, нашего, понимаете ли, Шекспира» мечтает едва ли не каждый режиссер. Получить шекспировскую роль - честь для любого актера. Его считают «нашим» представители практически всех направлений кино. Поэтому оставим историю экранизаций более солидным исследованиям и проследим только за некоторыми - самыми смелыми, неожиданными и фантастическими киноверсиями шекспировских пьес (хотя даже здесь, наверное, не охватим всего многообразия).

Наш Вильям и НФ

«Тень отца Гамлета» и ведьмы из «Макбета» - далеко не вся фантастика Шекспира. В «шекспировском каноне» есть пьесы, где фантастическое играет роль совсем не подсобную. Чаще всего исследователи указывают на романтическую драму-сказку «Буря» (1611), написанную в третий период творчества драматурга. В ноябре 2011 года отмечается 400-летие премьеры. Из статьи в статью, даже в «Энциклопедиях фантастики», кочует утверждение, будто на ней основан известный американский фильм «Запретная планета» (1956). «Это на уровне бреда. И ниже всякой критики...» - вроде бы так написал о фильме суровый критик Станислав Лем. Но для середины пятидесятых картина Ф.М.Уилкокса была вполне на уровне: цвет, звук, интрига, актеры. В 2020 году к звезде Альтаир на «гиперприводе» спешит космический корабль С57Д, похожий на модные в 1950-х «летающие тарелки», чтобы расследовать произошедшую на Альтаире-4 катастрофу и помочь уцелевшим. Но единственный выживший, доктор Морбиус, не желает встречи и только под давлением обстоятельств идет на сотрудничество. Робот Робби - для тех лет удивительный «артефакт» - привозит трех членов экипажа в шикарную резиденцию Морбиуса, где они встречаются с его дочерью красоткой Алтай. Но следом невидимая «таинственная сила», уничтожившая всех соратников доктора, проникает на корабль и повреждает уникальное оборудование... Оказывается, планета - родина всемогущих крэлов, достигших почти божественной сущности. Они могли создавать материальные объекты силой мысли, но погибли от «монстров из Ида», неосознанных, разрушающих пороков подсознания. Морбиус в подсознании тоже желает гибели землянам, и те гибнут один за другим. Осознав вину, доктор умирает сам, его дочь с любимым-капитаном улетают с обреченной планеты, ведь Морбиус запускает систему самоуничтожения - человечество еще недостойно

всемогущества. Любопытно, что капитана сыграл будущий всемирно известный комик Лесли Нильсен, который в молодости пробовал себя в героическом амплуа.

Еще одной «незаконнорожденной» НФ-экранизацией можно считать «Другой мир» (2003) Лена Уайзмана. Хотя прямой источник нигде не обозначен, картина, по сути, вольная интерпретация истории Ромео и Джульетты. Несмотря на то что этот боевик живописует многовековую войну оборотней-ликанов и вампиров, мистики как таковой здесь нет - все объясняется неким генетическим отклонением прародителя обеих ветвей. Интрига вполне шекспировская, расстановка персонажей тоже напоминает повесть, печальнее которой нет на свете, и даже некоторые сюжетные узлы совпадают, кроме, разумеется, финала. Да и примирение враждующих кланов за счет парочки главных героев идет по принципу «Все умрут, а мы останемся», обратно классическому сюжету.

Линия подобных экранизаций еще ждет своего развития. В конце концов, если в космосе успел побывать и граф Дракула, то почему бы туда не отправить на шаттле-истребителе Ричарда III или даже принца Датского? Тем более что над последним эксперименты уже начались. В 2011 году должен выйти мультипликационно-игровой «Гамлет нашей эры» Бобби Сиралдо и Эндрю Свонта, где принц путешествует из 1602 года по эпохам в будущее, а живые актеры вписаны в рисованную среду.

Наш Вильям и фэнтези

Фэнтезийный элемент отчетливо проявлен в комедии «Сон в летнюю ночь» (1595). Некоторые критики даже называли Шекспира среди «предшественников Толкина», хотя сам Профессор был противоположного мнения: «Чума на Уилла Шекспира с его пресловутыми крохотными малютками!». Все дело в строчках: «Каждый эльф и крошка-фея, легче птичек всюду рея...». Относящийся к эльфам очень серьезно Дж.Р.Р.Толкин писал в эссе «On Fairy-Stories»: «Превращение эльфов в малюток произошло во многом благодаря литераторам, к этому приложил руку и Шекспир». Да и вообще, Профессор без восторга отзывался о «фантастическом» творчестве драматурга: «Драма естественным образом враждебна фантазии... Когда я читаю «Макбета», ведьмы выглядят вполне прилично, но в спектакле они почти невыносимы...».

Сочетание в пьесе трех разных миров - двора Тезея перед свадьбой с царицей амазонок, волшебной страны эльфов и фей, афинских ремесленников, репетирующих спектакль к свадьбе, - создает немалые трудности для режиссеров-постановщиков. Но кинематограф перед трудностями не останавливался никогда! Из двух десятков фильмов с таким названием сегодня известны три-четыре: некоторые вообще не

сохранились, другие не получили распространения.

Первый двенадцатиминутный немой «Сон...» поставили в 1909 году американские режиссеры Чарлз Кент и Стюарт Блэктон на студии «Вайтограф». Удивительно, но почти все эпизоды пьесы вкратце были сохранены, пришлось включить только текстовые пояснения. Действие происходит в «афинских» декорациях, вполне приличны натурные съемки. Элементы фэнтези налицо: маленькие «феи» с прозрачными крылышками, веселый проказник Пак, мановением жезла превращающий человеческую голову в ослиную морду, даже попытка изображения полета эльфа.

В 1911 году московское отделение фирмы «Бр. Пате» выпустило «Сон...» Кая Ганзена - комедию о приключениях некоего Митюхи. Фильм не сохранился, как и советский рисованный мультфильм (1935) режиссеров А.Бергенгрена и Э.В.Штейге (по отзывам - политический фильм о борьбе с фашистами).

А вот музыкальная комедия, выпущенная в том же году фирмой «Уорнер Бразерс», поставленная «торжественно, и зрелищно, и пышно», тогда своей сказочной атмосферой очаровала многих. Режиссер Макс Рейнхардт, правда, «Оскара» не получил, фильм был отмечен только за операторскую работу и лучший монтаж. Музыка Феликса Мендельсона хоть и была написана более сотни лет назад, но органично влилась в картину. Кстати, знаменитый «Свадебный марш» изначально был гимном изменчивости, а не супружеской верности. Сказочной фантастики в ленте достаточно, хорош и юный Пак в исполнении Робина Гудфеллоу.

Фильм Майкла Хоффмана «по комедии Шекспира», выпущенный в 1999 году, не менее зрелищен, музыкален (композитор Саймон Босуэлл) и блещет созвездием актеров. Титанию играет Мишель Пфайффер, а Деметрия - не так знаменитый в то время, как сейчас, Кристиан Бэйл. Хотя действие происходит в Италии конца XIX века, и велосипеды-бициклы с граммофонами не удивляют даже фей, шекспировский текст сохранен полностью. С самого начала по экрану порхают некие компьютерные «светлячки», но впоследствии бросается в глаза театральная условность фантастических сцен.

Откровенно театрален и фильм, поставленный на Би-Би-Си в 1981-м Элайджей Машиновски в средневековых декорациях. Условность царит в картине Адриана Нобла 1996 года, в которой задействована труппа Королевского Шекспировского театра. Спящему мальчику снится «сон», где смешались современные реалии, летающие зонтики, странные «эльфы» в цветных париках и костюмах...

«Бурю» за сто лет кинематографа также экранизировали не раз. Первым это сделал англичанин Перси Стоу в 1908 году. В то время трюки с исчезновениями/превращениями и «научные» фокусы Просперо наверняка впечатляли публику. Хотя «пещера» его

нарисована на холсте, а об актерской игре бородатого оборванца Калибана и бегающего вприпрыжку Ариэля (кстати, девочки) и говорить не стоит.

Через три года в Штатах Эрвин Санхаузер поставил свой вариант, и на несколько десятилетий «Буря» утихла - экранизаций не было до конца двадцатого века. Причем кинорежиссерам переносить пьесу на экран стало не слишком интересно, на шекспировской «подкладке» они творили собственные пышные «костюмы». Этим отличаются все последующие значительные экранизации трагикомедии.

Свою «Бурю» (1979) классик британского авангардного кино Дерек Джармен снял сразу после «панковского» (а сегодня ставшего культовым) «Юбилея». Эстетика «панк-культуры» отразилась и в этой не совсем обычной экранизации. Таинственный полумрак, с самого начала нагнетание «странного», сон, кошмары..., Нарочитое смешение эпох: раб Калибан - во фраке, дух Ариэль - в «спецовке», темнокожая певица исполняет блюз. Правда, фантастики как зрелища здесь нет, никаких спецэффектов, и вместо волшебного плаща - некий артефакт с большой линзой.

Еще оригинальнее поставил свои двухчасовые «вариации на тему» под названием «Книги Просперо» (1991) известный британский интеллектуал Питер Гринуэй. Это «барочный» фильм, выстроенный на множественных аллюзиях, с причудливыми танцами под играющую немаловажную роль музыку Майкла Наймана. Говорит только Просперо (Джон Гилгуд), остальные не раскрывают рта, их монологи читаются за кадром. Интересно, что в эпизоде «Книга Утопий» Просперо выдает утопический монолог, в оригинале принадлежащий Гонзало. Немало сцен, в которых режиссер пытается высказать свое видение подсознательных мотивов... В этих «вариациях» Гринуэя двадцать второй по счету упоминается «Книга Игр», и неспроста, весь фильм - игра, импровизация на тему. А в финале - отказ от чародейства, книги жгут и топят, цивилизация предается огню и воде. Спасти удастся лишь две: «Книгу Пьес» и собственно «Бурю»...

Американский сериал «Остров фантазий» (1978-1984), имеющий римейк с Малькольмом Макдауэллом, по мнению некоторых киноведов, также поставлен по основной идее «Бури». Сквозной сюжет построен на том, что некий мистер Рорк и его «Агенство путешествий» организуют туры на остров, где исполняются все мечты клиентов. Однако это даже не «фантазия на тему», здесь нет ни шекспировского текста, ни намека на шекспировских героев.,.

Специфически гендерным подходом отличается последняя на данный момент экранизация «Бури» (2010) Джули Тэймор. Режиссер и автор сценария фильма, закрывавшего год назад программу 67-го Венецианского кинофестиваля, изменила пол главного героя - теперь это Проспера в исполнении Хелен Мирен. В остальном особых

расхождений с оригиналом нет. Симпатична молодая Миранда, не так ужасен Калибан - украшенный коростой афроамериканец с перепонками на руках, эффектен дух Ариэль - его играет «парфюмер» Бен Уишоу. Лента красочная, костюмная, с компьютерной графикой: буйство молний, огненные псы и гарпии... Кроме лауреатки «Оскара» Миррен задействована целая плеяда известных актеров. Благодаря всему этому фильм принес двадцатикратный доход, но вот положительных отзывов кинокритиков не снискал.

Наш Вильям и анимация

Популярный «Сон в летнюю ночь» предоставляет большие возможности не только для игровых постановок, но и для фантазии аниматора-кукольника, что и доказал чешский режиссер, патриарх национальной мультипликации Иржи Трнка в полнометражной ленте 1959 года. У каждого из «миров» пьесы своя атмосфера, и Трнка, прибегнув к стилизации, сумел показать ее. Ярко и разнообразно представлен в фильме мир фантастических существ, слитых с красотой и величием природы, мир, нашедший воплощение в блистательно-поэтических образах. Достиг высокого совершенства постановщик и в выразительном движении кукол, сделанных из полиэтилена. Работа была вознаграждена - фильм получил Главную премию за неигровой фильм МКФ в Канне и приз на МКФ в Венеции.

Зато явно «по мотивам» поставлен испано-португальский полнометражный «компьютерный» фильм 2005 года. Его пафос: современность, наука, техника, изобретательство и власть денег совсем не отменяют власти мечты. Конечно, Оберон, исполняющий рэп, или толстушка-афроамериканка в роли «фейри» не каждому придутся по нраву. А вот оригинальные фантастические «декорации», забавный маленький Пак, любовь и приключения, окончательная победа добра - все это в «плюс» европейским аниматорам.

Ко «Сну..» склонились даже китайские аниматоры, выпустив свою версию тоже в ключе компьютерной мультипликации, правда, для 2008 года довольно примитивной. Интересно, что авторы отказались от каких бы то ни было национальных мотивов.

Один из самых амбициозных отечественных мультпроект в этой области - серия «Шекспир: Анимационные истории», созданная в начале девяностых рядом известных режиссеров на студиях «Союзмультфильм» и «Кристалл филмз» для телеканала ВВС. Проект патронировал сам наследный принц Чарлз. Открывал серию почти получасовой рисованный «Сон,..» (1992) Роберта Саакянца, выполненный в упрощенной, чуть ли не плакатной манере: уникальный стиль режиссера мультфильма «Три синих-синих озера малинового цвета...» и многих других переключал в шекспировский мир.

Тешит глаз фантазией, в точности следуя шекспировским ремаркам,

кукольная «Буря» Станислава Соколова (1992, 10-я серия). Замечательной получилась его же «Зимняя сказка» (1993, 5-я серия). В истории о ревнивом короле и вновь обретенном счастье на уровне художественного образа появляются демоны, призрак и даже персонифицированное Время.

Нужно отметить, что многие режиссеры «Анимационных историй» (по сценариям Леона Гарфилда) пошли по пути обострения элементов фантастики, изначально в пьесах присутствующих, и не прогадали. Эффектны три вещи сестры-ведьмы в «Макбете» Николая Серебрякова. Выпукло таинственное и нереальное в великолепном «Гамлете» Наталии Орловой. Ее же «Король Ричард III» о жестоком горбуне поставлен в стиле «хоррор энд мистери». Элементы «странного» и всяческие знамения подчеркнуты в фильме Юрия Кулакова «Юлий Цезарь». Даже в очень зрелищном «Как вам это понравится» Алексея Караева чудеса - единороги и прочее - только обогащают его восприятие.

В 2011 году свою версию «Ромео и Джульетты» выпустила компания «Touchstone» (кстати, сама компания, основанная в 1984-м, была названа в честь персонажа упомянутой комедии Шекспира «Как вам это понравится»). Подразделение студии Диснея не могло не превратить трагическую историю в оптимистичную комедию для всей семьи. В «Гномео и Джульетте» режиссера Келли Эсбери одним из действующих лиц становится памятник Шекспиру, который спорит с главными героями о развитии сюжета, Действо происходит в мире керамических садовых гномиков, разделенных по цвету колпаков. В задорном мультике «с моралью» сделан акцент на мысли, что любовь - это прежде всего принятие другого, даже очень не похожего на тебя. Недаром исполнительным продюсером выступил мэтр эпатажа сэр Элтон Джон, его же музыкой и песнями наполнена вся картина. Хотя при желании можно усмотреть даже политические (вернее, политкорректные) аллюзии, ведь «синие» гномы из сада Монтеки воюют о «красными» Капулетти...

Наш Вильям и альтернативная история

Бард, как известно, не брезговал анахронизмами. Режиссеры давно уже превратили это в отдельное выразительное средство шекспировских постановок. Стандартный европейский ход: действие пьесы без изменения текста переносится в иные исторические реалии.

В конце XX - начале XXI века получили распространение осовремененные «гангстерские» версии. Появились «Ромео + Джульетта» База Лурманна с Леонардо ДиКаприо (1996), «Гамлет» (2000) Майкла Алмерейды с Кайлом Маклахленом и австралийский «Макбет» (2006) Джеффри Райта с будущим «аватаром» Сэмом Уоррингтоном в заглавной роли. Но куда интереснее выглядят

переносы сюжетов в эпохи, близкие к нам, но не совпадающие на 100%. Тогда вступают в силу исторические аллюзии, а фильмы переходят в редкий жанр «альтернативы».

В 1995 году на экраны вышел «Ричард III» тезки центрального персонажа Ричарда Лонкрейна. Знаменитого горбуна (а на самом деле оболганного Шекспиром монарха) сыграл Йен Маккеллен, тогда еще не успевший стать ни Гэндальфом, ни Магнето из «Людей Икс». Действие разворачивается в Англии 30-х годов прошлого века и показывает становление и крах фашистской диктатуры под залпы танковых орудий. Авторы фильма скрупулезно воссоздали материальную культуру эпохи. Костюмы даже номинировались на «Оскар», соперничая с костюмами другой антиутопии «12 обезьян» Терри Гиллиама.

Таким же образом поступили создатели телевизионной адаптации «Макбета» (2010), где в главной роли выступил антагонист Магнето - «профессор Ксавье» Патрик Стюарт. События также происходят в 30-е годы прошлого столетия. Шекспировский текст сохранен, шотландские аристократы называют друг друга «тан», однако по костюмам и антуражу здешняя Шотландия напоминает то франкистскую Испанию, а то даже сталинскую Россию. Портреты Макбета похожи на плакаты советских вождей из старых фильмов, а герои пьют из бутылок с русскими этикетками «водка»... Намеки вполне прозрачны. Ведьмы же остались ведьмами, только одеты в униформу военных медсестер.

Едва ли не самый «шекспировский» английский кинорежиссер современности Кеннет Брана в 1996-м предпринял дерзкую попытку перенести на экран максимально полный текст «Гамлета». Но и он изменил время действия пьесы: события развиваются в самом конце XIX века, будто предвосхищая начало мировых войн. Неадаптированные поэтические строки входят в противоречие с видеорядом: армия орудует винтовками, но охранники замка Эльсинор, как и положено по пьесе, идут в дозор с одними бердышами. А призрак отца Гамлета появляется, как и сказано, в облачении своих военных побед, то есть в рыцарских доспехах,.

Упомянутая Джули Тэймор в своем фильме «Тит, правитель Рима» (1999), экранизации пьесы «Тит Андроник», напротив, смешала визуальные элементы нескольких эпох, Римляне расхаживают в одеяниях, представляющих собой нечто среднее между тогами и костюмами 30-х годов XX века, ездят как верхом, так и на мотоциклах, слушают джаз и пользуются современным оружием не меньше, чем арбалетами. Осовременил Древний Рим в новом «Кориолане» и Рэйф Файнс, знаменитый «лорд Волан-де-Морт» и одновременно глубокий драматический актер и режиссер, а в нынешнем году - председатель жюри Международного кинофестиваля имени Андрея Тарковского, Римские легионеры у Файнса вооружаются автоматами, а поединки ведут не на мечях, а с помощью штык-ножей.

Наконец, различным переосмыслениям подвергается образ самого Барда вследствие загадок, связанных с его именем*¹. В авантюрной комедии «Мигель и Уильям» (2007) начинающий драматург Шекспир вслед за своей возлюбленной путешествует в Испанию и там соперничает за ее сердце со сборщиком податей Сервантесом. Это соперничество и дает толчок появлению как знаменитых пьес, так и «Дон Кихота» (между прочим, малоизвестен факт, что оба гения умерли в один день - 23 апреля 1616 года). Осенью 2011 года выходит фильм Роланда Эммериха «Аноним». Режиссер масштабных фантастико-катастрофических полотен отступил от привычных жанров и впервые в кино обещал показать альтернативный взгляд на то, кто же скрывался под личиной Вильяма Шекспира.

Наш Вильям и трэш

Несмотря на крылатые слова «весь мир - театр», сейчас ближе всего к Барду именно кинематограф. Теперь уже мало кто задумывается, что главной задачей труппы театра «Глобус» было привлечение публики, а Шекспир, если он все-таки был автором или соавтором своих пьес, заработал на них неплохое состояние. Деньги же ему приносил явно не глубокий смысл, заключенный в произведениях.

За отсутствием иных общедоступных развлечений люди шли в театр и отнюдь не ради катарсиса «по Аристотелю». Подавляющее большинство зрителей были даже неграмотны. Призраки, ведьмы, драки на мечах - вот что привлекало публику (и продолжает это делать в фильмах спустя четыреста лет). К тому же Бард говорил со зрителем на его языке, даже разыгрывая драмы из жизни коронованных особ. Это иронически обыграно в известной экшен-комедии Джона Мактирнана «Последний герой боевика» (1993), где в одном из эпизодов Арнольд Шварценеггер в образе Гамлета достает пистолет-пулемет, а затем просто взрывает Эльсинор.

Но постановки «Глобуса» можно сравнить даже не с современными блокбастерами, а, скорее, с продукцией категории «Б» для открытых автомобильных кинотеатров «drive-in». Ведь в «Глобусе», как и в большинстве тогдашних зрелищных заведений, не было даже посадочных мест. Декорациями зрителей тоже не баловали. Поэтому скепсис образованных современников выходца из Стратфорда-на-Эйвоне вполне понятен и объясним не только завистью. Более того, «Гамлет» и другие пьесы относились не столько к трагедии, сколько, как тогда говорили, к «кровавой драме».

Не удивительно, что среди желающих осовременить пьесы находятся

¹ * *Об использовании образа самого Шекспира в фантастических лентах можно прочитать в обзоре «Знакомые все лица». «Если» № 9, 2009.*

и те, кто старается показать весь тот «сор», из которого растут, не ведая стыда, шекспировские стихи. Наиболее хлестко это вышло у известного деятеля кинотрэша, идеолога «плохого кино» Ллойда Кауфмана. Вышедшая в 1993 году «грайндхаусная» лента «Тромео и Джульетта» Ллойда Кауфмана и Джеймса Ганна стала на десятилетие визитной карточкой студии «Трома». Одновременно она может считаться самой абсурдной постановкой классической трагедии. Верону заменяет постоянное место действия фильмов студии - город Тромавилль, вместилище всех мыслимых пороков. Вызывающе дешевые спецэффекты. Насилие, секс, наркотический угар. Здесь из канализации вылавливают мутантов, а Джульетта под действием рокового снадобья не засыпает, а превращается в монстра. Не обошлось и без «хэппи-энда», если язык повернется так назвать инцест между героями,.. Тем не менее «Тромео и Джульетта» получил приз как лучший фильм на фестивале фантастики и фэнтези в Риме.

Коснулось «печальной повести» и набирающее популярность направление «мэш ап» (сам термин пришел из музыки), которое совмещает классические сюжеты с каким-либо знаковым элементом массовой трэш-индустрии, чаще всего - зомби. В малобюджетной картине «Ромео и Джульетта против живых мертвецов» (2009) действие опять перенесено в современность, а воссоединиться влюбленным мешает то обстоятельство, что Джульетта - живая, а Ромео - нет, хотя все еще обладает способностью ходить и говорить...

Как ни странно, близка к трэшу, судя по видеоряду в трейлере, еще не вышедшая в прокат постановка Юрия Кары «Гамлет. XXI век». Картина впитала в себя элементы молодежной субкультуры: экстравагантные костюмы, «кислотная» атмосфера ночных клубов, уличные автогонки Гамлета и Лаэрта, переходящие в бой на мечах. Обязателен и мистический элемент - брутальный призрак отца Гамлета в кожаном плаще. Прибегая к таким кичевым средствам, Кара, похоже, ставит целью приблизить юное поколение к актуальному наследию Шекспира...

Наш Вильям и азиатское кино

Особым признанием для поэта из туманной Британии стало обращение к его творчеству в далеких уголках планеты с резко отличающейся от европейской театральной и кинематографической традицией. Нас, конечно, интересует последнее. Шекспира на Востоке адаптируют не только к реалиям времени, но и места. Естественно, в отличие от западного полушария, не стараются оставить неизменным классический текст, но стремятся освоить дух.

Пожалуй, наиболее известны опыты прославленного японского режиссера Акиры Куросавы - «Трон в крови» («Замок Паутины») и «Ран» («Смута»), снятые с разрывом почти в три десятилетия, в 1957-

м и 1985-м. Первый относит в средневековую Японию действие «Макбета», второй - «Короля Лира». В «Троне в крови» Куросава оставляет мистические мотивы, только вместо трио ведьм действует одна прорицательница, встреча с которой становится роковой для героя Тосиро Мифуне, самурая Васидзу.

«Ран» лишен каких-либо ирреальных элементов, но любопытен в нашем контексте другим обстоятельством. Как известно, ранний самурайский фильм Куросавы «Скрытая крепость» послужил одним из источников вдохновения для «Новой надежды» Джорджа Лукаса, недаром костюмы, шлемы и культ меча джедаев в «далекой-далекой галактике» отсылают к древней Японии. Парадоксальным образом в «Ран» эпизоды самурайских битв с использованием огнестрельного оружия напоминают перестрелки из «Звездных войн»: красные вспышки ружей очень похожи на отсветы лукасовских бластеров... Наверняка однажды мы увидим и «настоящего» космического Лира.

Не столь известен ориентальный «Гамлет», снятый в 2006 году Фэн Сяо-ганом под названием «Банкет» («Убить императора»). События шекспировской трагедии перенесены в Поднебесную X века нашей эры. Визуально лента решена в популярном тогда жанре wuxia («у ся»), «веревочного кунг-фу». Китайский Гамлет, в фильме - принц Ву Люан, не только обладает поэтическим и актерским даром, но и великолепно фехтует, как его датский прототип, и даже более. Он легко отрывается от земли и буквально левитирует с мечом, а в финале сражается не с аналогом Лаэрта, а со всей дворцовой охраной своего дяди-узурпатора. Сходство с фильмами Энга Ли и Чжана Имоу, поднявших «низкий» жанр до утонченно-эстетской изобразительности, придает участие актрисы Чжан Цзыйи. Она играет императрицу Ван, китайскую Гертруду, возлюбленную Ву Люана, невольной ставшую его мачехой. Примечательно и то, что здесь нет главного персонажа, все основные действующие лица уравнианы в своих ролях и поставлены перед выбором: «быть или не быть».

Наконец, творчество Шекспира не мог не затронуть такой специфически азиатский жанр, как аниме. В фэнтезийном аниме-сериале «Ромео и Джульетта» (2007) действие происходит в воздушном городе Новая Верона, который поддерживает на лету таинственная сила Эскала и где дворяне летают на крылатых конях-пегасах. Ромео - сын узурпатора Монтеки, когда-то вырезавшего семью Капулетти, а Джульетта - мстительница в маске, владеющая мечом не хуже мужчин.

Нынешняя масс-культура впитала образы Барда, как он сам впитывал современные для него массовые стереотипы, демонстрируя своими пьесами условность разделения искусства какими бы то ни было рамками.

Среди живых ты будешь до тех пор,

Покуда дышит грудь и видит взор.

Валерий ОКУЛОВ, Аркадий ШУШПАНОВ

БРЭД ТОРГЕРСЕН

БРОДЯГА

Иллюстрация Владимира БОНДАРЯ

После того как мне исполнилось одиннадцать, Земля загорелась.

Папа с криком вбежал в нашу комнату на орбитальной станции. Что именно он кричал, не помню. Помню его наполненные страхом глаза и как он схватил меня и перебросил через плечо. Потом проделал то же самое с моей младшей сестрой, Иренкой, и кинулся обратно, а мы болтались, как мешки с картошкой.

Он не захватил ни багажа, ни наших игрушек. Не взял даже мое специальное кресло.

Помню изгибающийся коридор, полный взрослых - кричащих,

ругающихся, дерущихся. Один из них встал у нас на пути, и папа сбил его с ног. А ведь он за всю свою жизнь ни разу никого не ударил.

Четырехлетняя Иренка продолжала звать маму. Но мама была на конференции на другом конце станции, и в толпе мы ее не видели.

Я все думал о своем кресле. Если происходящее заставило папу забыть о нем, стоившем немалых денег, творилось нечто очень серьезное. Потом мы добрались до люка, ведущего к кораблю, - там стояли высокие люди с оружием, и папу они на борт не пустили. Он закричал на них, они что-то сказали в ответ.

Помню, как папа осторожно опустил нас с Иренкой на пол, крепко обнял и произнес:

- Мирек, ты старше. Тебе придется заботиться об Иренке. Иренка, я хочу, чтобы ты слушалась брата и делала все так, как он скажет. Вам придется покинуть это место, а я не могу отправиться с вами.

Люди с оружием расступились, пропуская экипаж, и попытались оттащить нас с Иренкой от папы.

Меня охватила паника. Я не хотел его отпускать.

Иренка брыкалась. Я визжал, потому что пинаться не мог.

Мы хватались за папину рубашку изо всех сил.

В конце концов, он крикнул на нас, и мы тут же умолкли, потому что никогда еще не слышали от него таких слов, да еще и произнесенных столь громко.

Он извинился, поцеловал нас, и тогда мы отпустили его воротник.

- Не забывайте меня, - попросил он, когда кто-то из экипажа потащил нас прочь. - Помните маму и папу. Мы всегда будем любить вас!

Корабль оказался набит битком, в основном детьми.

Когда до нас донеслись звуки тяжелых ударов, некоторые закричали от страха. Но я-то знал, что происходит. Мы отцепились от станции - я чувствовал, как исчезает гравитация.

Для меня это стало хорошей новостью. Отсутствие гравитации означало, что кресло мне не понадобится.

Взрослые, оттащившие нас от папы, с нами не разговаривали. Они второпях отыскивали свободное место, пристегнули нас и убежали.

Иренка всхлипывала и шмыгала носом, а я держал ее за руку и смотрел в иллюминатор - кажется, я все еще пребывал в шоке и не осознавал, что произошло с нашей семьей.

Корабль удалялся от колец станции, вращавшихся в пустоте. Ускорение давило мне на живот, потом я почувствовал, как его направление изменилось на девяносто градусов. Меня бросало из стороны в сторону, вид за иллюминатором вращался... и тогда станция начала исчезать. Не знаю, что там произошло, я видел только сияющее облако, окутавшее ее. Затем вспыхнул свет - такой яркий, что мне пришлось зажмуриться.

Когда я снова смог раскрыть глаза, станция исчезла, а ускорение,

вжимавшее меня в сиденье, сделалось таким сильным, что я едва мог дышать.

Иренка перестала всхлипывать и вцепилась в мою руку так сильно, что я испугался, как бы ее маленькие пальчики не хрустнули.

Корабль летел очень быстро.

Ночная сторона Земли покрылась огромными красными пятнами, похожими на гигантскую сыпь. Вскоре вспышки стали видны сквозь плотный слой взбаламученных облаков.

Мимо нас протискивался человек в скафандре, со шлемом в руке. Я поймал его за рукав и спросил, указывая на иллюминатор:

- Что происходит?

Он остановился и наклонился ко мне.

- Орбитальным станциям конец, - ответил он по-английски с американским акцентом. - Теперь они взрывают в атмосфере антиматерию. Господи Иисусе...

Мужчина бросился дальше, к корме, а я продолжил смотреть.

Я понимал, что где-то там, внизу, мои двоюродные братья и бабушка с дедушкой попали в беду. Плотный дым не позволял разглядеть края континентов, но я все равно выискивал Европу. Польша находилась у моря, и я подумал: может, рядом с морем все окажется не так плохо.

Я думал так до тех пор, пока не показался светящийся край дневной стороны. Там, где красные пятна касались океана, я разглядел ураганы белого пара. Пятна стремительно расширялись, словно в учебных фильмах, показывающих в ускоренном темпе, как растет плесень в чашках Петри.

Потом корабль перевернулся, и иллюминатор наполнила тьма, а ускорение снова вжало меня в сиденье. Я отвернулся и посмотрел на Иренку - она прижалась ко мне, измученная, засыпающая. Ее дыхание стало равномерным, легким, и вскоре я тоже почувствовал, как у меня слипаются глаза. В голове крутились воспоминания о маме и папе, которых мы больше никогда не увидим.

Проснувшись, Иренка заплакала, и взрослым из экипажа пришлось отвести ее в ванную. Когда ее привели обратно, на ней остались одни только ночные трусики. Мне сказали, что произошла небольшая авария, и остальную одежду отстирают лишь через час. Глаза моей сестренки блестели, и по сторонам она смотрела так, будто каждый предмет может ее покусать.

Я спросил, можно ли посадить ее ко мне на колени. После короткого диалога мне это разрешили, с условием, что мы пристегнемся одним ремнем. При нулевой гравитации болтаться непристегнутыми опасно. Это, впрочем, я знал и без них.

Иренка уютно устроилась у меня на коленках. Я пристегнул нас ремнем и обхватил ее обеими руками. Затем откинулся на сиденье и закрыл глаза, надеясь еще немного поспать. Еще никогда я не

чувствовал себя таким уставшим.

- Хочу к маме, - тихо пробормотала Иренка.

Я открыл глаза и посмотрел на ее маленькое личико.

- Я тоже, - ответил я. - Но думаю, что мама и папа умерли.

Сестра снова раскисла и принялась хныкать, уткнувшись мне в грудь. Крепко стискивая ее в объятиях, я почувствовал застрявший в горле комок. Не знаю, кого я тогда жалел больше: Иренку, родителей или себя самого.

Я пытался оставаться спокойным и сопротивлялся волнам отчаяния. Мне казалось, что папина рука до сих пор лежит на моем затылке, что папа смотрит мне в глаза и просит позаботиться об Иренке, ведь он знает: их с мамой больше не будет рядом. Тогда, произнеся эти слова, он вроде бы почувствовал себя легче. Пока другие взрослые паниковали, он сумел переправить нас с Иренкой в безопасное место.

Теперь ради сестры мне придется стать сильным. Впрочем, не только ради нее. Ради нас двоих.

Я судорожно сглотнул и тихо заплакал, поглаживая ее золотистые волосы.

Час спустя к нам подошла женщина из экипажа. Выглядела она старше остальных взрослых на корабле - я заметил пробивающуюся седину. Женщина похлопала меня по плечу и улыбнулась.

- Ты говоришь на транскомме?

- Да, - ответил я.

- Отлично. Сообщи, пожалуйста, свое имя и возраст.

- Мирослав Яровски. А это моя сестра, Иренка. Мне одиннадцать, ей четыре.

Женщина записала наши имена в свой наладонник.

- Вы знаете, где сейчас ваши родители?

- Да. Вы не пустили папу на борт, и теперь он мертв.

Улыбка растаяла, моя собеседница нахмурилась.

- Мне очень жаль. Капитан не разрешил нам взять взрослых. Корабль и так переполнен.

Ее слова, конечно, меня не утешили. Но я старался быть сильным. Догадывался, что детству настал конец, и чем раньше я начну вести себя как мужчина, тем лучше.

- Что произошло? - спросил я.

- Хм... ты смотрел новости в последнее время?

- Нет.

- Там... они... нет, думаю, будет лучше, если я не стану этого объяснять. Понимаешь, кое-кто начал войну. Ужасную войну.

- Зачем?

Женщина умолкла, посмотрела куда-то мимо меня. Губы ее задрожали.

- Черт возьми, да я понятия не имею, - прошептала она.

Потом, видимо, вспомнила, что мы - дети, извинилась и продолжила записывать наши данные. Где мы жили, имена членов семьи, любимая еда, мультфильмы, которые нам хотелось бы посмотреть, нужно ли экипажу знать о нас еще что-нибудь.

- У меня нет с собой кресла, - так я ответил на последний вопрос.

- Прошу прощения?

- Я не могу передвигаться без кресла.

Пришлось показать небольшую пантомиму - как я передвигаю джойстиком кресло, без которого мне остается лишь перетаскивать свое тело, отталкиваясь от пола руками.

- У тебя паралич?

- Да.

Ее губы вновь задрожали. Женщина наклонилась и убрала прядь волос с моего лба.

- Ничего, - продолжил я, - когда гравитации нет, ноги мне не нужны. Поэтому-то мама и отправилась на конференцию. Она хотела получить работу в колонии на одном из астероидов, чтобы нам никогда больше не пришлось волноваться об этом.

- Я передам капитану. Ты сможешь позаботиться о сестре или мне поискать вам помощника?

- Я хочу с Миреком, - заявила Иренка, не глядя на женщину.

Сестра обхватила меня так крепко, что дальнейшие вопросы оказались излишними.

Женщина встала - несмотря на отсутствие гравитации, ее ботинки цеплялись к полу - и снова убрала прядь волос с моего лба.

- Если вам потребуется помощь... любая... нажмите эту синюю кнопку. Меня зовут Элейн. Экран рядом с кнопкой - компьютер, можете посмотреть что-нибудь или поиграть в игры.

- Спасибо, - ответил я. - Но мне бы очень хотелось узнать, куда мы направляемся.

- Мы пока и сами не знаем. Это решит капитан. Война сейчас не только на Земле.

Наш корабль оказался обычным межпланетным лайнером. Очень распространенная модель, таким даже имен не давали, лишь номера. Капитан старался держать нас в курсе событий, но ему, похоже, не доводилось общаться с детьми, поэтому мне часто приходилось обращаться к Элейн за пояснениями. Она сказала, что мы отправляемся на Юпитер, где, возможно, встретимся с другими беженцами.

Я чувствовал почти постоянное ускорение: мы убегали от боевых спутников, продолжавших курсировать между Землей и Луной. Наличие ускорения означало, что всю первую половину пути мне придется провести на нашем с Иренкой месте. Меня бы это вполне устроило, если бы только не приходилось обращаться за помощью к Элейн

каждый раз, когда я собирался сходить в туалет. Когда она таскала меня на руках по проходу, кое-кто из подростков смеялся и называл меня сосунком. Что ж, я давно привык не обращать на такое внимания.

Однако потом они начали задирать Иренку, и я понял, что с этим надо кончать.

В середине полета, пока не началось торможение, наступило несколько часов невесомости. Остальные дети сделались неуклюжими, а я почувствовал себя как рыба в воде. Последние несколько месяцев я провел в тренажерных залах с нулевой гравитацией, в надежде на то, что мама получит работу на астероидах. Теперь настало время применить мои навыки.

Несколько фингалов и разбитых губ - и задиры угомонились. Мы достигли взаимопонимания. Узнав о случившемся, Элейн, конечно же, меня отругала. Взрослым всегда приходится так поступать, чтобы казалось, будто они не принимают чью-нибудь сторону. Впрочем, потом, когда корабль начал торможение, а мне вновь потребовалась помощь Элейн, она тихонько похвалила меня за то, что усмирил буянов и заступился за сестру.

Дразнить нас перестали, и меня это вполне устроило.

За иллюминаторами постепенно разрастался величественный Юпитер. Впервые мы увидели его еще неделю назад, и с тех пор он становился все больше, по мере того как мы приближались к точке встречи с одной из орбитальных станций, о которых говорил капитан.

Не знаю, о чем мы думали. Юпитерианские колонии стали для нас некоей мифической целью, на них возлагались самые разнообразные и, как я понял позднее, несбыточные надежды. Особенно очаровал Юпитер Иренку.

Мне приходилось постоянно напоминать ей, что мама и папа не встретят нас, когда мы прилетим. Каждый раз она злилась и говорила, что ненавидит меня, потому что я рад смерти родителей и могу теперь помыкать ею. С этими словами она обычно отправлялась на маленькую игровую площадку, которую члены экипажа построили в грузовом отсеке, и пропадала примерно на час. Затем возвращалась в дурном настроении, извинялась передо мной, и мы обнимались.

Когда салон залил красный свет и завывла сирена, Иренка находилась в туалете.

Из динамиков, перекрывая детские крики, раздался рев капитана:

- НАС АТАКУЕТ АВТОМАТИЧЕСКИЙ СПУТНИК! ПРИСТЕГНИТЕСЬ И ГОТОВЬТЕСЬ К ПЕРЕГРУЗКАМ!

Я тут же подумал об Иренке, застрявшей в туалете, даже оттолкнулся руками от сиденья, но Элейн тут же схватила меня за плечо и усадила обратно.

- Делай, как сказано! - заорала она.

- Там моя сестра!

Элейн проследила за моим взглядом, кивнула и выкрикнула:

- Оставайся здесь, я верну Иренку!

Она бросилась бежать по проходу. Я кое-как пристегнулся, и в этот момент начались перегрузки. Нас бросало из стороны в сторону, кабину наполнили крики и плач. Элейн тем не менее осталась стоять - я видел, как она открыла своей карточкой дверь туалета. Затем распахнула кабинку, выскочила с Иренкой на руках - сестра бешено сучила ногами и искала глазами меня.

- Успокойся! Успокойся, дорогая! - кричала Элейн.

Началась следующая серия жутких маневров. Я видел, как какая-то девочка, не успевшая хорошо пристегнуться, вылетела со своего места и разбилась о потолок. Несколько секунд ее безвольное тело висело в воздухе, потом его катапультировало вперед. Раздался тяжелый удар и хруст.

Несмотря на все это, Элейн продолжала крепко держать Иренку. Она направлялась ко мне, когда корабль дернулся, принимая страшный удар. Раздались стоны и визг.

Мне показалось, что голова сейчас лопнет, и тогда я понял: нас подбили. Элейн и Иренка смотрели на меня, их рты оставались открытыми, как две буквы О, а воздух, стремительно покидавший салон, трепал их волосы.

Потом из моего кресла выскочил оранжевый щит, накрывший меня, словно саван, и запечатавший все щели.

Я звал Иренку, пытался расстегнуть ремни. Через маленькое окошко я видел, как салон превращается в кошмарное месиво красных мигалок, взрывов и разлетающихся осколков. Мы с сестрой успели взглянуть друг на друга в последний раз - ее рот замер в беззвучном крике: «Мирек!». А потом мир перевернулся:

Очнулся я от того, что замерз до костей. Уши болели, из носа шла кровь, уже забрызгавшая всю рубашку. Плевать. Я просто сидел, зажмурившись изо всех сил, и вспоминал Иренку, звавшую меня. Потом почувствовал, как в груди рождается крик. Когда он прорвался наружу, я взвыл. Минуты шли, а я все кричал и никак не мог успокоиться.

Позднее вой все же утих. Я чувствовал себя истощенным настолько, что сумел выдавить лишь несколько сдавленных всхлипов, после чего впал в забытие.

Так прошло несколько часов. Потом в животе забурчало, и я решил ознакомиться с инструкцией, отображавшейся на маленьком экране, встроенном в подлокотник кресла. Окружавший меня щит раздулся, словно воздушный шар, позволяя даже немного подвигать локтями. Я отстегнулся и в соответствии с указаниями поднял сиденье, под которым обнаружился унитаз. Воспользовавшись им, я вернул сиденье на место и продолжил смотреть через окошко на черноту космоса и

медленно движущиеся звезды.

Когда салон разгерметизировался, меня, похоже, вытянуло наружу. Или, возможно, кресло автоматически катапультировалось. Теперь это уже не имело значения. Иренка погибла в нескольких шагах от меня, а я ничего не смог сделать.

Я подвел ее. Подвел папу, которому обещал позаботиться о сестре.

Мне очень хотелось покончить со своим никчемным существованием.

В груди заворочался еще один крик, но сил на него уже не осталось. Навалился тяжелый сон.

Разбудил меня резкий толчок. Щит стремительно спускал воздух.

Я вцепился в компьютер, пытаюсь узнать, почему не сработала аварийная сигнализация, и в этот момент щит втянулся в подголовник моего кресла.

Я дернулся, ожидая увидеть холодный вакуум, но вместо этого обнаружил ребристые, ярко освещенные стены... еще одного корабля.

Просторная, с высоким потолком комната пустовала. Она напомнила мне салон лайнера, на котором мы с Иренкой бежали со станции.

Иренка. Меня охватила тоска. В сознании с беспощадной отчетливостью всплыла сцена ее смерти. Неужели это никогда не закончится? Неужели я так и буду видеть Иренку, погибающую миллион раз, и чувствовать собственное бессилие?

Внезапный щелчок заставил меня поднять голову. В стене открылся круглый люк.

Сердце бешено заколотилось в груди. Над полом проплыла фигура в белой, похожей на пижаму, одежде.

Морщинистая, угольно-черная кожа, большие глаза.

Пожилая женщина смотрела на меня, не мигая. Затем ботинки прилипли к металлу, и она быстро подошла ко мне.

- Мальчик в ужасном состоянии, Говард, - произнесла она по-английски с сильным американским акцентом, какой мне доводилось слышать только по телевизору. Когда женщина склонилась ко мне, я различил в ее ухе крошечный наушник. Она посмотрела мне в глаза, затем обратила внимание на мои дрожащие кулаки и высохшую кровь на рубашке.

- У тебя есть имя, сынок?

- Мирослав, - ответил я. Из-за крови и слизи, забившей мои ноздри, голос звучал так, будто я простудился.

- Это русское имя?

- Польское.

- Что ж, благодари Господа за то, что наши пути пересеклись, Мирослав из Польши. Когда роботы атаковали Юпитер, тут был настоящий ад. Мы с Говардом отключили обсерваторию и подождали, пока они не двинутся дальше. Потом покинули орбиту и улетели.

- Улетели? Что вы имеете в виду?

- Кругом автоматика. Военных больше нет, но их машины остались. И обсерватория для них - очередная мишень. Поэтому мы с Говардом решили, что лучше будет отправиться в свободное плавание.

- Куда?

- К поясу Койпера². Последнее, что нам осталось. Мы собираемся найти Бродяг.

Бродяги. О них рассказывали в школе: частные корабли, отправившиеся в глубокий космос, чтобы узнать, пригоден ли пространство за Нептуном для колонизации. С тех пор как они пересекли орбиту Плутона, от них не поступало никаких сообщений. Здравый смысл подсказывал: Бродяги погибли.

А если нет?

Смерть Иренки по-прежнему заслоняла для меня все остальное, поэтому Бродяги меня в тот момент не интересовали. Я продолжал изучать стену.

- Меня зовут Тэбита, - представилась женщина, протягивая руку.

- Спасибо, что подобрали, - я ответил слабым рукопожатием.

- Похоже, тебя это не очень-то радует, Мирослав.

- Мирек. Сестра звала меня Мирек. Она... она...

Я не смог произнести это вслух - впрочем, слова и не потребовались. Тэбита прижала палец к моим губам.

- Тише, малыш. Ты пережил Судный день. Пойдем, я приведу тебя в порядок.

Я позволил взять себя за руку и вытащить из кресла. Женщина направилась к люку. Потом заметила, что я только цепляюсь руками за поручни, а ноги безвольно болтаются в воздухе.

- Не можешь идти? - спросила она. Я кивнул. Тэбита тут же стала ощупывать меня, пытаюсь найти рану, но я оттолкнул ее.

- Паралич. Это с рождения.

- Сожалею, - женщина вздохнула. - Ну, Мирек, мы с тобой сделаем все, что в наших силах.

- А кто такой Говард? - спросил я.

- Мой муж. Скоро вы с ним познакомитесь.

Говард и Тэбита Маршалл родились в Вирджинии. Работали они на одном из мобильных телескопов, вращавшихся по орбите вокруг Юпитера. В молодости они прибыли сюда как инженеры, а позднее стали руководить обсерваторией.

Все это я узнал, пока Тэбита помогала мне снять рубашку и вымыть лицо.

- Потом в НАСА сказали, что телескоп уже очень стар и его нужно списать. Но нам с Говардом здесь так нравилось, что, когда астрономы

² * *Заполненная астероидами область Солнечной системы от орбиты Нептуна до 55 а.е. от Солнца. (Здесь и далее прим. перев.)*

собрали свои пожитки и улетели, мы решили остаться. Сперва в знак протеста, а потом в НАСА сдались и разрешили нам продолжить работу. Мы отсылали им данные вплоть до самой войны.

Говард, как выяснилось, умер несколько лет назад, но его личность перенесли в компьютер, и теперь обсерваторией управлял он. Я слышал, что такое проделывали пилоты, вызывавшиеся добровольцами в далекие экспедиции, когда становились слишком стары или заболели во время полета. Технология считалась экспериментальной, и на Земле в нее не очень-то верили. Общение с Говардом напоминало разговор с воображаемым другом - он будто бы находился везде и нигде одновременно.

Сама обсерватория представляла собой нагромождение зданий, прилепленных к крошечному, но богатому рудой астероиду, бывшему когда-то одним из троянцев*³ Юпитера. Когда роботы достигли юпитерианских поселений, Говард отключил все оборудование в надежде, что обсерваторию не заметят.

По чистой случайности наши траектории пересеклись, и пассивные сенсоры Говарда засекли аварийные сигналы. Тэбита потребовала поднять меня на борт, несмотря на риск.

Я не знал, что говорить, и потому предоставил инициативу Тэбите (настаивавшей, кстати, на «просто Тэб»). Моя собеседница буквально фонтанировала интересными историями, оптимизмом и хорошим настроением. Я даже почти забыл о депрессии, впившейся в мое сердце с тех пор, как умерла Иренка. И все же мысль о потере родителей и сестры не переставала мучить меня, как ноющий зуб.

Я вымылся и переоделся в белый халат, подобный тому, что носила Тэбита. Затем мы отправились на прогулку по обсерватории. Почти все отсеки оказались запечатаны - системы поддерживались в работоспособном состоянии автоматически, а Тэбите хватало и нескольких комнат. При нулевой гравитации она двигалась как рыба в воде. Мы посетили спортзал, в котором хозяйка станции проводила по нескольку часов в день, чтобы не дать своим мышцам и костям сойти на нет за ненадобностью.

- Мирек, я понимаю, что ты не можешь пользоваться ногами, - сказала Тэб, - но думаю, ты приспособишься. Пока что мы, наверное, откроем для тебя одну из запечатанных комнат. Полагаю, ты какое-то время побудешь у нас в гостях.

- А что если я этого не хочу? - поинтересовался я и остановился, ожидая ответа.

Тэб посмотрела на меня, удивленно подняв бровь.

³ * *Троянские астероиды - группа астероидов, вращающихся вокруг Солнца на том же расстоянии, что и планета. Помимо троянцев Юпитера существуют также троянцы Нептуна и Марса.*

- Мальчик, ты и в правду думаешь, что у тебя есть выбор?

- Папа говорил, что выбор есть всегда.

Тэб открыла рот, собираясь поспорить, но потом передумала и посмотрела на меня с опаской.

- Что ж, вполне справедливо, дитя мое. Господь дал нам свободу воли, и не мне отнимать у тебя это право. Мы можем выделить тебе спасательный катер. Отправляйся, куда захочешь.

Я посмотрел на Тэбиту.

Если останусь в обсерватории, боль никуда не уйдет - это я понимал. Но поможет ли от этой боли хоть что-нибудь? На глаза навернулись горячие слезы, и я быстро отер их рукавом. Затем выругался польски.

Тэб вздохнула и наклонилась, чтобы посмотреть мне в глаза. Когда она заговорила, ее южный акцент зазвучал особенно четко:

- Все произошедшее - позор для человечества, Мирослав. Твоя семья. Моя семья. Все остальные - их больше нет. Судный день наступил и прошел, а мы все еще здесь. Думается мне, что у Господа еще осталась для нас работа. Наша встреча не случайна, уж в этом-то я уверена. Не знаю, что еще говорил тебе твой папа, но позволь поделиться тем, что говорил мой отец мне. Он говорил так: «В этой жизни никуда не деться от боли». Еще со времен Адама и Евы Господь хочет, чтобы мы знали боль - такова часть испытания. Я не могу исцелить твои раны, могу лишь сказать: нас будут судить по тому, как мы справились со своей болью, как мы использовали ее, чтобы, несмотря ни на что, исполнять Божью волю. Ты понимаешь меня?

Нет, я ее не понимал. Мои родители - физики. Наша семья никогда не ходила в церковь. А речи Тэб звучали как цитаты из старых книг о тех временах, когда люди отдавали предпочтение религии, а не науке. Я не привык к этому, чувствовал себя не в своей тарелке и тем не менее не мог не заметить убежденности, с которой говорила Тэбита. Не мог я отрицать и искренность ее доброты.

Слезы хлынули рекой, и я оставил бесполезные попытки вытереть их. Иренка наверняка полюбила бы Тэб, если бы только оказалась здесь вместе со мной.

Я пробормотал что-то в этом духе и тут же почувствовал, как Тэб с неожиданной силой обхватила меня и чуть не задушила в объятиях.

Впервые кто-то по-настоящему обнял меня с тех пор, как мы попрощались с папой.

Я ревел, уткнувшись в ее плечо, а она стала тихонько напевать какую-то песенку (как я выяснил позже - церковный гимн).

Я, конечно, решил остаться.

Потом мы с Тэб заговорили о Бродягах.

- Так с чего же начнем? - спросил я. - Не можем же мы искать их вслепую.

- Самая крупная группа, говорят, полетела по траектории «Пионера-10». Мы можем сделать то же самое, Говард?

- Посмотрим... - голос Говарда раздавался из динамиков под потолком. - Ага, вот этот файл. Да, думаю, все получится. Нам по пути - хорошо, что от Юпитера мы направились в эту сторону. Придется еще подождать, прежде чем я осмелюсь снова включить двигатели - мы недостаточно далеко.

- Договорились, - ответила Тэб. - Уж времени-то у нас точно с избытком.

Она не шутила. Даже с постоянным ускорением до орбиты Плутона мы добрались только через два месяца. Еще восемь ушло на то, чтобы добраться до внутренней границы пояса Койпера. Обсерватория оказалась прекрасно подготовлена для дальних экспедиций. Обширные запасы антиматерии обеспечивали энергию, а гидропоника - рециркуляцию воздуха. Тэб научила меня пользоваться системами жизнеобеспечения обсерватории, затем мы дважды провели подробную инвентаризацию всех расходных материалов и запчастей. Говард построил графики, показывающие, на какой период нам хватит ресурсов.

Допустим, с обсерваторией ничего не случится и двигатель будет включаться только для коррекции курса, тогда пройдет двадцать лет, прежде чем у нас закончится что-нибудь важное. Даже если откажет главный реактор, запасной сможет обеспечивать нас энергией еще десять лет. А если свести все к минимуму и оставить только системы жизнеобеспечения, этот срок увеличится втрое. Следовательно, все, что нам нужно, - заботиться о гидропонной ферме, и тогда воздуха и еды нам с Тэб хватит на десятилетия.

Десятилетия. Мысль о столь длительном путешествии вызвала у меня ужас.

Шестнадцать месяцев спустя Говард перестал следить за эфиром Солнечной системы. Среди передач не осталось криков о помощи - только автоматические сигналы нескольких боевых спутников, повинующихся приказам, даже несмотря на то что отдавших приказ людей давно уже не осталось в живых.

Не удалось обнаружить и никаких признаков связи между кораблями. Впрочем, если кто-то и выжил, они, наверное, вели себя так же, как мы: старательно хранили молчание.

Несколько раз мы с Тэб обсуждали возможность возвращения. Но по мере того, как росло расстояние до Земли, сама эта идея становилась все более абстрактной. Мы уже забрались достаточно далеко, чтобы Солнце стало лишь еще одной точкой на сияющем звездами небосводе. Каковы наши шансы на успешное возвращение? Как мы будем искать выживших, когда нужно постоянно прятаться от боевых спутников?

Нет, лучше уж двигаться дальше.

Когда мне исполнилось тринадцать, Тэб сказала, что научит меня астрономии.

Это оказалось не так уж и сложно: в базах данных Говарда нашлось все необходимое. К тому же обучение помогало мне скоротать время и отгоняло неприятные мысли. Среди этих мыслей по-прежнему присутствовали мама, папа и Иренка - они стали для меня старой раной, с которой постоянно сдирается засохшая кровь. Но постепенно, день за днем, я начал сближаться с Тэб. И боль стала ослабевать, а ноша сделалась легче.

Мы с ней работали с сенсорами и прочим оборудованием обсерватории, каталогизировали объекты, встречавшиеся на пути.

Тэб говорила, что космос, вопреки расхожим представлениям прошлых веков, вовсе не пуст. Пояс Койпера и облако Оорта на самом деле огромные поля астероидов, а составляющие их осколки постепенно улетают в межзвездное пространство, туда, где правят планемо.

Планемо. Планеты без звезды. Миры в себе.

Может, Бродяги в итоге поселились на одной из них? В конце своего путешествия, длившегося веками?

Несколько раз Говард отклонялся от курса, чтобы изучить аномалии, появлявшиеся на радарх обсерватории. И не находил ничего - даже если кометы сами по себе и представляли кое-какой интерес. Впрочем, по большей части они оказывались кусками скал, обросшими заледеневшим газом и водой. Обычное дело за орбитой Плутона.

Лишь один раз нам попало нечто, связанное с человечеством.

Крошечный заснеженный мир неправильной формы - один из его кратеров оказался радиоактивен. При внимательном изучении обнаружилась шахта, давно заброшенная. Похоже, здесь добывали полезные ископаемые.

Этого оказалось достаточно, чтобы Тэб пустилась в пляс по центру управления, а Говард принялся болтать настолько оживленно, насколько позволял его компьютерный менталитет.

Обсерватория приблизилась к шахте, и мы с Тэб спустились туда на катере. Затем надели скафандры - один из них Тэб подогнала под мои размеры - и вышли наружу. Обнаружились, увы, лишь покрытый льдом ржавый мусор да кучка расщепившегося материала.

Никаких сообщений. Ни намек на то, сколько Бродяги здесь пробыли или куда они направились дальше. И никаких признаков «Пионера-10».

Мы продолжили поиски.

На протяжении следующих двух лет мы еще дважды находили следы подобных стоянок в аналогичных мирах. Бродяги использовали для синтеза изотопы водорода. Для того чтобы добраться сюда, нам, с двигателем, работавшим на антиматерии, потребовалось лишь

несколько лет. У них этот путь, должно быть, занял многие десятилетия.

Тэб рискнула послать вперед передачу узким лучом. Месяцами мы ждали ответа, но он так и не пришел.

Желание увидеть других людей раздражало меня, как чесотка. Мне не хватало не только моей семьи, но и просторных площадей, парков, где я катался на своем кресле между фонтанов, пугая голубей, и смеялся беззаботным мальчишеским смехом.

По ночам я мечтал о доме и... других вещах. Я слишком смущался, чтобы говорить об этом с Тэб. Куда проще оказалось поговорить с Говардом, который когда-то был мужчиной, а еще раньше - мальчишкой-подростком.

Говарда мои признания удивили - с учетом того, что я никогда не чувствовал ничего ниже пояса. Когда разговор зашел о женщинах и об их телах, он поколебался, а потом все же дал мне доступ к базе фотографий. Если бы мама застала меня за их разглядыванием, вышел бы, вероятно, большой скандал.

- Не говори Тэб, - предупредил Говард. - Еще, чего доброго, сотрет меня, узнав, что я показал тебе это.

Я пообещал сохранить все в тайне. Мне нравилось, что я могу поделиться чем-то с мужчиной, пусть даже и живущим в виде компьютерной записи. Мы с Говардом стали общаться все чаще и чаще, а от Тэб я постепенно начал отдаляться. Однажды, когда она думала, что я сплю, я выскользнул из своей комнаты и тихо пробрался к двери в ее комнату, услышав их с Говардом разговор. Моя мать называла это «болтовня перед сном»: в данном случае это выглядело достаточно странно, ведь Говард не лежал в постели рядом со своей женой.

- Скоро он станет мужчиной, - печально промолвила Тэб.

- Он стал мужчиной, когда умер его отец, - ответил Говард.

- Наверное. Но ты и понятия не имеешь, как я счастлива от того, что у нас наконец-то появился малыш. Мы с тобой так старались все эти годы... и ничего. А потом, прямо как Сарре^{*4}, Господь посылает мне этого мальчика на склоне лет. Только я никогда не увижу его ребенком. Когда он попал к нам, он уже почти повзрослел, а теперь...

Услышав, как Тэб всхлипнула, я и сам почувствовал комок в горле.

- Он хороший мальчик, Тэбита. Мы с тобой знаем это. Думаю, он тебя любит. Он не признается в этом, когда разговаривает со мной, но я это чувствую.

Тэб усмехнулась.

- Ха, искусственный интеллект, умеющий чувствовать!

- Ты знаешь, о чем я, женщина. А теперь - тс-с. Сенсоры

⁴ * В Ветхом Завете - жена Авраама, мать Исаака.

подсказывают, что мальчик прячется за твоей дверью. И он, вероятно, слышал наш разговор.

- Простите, - произнес я с сонной улыбкой, входя в комнату.

Тэб вытирала глаза.

- Не извиняйся, Мирек. Я всего лишь грустная старая леди, никогда не имевшая своих детей. Не обижайся, если я слишком привязалась к тебе.

Меня это вовсе не обижало. Скорее, даже наоборот.

Я оттолкнулся от люка и обнял Тэб изо всех сил, так же, как она обняла меня в тот день, когда я решил остаться со своей новой семьей и искать Бродяг.

Она снова всхлипнула - на этот раз, скорее, от радости, - и я рассказал Тэбите и Говарду Маршалл, насколько я их люблю и насколько признателен за то, что они приютили меня.

Когда мне исполнилось шестнадцать, я, наверное, еще не до конца принял самоуничтожение человечества. Этой ноше еще только предстояло лечь на мои плечи. Какая-то часть меня отказывалась верить в то, что все остальные погибли, и последние следы человечества обратились в пыль после контакта с антиматерией. Все, что осталось от цивилизации, - военные автоматы, продолжавшие рыскать по всей системе в поисках несуществующих врагов. Иронично, не так ли? Эти мысли нагоняли на меня тоску. Депрессия стала моей постоянной спутницей.

Мне страстно хотелось, чтобы рядом оказалась сверстница, с которой я мог бы поговорить, к которой бы мог прикоснуться, подержать за руку. Но все шло к тому, что я никогда больше не увижу других людей, кроме Тэбиты.

С тайной помощью Говарда я начал гнать спирт из зерен, росших на ферме, и вскоре он уже испугался, как бы я не превратился в алкоголика.

Но что еще я мог сделать? Мертвое прошлое, туманное будущее. Единственный подросток во всей Вселенной!

Тоска по дому и абстрактная озабоченность усиливали депрессию, добавляя ей оттенок меланхолии.

Я начал пить ежедневно. В одиночестве, запершись в отдельном модуле, который я выстроил на фундаменте обсерватории, там, где Тэбита не могла до меня добраться. Я забросил гимнастику. Зачем она мне? Что меня теперь ждет? Я улетел с Земли мальчишкой и останусь молодым еще много лет, но что такое юность без радости? Без подруги? Я постоянно мечтал обо всех девушках, которые когда-либо меня привлекали: вспоминал выражения их лиц, как они злились или смеялись, как их тела двигались под одеждой. Дошло уже до того, что я с восторгом принял бы любую женщину, в каком бы состоянии она ни находилась - лишь бы дышала и не годилась мне в бабки. Хоть кого-

нибудь, кого я мог бы обнять и кто мог бы обнять меня.

Я отдалился и от Говарда, и от Тэбиты.

Я устал от них, а они, думаю, начали уставать от меня.

Иногда мы не разговаривали друг с другом целыми днями, даже неделями. В итоге я окончательно переселился в свой модуль, и Говарду пришлось заботиться об обсерватории в одиночку, если не считать ослабевавшей помощи Тэбиты.

Не так уж и плохо, с учетом того, что Говард все равно почти все делал сам.

А затем, в один прекрасный день, мы засекли маяк. Всего лишь слабый радиосигнал, передающий двоичные данные.

Говард не смог декодировать сообщение, которое и вправду казалось бессвязным набором цифр - случайный поток единиц и нулей, без всякой логики.

И все же это доказывало, что мы на правильном пути. Этого оказалось достаточно, чтобы вывести меня из депрессии.

К тому времени когда мы достигли источника сигнала - кометы, я достаточно протрезвел, чтобы сесть за штурвал катера, и принял человеческий облик, а Тэб впервые за долгое время взглянула на меня без отвращения.

На комете мы обнаружили туннель, а на его дне - могилы: шестьдесят восемь замороженных и идеально сохранившихся тел.

Несколько дней я исследовал это место, пытаюсь обнаружить хоть какие-нибудь намеки на то, куда дальше направились выжившие. Не знаю, принадлежали ли они к Бродягам, но наша находка однозначно доказывала: человечество продолжает существовать, пусть даже в такой дали от своего покинутого дома. Мне хватило и этого. С глубоким благоговением я обходил мертвецов, переписывал их имена со стальных табличек и делал снимки.

Когда я наконец-то вернулся в обсерваторию, тревоги оставили меня.

Тэб показалось, что я даже слишком спокоен.

Мертвые Бродяги помогли мне преодолеть порог, о существовании которого я даже не подозревал, и наполнили меня решимостью.

Я ликвидировал свой личный модуль и уничтожил весь спирт до последней капли. Потом с энтузиазмом взялся за свои прежние обязанности, рассыпаясь в совершенно искренних извинениях перед Тэб и Говардом. Не знаю, мог ли человек, живущий в компьютере, чувствовать боль, но Тэб наверняка напугало и огорчило мое поведение за последние полгода, ведь я относился к ним обоим просто ужасно. Оставалось только надеяться, что со временем вину удастся загладить. Увидев, что я вновь обрел цель, они, конечно, обрадовались.

- Прощен? - в конце концов спросил я, когда мы с Тэб в кои-то веки вновь оказались за одним столом.

Последовала долгая, очень долгая пауза.

- Да, - ответила она, слегка улыбаясь. Уголки ее глаз окружали морщинки. Она протянула мне сухую дрожащую руку, и я осторожно сжал ее ладонь.

Десять лет спустя после начала нашего путешествия мы нашли первый корабль. Он оказался заброшен и тщательно вычищен - все мало-мальски полезные части исчезли. Пустая оболочка, еще одно массовое захоронение.

На четырнадцатом году мы нашли еще три корабля, в таком же состоянии. Они служили мемориалом людям, лишившимся или, вернее, отдавшим свои жизни ради великой цели.

На этот раз среди них оказались и дети, слишком маленькие, чтобы быть уроженцами Земли. Когда я увидел их, на меня нахлынули воспоминания об Иренке.

Тэб, в силу возраста уже не покидавшая обсерваторию, увидела в этом божественное провидение.

- Если мы окончательно утратим милость Господа, он отнимет у нас способность иметь детей.

Обдумывая эти слова, я наблюдал, как она плавно перемещается по кухне и кутается потеплее, спасаясь от несуществующего холода. Долгие годы она пыталась обратить меня в свою веру. Особенно, когда я начал гнать спирт. Но меня так и не посетила искра божественного откровения. Она читала мне отрывки из Библии, и я слушал, пусть с неохотой. Я уважал ее веру и даже порой восхищался ею, но никогда ее не разделял.

Тэб свято верила в божественное предназначение, а я... что ж, я не чувствовал ничего. Раньше я часто задумывался об этом, подозревая, что виной всему моя моральная ущербность. Теперь же я склонялся к тому, что просто слишком похож на родителей и потому не способен отодвинуть рациональное достаточно далеко, чтобы обрести веру.

Когда не получалось обсудить это с Тэб, а такое происходило достаточно часто, я беседовал с Говардом, который, похоже, поддерживал убеждения жены, но без фанатизма.

- Ее отец - пастор, - как-то раз сказал он во время тихой ночной беседы в центре управления. - И потому вся ее семья - глубоко верующие люди. Когда мы впервые встретились, меня это несколько... испугало. Она таскала меня на всякие встречи и чтения Библии, а я не сопротивлялся, потому что моя мама тоже пыталась когда-то увлечь меня верой. Тэбби... она привлекала меня настолько, что я, наверное, вошел бы в бассейн с пираньями, лишь бы она была рядом и держала меня за руку. Когда она узнала, что я научил тебя гнать спирт, она меня чуть не убила. Разозлилась почти так же сильно, как и тогда, когда выяснила про те картинки из мужских журналов.

- Она узнала об этом? - я рассмеялся. - Честное слово, я тут ни при

чем!

- Я знаю, сынок. Я сам ей рассказал. Никогда не удавалось сохранить что-то в тайне от этой женщины.

Мы захохотали.

Затем я вздохнул и какое-то время молчал.

- Говард, как думаешь, у меня когда-нибудь будет жена?

Динамики умолкли. Мой собеседник задумался.

- Если мы все-таки найдем Бродяг, думаю, да. Определенно. Женщины будут с ума сходить от такого красавца, как ты.

- Но я все еще паралитик.

- Твоя правда. Но позволь сказать кое-что: рост, мышцы - для женщины это не самое главное в мужчине. Особенно с возрастом: чем женщина старше, тем лучше она узнает, насколько трудно найти достойного спутника жизни. И потому начинает ценить подобных тебе людей, когда они ей встречаются. Не беспокойся об этом, сынок. Уверен, она ждет тебя.

- Но что, если я не смогу...

- Будь, что будет, сынок. Сейчас не время думать об этом, ведь мы же еще никого не нашли. ,

- Так точно, - ответил я, прекращая дискуссию. Но этот вопрос продолжал беспокоить меня.

Последовала долгая пауза.

- Говард, - произнес я.

- Да, мальчик мой.

- А это больно?

- Прошу прощения?

- Когда тебя записывают. Перемещают в компьютер. Ты чувствуешь боль?

- Не совсем.

- А что?

- Это невозможно описать.

- Даже не попытаешься?

- Попытался бы, но это тебя лишь смутит. А впрочем, ладно. Представь, будто ты лег спать, а когда проснулся, обнаружил, что тело твое стало огромным и у тебя выросла сотня новых рук, глаз и ртов... к такому непросто привыкнуть. Но это не больно.

- Скоро нам, наверное, придется записывать Тэб?

- Нет. Она заставила меня поклясться, что я не сделаю этого. Она боится, что из-за этого ее душа не попадет к Иисусу.

- Но тебя же она записала...

- О, это совсем другой случай. И поверь мне, она допустила это лишь потому, что боялась остаться одна куда сильнее, чем опасалась за мою бессмертную душу. Думаю, в итоге она перестала обо мне беспокоиться. Но насчет себя продолжает настаивать: когда время

придет, ничто ее не остановит.

- Она и вправду верит, что попадет в рай?

- Ты и сам знаешь, Мирек.

- А ты? Ты в это веришь?

Молчание.

- Хочу верить. Но не знаю, зачтется ли это...

Пятнадцать лет спустя после того, как мы покинули Юпитер, произошла катастрофа.

Мы столкнулись с облаком углеродных микрометеоритов, оказавшихся слишком черными и слишком маленькими, чтобы мы засекали их радаром или увидели в телескоп. Я помогал Тэб одеться, когда обсерватория вдруг задрожала, а по коридору прокатился звук, похожий на шум дождя.

- Говард, что происходит? - вскрикнула Тэб.

Когда нам никто не ответил, мы переглянулись и бросились в коридор.

С потолка сыпались искры, на пол падали тонкие лучики света. Космическая пыль, двигавшаяся относительно нас со скоростью десятков тысяч километров в минуту, проникла сквозь сталь и поликарбонатные пластины. Тэб вцепилась в меня, и я остался стоять на пороге, не смея пошевелиться до тех пор, пока зловещее световое шоу не прекратилось. Тогда я бросился к ближайшему терминалу и запросил отчет о статусе станции.

Отчет меня не порадовал. Половина обсерватории оказалась отключена, другая переведена на резервные батареи. Хуже того, компьютер лишился связи с Говардом и работал лишь на локальном софте. Давление постепенно падало, хотя и не успело еще достигнуть критической отметки.

Мы с Тэб пролетели несколько сотен метров по коридору, до люка, ведущего в подвал, к главным компьютерам. Я заметил, что крышка испещрена крошечными, почти незаметными дырочками, а потом забрался туда, где разум и, возможно, сама душа Говарда жили на протяжении последних десятилетий.

База данных превратилась в кашу. Целые массивы вышли из строя. Разработчики защитили компьютерный центр от радиации и солнечных вспышек, но на такое они не рассчитывали. Я кинулся отыскивать уцелевшие резервные копии, а Тэб вцепилась в поручень и безудержно плакала, повторяя:

- Говард... о, Говард...

Ситуация складывалась ужасная. Мы потеряли слишком много оборудования. Даже если бы мне удалось запустить восстановление, постоянное взаимодействие между банками данных, необходимое для существования Говарда Маршалла, - его уже не вернуть. Если и удастся что-нибудь завести, это будет уже не Говард.

Тэб поняла все без слов.

Она смотрела на массивы, мигавшие красными огоньками, и продолжала повторять имя мужа.

В тот день она легла рано. Тысячи микроскопических отверстий, из-за которых мы продолжали терять воздух, ее, похоже, не волновали. Не волновало ее и поврежденное оборудование, ремонт которого без помощи Говарда практически не представлялся возможным. До этого момента я не осознавал, насколько же мы зависели от него.

Я запустил множество программ на обычных компьютерах и серверах, чтобы жизнеобеспечение не отключилось. Следующие три дня ушли на то, чтобы обезопасить гидропонные фермы, систему переработки отходов и прочие жизненно важные модули, без которых нам грозила неминуемая смерть.

Тэб оставалась ко всему безучастной.

Я заходил к ней не единожды, и с каждым разом она выглядела все хуже. В последний раз она парила в невесомости над кроватью, прижимая к груди старую фотографию Говарда. Она тихонько напевала тот самый гимн, который исполнила в день нашей первой встречи.

Мне пришлось почти закричать, чтобы хоть как-то привлечь ее внимание.

- Все это уже не имеет значения, Мирек. Господь забрал Говарда, и теперь настал мой черед.

- Ты не можешь просто уйти! - крикнул я. - Ты же сама говорила, что Бог будет судить нас по тому, как мы справляемся со своей болью, разве не так?

Эти слова привели ее в чувство - пусть ненадолго, но этого хватило, чтобы Тэб ударила меня по лицу. Впервые за все эти годы она подняла на меня руку. Я даже не смог разозлиться, настолько меня это удивило.

- Не цитируй Господа, мальчик! - с горечью произнесла Тэб. - Я отдавала все силы, чтобы открыть твое сердце Христу. Но ты отверг Его, а вместе с ним часть меня. А теперь уходи. Я все равно слишком стара и не сумею тебе помочь.

Я не нашел, что ответить, и потому просто ушел, а после забылся на несколько часов тревожным сном.

Когда я вернулся в комнату Тэб, ее тело свешивалось с кровати. Белая сорочка, рот слегка приоткрыт, и никаких признаков дыхания. В холодной руке - свернутая бумажка.

Дрожа всем телом, я развернул ее и прочитал: «У тебя добрая душа, Мирек. Спасибо, что позволил мне считать тебя своим сыном».

Я лишился способности думать. Только серьезность сложившейся ситуации заставляла меня двигаться дальше. Мой разум охватила пустота, такая же глубокая, как космос, через который продолжала лететь наша обсерватория.

Я поместил тело Тэбиты в склеп, рядом с ее мужем. Никакой

церемонии, никаких речей. Я попрощался с ней так же, как с папой и мамой, а позже - с Иренкой. Любые слова, тем более о чем-то духовном, казались мне богохульством. Тэб все-таки не ошиблась. Мое сердце осталось глухо к гласу Божьему. Если, конечно, Бог все же есть. Глядя на дверь, за которой остались лежать мои вторые родители, я здорово в этом сомневался. Существовала лишь суетная и жестокая жизнь, а за ней - тишина смерти, приходящая внезапно и без предупреждения, в первую очередь к тем, кто меньше всего этого заслужил.

На целый месяц я погрузился в чисто механическую и абсолютно бессмысленную работу. Микрометеоритный шторм уничтожил слишком многое. Без Говарда, способного быть везде, видеть все и думать обо всем сразу, у меня не осталось ни единого шанса справиться в одиночку.

Локального софта какое-то время хватало, но спустя три месяца стало ясно: гидропоника и система переработки отходов скоро откажут. Даже с запасами, припрятанными в многочисленных погребах, вырытых в скале, через пару лет у меня закончатся и еда, и воздух.

Вернувшись к центральному компьютеру, я прикинул возможные варианты. Уцелевшего оборудования хватило бы для сборки новой программы с оставшимися на дисках заводскими настройками, но весь мой опыт работы с компьютерами ограничивался тем, что удалось почерпнуть от Говарда и Тэб. Явно недостаточно для подобных экспериментов.

Впрочем, я все равно попытался и создал редкостного имбецила, которого сразу же удалил.

Я и не думал прикасаться к тому, что осталось от Говарда. Его массивы я изолировал, надеясь когда-нибудь извлечь из них нечто полезное.

Скитаясь по опустевшей обсерватории в полном одиночестве, я размышлял о бессмысленности своей жизни и о том, стоит ли вообще продлевать столь жалкое существование.

И вдруг приборы засекли очередной маяк. Очень слабый, как и все остальные, он зазывал меня в недра пояса Койпера, как сирены вызывают к одинокому моряку.

Сжигая куда больше антиматерии, чем следовало, я гнал обсерваторию все дальше и дальше, не боясь новых штормов. Если во всем этом путешествии и имелась какая-то цель, хоть что-то, способное придать смысл смертям Говарда и Тэбиты, я должен добраться до маяка, сигнал которого день ото дня становился сильнее.

Несколько недель спустя я нашел буй, первый образчик технологий Бродяг, попавший мне в руки. Невероятно маленький, работающий, очевидно, на антиматерии - а ведь первые Бродяги ею не обладали, - он весело попискивал, призывая меня. Сблизившись с ним, я выровнял

скорость и курс с помощью ускорителей. Затем поймал радиопередачу и несколько минут настраивал тарелки: Говарду, уверен, хватило бы на это мгновения. Наконец канал ожил, и я увидел записанное сообщение.

Девушка на фоне голубого экрана. В ее лице угадывались восточные черты, а на транскоме она говорила с акцентом, который я считал китайским.

- Если вы слышите это сообщение, - говорила она, - вы на полпути к нам. Мы знаем и о войне, и о том, что вы не забрались бы так далеко, если бы не искали убежища. Наш Кворум принял решение предоставить защиту всем беженцам с Земли, со спутников, независимых колоний и юпитерианских поселений, если только они сумеют добраться до нас. К сожалению, сейчас мы не можем ни оказать вам помощь, ни дать точных координат, но если вы уже рядом, то поймете, куда двигаться дальше. Удачи.

Затем сообщение повторилось. Я испытывал радость и отчаяние одновременно.

Так далеко... я забрался уже так далеко... Тэб и Говард отдали свои жизни. И это - только половина пути?

Я вернулся к своим расчетам касательно запасов и умирающей гидропоники. Получалось, что мне никак не протянуть еще пятнадцать лет. Даже если за это время я не сойду с ума. Даже если я потрачу все запасы антиматерии на один мощный толчок, у меня не останется топлива для торможения, когда я приближусь к цели.

Оставаясь у буя, я тщательно обдумывал свое положение.

Сообщение, очевидно, предназначалось беженцам, двигавшимся по траектории «Пионера-10». Необходимость придерживаться прежнего курса усложняла задачу. Как проделать столь долгий путь и остаться в живых - отдельный вопрос.

Три дня я размышлял и взвешивал варианты, пока в голове не родилась пугающая идея, больше смахивающая не на план, а на самоубийство.

К записывающему оборудованию, похоже, не прикасались уже очень давно. После переноса Говарда в компьютер Тэб опечатала и законсервировала комнату, так что вся техника и пульта управления идеально сохранились. Микрометеоритный шторм тоже сюда не добрался - это немного успокоило меня, когда я начал подготавливать базу данных.

Несколько недель потребовалось на то, чтобы создать новое, тщательно защищенное хранилище для массивов. Я аккуратно перенес их, подключил, синхронизировал и подвел три резервных кабеля от реакторов, работавших на антиматерии.

Если с обсерваторией что-то случится, я не хочу разделить судьбу своего старого друга, павшего жертвой лоботомии.

Инструкции оказались очень простыми. Сам прибор напоминал

томограф, опускающийся на голову, как сушилка. Процесс записи представлял собой дорогу в один конец. Он занимал целые дни и велся с такой интенсивностью, что нейронные связи разрушались сразу же после копирования. Стоит начать сканирование - и возврата не будет. Поскольку воспользоваться чьей-нибудь помощью я не мог, а сам никогда еще не проводил подобных операций, тело мое в итоге вполне могло превратиться в кусок мяса, в то время как разум оказался заперт в компьютере. Поэтому я тщательно подготовился. На случай, если эксперимент все-таки завершится плачевно, я заранее проложил курс и ввел его в навигационную систему. Пусть хотя бы мои останки получат крошечный шанс добраться до места, коль скоро мне удалось улететь так далеко от Земли. Затем я подключил систему жизнеобеспечения к записывающему устройству, чтобы содержимое обсерватории постепенно заморозилось в случае неудачи.

Мозг мой к тому времени уже в любом случае опустеет, но не хотелось бы, чтобы тело при этом медленно сгнило на кушетке.

Закончив с приготовлениями, я сел и стал обдумывать свои последние слова. За всю свою жизнь я ни разу еще не задумывался о том, что стоило оставить после себя. Всегда получалось так, что кто-то другой оставлял что-нибудь для меня, а мне приходилось подбирать эти кусочки и двигаться дальше. Поэтому я сидел перед компьютером, занеся палец над кнопкой, и злился на самого себя за полное отсутствие хоть каких-нибудь слов.

Спустя десять минут я все же запустил запись и заговорил на транскоме, чтобы люди, которым, возможно, доведется посмотреть сообщение, смогли меня понять:

- Меня зовут Мирослав Яровски. Возможно, я единственный, выживший после уничтожения Земли. Если вы смотрите эту запись, значит, я уже мертв. Если вас это не слишком затруднит, я бы хотел, чтобы вы поместили где-нибудь мемориальную табличку с моим именем и именами членов моей семьи.

Я медленно повторил полные имена сестры, матери, отца, а также бабушки с дедушкой и еще нескольких членов семьи, которые еще оставались в живых в тот момент, когда бомбы из антиматерии начали выжигать Землю. Я решил, что добавить их в список - хорошая идея, ведь все мы жертвы, и мне хотелось бы оставить воспоминания о наших жизнях хоть в чьей-нибудь памяти.

- Дальнейшее меня не особенно интересует. Тэбита и Говард Маршалл находятся в склепе на другом конце обсерватории, и им, думаю, стоит остаться там. Моим телом, равно как и всей станцией, вы можете распорядиться так, как сочтете нужным. Конец.

Я нажал на «стоп», проверил результаты копирования файла по бестолково организованной сети, затем встал и отправился в комнату записи. Там осторожно закрыл дверь, поставил себе капельницу -

перспектива смерти от обезвоживания до окончания процесса меня не прельщала - и опустился на кушетку.

«Корона» - так я назвал про себя это устройство - висела в нескольких сантиметрах над моей головой. Активатор я отсоединил, подключил к кабелю и теперь держал в руке.

Подумав о Говарде, который когда-то прошел через это, и о Тэб, когда она наблюдала за ним, я сглотнул и нажал кнопку.

Вселенная растворилась в водовороте цвета и звуков.

Вряд ли я бы сумел подготовиться к тому, что случилось потом.

Я купался в бескрайнем море хаотических образов. Звуки прокатывались эхом в моем сознании. Затем все это неожиданно сменилось холодной и вполне материальной реальностью. Вот только обсерватория теперь воспринималась пятью десятками разных глаз и ушей, а моргнуть или отключить входной сигнал не получалось. Я закричал, но сделалось только хуже, потому что звук, вырвавшийся из пятидесяти динамиков, вызвал перегрузку моих же пятидесяти микрофонов. В результате чудовищный визг впился в мое сознание, как приступ мигрени.

Спас меня Говард - вернее, его воспоминания.

Надеясь связаться с остатками его разума, я подключил уцелевшие массивы дополнительным кластером к тем, что использовал для себя. Запаниковав, я неосознанно бросился к нему и тут же получил порцию нужной информации. Разум вернулся в норму, поле зрения сузилось до одной камеры, а способность слышать - до одного-единственного монотонного голоса:

- Доступ разрешен, Мирек. Жду дальнейших инструкций.

Система знала мое имя.

У меня получилось.

Вот только особой радости я не испытал. Конечно, я понимал, что должен чувствовать облегчение. Но теплое ощущение триумфа, удовлетворения, свойственное людям, исчезло. Остались лишь стремительные чистые мысли - и головокружительные возможности. Любые вычисления теперь в моей власти. Стоит лишь сформулировать задачу, как ответ тут же возникнет в сознании. Память оказалась столь же стремительной - теперь, когда в системе появилась надежная церебральная матрица, данные Говарда объединились с моими.

За пару минут я выстроил сеть и протестировал все уцелевшие системы обсерватории.

И сразу же осознал, насколько неуклюжими выглядели мои прежние попытки управиться с ними. Общая эффективность упала до сорока двух процентов, а количество желтых, оранжевых и красных узлов перевалило за сотни. Продолжая сканирование и расстановку приоритетов, я в то же время получал данные из массивов Говарда.

Едва подумав о решении какой-нибудь проблемы, я тут же видел ответ, как будто находил его уже сотни раз.

Хотя присутствие Говарда и ощущалось (как слабое послевкусие), я понимал: его уже не вернуть. Мысленно поблагодарив своего спасителя в сотый раз, я продолжил путешествие.

У помещенного в компьютер разума есть одно преимущество: можно заставить время двигаться с нужной тебе скоростью. Недели и месяцы казались мгновениями, пока я чинил реакторы и составлял расписание расхода топлива, постепенно ускорялся и в то же время следил, чтобы оставшихся ресурсов хватило для торможения. Не имея ни малейшего представления о том, что ждет меня в конце пути, я все же считал дурным тоном пронестись мимо Бродяг, как прицеп, скатившийся с крутого холма.

Направив передатчики вперед, я предварил свое появление многочисленными приветствиями.

Хотя маяк и выглядел обнадеживающе, я, конечно же, понимал, что он может оказаться лишь артефактом, пережившим Бродяг. К счастью, мой компьютерный разум не мог испугаться по-настоящему. Столь сильные эмоции теперь доходили до меня будто бы с опозданием. Осмысливая страх, я воспринимал его лишь как далекое, никак не мешающее моей задаче и не подтачивающее моей решимости прошлое.

О конечном пункте моего путешествия я пытался не думать. Что толку Бродягам от моего компьютерного сознания? Вряд ли мне удастся вернуться в свою прежнюю голову. Впрочем, желание это ослабевало с каждым днем. Новые возможности затягивали, как наркотик, и через пару лет уже стало казаться, что возвращение к одному-единственному набору глаз и ушей вызовет лишь сводящую с ума клаустрофобию.

Микрометеоритный шторм лишил обсерваторию главного телескопа, поэтому, когда мои процессоры простаивали, я сканировал узкий отрезок пояса Койпера, по которому пролетал.

Хотя многие люди и считали даже на протяжении двадцать второго столетия эту часть космоса абсолютно пустой, я обнаружил огромное количество осколков. Гипотеза Бродяг подтверждалась: похоже, меня окружали следы былых катастроф, погубивших планеты Солнечной системы. О причинах этих давних событий оставалось только гадать: ими могли стать и кометы, и сильные вспышки на Солнце, и коллективная глупость человечества.

Потеряться на просторах пояса Койпера не составляло труда. Я чувствовал себя отшельником, выискивающим необходимые для выживания ресурсы и сторонящимся других людей.

Со временем я нашел еще два маяка - они передавали сообщения, аналогичные первому.

Оставшееся в моем распоряжении количество антиматерии

перевалило за точку невозвращения, но меня это не волновало. Я стал Бродягой, и мне незачем поворачивать назад.

С поразительной легкостью минуло целое десятилетие, после чего я вновь столкнулся с микрометеоритами. Защита, которую я некогда возвел вокруг компьютеров, не подвела, и на сей раз обсерватория не лишилась ничего важного - если не считать гидропоники и систем жизнеобеспечения.

Я продолжал рассылать свои сообщения, но они лишь улетали, как брошенные в пруд камни, и не находили ответа.

Возможно, Бродяги по природе своей никогда не показывались без крайней необходимости.

Двадцать девять лет спустя после того, как обсерватория покинула Юпитер, меня, вопреки ожиданиям, не охватило радостное предчувствие.

Я не видел ни одного корабля. Меня окружали лишь призраки.

И вдруг - совершенно неожиданно - рядом со мной возник конус пятидесяти метров в длину, который синхронизировал со мной свою скорость и курс.

Я окатил его дождем приветствий и стал ждать ответа. Реакция оказалась весьма неожиданной: конус выпустил множество крошечных кораблей, которые вцепились в обсерваторию, словно блохи в собаку. И тогда до меня дошло: я в ловушке.

Из каждого корабля высыпалось множество паучков. Разрезая камень и металл, они, это было понятно, направлялись внутрь обсерватории.

Мои приветствия стали сначала настойчивыми, а после и вовсе отчаянными, но паучки игнорировали все мои потуги и целеустремленно направлялись к комнате, в которой хранился мой разум. Я следил за ними с помощью камер и, наверное, закричал бы, если бы счел такое проявление паники необходимым.

Помню, что передавала последняя камера: один из паучков забрался на мои массивы, жадно потер свои острые лапки, а затем я почувствовал, как мой разум рассыпается на множество отдельных частей, будто меня охватила самая страшная форма безумия. Потом наступила милосердная тьма.

Следующее включение меня не слишком обрадовало, поскольку я оказался лишен всех органов чувств. Единственное ощущение - будто кто-то просит меня потерпеть. Я ждал, оставаясь наедине со своими мыслями, казавшимися какими-то... урезанными. Ограниченными. Привычная скорость и точность компьютеров обсерватории исчезли, как будто... как будто...

Когда я открыл глаза (?!), надо мной склонились встревоженные лица. Я сел и посмотрел на Бродяг, одетых в медицинские халаты. В комнате не обнаружилось ничего, хотя бы отдаленно напоминающего скальпели или прочие хирургические инструменты.

- Я доктор Хастел. Как вы себя чувствуете?

Женщина, на вид лет сорока.

- Пока не знаю, - ответил я. - Как вы... вернули меня?

- О, это долгая история, - сказал азиат, представившийся как Чоу. - Попробую объяснить попроще.

Он не шевельнулся, но я ощутил приток информации, как от массивов Говарда. Не прошло и секунды, как я понял всю процедуру. Меня клонировали, используя ткань замороженного трупа, найденного в комнате записи. В мозг клона установили специальный орган, служивший интерфейсом для прямых подключений. Его использовали для того, чтобы постепенно перенести мою церебральную матрицу в мозг клона, пока его тело росло.

Теперь, когда я проснулся, устройство позволит мне работать с общей сетью Бродяг - когда это станет для меня безопасным. Мне все еще предстояло многому научиться, прежде чем я смогу покинуть больницу.

Все эти знания возникли в моей голове с непогрешимой уверенностью, словно я всегда это знал. Потом я опустил взгляд на свои ноги, и по позвоночнику пробежал озноб.

- Они... в порядке? - спросил я.

- Конечно, - ответила Хастел с легкой улыбкой. - А что, раньше...

- Нет. Паралич.

- Я встречалась с подобным, - сказала она. - Ничего сложного.

Я собрался пошевелить ногами, которые привык считать бесполезными придатками, и обнаружил, что не знаю, как это сделать. Потом сосредоточился и почувствовал поток холодного воздуха, касающийся моих бедер.

Нахлынувший восторг чуть не свел меня с ума, из глаз потекли слезы, рот растянулся в широкой улыбке. В голове тут же родилась куча вопросов.

- Всему свое время, мистер Яровски, - произнес Чоу. - Простите, что так долго продержали вас не подключенным. Даже с нашими технологиями на выращивание взрослого клона уходят годы. Но вас поместили в очередь.

Следующий вопрос задала веснушчатая девушка с рыжими волосами.

- Кейлор, ассистентка хирурга. Что бы вы хотели узнать?

- А можно... - я умолк, обдумывая вопрос. Затем продолжил: - А можно чего-нибудь съесть?

Врачи заулыбались.

- Правильный ответ - да?

- Еще бы, - Кейлор взяла меня за руку, и я получил новую порцию данных, непосредственно от нее.

Соскользнув со стола, я обнаружил, что теперь умею ходить.

Бродяги оказались куда более развитыми и многочисленными, чем я ожидал. Пока близорукие жители Солнечной системы занимались

своими эгоцентричными делами, они осваивали пояс Койпера - занимаясь как добычей ресурсов, так и колонизацией. Затем Бродяги создали сеть для наблюдения за остальным человечеством, жившим «в дыре» - так они называли все, что находилось внутри, за орбитой Нептуна. Благодаря этой сети удалось обнаружить Других, которые тоже создали подобную сеть и наблюдали за человечеством еще с двадцатого века.

Дальше все покатило, будто снежный ком.

Благодаря обмену информацией и технологиями с жителями соседних звездных систем Бродяги быстро обогнали тех, кто остался «в дыре», и постепенно взяли под контроль весь пояс Койпера.

Разразившаяся война никого из них особенно не удивила - ее предвидели еще много лет назад. Корабль, перехвативший обсерваторию, оказался одним из многочисленных автоматов, предназначенных для захвата и оценки степени враждебности любых предметов, движущихся из Солнечной системы. Будь я одним из боевых механизмов - меня бы уничтожили. Однако анализ моих массивов не выявил никаких дурных намерений, поэтому базы данных и образец ткани извлекли для клонирования.

Обсерватория, вместе с телами Говарда и Тэбиты, продолжила свое вечное путешествие по направлению к облаку Оорта.

Я стал начинающим Бродягой - болтался по общественным местам, привыкал к новому телу и игрался с системой прямых подключений. Сотни тысяч сознаний - в основном человеческих, иногда чужеродных - сплетались в однородную, не имеющую серверов сеть с одинаковыми узлами, раскинувшуюся настолько далеко, насколько позволяло оборудование. Такое не назовешь коллективным сознанием - каждый, конечно, закрывал свои личные данные, но и свободной информации имелось настолько много, что я будто бы осваивал программу целого семестра каждый день.

Мне удалось сблизиться с рыжей девушкой из центра клонирования. Физически Колин Кейлор оказалась существенно старше меня, но возраст у Бродяг, похоже, мало что значил, поэтому мы с Кол здорово ладили.

Несколько лет спустя Кворум объявил о своем желании возродить Солнечную систему. Требовались добровольцы - не только для очистки межпланетного пространства от рыскавших там боевых машин, но и для частичного терраформирования изуродованной Земли.

Программа, рассчитанная на долгие годы, обещала стать одним из величайших событий Века Бродяг. Мы с Кол тут же вызвались.

Иренка Элейн Яровски-Кейлор родилась, когда Первая флотилия находилась на полпути к Земле. Лицо и улыбка девочки казались мне странно знакомыми, и она доставила нам с Кол много радости. А ведь

когда-то подобное казалось мне невозможным. Со временем, по мере того как я менял девчужке пленки, учил ее читать, писать, считать и использовать прямое соединение, я постепенно смирился с тем фактом, что невозможное стало привычным в моей новой реальности.

Достигнув Юпитера, мы обнаружили выжженные остатки старых поселений. Боевые спутники не дремали, но мы быстро разобрались с ними и доложили о своих успехах Второй и Третьей флотилиям, летевшим следом за нами.

Теперь новым жителям Солнечной системы предстоит много работы.

Остается только надеяться, что когда-нибудь я смогу отвезти Иренку на Землю и показать ей мир, который когда-то называл своим домом.

Перевел с английского Алексей КОЛОСОВ

© Brad R. Torgersen. Outbound. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

МАРИАННА ДАЙСОН

ОТПРАВИМСЯ НА ЛУНУ

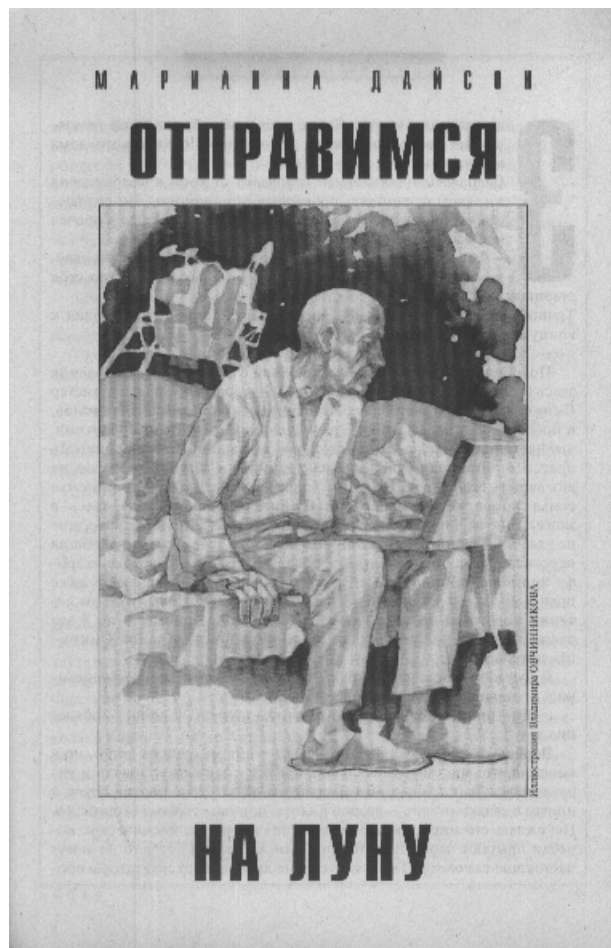

Иллюстрация Владимира ОВЧИННИКОВА

- Здравствуйте, мистер Смит, - сказал я, бросая свой рюкзачок на свободное кресло в столовой Лейквудского дома престарелых.

Седовласый джентльмен оторвался от кофе и смерил меня взглядом охранника, проверяющего личность. По его расслабившимся плечам я понял, что он меня признал и прочел мое имя на бейдже.

- Рад тебя видеть, Джордж, - отозвался он. - Не называй, пожалуйста, меня мистером Смитом. Так я чувствую себя стариком. - Он улыбнулся собственной шутке.

Точного его возраста я не знал, предполагал лишь, что подходил к концу девятой десятке.

- Договорились, Боб, - улыбнулся я в ответ и подмигнул.

Подобная церемония была ежедневной с самого моего появления здесь в качестве волонтера. В одно из моих первых посещений мистер Смит обвел взглядом столовую, выискивая гипотетических шпионов, и прошептал, что Боб Смит - вымышленное, имя. Потом объяснил, что настоящее назвать не имеет права, поскольку может пронюхать пресса (он никогда не пользовался термином СМИ). Я пообещал не разглашать его секрет. По моим подозрениям, он был актером, чья семья скрывала его от папарацци. И они весьма преуспели в этом - а может, он еще и пластическую операцию сделал? Так или иначе, мне

не удалось выяснить, кем же он был на самом деле. Все, что сообщил персонал: старик появился здесь после гибели жены в автокатастрофе примерно в конце 2020-х. У него были внуки, правнуки и даже праправнуки, но регулярно навещал его только я. Новые методы лечения замедлили процесс развития болезни Альцгеймера, но я все равно задавался вопросом, как скоро он забудет, что Боб Смит - ненастоящее имя.

Я достал из рюкзака ноутбук, подключил к нему парные джойстики и поставил их на стол перед мистером Смитом.

- Вот, принес новый имитатор, чтобы полетать с вами, - объяснил я.

Вообще-то эта штука предназначалась для маленьких детей, но я выяснил, что мистеру Смигу очень нравится держать рукоятки и управлять всякими самолетами. Порой мы летали друг против друга, а иногда в связке «пилот - второй пилот», причем вторым всегда был я. Побеждать его мне удавалось лишь в тех играх, где космические корабли прыгают через червоточины или же делают то, чего не могут настоящие самолеты. Такие игры он не любил, а вот имитаторы обожал. Я поведал мистеру Смигу, что подумываю о службе в армии, чтобы стать летчиком. Тогда-то он и признался, что сам был пилотом, но попросил никому об этом не говорить, потому что могут узнать, кто он такой. Не знаю уж, действительно ли он был пилотом, но меня радовало, что у нас общий интерес.

- Это имитатор старого лунного посадочного модуля «Аполлона», - объяснял я, запуская программу. - А знаете, теперь даже не надо становиться астронавтом, чтобы отправиться на Луну! Нужно всего лишь иметь достаточно денег, чтобы купить билет у русских.

Мистер Смит бросил на меня хмурый взгляд.

- Да что ты такое говоришь! Мы «сделали» русских на Луне! - Он скрестил руки.

Гневная реакция старика поразила меня. Видать, тема для него оказалась болезненной.

- Ну конечно, вы правы, мистер Смит.

- Еще как прав! - кипел он.

- Но это было давно. Теперь же на Луну летает уйма людей. - Я посмотрел туда, где был выгорожен уголок отдыха. - Вот, смотрите, прямо сейчас по телеку показывают Луну.

Он уставился на огромный экран, словно увидел его впервые.

- Я помню этот фильм.

Теперь изумился я:

- Какой фильм?

- Тот, про «Аполлон». С Томом Хэнксом⁵.

⁵ * Мистер Смит имеет в виду фильм «Аполлон-13» (1995), повествующий о неудачной лунной миссии корабля с этим названием.

В углу экрана я увидел метку «CBN live».

- Нет, сэр, это прямой эфир. - Я прочел субтитры и вкратце пересказал ему: - На месте посадки старого «Аполлона» произошла катастрофа. Компьютер лунного шаттла вышел из строя и отключил двигатель сразу же после старта. Пилот от удара погиб, еще один пассажир остался без сознания. Находившаяся на борту историк мисс Филлипс не пострадала, но заряда батарей ее скафандра хватит всего на восемь часов. А спасатель русских может прибыть лишь через несколько дней. Ух ты, только послушайте, - продолжал я. - Рассматривается возможность запуска взлетной ступени лунного модуля «Аполлона». Оригинал был использован и брошен в космосе командой «Аполлона», а это копия, сделанная реконструкционным проектом «Аполлон», и они говорят, что он полностью работоспособен. Проблема лишь в том, что мисс Филлипс не пилот, и нужен кто-то, кто рассказал бы ей, как им управлять!

Мистер Смит посмотрел на свои старческие руки в пятнах и объявил:

- Я немного поизносился, но смог бы это сделать.

- Вы? Где вы научились управлять лунным модулем? - Может, Боб играл в том фильме про «Аполлон»? Посмотрю состав исполнителей, когда вернусь домой.

Мистер Смит пропустил мой вопрос мимо ушей и продолжал смотреть на экран.

- Да, я смогу это сделать, - решительно кивнул он. Отодвинув кресло, старик встал и огляделся. - Мы в кафетерии, - определил он. - Мне надо добраться до тридцатого корпуса^{*6}.

Я и не знал, что в Лейквудском доме престарелых корпуса пронумерованы.

- А где это?

Он озадаченно уставился на мой бейдж.

- Это что, шутка? Ты журналист?

- Нет, сэр. Я Джордж, помните? Я собирался показать вам, как управлять новым лунным имитатором.

- А, инструктор. Тогда ладно. Нам лучше поторопиться, если мы хотим спасти тот экипаж. Нельзя позволить русским сделать это первыми.

Сгорбившись, он зашаркал в сторону выхода, однако для своего возраста на удивление быстро. Я перехватил взгляд дежурной и указал глазами на свой ноут, чтобы она присмотрела за ним, пока я не заманю

(Здесь и далее прим. перев.)

⁶ * *Мистер Смит считает, что он находится в третьем корпусе. Центра космических исследований имени Джонсона (где расположены кафетерий и универсам для персонала); в тридцатом находится Центр управления полетами, в упоминаемом ниже первом корпусе - администрация.*

мистера Смита обратно. Ей не стоило напоминать мне, что мистеру Смиту не разрешено покидать территорию дома престарелых. Мне предстояла работенка, чтобы как-то его развернуть.

- Мистер Смит, думаю, в тридцатый корпус надо идти по-другому.

Он остановился.

- Это почему? Ведь снаружи сразу же открывается площадь с дорожками?

- Конечно-конечно, - быстро уверил я его. - Но лучше спуститься на лифте, чтобы не топтать по всем этим ступенькам.

- Я люблю ступеньки. Они помогают мне поддерживать форму, - упрямылся старик.

- Это верно, мистер Смит, но несколько месяцев назад вам сделали операцию на колене, помните? - Он тогда упал, пытаясь перешагнуть через две ступеньки, что наверняка частенько проделывал в годы не столь преклонные. Возможно, он был актером и в трюках обходился без дублера.

Мистер Смит остановился и посмотрел на свои колени.

- Я не могу выйти в тапочках на улицу. Мама мне устроит. - Он замер, погрузившись в мысли. - Прежде чем отправляться, я должен позвонить ей. Она вечно беспокоится, когда я путешествую. Здесь есть телефон?

Он несомненно забыл, что у него давно нет матери и что теперь все имеют мобильники. Хотя у него в комнате был старенький аппарат, подключенный к регистратуре. Персонал проявлял чудеса убеждения, объясняя, что матери, жены и другие почившие любимые по той или иной причине не могут ответить. Однако чаще всего, пока мы добирались до его комнаты, он просто-напросто забывал о своем намерении кому-либо позвонить.

- Наверху есть телефон, сэр, - подсказал я.

- Хорошо, - отозвался он.

Когда мой подопечный наденет туфли, я поведу его гулять в сад. Нам обоим нравилось наблюдать за птицами.

Мы зашли в лифт. Я ждал, пока мистер Смит выберет этаж. Если он забывал его, я напоминал, но важно было дать ему возможность вспомнить самому. Он уставился на кнопки.

- Это не кафетерий, - заявил он. - Только у первого корпуса девять этажей. - Он нажал кнопку и вышел из лифта.

«И что теперь?» - гадал я.

- Мистер Смит, а зачем вам тридцатый корпус?

Он осмотрел коридор в обоих направлениях - полагаю, на предмет наличия репортеров - и тихо ответил:

- Мы собираемся помочь парням из Центра управления полетами прогнать имитатор. Подготовим траекторию для экипажа, чтобы он улетел с Луны.

- Ой, как я раньше-то не сообразил. Нам не надо идти в тридцатый корпус. Я могу связаться с Центром прямо отсюда.

- Правда?

- Да, в этом здании есть пункт беспроводной связи, в холле, где большой экран. - Стоит мне усадить Боба за имитатор, как он наверняка позабудет о таинственном тридцатом корпусе, да и о своей матери тоже.

Мистер Смит согласно кивнул.

- Хорошо. Но следует поторопиться. Мы же не хотим, чтобы первыми до них добрались русские.

- Точно. - Я взял его под руку и повел мимо регистратуры назад в столовую. Дежурная подняла голову, когда мы проходили мимо, и я подмигнул ей. Ивонна была на год старше меня - старшеклассница, работавшая здесь по будням после школы. Она улыбнулась и вышла из-за стойки с моим ноутбуком и джойстиком, которые, наверное, убрала, пока мы ехали в лифте.

- Привет, ас, - поприветствовала она мистера Смита, вручив мне мое барахло. Я уже поведал Ивонне о его якобы пилотском прошлом. Хоть на словах старик и не одобрял подобного обращения (могли подслушать журналисты), на деле же лицо его неизменно озарялось. И я в который раз задумался о том, сколько же мужчин - и я в их числе - обрадовались бы вниманию хорошенькой девушки вроде Ивонны. - Собираетесь полетать сегодня?

Мистер Смит выпрямился и со смущенной улыбкой встретил ее взгляд.

- Не могу ни подтвердить, ни опровергнуть ваше заявление, юная леди. Но, возможно, чуть позже мы пропустим в холле по стаканчику, и тогда я покажу вам кое-какие фигуры!

- Ловлю на слове, - отозвалась Ивонна, широко улыбаясь и сияя глазами. Она чмокнула его в щеку и, лихо развернувшись, двинулась назад к стойке. Ее приятный шлейф все еще висел в воздухе, пока я запикивал свою технику в рюкзак.

- Понимаешь, женщинам нравятся пилоты, - прошептал мистер Смит. - Хотя нужно быть начеку. У журналистов всюду глаза, даже в славных отелях вроде этого.

- Да, сэр, - только и ответил я. Может, он был замешан в скандале с какой-нибудь актрисой? Выполнял на самолетах фигуры высшего пилотажа? Я отвел его назад в столовую, которая уже заполнялась ранними обедающими. Мне подумалось, что нам удобнее будет расположиться в уголке отдыха. Телевизор все еще транслировал репортаж с Луны. Кто-то добавил громкость, чтобы услышали за дальними столами.

- У нас появились последние известия о кризисе на Луне, - говорил ведущий. - Финансируемый частными лицами реконструкционный

проект «Аполлон» совместно с НАСА для достижения орбиты терпящего бедствие экипажа рассматривает возможность использования лунного модуля «Аполлона». Если двум историкам удастся выйти на лунную орбиту, то, как заявляет НАСА, оттуда их можно будет забрать с помощью беспилотного грузового корабля на дистанционном управлении. Сам грузовик не предназначен для посадки, однако на его борту имеются аварийные запасы, с помощью которых два человека смогут продержаться на лунной орбите до подхода русского спасательного корабля через двое суток, считая с данного момента.

- Что ж, хорошая новость, - прокомментировал я.

- Ш-ш-ш, - прошипел мистер Смит. - У специалистов крайне мало времени. Запаса энергии в батареях скафандров хватит лишь на семь часов.

- А вот это плохо, - снова не удержался я. Старик сверкнул глазами. - Простите, - прошептал я.

- Копия «Аполлона» совершенно новая и состоит из тех же систем, что и исторические модули, включая и действующие двигатели. Ее планировалось использовать в беспилотной реконструкции посадки на Луну. Однако недавние проверки показали: люк не закупоривается должным образом, из-за чего кабина негерметична. Поэтому историкам придется оставаться в скафандрах. Кроме того, давление топлива низкое - вероятно, из-за медленной утечки гелия. Но самой большой проблемой является то, что модуль не оснащен автопилотом, а у мисс Филлипс нет летного опыта.

Смит уставился на экран:

- Нет летного опыта! Что же за номер хотят отколоть русские, послав туда эту женщину?

- Она американка, - заметил я. Однако он проигнорировал мое замечание и продолжал:

- Новички вечно несдержанны, а эта штука хрупкая, словно из папиросной бумаги. Ее чуть дерни - и она разлетится на части.

- А если командовать ею на расстоянии? - предложил я. - Репортер сказал, что НАСА будет управлять грузовым кораблем дистанционно.

Мистер Смит едва заметно усмехнулся:

- Для дистанционного управления нужен компьютеризованный интерфейс. А компьютер на этой штуковине тупее арифмометра.

- Ох, - только и сказал я, гадая, что же такое арифмометр.

- Нет, - продолжал мистер Смит, - подниматься им нужно заранее спланированной серией маневров, а для этого необходим опытный пилот, который вел бы эту женщину. - Он кивнул самому себе. - Мне лучше предупредить жену.

- Что? Зачем?

- Не хочу, чтоб она была дома, когда вокруг начнет шнырять пресса.

- О, не беспокойтесь, - поспешно сказал я. Больше всего он расстраивался, когда ему не удавалось связаться с женой. - Она сейчас как раз у своей мамы. - И это было полной правдой, если вы верите в небеса.

- Вот и хорошо, - отозвался мой подопечный. - Тогда я позвоню в Хьюстон прямо сейчас. - Он встал. - Где, ты сказал, телефон?

Ну уж нет, звонить в НАСА я ему не позволю. Однако тоненький голосок внутри меня настаивал, что важно дать старику потешиться своей идеей. Не желая повторения фиаско в лифте, я ответил:

- Телефон есть на стойке, - и указал в сторону регистратуры. Потом подхватил свой рюкзачок и ринулся за ним.

- Простите, мисс, - произнес он у стойки.

Ивонна подняла глаза и улыбнулась:

- Так скоро, ас?

Он прочистил горло:

- Да. Мне нужно воспользоваться телефоном для междугородного звонка. Это очень важно.

Ивонна взглянула на меня. Я лишь пожал плечами.

- Извините, мистер Смит, но телефон только для персонала.

Мистер Смит тяжело задышал. Его длинные пальцы сжались в кулаки.

- Но это действительно важно, - повторил он. - Мне необходимо связаться с Хьюстоном! - Лицо его покраснело, и меня это встревожило.

- Ивонна, позвони-ка доктору Уинклеру, - предложил я.

- Мне не нужен доктор. Мне нужно позвонить в Хьюстон! - кипятился мистер Смит.

- Все в порядке, Боб, - мягко сказал я ему, взял под руку и подвел к скамейке. - Сначала доктору нужно проверить вас.

- Предполетный осмотр? На это нет времени! - Он уже задышался.

- Да нет же, - продолжал я урезонивать его, - не полный осмотр. Просто быстрое обследование, без него не разрешат полет. - Старика нужно было успокоить. - Сделайте глубокий вдох, и на выдохе сосчитайте до десяти. Вы ведь не хотите, чтобы доктор вас отстранил, правда?

- Конечно, нет! - согласился он. К моей радости, он разжал кулаки и спокойно положил ладони на свои костлявые колени.

Тут к нам подлетел худощавый бородатый мужчина и присел перед Смитом.

- Здравствуйте, мистер Смит, - поздоровался он успокаивающим голосом. - Я доктор Уинклер. - Он положил на запястье старика небольшой диск и поинтересовался: - Так в чем проблема?

- Со мной никаких проблем, - ответил Смит, немного задыхаясь. - Мне всего лишь надо позвонить в Хьюстон, а они не дают телефон.

- Понятно, - отозвался доктор Уинклер. - Пульс учащен. Давление

немного повышено, но в остальном вы вроде в норме. - Я с облегчением вздохнул. - Хотите, я наберу номер? - предложил доктор.

- Да, пожалуйста! - обрадовался Смит.

- Хорошо, тогда пойдемте в мой кабинет.

Я решил, что доктор Уинклер хочет заманить старика туда, где смог бы обследовать его и убедиться, что пациент полностью успокоился. Мы взяли Смита под руки и помогли ему пройти по коридору в кабинет доктора Уинклера. По дороге я вкратце рассказал об увиденном по телевизору и объяснил, что Смит, кажется, уверен, будто сможет помочь историку научиться управлять лунным модулем.

Доктор Уинклер слушал молча. Мы вошли в его кабинет, и он предложил нам сесть. Пока он закрывал дверь, я заметил, что лента новостей на его компьютере отслеживает ситуацию на Луне. Значит, он уже знал о происходящем.

- Мистер Смит, расскажите мне, пожалуйста, как вы можете помочь на Луне.

Старик повторил, что он мог бы совершить полет на имитаторе, чтобы создать необходимую программу. Доктор Уинклер предложил ему выпить какой-то розовой жидкости, а затем задал несколько технических вопросов, употребив при этом термины, знакомые мне по имитаторам, в которые мы играли. А что если сам доктор Уинклер был пилотом? Не знаю уж, сказалось действие розовой жидкости или повлияли приятные воспоминания, но когда доктор расспрашивал про Луну, ответы Смита были на удивление подробными. Единственное, в чем он запутался, так это в том, что же у русских общего с американкой на Луне.

- Мне надо сообщить все это вашей семье, - пришел к заключению доктор Уинклер. Мистер Смит кивнул.

Доктор сел за компьютер и принялся стучать по клавишам. Я налил старику стаканчик воды и снова уселся. Доктор Уинклер взглянул на Смита:

- Я получил разрешение на разглашение ваших данных НАСА. Вы доверяете Джорджу или мне попросить его выйти на время звонка?

Как? Попросить меня выйти? Да что здесь происходит? С какой стати, НАСА интересуется его медицинскими записями? Доктор Уинклер, пожалуй, слишком увлекся, подыгрывая старику.

Мистер Смит вновь окинул меня взглядом охранника.

- С ним все в порядке. Это инструктор.

На это доктор Уинклер поднял брови.

- Мы по очереди летаем на имитаторах, - объяснил я.

- Я в курсе, - отозвался доктор.

В курсе? Пожалуй, мне следовало знать, что главврач следит за деятельностью своих пациентов.

- И мне известно, что время, проведенной с тобой, помогло ему

воскресить кое-какие воспоминания, которые важны не только для него, но и, быть может, прямо сейчас для тех людей на Луне.

- Вы это серьезно? - ляпнул я.

Доктор Уинклер улыбнулся:

- Вполне. Итак, Джордж, мистер Смит дал согласие на твое присутствие во время звонка. Не знаю, что ты здесь услышишь, но он верит, что ты будешь помалкивать об этом. Ты можешь пообещать сохранить все в секрете?

- Да, сэр, - заверил его я. - А Боб Смит вправду ненастоящее имя?

Доктор Уинклер не успел ответить, поскольку на экране появилось изображение весьма представительного молодого мужчины.

- Я руководитель полета Кигэн Тейлор из Центра космических исследований имени Джонсона. Насколько я понял, у вас есть парень со старого «Аполлона», который полагает, что сможет помочь нам рассчитать траекторию полета мисс Филлипс?

- Он нас слышит? - спросил Смит.

- Да, - ответил доктор Уинклер. - У меня двусторонняя голосовая связь, видео только на прием. Я знаю, как вы ненавидите камеры, мистер Смит.

- Благодарю, - отозвался старик. - Вы знаете, кто я? - спросил он руководителя.

- В полученном мною досье ваше имя скрыто, но мне сказали, что вы работали с «Аполлоном».

Мне об «Аполлоне» рассказывал дедушка, но даже он был в конце шестидесятых годов прошлого века всего лишь ребенком. Может, мистер Смит работал в этой программе еще студентом. Этому вполне соответствовал его возраст в восемьдесят с лишним лет.

Смит прочистил горло.

- Я знаю, как управлять лунным модулем, - объявил он. - Я один из тех астронавтов, кто высаживался на Луне.

Я ошеломленно уставился на доктора Уинклера. И зачем только он разрешил Смицу звонить в НАСА с такой байкой!

Тейлор нахмурился.

- Извините, мистер, но на розыгрыши у меня нет времени. Последний из астронавтов «Аполлона», высаживавшихся на Луне, девять лет назад погиб в автокатастрофе. Окажись он сейчас жив, ему было бы около ста лет.

- Сто три, - вмешался доктор Уинклер. - Простите, мистер Тейлор, но прочтите, пожалуйста, полное досье, которое я вам переслал. Вы поймете, почему всех уверили в его гибели.

Смицу сто три года? Он высаживался на Луне?! Внезапно и ненастоящее имя, и параноя на репортеров, и его путаница с русскими обрели смысл. Журналисты изводили бы его, чтобы узнать мнение о событиях в космосе; политики затащали бы по всяким

официальным мероприятиям. Больному старику выносить все это не под силу. Наверняка при жизни, задолго до аварии, назойливых визитеров отваживала жена. Возможно, чтобы предоставить ему заслуженный и достойный покой в последние годы жизни, она и поселила его здесь.

А я-то сомневался, что Смит был пилотом!

Руководитель полета просмотрел присланное доктором Уинклером досье, и глаза его округлились.

- О, я понимаю, - произнес он. - Но, учитывая состояние вашего пациента, доктор, можно ли полагаться на сказанное им?

- Воспоминания, связанные с глубокими переживаниями, а также навыки, отработанные до уровня инстинкта, поражаются болезнью в последнюю очередь. Кроме того, он освежал все эти воспоминания посредством летных имитаторов, при содействии своего юного друга Джорджа, который присутствует здесь.

Я в замешательстве уставился на свои кеды. Ведь я всего лишь развлекался, разделяя увлечение полетами с мистером Смитом. И даже понятия не имел, что летаю вторым пилотом с одним из самых прославленных летчиков в истории! Кем же он был? Армстронгом? Янгом? Сернаном?⁷

- Тогда начнем, - объявил руководитель полета. - У нас есть фотографии и чертежи кабины, которые прислал нам реконструкционный проект «Аполлон». Они были сделаны со старого макета НАСА, который, увы, несколько лет назад разрушился во время урагана. Переключатели компьютера и дисплеи в точности как на оригинале, но музейщики установили современные компьютеры и системы связи. Поэтому у нас есть возможность создать автопилот. Чего у нас нет, так это записей рабочих пилотажных характеристик модуля. Лучшее, что мы можем предложить, - детская образовательная игра, разработанная студентами Техасского сельскохозяйственного и инженерного университета. Она называется «Отправимся на Луну».

- Я как раз принес ее с собой! - закричал я и вытащил ноутбук и джойстики из рюкзака. - Вот она. - Я раскрыл экран и запустил программу.

- Я сюда пришел не в игрушки играть, - заявил мистер Смит.

- Вы не понимаете, - начал объяснять мистер Тейлор. - Это не игра, а имитатор. Для моделирования полетных характеристик студенты использовали тщательно разработанные программы. Я предлагаю, чтобы мы отсюда настраивали имитатор, а вы выполняли стыковку с

⁷ * Командиры кораблей серии «Аполлон», осуществивших соответственно первую, пятую и шестую (последнюю) высадки людей на Луну.

грузовиком, отмечая все различия между реальностью и виртуалом. Вы сможете это проделать, мистер Смит?

- Конечно, - только и ответил он. - Семечки.

Семечки-то тут при чем, подумал я и взглянул на доктора Уинклера. Он улыбнулся и прошептал мне:

- Это старое выражение, означающее, что дело простое.

- Спасибо, - прошептал я в ответ.

Доктор Уинклер расчистил свой стол для компьютера, но Смит покачал головой:

- Летать мне придется стоя.

Тейлор согласно кивнул:

- Он прав. В лунном модуле нет сидений. Кроме того, мисс Филлипс будет в скафандре, потому что герметизировать модуль мы не сможем. Наденете перчатки, мистер Смит?

- Нет, мои руки и без них достаточно неуклюжи! - съязвил он.

Мы с доктором Уинклером рассмеялись. Я водрузил стул на стол и установил на него ноутбук, чтобы проецировать изображение на белую доску на стене. Смит разместил на столе джойстики, подогнав высоту до уровня пояса книгой. Потом он попросил доктора Уинклера закрыть шторы и выключить свет, и мы выполнили его просьбу. Совсем темно не стало, но это должно было помочь ему сконцентрироваться.

- Молодой человек, встаньте справа от меня, - велел мистер Смит. - Я командир, а вы пилот.

- Да, сэр, - повиновался я, решив, что он снова забыл мое имя.

- Мистер Смит, - вмешался мистер Тейлор, - мы полагаем, что второй член экипажа контужен, а также получил другие ранения, и он периодически теряет сознание. Мисс Филлипс придется лететь в одиночку.

- Понимаю, - ответил Смит. - Это не проблема. Но мне необходимо тело рядом со мной, чтобы судить, какие панели и дисплеи могут оказаться закрытыми.

- Точно, - поддакнул я. Хотя для чего-то я да пригодился!

Мы подключили проектор моего ноутбука к компьютеру доктора Уинклера, чтобы он выводил все, что пошлет НАСА. Экран показал два треугольных иллюминатора, выходящих на серый пейзаж с черным небом в отдалении. Звезды не просматривались. Кабина была битком набита индикаторами и переключателями.

- Мы активировали связь. Для управления грузовым кораблем подключили к имитатору одного из лунных пилотов.

- Вас понял, - отозвался Смит. - Давление в топливном баке низкое.

- Да, мы полагаем, в баке с гелием небольшая утечка, - объяснил Тейлор. - Также не полностью заряжены батареи, но до грузовика вполне должно хватить.

- Понял. Т черта 5. Рукоятка двигателя. Пилоту нужно нажать «Пуск»,

но раз он без сознания, я должен потянуться за него и сделать это сам.

- Принято, - сказал Тейлор.

- Затем я должен услышать звук отстрела задвижек, высвобождающего модуль, а потом почувствовать, как будто еду на скоростном лифте, когда двигатель создаст тягу.

- Принято, - вновь подтвердил Тейлор.

Я едва мог поверить в происходящее. Ведь я совершал полет с одним из астронавтов «Аполлона». Последним живым членом экипажа «Аполлона»! Мне даже мама не поверит, если я ей расскажу такое. Но я не нарушу обещания, данного мистеру Смит, даже если вдруг разгадаю его настоящее имя.

- Нет, это неверно, - заметил Смит.

- Что неверно? - переспросил Тейлор.

- У модуля не было режима барбекю*⁸. Нам приходилось запускать двигатели вручную, чтобы корабль начинал вращаться.

- Принято.

- Но полет столь недолгий, что о перегреве не стоит беспокоиться. Возможно, лучше всего позволить модулю лететь по инерции. Тогда и пилоту грузовика будет проще.

- Да, сэр, - сказал Тейлор. - Пилот грузовика открывает для вас люк.

Мистер Смит взглянул на потолок.

- Верхний иллюминатор заблокирован. Не вижу цели.

- Все в порядке, - отозвался мистер Тейлор. - Вам не нужно нацеливаться и пристыковываться. Грузовик выровняет скорость и примет вас в свой отсек.

- Он достаточно велик для этого?

- Да, сэр, - улыбнулся мистер Тейлор. - Это заправщик.

На экране компьютера я увидел изгиб лунного горизонта под нами.

- Смотрите, месяц Земли! - в возбуждении выкрикнул я. Смит не обратил на меня внимания. По крайней мере, я мог подтвердить, что эта часть имитации была верной. Луна, которую я видел прошлой ночью, как раз шла на убыль, а Земля и Луна всегда в противоположных фазах. И я подумал: увижу ли когда-нибудь Землю с Луны в действительности? Я надеялся, что увижу.

Когда корабль вышел по дуге к обратной стороне Луны, Земля исчезла за горизонтом. По изъеденной кратерами поверхности внизу побежали длинные тени восхода.

- Есть захват, - объявил Тейлор. Имитация закончилась.

- Теперь связь прервется? - спросил Смит.

- Нет, сэр, благодаря спутниковым ретрансляторам на лунной орбите

⁸ * *Режим барбекю, или пассивное терморегулирование - закрутка космического аппарата для равномерного распределения нагрева от солнечных лучей.*

связь практически непрерывна.

У старика поднялись брови, хотя Тейлор и не мог его видеть.

- Но свету все также требуется 1,3 секунды на путь от Луны до нас и соответственно 2,6 секунды на путь туда и обратно. Однако благодаря вашей помощи мы запрограммируем компьютер так, чтобы справиться с большинством проблем.

- Да, - согласился Смит.

- Прогоним еще раз с отказами?

- Да, это было бы весьма полезно, - кивнул Тейлор. - Но сначала давайте сделаем перерыв и посмотрим, какие вопросы к вам появились у пилота и группы управления полетом.

Доктор Уинклер помог Смицу добраться до диванчика у стены кабинета, присел рядышком и я. Даже не знаю, кто из нас был более потрясен.

- Теперь я могу позвонить жене? - опять взялся за свое мистер Смит. - Она наверняка волнуется.

- Ваша супруга в порядке, - улыбнулся доктор Уинклер. - Она у своей мамы.

- Ох, точно ведь, - согласился он. И взглянул на свои тапочки. - Мама с ума сойдет.

* * *

То был самый странный день в моей жизни. Я стоял подле Смита, пока он прогонял одну имитацию за другой - с отказавшими двигателями, компьютерными сбоями, ошибками наведения, сработавшими автоматами защиты. И в процессе этого ко мне пришло осознание, что, даже несмотря на болезнь Альцгеймера, Смит знает о космических полетах больше, нежели большинство из живущих ныне людей. Я ощущал себя невероятным счастливым, что мне выпал шанс усвоить пускай даже крошечную часть того, чему он мог бы меня научить.

Во время перерыва мы ели бутерброды, пили кофе без кофеина и следили за развитием событий на Луне. Мисс Филлипс привязала раненого историка ремнями внутри модуля.

Доктор позвонил моей матери и попросил у нее разрешения остаться мне здесь на обед и ужин. Он объяснил ей, что выбрал меня для помощи в некоем эксперименте с памятью, в котором участвует один из пациентов, и что было бы здорово, если бы я смог остаться здесь, пока этот пациент не отправится спать. И пообещал вызвать мне такси до дома. Мама всецело одобряла мою деятельность в доме престарелых и потому, уверившись, что я, как обычно, сделал домашнее задание в читальном зале, позволила мне остаться до

десяти.

Сестра принесла обед, и мы поели прямо в кабинете доктора Уинклера, после чего мистер Смит почти сразу уснул на диванчике. Я же перенес оборудование для имитации в уголок отдыха и подключил большой телевизор к каналу НАСА, а потом вернулся в кабинет доктора Уинклера.

Группа управления обсуждала возможность изменения последовательности стыковки. Поскольку батарей в скафандрах хватало лишь на несколько часов, первоначально планировалось осуществить то, что называется прямым выводением. Однако Смит отсоветовал: по его словам, прямое выведение для «Аполлона» слишком рискованно. В результате руководитель полета Тейлор приказал специальной «штурмовой» группе^{*9} изучить все возможности и доложить.

Один из членов этой группы подтвердил, что прямое выведение для «Аполлона» не использовалось.

- Хотя этот вариант самый простой, и для выведения лунного модуля на траекторию перехвата корабля-цели, находящегося в полуорбите, в этом случае требуется одно-единственное включение стартового двигателя, - объяснял он, - специалисты «Аполлона» все же пришли к выводу, что вероятность отклонений в тяге двигателя во время подъема слишком велика. Из-за малой продолжительности сближения у старых компьютеров было мало времени на расчет маневров по коррекции полетной траектории, равно как и у экипажа для их исполнения. В случае же невыполнения этих исправлений модуль мог пропустить точку перехвата и врезаться в лунную поверхность.

- А командный модуль не мог изменить курс и спасти таким образом лунный модуль? - поинтересовался руководитель полета.

- В некоторых случаях, да. Но для изменения курса необходимо топливо, а его запасы были ограничены.

- Я полагаю, у нас вопрос быстродействия компьютера и топлива не стоит?

- Это так.

- Центр, здесь Лунная Работа, - раздался женский голос.

- Слушаем тебя, Лунная Работа, - отозвался руководитель. Возникла небольшая пауза.

- Благодарю, сэр. Более всего меня беспокоит время. Не в укор группе навигации, но полчаса назад они все еще вносили изменения в

⁹ * «Штурмовая» группа («tiger» team) - специально отобранные эксперты по определению и разрешению технических или системных проблем. В программе «Аполлон» подобные группы занимались разрешением навигационной проблемы, возникшей, как выяснилось, из-за локальных гравитационных аномалий на Луне.

программу. Существует возможность, что мисс Филлипс предстоит взяться за ручное управление. Я понимаю, что ее проинструктировали по поводу действий в кабине, но ведь летного навыка это ни в коем случае не заменит - особенно в случае непроверенного аппарата! Чтобы привыкнуть к нему и обстановке, ей необходимо время. А в случае коэллиптической последовательности у нее будет на это целый оборот вокруг Луны - да и моя работа пилота грузовика упростится, если мне придется спасти ее.

В голове у меня пронеслось: «Так это та, которая будет дистанционно управлять грузовым кораблем! Она, наверное, на лунном южном полюсе!».

- Центр, здесь врач.

- Слушаем тебя, врач.

- Сэр, я понимаю беспокойство Лунной Работы, но один лишний час внутри скафандра для раненого историка, доктора Кентербери, означает вопрос жизни и смерти. Также нас беспокоит душевное состояние мисс Филлипс. Она серьезно травмирована смертью пилота и едва ли способна следовать даже простым указаниям. Чем скорее они выберутся из скафандров, тем больше шансов на спасение.

Группа навигации уверила руководителя полета, что новая программа осуществит прямое выведение, особенно после проведенной с мистером Смитом имитации. В итоге Тейлор решил произвести прямое выведение.

- Центр, здесь Лунная Работа.

- Слушаем тебя, Лунная Работа.

Последовала еще одна небольшая пауза, которая, как я теперь понимал, объяснялась расстоянием, которое необходимо было пройти сигналу.

- Я сделаю все от меня зависящее, чтобы обеспечить прямое выведение. Но у меня просьба. Не в обиду группе навигации, но как пилоту мне было бы намного удобнее, если бы необходимое пилотирование осуществлял тот астронавт «Аполлона».

- Вы хотите, чтобы мистер Смит вводил команды в программу автопилота? Не уверен, что он способен на это. Доктор Уинклер, ваше мнение?

- Прошу прощения, сэр, - отозвался доктор Уинклер, - но я не знаю, в каком состоянии он окажется, когда проснется. У меня есть кое-какие препараты, которые смогут помочь, и мы с Джорджем приложим все усилия, чтобы он вспомнил о происходящем. Однако я предложил бы вам придерживаться изначального плана - чтобы один из ваших астронавтов контролировал автопилот и объяснял мисс Филлипс, как улаживать возникающие проблемы.

- Простите, Центр, - вмешался полетный врач. - А что если мистера Смита и сделать инструктором мисс Филлипс? Она историк, и с

астронавтом «Аполлона», стоящим у нее за спиной, ей проще будет сохранять спокойствие, к тому же он придаст ей уверенности...

- Превосходная идея, - прокомментировала Лунная Работа.

- Доктор Унклер?

Тот посмотрел на меня.

- Джордж, ты ведь знаешь, как он ведет себя после дневного сна. Как думаешь, сможет?

Я проглотил комок в горле. От моего решения зависела судьба двух человек! Я взглянул на мирно спящего Смита. Обычно дремота «обнуляла» его память. Но при надлежащем «реквизите» я, наверное, смог бы вернуть его к ходу мыслей астронавта как раз точно к запуску, до которого уже оставалось 45 минут. Я сделал глубокий вдох и ответил «да». С надеждой, что не пожалею об этом!

Доктор Уинклер и оператор связи - действующий астронавт с лунным опытом - решили перед запуском провести голосовую проверку и дать Смиту поговорить с Филлипс. За это время мы определим, способен ли он остаться на прямой связи и можно ли ему доверить внесение изменений в программу автопилота.

Я встал:

- Доктор Уинклер, я схожу за туфлями Смита - тапочки напоминают ему о матери.

Доктор понимающе кивнул:

- И посмотри там, есть ли у него белая рубашка. И еще ремень принеси. Тогда люди наряжались в подобных случаях.

- Принято! - ответил я и помчался к лифту.

* * *

Когда я вернулся, до старта оставалось всего полчаса. Доктор Уинклер говорил по мобильному телефону - что-то о группе службы безопасности. Увидев меня, он закончил разговор и объявил:

- Настало время пробуждения нашего прославленного лунопроходца.

Он поставил рядом с мистером Смитом старинный пружинный будильник (никакого голосового управления!), и тот зазвонил. Смит немедленно схватил его и выключил. Потом моргнул и уставился на Уинклера, облаченного в белый халат.

- Я вас знаю? - спросил старик. В ответ на это Уинклер сообщил ему, что он полетный врач из НАСА. Мол, ему весьма жаль будить мистера Смита, но Центру управления полетами необходима его помощь.

- Проблема? - спросил тот, распрямляя плечи.

- Да, и у них неприятности, - ответил доктор Уинклер и протянул ему белую тенниску, которую я принес. Потом он объяснил, что произошло с мисс Филлипс и что центр управления полетами хочет, чтобы мистер

Смит находился с ней на связи во время подъема с Луны и стыковки. Старик выглядел озадаченным.

- Но мы «сделали» русских, а потом прекратили полеты на Луну, - твердил он.

- Это так, - согласился доктор, - но мы уже вернулись на Луну партнерами. А мисс Филлипс посещала Луну, тогда-то и произошла авария.

Я обмер от ужаса. Ему не следовало употреблять слово «авария» - оно могло пробудить воспоминания Смита о жене. Но астронавта больше заняла первая часть сообщения.

- Партнерами? С русскими? Как «Союз-Аполлон»?

- Именно так, только на Луне.

- Ладно. И у них неприятности?

- Да, - повторил доктор Уинклер.

Я помог надеть мистеру Смиту туфли, а затем и ремень. Потом расчесал его редкие седые волосы. Вдруг он обратил внимание на мое присутствие и уставился на бейдж.

- А это что еще за значок? Ты из прессы? Журналистам сюда нельзя.

- Я не журналист, мистер Смит. Меня зовут Джордж. Я... хм, из группы навигации, - быстро сказал я.

- Тогда не называй меня мистером Смитом, - рявкнул он. - Из-за этого я чувствую себя стариком.

- Хорошо, Боб, - подмигнул я.

Доктор Уинклер протянул ему чашку кофе, в которую добавил того самого розового средства. Мистер Смит с благодарностью отхлебнул.

- Готовы? - спросил доктор Уинклер.

- Куда мы пойдем? - поинтересовался мистер Смит.

- В фойе отеля мы организовали прямую связь с Центром управления полетами. Надо помочь вытащить девушку с Луны.

- Мне бы жене позвонить, - сказал старик. - Она будет волноваться.

- Она у своей мамы, - успокоил его доктор Уинклер.

- Вот как? Это хорошо.

Когда мы подошли к двойным дверям на фасаде здания, до нас донесся глухой шум.

- Ух ты, - сказал я. - На парковке вертолет!

- Чертова пресса, - пробурчал мистер Смит. Его руки сжались в кулаки.

- Нет, сэр, это Национальная безоп... то есть военно-воздушные силы,

- вывернулся доктор Уинклер. «Так вот кому он звонил по телефону! - понял я. - Интересно, что они здесь делают?»

- Ах да, конечно, - снова расслабился мистер Смит.

Ивонну о чем-то спрашивал мужчина в черном костюме и с наушником в ухе. С расширенными от удивления глазами она указала в нашем направлении, и он повернулся к нам. Я подумал, что этот парень

выглядит как секьюрити президента. Может, так оно и было. Когда мы проходили мимо, он отсалютовал мистеру Смит, и тот ответил ему сдержанным кивком. Потом он послал Ивонне воздушный поцелуй, и девушка зарделась таким румянцем, что едва не слилась с пурпуром стойки регистрации.

Догадалась ли она теперь, кто такой мистер Смит? Даже если и догадалась, то я не мог подтвердить ее подозрений, не нарушив слова. А я-то всегда думал, что безопасность заключается в том, чтобы не подпускать плохих парней - но ведь и хороших тоже нельзя выпускать!

Не потому ли здесь появилось Министерство национальной безопасности? Убедиться, что никто не попытается похитить мистера Смита? Но возраст и болезнь Альцгеймера уже проделали за них эту работу. Или же они здесь для того, чтобы не допустить прессу - на случай, если кто-то пронюхал, что один из первых лунопроходцев все еще жив и помогает Центру? А может, и то, и другое?

При входе в фойе нас остановил другой человек в черном. Мистер Смит терпеливо ждал, когда тот попросил меня поднять руки и исследовал металлодетектором, как это делается в аэропортах. Он отнял у меня телефон, сказав, что делать записи и фотографировать запрещено, и спросил, понятно ли мне это?

Я не знал, делалось это ради мистера Смита или нет, но быстро ответил:

- Да, сэр! - Все равно в Лейквудском доме престарелых пациентов разрешалось снимать лишь членам их семей. Но только теперь я понял, насколько важно было это правило для таких, как Смит!

Когда мы ввели его в затемненный холл, с кресла поднялась красиво одетая женщина средних лет. Она чмокнула мистера Смита в щеку.

- Рада снова тебя видеть, ас! - сказала она. Подчеркнуто подмигнув, она добавила: - Меня зовут Руфь, если ты забыл.

Смит не выказал признаков, что узнал женщину, однако подмигнул ей в ответ и заявил:

- Я не забываю красивых женщин!

Доктор Уинклер объяснил, что Руфь Пресса как раз и была той родственницей, которая разрешила связаться с Центром управления полетами. Она тепло пожала мне руку и прошептала на ухо:

- Спасибо тебе за дружбу с моим прадедушкой. Для нашей семьи это многое значит.

С ее прадедушкой?

- Это честь для меня, мэм, - ответил я. Ее бейдж щеголял печатью Министерства национальной безопасности и фамилией, напечатанной внизу заглавными буквами - ПРЕССА. «Чем, интересно, она у них занимается», - подумал я.

Пока доктор Уинклер усаживал мистера Смита в кресло, Руфь вручила мне старомодные проводные наушники и переговорное

устройство.

- Это головной телефон и переговорное устройство Центра управления полетами, предоставленные реконструкционным проектом «Аполлон». Я кое-как подогнала разъемы, так что можешь подключить их к своему ноуту. - Она указала на переключатель на проводе. - Это переговорная кнопка, которой он будет пользоваться во время общения с мисс Филлипс. Если он начнет нести чушь, просто выдерни его из ноутбука - он услышит щелчок. Скажи ему, что мы потеряли сигнал. - Я кивнул, надеясь, что мне не придется этого делать.

Она продолжала:

- Переговорное устройство настроено как на прием, так и на передачу. Руководитель полета и остальная группа услышат все сказанное в этом помещении, так что следи за тем, чтобы всегда называть его мистером Смитом.

- Я понимаю, - уверил ее я, решив не признаваться, что все равно не знаю его настоящего имени.

- Тогда приступайте к работе, - и она села в кресло рядом с доктором Уинклером.

Я подозвал мистера Смита, приглашая подойти к имитатору. Организация связи с Центром управления осталась такой же, как раньше, я лишь принес два высоких табурета на случай, если у нас устанут ноги. Также я отказался от проектора, поскольку теперь у нас была прямая видеотрансляция из Центра. Посреди экрана располагался вид с камеры в шлеме мисс Филлипс. Справа выводился график данных из скафандров, отражавший уровень энергии, углекислого газа и прочего. Слева - схема запланированной траектории прямого выведения для встречи на орбите. Выглядела она довольно просто: дуга от поверхности, пересекающая пунктирную окружность вокруг Луны. Грузовой корабль обозначался желтым «пакманом», который медленно пожирал свой путь по пунктирной линии. Я улыбнулся. Кто-то в Центре управления полетами явно обладал чувством юмора.

- Я видел этот фильм, - заявил Смит, глядя на экран. - Это тот, что с Томом Хэнксом?

- Нет, - ответил я. - Это прямая картинка с Луны. Это женщина, которую нужно вывести на лунную орбиту.

- Что женщина делает на Луне? Какой-то русский пилот?

- Нет, она американка, - терпеливо объяснил я. Он что, уже забыл все, о чем мы с ним говорили? Сердце мое учащенно забилося. - Важно то, что если она не состыкуется с грузовиком на лунной орбите, женщина и другой пассажир погибнут. К сожалению, она не пилот.

Мистер Смит нахмурился.

- У нее ничего не получится.

- Сама она ничего не сможет сделать, - продолжал объяснять я. -

Поэтому-то вы нам и нужны. НАСА настроили компьютер на автоматический подъем - знаете, вроде навпроги. - Я надеялся, что употребил верный термин. Он кивнул:

- Навпрога работает замечательно.

Тогда я продолжил:

- Да, недавно навпрогу обновили, так что теперь вычисления могут производиться действительно быстро. Но все равно она не сможет управлять полетом так, как лучший из живых пилот лунного модуля. - Не надо говорить, что и единственный, мысленно закончил я. Старик улыбнулся последнему замечанию. - В общем, НАСА хотят, чтобы вы помогли этой женщине - ее зовут Клара Филлипс - с запуском и стыковкой.

- Я могу это сделать, - ответил Смит и взялся своей большой ладонью за джойстик, в точности как он это делал несколькими часами ранее. Я облегченно вздохнул.

Я взглянул на доктора Уинклера - он показывал мне большой палец. Мистер Смит надел старомодные наушники так, словно проделывал это ежедневно. Я воткнул их в свой ноутбук. Если Смит начнет путаться, то мне необходимо будет выдернуть разъем.

- Хьюстон хотел бы провести голосовую сверку по закрытой линии, - объявил я.

- Привет, мистер Смит, это оператор связи Хьюстона. Как прием?

- Принято, Хьюстон, слышимость чистая и громкая, - отозвался старик.

- Отлично. С вами хочет поговорить руководитель полета.

- Добро.

- Привет, мистер Смит. Я руководитель полета Кигэн Тейлор. Мы крайне признательны вам за помощь в этом непредвиденном случае. Времени мало, так что позвольте мне сообщить вам кое-какие подробности.

Мистер Смит внимательно выслушал объяснения руководителя полета, что намечено прямое восхождение и что от него может потребоваться ручное управление.

- Понял, - ответил он.

- Да, и если у вас есть желание, мы бы хотели, чтобы вы поговорили с мисс Филлипс. Расскажите, чего ей ожидать, прежде чем это произойдет, чтобы она чувствовала себя поспокойнее. Только помните о задержке сигнала в 1,3 секунды. Готовы?

- Конечно.

- Отлично. Тогда оператор связи соединит вас с мисс Филлипс. Ее зовут Клара.

Из переговорного устройства донесся голос оператора:

- Клара, Хьюстон на канале засекреченной связи Альфа, как поняли?

Секундой позже она отозвалась:

- Да, Хьюстон, вас слышу. У меня так трясутся руки, что я боюсь

нажать не те кнопки!

- Клара, вы справитесь, - убеждал ее оператор. - Просто нажмите «Пуск» на Т-5, дальше компьютер сделает все сам.

- Но этот лунный модуль никогда не проверяли в реальных условиях, и я вовсе не пилот!

- Мы это знаем, Клара. Но подобный двигатель работал во всех полетах «Аполлонов», и системы выглядят вполне неплохо. Чтобы вы чувствовали себя увереннее, мы попросили на какое-то время выйти из отставки весьма особенную личность. Я сейчас соединю вас с ним. Он хочет сохранить свое имя в тайне, называйте его мистер Смит, но заверяю вас, что он действительно является одним из первых лунопроходцев с «Аполлона».

Через секунду она отозвалась:

- Но это невозможно! Последний из них погиб в автокатастрофе вместе с женой! Я была на их похоронах!

- В действительности погибла только жена. А мистера Смита отправили в тайное место, чтобы он прожил свои последние годы без назойливого внимания прессы.

- Так таблоиды не ввали! - удивилась мисс Филлипс. - Ах, как это бестактно с моей стороны. Мистер... э-э... Смит слушает нас? Скажите ему, пожалуйста, что я разделяю его горе. Наверняка ему очень тяжело.

- Да, - подал голос Смит, - мне не хватает моей жены.

О нет! Сейчас он не должен думать о жене. Он станет совершенно бесполезным. Я разорвал его связь с Филлипс.

- Смит, - прошептал я, указывая на экран, - что означает этот горящий индикатор?

Он посмотрел на приборную панель, которую показывала камера шлема Клары.

- Давление в топливном баке лунного модуля низкое. Наверное, утечка. Лучше взлететь поскорее.

Отлично. Он вернулся к теме. Я снова воткнул его связь и увидел, что Руфь улыбается мне.

С Филлипс разговаривал оператор связи - полагаю, отвечал на ее вопрос, как мистера Смита привлекли к операции спасения:

- Смит услышал о вашем положении в новостях и связался с нами узнать, может ли он помочь. Мы прогнали с ним имитатор и обновили модель, сделав возможным использование автопилота. Он рядом и готов выйти с вами на связь.

- Просто невероятно! Наверное, я сошла с ума или разговариваю с привидением.

- Я не привидение, - подключился мистер Смит. - Не станете им и вы, если будете сохранять спокойствие и следовать указаниям. - Он задумался. Я держал руку на разъеме на случай, если он вдруг сменит

тему. - Когда вы достигнете орбиты, - продолжил старик, - то по инерции окажетесь прямо там, где вас сможет подобрать командный модуль.

- Командный модуль? - удивилась мисс Филлипс.

- Он имеет в виду грузовой корабль, - вмешался оператор.

- А, конечно. Понимаю.

Они провели предполетную проверку положения переключателей и повторили необходимые процедуры. Смит казался спокойным и уверенным в себе - во всех отношениях старый астронавт «Аполлона».

Отрыв был осуществлен точно в срок. Филлипс взвизгнула, когда запустился двигатель, но Смит сказал ей, что это номинально (так он говорил вместо «нормально»).

- В течение десяти секунд вы будете идти строго вверх, - напомнил он ей. - Потом опрокинетесь и пойдете горизонтально относительно лунной поверхности. Из иллюминатора вам откроется потрясающий вид.

Изображение на экране под действием двигателя дергалось вверх-вниз. В безвоздушную кабину звук не проникал. Когда корабль сменил направление, чернота неба в иллюминаторе сменилась серостью Луны.

- Управление, докладывайте, - потребовал руководитель полета.

- Центр, при опрокидывании сместился центр тяжести.

Через секунду до нас донесся крик мисс Филлипс:

- Доктор Кентербери! - Смена направления выкинула раненого из ремней. Его рука хлопнула по щитку шлема Филлипс.

Я невольно вздрогнул и затаил дыхание, хотя женщина совершенно не пострадала. Смит мягко велел:

- Мисс Филлипс, возьмите его за руку. Когда стартовый двигатель отключится, его понесет прямо на вас.

- Центр, двигатель отключен.

- Доложите о траектории, - велел руководитель полета.

- Компьютер не компенсировал до конца смещение центра тяжести.

Необходима коррекция реактивной системой управления.

- Мистер Смит, приготовьтесь к дистанционным операциям.

- Принято, Центр, - отозвался он.

Мы увидели, как Филлипс дернула доктора Кентербери за запястье, он начал вращаться и оказался прямо перед ней. Она потянулась, чтобы затянуть ремень вокруг него.

Вдруг Кентербери открыл глаза. Он дернулся и ударил по ручке управления. Оба историка повалились. За иллюминатором серая поверхность Луны сменилась тьмой, а затем вновь очень быстро возникла лунная поверхность. «Они вращаются!» - пронзила меня мысль.

Мистер Смит потянул джойстик вбок и потом отпустил его. После

небольшой задержки я заметил, что вид стал сменяться гораздо медленнее.

- Центр, Управление, лунный модуль в стабильном режиме барбекю.

- Отличный пилотаж, мистер Смит, - похвалил оператор связи. - Мой парень в имитаторе говорит, вы обошлись половиной того топлива, что ушло бы у него.

- Ей еще рано цыплят считать, - ответил он. - Посмотрите на дисковый ключ*¹⁰.

А? Что? Цыплят на Луне не бывает! И что это еще за диск у ключа? Щелк. Я выдернул разъем из ноутбука. А мистер Смит продолжал нести:

- А поселений...

- Простите, кажется, мы потеряли связь с кораблем, - сказал я, глядя на доктора Уинклера. Он, в свою очередь, посмотрел на Руфь.

Та спокойно набивала на своем телефоне сообщение.

- Связь восстановлена, - объявила она.

Я понял намек и снова подключил мистера Смита. Сообщение, появившееся на моем ноуте, гласило: «Рано цыплят считать означает еще рано радоваться. DSKY - это монитор в лунном модуле». Значит, все это не было чушью? От смущения я залился краской. М-да, мне еще многое предстояло узнать.

Группа управления полетом доложила, что они рассчитали коррекцию орбиты, в том числе и дополнительные включения двигателей. Руководитель полета дал им «добро» на отдачу автоматической системой команды двигателям произвести необходимые исправления.

- Оператор, предупредите мисс Филлипс, что будет произведено включение двигателей.

Филлипс прочно закрепила доктора Кентербери ремнями и затянула свои. Глаза раненого снова закрылись. Врач опасался, что ускорение, хоть и слабое по сравнению с тем, каким оно оказалось бы при запуске с Земли, растревожило его раны.

После осуществления маневра диаграмма траекторий показывала, что лунный модуль и «пакман» грузовика состыкуются по графику. Оператор успокоил Филлипс: мол, все идет хорошо.

- За исключением того, что она вот-вот разобьется, - заявил мистер Смит.

¹⁰ * В оригинале «disk key» - здесь автором вводится игра слов, основанная на профессиональном термине, который и ввел главного героя в заблуждение. То, что Джордж услышал как «disk key», на самом деле было «dis-key» - так произносится аббревиатура DSKY (display and keyboard), т.е. интерфейс дисплея и клавиатуры, как это ниже и объясняется. В командном и лунном модулях «Аполлона» над данным интерфейсом располагался индикатор положения модуля - очевидно, на него-то и указывал Смит.

Что?! Я схватился за разъем головного телефона.

- Мистер Смит, говорит Центр. Траектория представляется нам надежной. Почему вы считаете, что она разобьется?

- Я же сказал вам, посмотрите на DSKY. Вы подняли апоселений с 40,1 до всего лишь 40,6. Для КПМ это слишком низко.

На экране моего ноутбука появилось сообщение: «Апоселений - самая высокая точка лунной орбиты. КПМ - командно-приборный модуль». Я посмотрел на мисс Прессу и кивнул, дав ей понять, что принял информацию. И убрал руку с разъема.

Мистер Смит продолжал:

- Нужно 42 морских мили, иначе КПМ не сможет принять ее вовремя.

- Морская миля? Это что еще за глупость такая? - выпалил я и тут же осекся. Я вовсе не хотел, чтобы это услышала вся команда! Руфь нахмурилась - наверное, на мой ляп - и принялась неистово набивать сообщение. Однако на моем ноуте ничего не появилось.

- Внимание! Внимание! - вмешался оператор. - Лунная Работа сообщает, что она за пределами досягаемости примерно на десять километров!

Так Смит прав!

- Управление, Центр, мы поняли проблему. В программах лунного модуля используются морские мили, а введенные поправки проводились в сухопутных*¹¹. Коэффициент ошибки 1,15.

Руфь встала и принялась расхаживать взад и вперед. Вот уж действительно, рано еще считать цыплят!

- Управление, передайте мне пересчитанные координаты для пилотирования мистером Смитом. Оператор, сообщите мисс Филлипс, что мы проделаем еще один маневр.

* * *

Летело драгоценное время, пока модуль быстро приближался к точке невозврата. Диаграмма траекторий обновилась: на новой лунный модуль поднимался по дуге, однако не достигал точки пересечения с грузовиком. Если курс немедленно не изменить, историки обречены. Если бы я тогда не оборвал замечание мистера Смита, обнаружилась бы ошибка скорее? Лежал ли промах всецело на мне? Наверное, после всего этого я не имею права становиться пилотом.

Лунная Работа сообщила, что переместила грузовой корабль на орбиту чуть пониже, и это поможет сократить разрыв. Однако такой маневр увеличил ее скорость. И он казался мне совершенно нецелесообразным, пока я не заметил на диаграмме, что точка схода

¹¹ * Британская сухопутная миля = 1,609 км. Морская миля = 1,852 км.

оказалась по орбите Луны дальше, нежели предсказывалось ранее. Орбитальная механика такая сложная!

Наконец Управление сообщило, что все команды готовы. Директор полета приказал выполнить их. Если что-то пойдет не так, то об этом станет известно через несколько мгновений. В этом случае, возможно, потребуется помощь мистера Смита, чтобы достичь координат на ручном управлении.

Руфь подошла и подняла вверх телефон. Раздался щелчок фотоаппарата.

- Что это ты делаешь? - вскричал Смит.

Женщина озадаченно объяснила:

- Просто фотографирую тебя, дедушка.

Ой-ой, ему ведь не нравилось, когда его так называли!

- Дедушка! Недавним вечером в баре ты не считала меня слишком старым! - И тут он бросил взгляд на ее значок. - ПРЕССА. Так ты репортер! Убирайся! - И он оттолкнул женщину своей большой левой ладонью. Ее телефон грохнулся на пол; а она упала в кресло.

Охранник, что стоял у дверей, возник словно из воздуха.

- Директор, вы в порядке? - спросил он, помогая ей подняться.

Директор? Директор чего?

- Я в порядке, Гарри, - уверила его мисс Пресса, поправляя пиджак. - Это всего лишь недоразумение. - Доктор Уинклер протянул ее телефон Гарри. - Проводи меня до дверей, пожалуйста.

- Как скажете, мэм, - ответил громила, испепелив взглядом мистера Смита.

- Папарацци, - чертыхнулся тот.

Доктор Уинклер налил стакан воды из кувшина на соседнем столике. Он предложил питье старику и успокоил его, что все под контролем. Никогда еще я не видел доктора таким ошеломленным. Оно и понятно: кого угодно расстроит, когда пациент едва не сбивает с ног свою правнучку!

Доктор посмотрел на меня и взглядом указал на стакан. Я понял, что медик что-то туда добавил. Потом он произнес:

- Сэр, вы бы отдохнули, пока не восстановится связь.

- Они в зоне молчания? - спросил мистер Смит.

- Да, - подтвердил я и вытащил разъемы его головного телефона и переговорного устройства. В Центре управления полетами все слышали его крики на Руфь. И я надеялся, что они так и не поняли, что она действительно приходится ему правнучкой. Даже если Пресса была ее фамилией по мужу, кто-нибудь попредприимчивее смог бы определить по ней подлинное имя мистера Смита.

Мистер Смит сделал глоток воды, словно это было виски. Он уселся на стул и взглянул на ноги.

- Эх, как я ненавижу эту тесную военную обувь! Выйду в отставку, буду

ходить только в тапочках!

- Вашей маме это не понравится, - съязвил я. Старик улыбнулся.

- Да уж, не понравится, - согласился он. - И это еще один довод носить тапочки! - Тут уж он рассмеялся.

Мне не терпелось узнать, что же происходит с Филлипс. Диаграмма траекторий на экране телевизора замерцала. Во время всей этой суматохи подошло время корректирующего маневра, и он был выполнен. Теперь-то старик вреда не причинит.

- Мы снова получили сигнал, - объявил я и вновь воткнул наушники Смита в переговорное устройство. Управление сообщало, что ожидает от Лунной Работы подтверждения захвата цели.

И тут мистер Смит удивил меня, спокойно сказав:

- Мисс Филлипс, на минутку оставьте свои мысли о траектории. Посмотрите в иллюминатор. Вы не пожалеете.

Мне не особо верилось, что Центр управления передаст ей это сообщение, пока Филлипс не отозвалась:

- Вид Земли над пустынной Луной напоминает мне, сколь драгоценна жизнь. Никогда не забуду этого мгновения.

- И я тоже, - сказал мистер Смит.

- И я, - прошептал я.

Лунная Работа сообщила, что цель захвачена! Я рухнул на стул, внезапно осознав, насколько устал. Стыковку завершил изящный маневр на дистанционном управлении, осуществленный Лунной Работой. Грузовой корабль втянул лунный модуль в свой огромный отсек, и в Центре управления полетами раздались поздравления. Мы с мистером Смитом шлепнули ладонью о ладонь, а доктор Уинклер весьма ощутимо хлопнул его по плечу.

- Так, где сигары? - потребовал мистер Смит.

- Извините, здесь не курят! - ответил доктор Уинклер.

- Ох, - разочарованно протянул старик.

На моем ноутбуке появилось сообщение: «Верное замечание насчет морских миль - ты спас две жизни. Извини за фото. Забыла, что случай с шантажом до сих пор его расстраивает. Буду на связи. Еще раз спасибо». Она подписалась: «Р.Э.Пресса, директор Отдела сбора информации Министерства национальной безопасности». Сбора информации?

После герметизации грузового отсека Филлипс сняла скафандр и помогла доктору Кентербери избавиться от своего. Полетный врач провел дистанционное обследование. Оказалось, что контузии у историка не было. Его скафандр был поврежден, и потому он отравлялся углекислотой. Если бы не прямое восхождение, он бы умер. Мисс Филлипс подключила его к кислороду и устроилась в ожидании спасательного судна русских. В советах мистера Смита необходимости уже не было, и Центр управления отключил

двустороннюю связь - теперь мы могли только слушать.

Доктор Уинклер проводил сонного Смита в туалет, а я расставил табуреты по местам в холле.

Я отключил было переговорное устройство, но вдруг услышал, как Филлипс благодарит команду Хьюстона за отправку грузовика и особенно за то, что пригласили мистера Смита.

- Я посвятила свою жизнь сохранению истории космоса, - говорила она. - Но сегодня, столкнувшись с необходимостью воссоздания этой самой истории, я поняла, как же мало в действительности знаю. Теперь я по-новому понимаю и ценю мужество и мастерство астронавтов «Аполлона». Надеюсь, по возвращении у меня будет возможность поблагодарить мистера Смита лично.

Я-то знал, что этого не произойдет. К тому времени, когда она вернется, старик напрочь забудет о событиях сегодняшнего дня.

Но я не забуду. И завтра же возьму в библиотеке все электронные книги и диски, какие только найду, и прочту все о программе «Аполлон» и тех потрясающих людях, которые первыми ступили на поверхность Луны. Еще мы посмотрим тот фильм с Томом Хэнксом и полетаем на имитаторе. Мистер Смит может скоро забыть даже свое настоящее имя, он не вспомнит о мисс Филлипс уже на следующей неделе, но мои воспоминания о времени, проведенном с ним, будут сохраняться столько, сколько и отпечатки его шагов на Луне.

Перевел с английского Денис ПОПОВ

© Marianne J.Dyson. Fly Me to the Moon. 2010. Печатается с разрешения автора.

Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2010 году.

ШОН МАКМАЛЛЕН

ВОСЕМЬ МИЛЬ

Иллюстрация Виктора БАЗАНОВА

Представьте себе путешествие на восемь миль. Пешком такое расстояние можно одолеть с обеда до чая, в коляске оно займет час, а на паровом поезде Стефенсона минут пятнадцать, может, и меньше,. Поставьте друг против друга две башни, и при помощи зеркал сигнал можно передать за толику того времени, какое способна измерить современная наука. Восемь миль уже не те, что были раньше, но попробуйте подняться на восемь миль вертикально вверх - и окажетесь в terra incognita, более далекой, чем вершины Тибета или недра африканских джунглей. Эта неведомая земля способна убить.

* * *

Мое путешествие на восемь миль началось в Лондоне весной 1840 года. В то время я владел и управлял воздушным шаром. Он был надежным, крепким и легким в навигации, и я устраивал увеселительные прогулки для пресыщенных и праздных богачей. Доход непостоянный, но когда у меня появлялись клиенты, они хорошо платили за новинку.

Лорд Седрик Гейнсли был очень богат, и когда подали его визитную

карточку, я предположил, что он желает нанять меня, чтобы произвести впечатление на каких-то знакомых полетом над Лондоном. Я заранее подготовил аппарат, чтобы подняться, когда клиенты пожелают. Открытая плетеная корзина могла вместить шестерых взрослых; по сути, сама мысль, что шесть человек разного пола будут притиснуты друг к другу, словно бы придавала воздухоплаванию привлекательности.

С первых же минут, проведенных в лондонских апартаментах лорда Гейнсли, я понял, что это необычный клиент. Стены гостиной украшали карты вперемежку с набросками горных вершин и древних развалин. Дворецкий проводил меня в малую гостиную, полностью заставленную книгами. Тут нет ничего необычного, поскольку многие джентльмены покупают одинаковые собрания достойных книг, дабы красоваться перед посетителями. В то время коллекционирование вошло в моду, и у лорда Гейнсли в витринных шкафчиках и на них располагались засушенные насекомые, окаменелости, кристаллы, старинные астрономические инструменты и часовые механизмы, кое-какие даже четырнадцатого века, лампы эпохи Римской империи и монеты Древней Греции. Несколько пород лис были представлены чучелами.

Но когда я начал осматривать библиотеку Гейнсли, то понял: многими книгами в ней часто пользовались, некоторые даже были зачитаны. Эти последние касались главным образом естественных наук.

- Вас интересует геология?

Повернувшись, я увидел высокого мужчину лет сорока, который протягивал дворецкому цилиндр. Одет он был в длинный сюртук с узкой по моде талией, но самую чуточку небрежно. Так может выглядеть состоятельный человек, не желающий привлечь к себе внимания.

- Геология?.. Ах, вы о книгах.

- Да, они меня обогатили. Я научился определять, присутствуют ли минералы там, где другие привыкли видеть лишь пустоши.

Дворецкий кашлянул.

- Лорд Седрик Гейнсли, позвольте представить вам мистера Гарольда Паркса, - сказал он наобум, не вполне уверенный, какие положено соблюсти приличия, раз барон сам начал разговор.

- Спасибо, Стюарт. А теперь подготовьте мисс Ангелику и ждите моих распоряжений.

- Очень хорошо, милорд.

Едва мы остались одни, лорд Гейнсли указал на хрустальный графин с бренди и предложил располагаться, как дома. Его светлость встал перед камином, пока я наливал себе, но сам не выразил интереса к спиртному. Я сделал глоток. Отличный бренди, гораздо лучше того, к которому я привык.

- Как высоко способен подняться ваш воздушный шар, мистер Паркс?

- спросил он.

- Я устраиваю увеселительные прогулки в миле над Лондоном, - начал я. - Оплата почасо...

- Ваши ставки меня не интересуют. Могли бы вы подняться, скажем, на две мили?

Я моргнул.

- На двух милях воздух разреженный и холодный, сэр. Кроме того, Лондон виден отчетливо с меньшей высоты.

- Подняться на две мили и удерживать эту высоту шесть часов?

Я снова моргнул. Проголочные полеты редко длились дольше часа. Клиенты скучали. И что важнее, воздушный шар должен поднять также топливо для горелки, чтобы поддерживать приток теплого воздуха.

- Могу я задать пару вопросов, сэр? Сколько будет пассажиров, каков их общий вес и сколько напитков и провизии они возьмут с собой? Видите ли, чтобы продержаться так долго наверху, шар должен поднять также некоторое количество жидкого топлива: необходимо подогревать воздух в баллонете. Учитывая вес топлива на шесть часов, я, возможно, даже от земли не смогу оторваться.

- Вы, я, молодая женщина весом сто сорок фунтов, ну а еда и напитки не превышают десяти фунтов. Ничего кроме.

- Тогда могу попробовать, однако гарантировать не стану.

- Почему?

- Когда речь идет о полетах на воздушном шаре, ни в чем нельзя быть уверенным. Небо - коварная обитель.

Некоторое время лорд Гейнсли обдумывал мои слова.

- Вы человек науки, мистер Паркс, как и я. Вы изобрели ртутный альтиметр, или правильнее было бы сказать - барометрический высометр, вы откалибровали его до пяти миль.

- Да, при помощи Грина и Раша. Они совершили свой рекордный полет несколько месяцев назад.

- Тем не менее вы в стесненных обстоятельствах.

- Спрос на альтиметры невелик, сэр. Многие из прочих моих изобретений оказались непрактичными, но выяснение этого факта меня почти разорило. Проголочные полеты не самая удачная карьера, зато не дают опуститься до долговой тюрьмы.

Когда-то у меня была мечта стать Джорджем Стефенсоном небес, создав воздушный шар с паровым двигателем, и все деньги я потратил на установку под кольцом баллонета специально сконструированной цилиндрической паровой машины с малыми пропеллерами. Увы, хотя при тихой погоде она могла вести шар в любом направлении, но при ветреной была бесполезна. Как я установил: воздушный шар - по сути огромный парус, а ветер слишком серьезный противник для любой машины, достаточно маленькой, чтобы поднять ее в воздух.

- Мои полеты не для увеселения, мистер Паркс, и мне нужен

изобретательный воздухоплаватель, способный решать технические проблемы по мере их возникновения, - объяснял тем временем лорд Гейнсли. - Я намерен изучать воздействие экстремальных высот на очень необычного человека. Я буду платить вам пятьдесят фунтов за каждый подъем, а также оплачивать топливо для вашего шара. Мое единственное условие: поступив ко мне на службу, вы не будете работать на кого-либо другого и проявите крайнюю сдержанность во всем, что касается полетов и сути моих изысканий.

Его плата была, безусловно, лучше той, которую я получал за увеселительные прогулки. Если смотреть по-деловому, его предложение было даже слишком хорошо, чтобы оказаться правдой. Едва я согласился, лорд Гейнсли дернул за красный бархатный шнурок, висевший у камина. Несколько мгновений спустя появился дворецкий.

- Милорд?

- Приведите мисс Ангелику, Стюарт.

* * *

Мисс Ангелика оказалась молоденькой женщиной ниже среднего роста, с тонким треугольным личиком. Одета она была в темно-синий шерстяной плащ и плотно прилегающий капор, но ничего больше из ее одеяния я не разглядел. Было что-то странное в ее глазах. Они казались пустыми, почти безжизненными.

- Мисс Ангелика уже несколько месяцев у меня на службе, - объяснил лорд Гейнсли. - Я назвал ее Ангелика, так как она происходит с очень больших высот.

- Падший ангел?

- Именно так. Это моя маленькая шутка. А теперь отставьте бокал, устраивайтесь поудобнее и приготовьтесь к потрясению.

Расстегнув ее плащ, Гейнсли дал ему упасть на пол. Прошло несколько мгновений, прежде чем я сообразил, что она ни одета, ни нага. Все ее тело было покрыто тончайшим темно-бурым мехом. У нее оказалось три пары маленьких грудей, а грудная клетка была удивительно широкая, и я предположил, что объем легких у нее больше, чем у меня. Ушки остроконечные, на манер лисьих. Некоторое время я не мог оторвать от нее глаз.

- Ну? - спросил лорд Гейнсли.

Девушка не выказывала никаких признаков стыдливости, что само по себе говорило о многом. Она, вероятно, привыкла, что ее выставляют напоказ.

- Я подобное уже видел, - неловко сказал я.

- Вот как? Где?

- На ярмарке, в балагане уродов. Бородатые женщины, мальчики с шестью и семью пальцами, даже двухголовый ребенок. Прихотливая природа неверно применила к ним трафарет человека. С этой молодой леди случилось то же самое.

- Вы ошибаетесь, - отозвался лорд Гейнсли. - Она человек-лиса, за неимением лучшего выражения. Она не говорит ни на одном из языков, спит на полу и не знакома с одеждой.

Мне удалось сдержаться, и к лучшему, так как ответ вышел бы, несомненно, саркастическим.

- Вы явно не разделяете мое мнение, - подстегнул он.

- Совершенно верно, сэр.

- Тогда как вы объясните ее внешность?

- Дитя, брошенное родителями, ведь она появилась на свет покрытой мехом. Возможно, бедняжку воспитали дикие звери.

- Я тоже поначалу так считал. И действительно нашел ее на ярмарке. Управляющий сказал: ее купили у торговца, продававшего танцующих медведей. Когда ее поймали в горах на севере Индии, она была энергичной, занятой, даже могла проделывать мелкие трюки. На низких высотах, однако, впала в летаргию и представляла собой лишь экспонат. Правду я понял недавно. Я вернулся на ярмарку и купил ее.

- И какова правда?

- Девушка приспособлена к жизни на очень больших высотах. На уровне моря плотность воздуха слишком велика для нее, как, например, рацион из одного только бренди не подошел бы для нас с вами. Полагаю, существует целая раса людей, которые живут высоко в горах и приспособлены для разреженного воздуха.

Идея казалась фантастичной. Я снова посмотрел на девушку. Легкие у нее были определено большие пропорционально телу, и мех защитил бы от холода.

- Не понимаю, какую роль вы предназначаете мне, - вымолвил я наконец. - Я ничего не смыслю в альпинизме.

- Воздушный шар - прекрасная альтернатива. Путешествие в Индию займет годы, а мои деловые интересы не позволяют покинуть Англию более чем на несколько дней. Ваш воздушный шар способен поднять нас на две мили... за какое время?

- Двадцать минут, может, тридцать. В зависимости от веса.

- Великолепно. Мы можем совершить подъем над моим поместьем, к северу от Лондона, и спуститься к обеду. На высоте двух миль я получу возможность наблюдать, как Ангелика воспринимает разреженный воздух и холод. Если это вернет ей разум, я, наверное, даже сумею поговорить с ней, расспросить о ее народе.

Лорд Гейнсли помог Ангелике надеть плащ, потом вызвал звонком дворецкого. Когда мы остались одни, он подошел к окну и жестом указал на запруженную улицу внизу.

- Посмотрите на моих процветающих соседей, мистер Паркс, - сказал он. - Торговцы, банкиры, финансисты, земельная аристократия. Что они делают, помимо того что обогащаются и живут в свое удовольствие?

- Посещают театр и скачки? Балы? - предположил я. - Некоторые отправляются на воздушные прогулки над ипподромом.

- Театр, балы, скачки, - пробормотал, качнув головой, лорд Гейнсли. - Через год после смерти их никто не вспомнит. Я хочу славы Исаака Ньютона, Джеймса Кука или Джозефа Бэнкса и желаю, чтобы меня запомнили как открывателя чего-то монументального. Мисс Ангелика - мой шанс.

- Не понимаю вас, сэра.

- В моей теории адаптивной морфологии я утверждаю, что в экстремальных обстоятельствах люди принимают другие физические облики. Например, в полярных областях, если будут жить там слишком долго, они рискуют превратиться в тюленей.

- В шотландской легенде о шелках люди действительно превращались в тюленей...

- Да, и я думаю, что экстремальная высота может придать нам облик Ангелики!

* * *

Поместье лорда Гейнсли располагалось в нескольких милях к северу от Лондона, и он прислал тягловых лошадей, чтобы переправить туда мое снаряжение. Обслужкой при моем воздушном шаре состояли Келли и Фелдмен; большую часть ночи они провели, распаковывая воздушный шар и проверяя стропы. Я встал за два часа до рассвета, настроил альтиметр и установил его в плетеной корзине.

Надуть воздушный шар на земле - труд невелик. Здесь под рукой неограниченный запас топлива, чтобы подавать горячий воздух и поддерживать температуру. Другое дело, когда шар поднимется. Маленькая горелка в плетеной корзине сжигает ламповое масло, и тепло поступает в баллонет, но топливо приходится везти с собой, поэтому расходовать его надо бережно. Через полчаса трудов шар надулся и оторвался от земли. Тогда я дал знать в усадьбу, что все готово к подъему. Лорд Гейнсли вышел с Ангеликой, которую вел на цепочке, закрепленной у нее на талии. Одетая она была мальчиком.

Мы поднимались очень быстро, проплыв прямо над крышей усадьбы. Ветер дул с юга, причем слабо, в небе - ни облачка. Вначале лорд Гейнсли повел себя как обычный клиент, заглядывая за борт и восклицая при виде своего поместья далеко внизу. Он как будто забыл, зачем мы здесь, и болтал о том, что в следующий раз прихватит

художника, дабы тот запечатлел его владения с воздуха. Я откалибровал альтиметр так, чтобы высоту он показывал в четвертях мили. На полутора милях Гейнсли вдруг вспомнил, почему заплатил за подъем.

- Полторы мили, почти восемь тысяч футов, - констатировал он, щурясь на мой альтиметр.

- Мы поднимаемся медленно, со скоростью около пяти миль в час, - доложил я.

- Шесть минут до положенной высоты, - ответил он. - Ангелику нашли, по всей видимости, на одиннадцати тысячах футов. Сможете удержать эту отметку?

- Да, сэр. Выпустив немного горячего воздуха из баллонета, я уменьшу плавучесть и стабилизирую высоту.

Я сбросил немного теплого воздуха, и мы продолжили подниматься, но гораздо медленнее. Согласно альтиметру, мы остановились на двенадцати тысячах футов. По моим прикидкам, нас сносило на северо-северо-восток со скоростью три метра в час. Направление ветра здесь оказалось иным.

Именно на этом уровне начались видения. Собственно говоря, выражение «видения» не совсем подходит, это были, скорее, воспоминания, но не мои, а привнесенные. Я словно шел вдоль каналов, прорытых в пустыне красного песка под неестественно темно-синим небом с бледным и крошечным солнцем, В отдалении я наблюдал скопление зданий из громадных кристаллов селитры, полевого шпата и кварца.

До сих пор я мало внимания уделял Ангелике, так как был занят горелкой, показаниями альтиметра и необходимостью следить за направлением и скоростью нашего скольжения относительно земли. Вдруг лорд Гейнсли тронул меня за локоть и указал на женщину. В начале подъема Ангелика сидела на полу плетеной корзины, безучастная к тому, что ее окружало. Сейчас она уже была на ногах и заглядывала за борт корзины. У меня на глазах она отвернулась и стала изучать мой альтиметр высоты. С целую минуту, по меньшей мере, она всматривалась в столбик ртути. Потом медленно подняла руку и сделала горизонтальное рубящее движение рукой.

- Язык знаков, - сказал Гейнсли. - Она говорит, что понимает происходящее. Мол, раньше мы поднимались, а теперь остановились.

- Больше того, - отозвался я, причем по коже побежали мурашки. - Она уже после минутного осмотра поняла принцип действия ртутного альтиметра!

В Лондоне, на уровне моря, Ангелика не проявляла ни малейшего интереса к предметам и механизмам. Здесь же считывала показания альтиметра, а такое не по плечу девяноста девяти из ста моих соотечественников-британцев.

Я заметил ее взгляд. Впервые он был настороженным, даже расчетливым.

- Ангелика? Ты меня слышишь? - спросил лорд Гейнсли.

При звуке своего имени она повернула голову.

- Поговори со мной, Ангелика, - настаивал лорд Гейнсли. - На английском, французском, хинди - на любом языке.

Он приложил руку к уху, показывая, что ждет ответа. Ангелика молчала.

Со скоростью пешехода мы скользили над землей. Далеко внизу виднелись фермы и усадьбы. Гейнсли продолжал уговаривать Ангелику. Его ждало разочарование. Он показывал ей картинки лис, медведей, даже набросок себя самого. Она проявила некоторый интерес, но не произносила ни слова.

- Как долго мы в воздухе? - спросил он меня.

- Час тридцать минут.

- Сколько у нас есть в запасе?

- Очень немного. Лаковый слой на шелке, кажется, поврежден. Похоже, мои ребята пропустили какое-то мелкое отверстие, поэтому теплый воздух понемногу утекает. Я уравниваю это, поддавая топлива и работая мехами, но воздух холодный и разреженный, и расходуется слишком много масла.

Лорд Гейнсли нахмурился, но спорить не стал. Это ведь корабль, а я его капитан. Он вернулся к Ангелике. Ветер переменялся и начал относить нас назад к Лондону. Я мало что мог сделать, разве только время от времени поддавать теплого воздуха, чтобы удерживать высоту. Ангелика все более оживлялась. Она изучила магнитный компас, карманные часы лорда Гейнсли и даже горелку. И внезапно, мягко отстранив меня, долила чуточку масла и сама встала за меха.

- Поразительно! - ахнул я. - Она определила суть работы, просто наблюдая за ней.

- Развитый ум, - сказал лорд Гейнсли.

- И понимание механизмов.

Теперь Ангелика подвергла пристальному изучению альтиметр, в котором ртуть указывала, что мы поднялись еще на четверть мили.

- Определенно, она понимает, как функционирует не только воздушный шар, но и альтиметр, - сказал я. - Очень немногие из моих пассажиров могли похвастаться тем же.

- Здесь, в разреженном воздухе, она преобразилась, - заметил лорд Гейнсли.

- Как такое возможно?

- Помните мою теорию адаптивной морфологии? Повторяю, Ангелика принадлежит к народу, живущему очень высоко в горах. Подъем в прохладный, разреженный воздух освобождает ее ум от тины, которой дышим мы.

- Но ведь она не заговорила.
- Однако поняла, как функционирует воздушный шар.
- У народа лис, наверное, собственный язык, - предположил я.

В это мгновение, как раз когда мы начали спуск, Ангелика застучала по циферблату альтиметра, а другой рукой указала вверх. И стучала она по делению, обозначающему восемь миль. На этой части циферблата я отметил некалиброванные проекции высоты. Ангелика смотрела на меня глазами, полными мольбы. Подняв повыше пустой бочонок из-под масла, я покачал головой. Она как будто поняла, потому что села на пол плетеной корзины и смежила веки, словно смирившись с неизбежным.

* * *

Используя разницу и перемены ветра на разных высотах, я сумел привести нас назад к поместью лорда Рейнсли, потом спустить на землю всего в миле от места, откуда мы поднялись. Вскоре явились Келли и Фелдмен с телегой, потом конюх Гейнсли подал прогулочную коляску. Его светлость поспешно усадил в нее Ангелику и скрылся из виду, но вскоре вернулся поговорить со мной, пока я помогал моим ребятам упаковывать воздушный шар.

- Насколько высоко мы сможем подняться? - спросил он. - И как долго сумеем там пробыть?

- Нагретый воздух ставит свои ограничения, - вновь пустился я в свои объяснения. - Воздушный шар должен нести собственное топливо. Подняться выше - значит, использовать больше горючего. И если так, то меньше остается на поддержание температуры и, соответственно, высоты.

- Вы сумеете построить шар, который достиг бы высоты в восемь миль?

Я едва не поперхнулся. Вопрос был сродни тому, способно ли новое ружье пристрелить утку, которую уже убили.

- Смысла нет, - ответил я. - Уже на пяти милях воздух настолько разрежен, что невозможно дышать.

- Но вы способны построить такой шар?

- Да, существуют шарльеры, надуваемые водородом, но что толку? Туда взлетят наши трупы.

- Тогда как высоко можно подняться?

- То есть какая высота безопасна? Мой ответ - четыре мили.

- Почему четыре?

- Я имею некоторый опыт: поднимался на три с половиной мили. Это было мучительно: у меня и моего спутника посинели губы, очень быстро наступила слабость. Четыре мили - вдвое больше, чем мы

достигли сегодня.

- Другие поднимались выше?

- Да. Несколько месяцев назад воздухоплаватели Чарлз Грин и Спенсер Раш достигли пяти миль. Однако они обнаружили, что на такой высоте практически невозможно дышать, и сочли, что выжили чудом.

- Пять миль. Сравнимо с самыми высокими горами к северу от Индии.

- Я знаю.

- Так мы можем это сделать?

- Повторяю, это очень опасно.

- Четверть века назад я сражался с Наполеоном. Неужели воздушное путешествие опаснее обмена залпами с его солдатами?

- Смерть есть смерть, какова бы ни была ее причина. Зачем подниматься на пять миль в поисках ее?

- Потому что на такой высоте мы, возможно, еще больше проясним разум Ангелики. Она, вероятно, даже сумеет заговорить. Завтра будет новый полет на разогретом воздухе, но стройте чертежи своего шарльера.

- Вы сознаете, что водород взрывоопаснее пороха?

- Разумеется, мистер Паркс, я человек науки. Пошлите мне счета за все, что вам понадобится.

- Значит, я остаюсь у вас на службе? - спросил я.

- Да, стол и кров, плюс любая ставка, какую вы берете за свои прогулки. То же касается и ваших людей.

* * *

Той ночью мне снились сны весьма зловещие. Разум затопили видения огромных сверкающих предметов, скользивших в черноте, и гроздьев огненных вспышек, превращавшихся в мерцающие облака блесков. Я проснулся не столько разбитый, сколько озадаченный.

Сны врезались в память. Но еще больше сбивало с толку то, что у меня появились и другие воспоминания, которых не было в тех снах. Эти полнились прекрасными городами с элегантными хрустальными башнями и широкими бульварами, однако все были усеяны мертвыми телами. На многих красовались портупей и пояса, золотые галуны, церемониальные мечи и даже шлемы. Возможно, это они построили города. Существа, одетые не в ткани, а в мех.

* * *

Мы совершили еще с десятков подъемов на разогретом воздухе, пока

изготавливали баллонет для водорода. Нам не удалось достучаться до Ангелики, но всякий раз во время подъема мой разум затопляли видения. Я молчал, потому что практичным людям видения не положены, а мне хотелось сохранить доверие Лорда Гейнсли. Кто пожелает путешествовать на корабле, капитан которого уверяет, будто способен наблюдать водяных чертей, русалок и гарпий? Могу сравнить мои видения лишь с пролистыванием книг, на выбор взятых из шкафа. Никакой полной картины, только обрывочные фрагменты.

Водород нам поставили с газового завода на окраине Лондона, что сэкономило расходы на покупку реактора и химикатов. В первый свой водородный полет мы отправились в предрассветных сумерках и оставались на высоте в четыре мили всего четверть часа, потому что лорд Гейнсли быстро ослабел, а потом и вовсе потерял сознание. Я поспешно опустил шар. Очнувшись, его светлость признался, что его легкие ослаблены каким-то детским недугом. С другой стороны, состояние Ангелики сильно улучшилось уже от краткого пребывания в разреженном воздухе, она даже нацарапала в блокноте несколько значков и диаграмм. Увы, мы не смогли разобрать их смысл.

По пути вниз у меня возникло несколько идей. Лорд Гейнсли сетовал, что легкие не позволяют ему находиться на высоте четырех миль. Я предложил поднять Ангелику на пять и вернуться с докладом о том, что она делала, но он и слышать не пожелал. Он непременно должен был присутствовать!

- Если бы я мог подняться сам, - вздохнул он.

- Невозможно. Даже на четырех милях мы живем взаимы. Вы - в особенности.

- Грин и Раш сумели.

- Ненадолго. И едва спаслись.

- Но все-таки выжили.

- Потому что поспешили спуститься. Люди должны постепенно свыкаться с очень большой высотой. Монтаньяры, с которыми я разговаривал, рассказывали, что на это уходят недели.

- Найдите способ. Я оплачу все ваши расходы. И двести фунтов сверху.

- Я много читал о природе воздуха, сэр... Вы, возможно, слышали про эксперименты со стеклянными сосудами и свечами. Зажгите в одном свече, и она погаснет, когда закончится кислород. Поместите в этот истощенный воздух мышь, и она вскоре задохнется.

- Продолжайте.

- Меня как воздухоплователя интересует феномен удушья. Я поставил такой эксперимент, потом подал в сосуд с истощенным воздухом немного чистого кислорода. Мышь ожила.

Лорд Гейнсли некоторое время раздумывал, потом радостно улыбнулся.

- Насколько тяжелым будет механизм для подачи кислорода? - наконец спросил он.
- Только бак, несколько трубок, вентиля и перекрываемый спускной желоб.
- Так постройте его! Работу и материалы я оплачу.
- И премия в двести фунтов?
- Она ваша.

* * *

Проблема, как выжить на экстремальной высоте, отняла у меня все последующие дни. Кислород - ключевой компонент воздуха, дающего нам жизнь, но занимает он только одну из пяти частей объема. Придумайте, откуда взять воздух, который на пять частей состоял бы из кислорода, - и подняться на восемь миль, возможно, удастся. Я нанес визит в «Пневматические системы Даркингтона и сыновья» и в «Шеффилдские вентили». Джереми Даркингтон был одних лет с лордом Гейнсли, но одевался как мастеровой и говорил на смеси кокни и йокширского. Он был умелым слесарем, составившим состояние на том, что поставлял вентили для паровозов.

Он сидел за своим столом, пока я распаковывал химикаты. Откупорив бутылку, налил в склянку немного жидкости, потом открыл пузырек с темно-пурпурными кристаллами. Уронил один в стакан, где тот начал обильно пузыриться.

- Перманганат углекислого калия, если его добавить к перекиси водорода, высвобождает кислород, - объяснил я, пока у нас на глазах реакция превращала жидкость в зеленовато-пурпурную пену.

- Эту реакцию я знаю, - ответил он.

Тогда я разложил перед ним чертежи.

- Мне нужен аппарат для его производства. Перекись будет поступать вот сюда, квасцы калия - сюда. Когда они вступят в реакцию, кислород поступит через трубку, а когда химикаты израсходуются, раствор будет сливаться через вот этот кран, прежде чем загрузятся свежие ингредиенты для производства нового кислорода.

Он изучил чертежи, почесывая время от времени в затылке, потом кивнул.

- Построить можно, но какой толк? Кислород-то повсюду.

- У меня есть устройство, которое требует чистого кислорода.

- Сколько будет стоить аппарат и сколько времени потребуется на его изготовление?

- Работенки сейчас немало... тридцать фунтов. Как раз надо делать клапаны для новой партии паровых котлов мистера Стефенсона... Ну, две недели...

- Идет! Пришлите мне счета.

В теории мой аппарат казался вполне работоспособным, однако единственной возможностью испытать его станет полет. Рискованное дело. Но все же оно того стоит.

* * *

У моего отца было два присловья, которыми я руководствовался. Первое: удача - это распознанный шанс. Звучало достаточно здраво, вот только шанс, как правило, от меня ускользал. Второе: то, что слишком хорошо, чтобы быть правдой, никогда правдой не бывает. Звучало не столь оптимистично, зато во многих случаях уберегало меня от беды. Лорд Гейнсли и его прожекты казались слишком хорошими, чтобы быть правдой, однако платил он достаточно щедро.

Я возвращался из Шеффилда, и до поместья лорда Гейнсли оставалось миль десять, когда внезапно разразилась гроза. Поскольку день клонился к вечеру, я решил заночевать в маленькой гостинице на краю деревушки. Я как раз отведал пирога со свининой, когда ко мне подошел бородатый мужчина. Вроде бы сезонный рабочий, но стоило ему открыть рот, как иллюзия развеялась.

- Так значит, вы последний воздухоплаватель Гейнсли, - сказал он с французским акцентом тихим, почти заговорщицким голосом.

- Мы не знакомы, сэр, - ответил я настороженно.

- Моя фамилия Норвен, и я знаю, что вы Гарольд Паркс.

Я жестом указал на стул.

- Вы назвали меня последним воздухоплавателем лорда Гейнсли, а ведь барон не летал, пока я не взял его с собой.

- У него было четыре воздухоплателя. Первый - Роутли, он погиб на загадочной дуэли в тысяча восемьсот тридцать первом. Сэндерсон умер от пищевого отравления два года спустя. Элдерс выпал из вагона поезда в тридцать седьмом, его нашли возле путей с переломанной шеей. Готов прозакладывать последний фунт, она была сломана до того, как он упал.

Укол тревоги... но незнакомец не проявлял ни тени враждебности.

- Вы сказали, четыре воздухоплателя...

- Я сел на рыболовецкое судно, которое якобы должно было отвезти меня домой во Францию. Когда мы на милю отошли от берега, меня приковали к куску рельса и перевалили за борт.

- Тем не менее вы здесь и живы.

- Отмычка всегда при мне. Рисковый вышел переплет: вскрывать замок в темноте, под водой, но я это сделал.

Я знал, что перечисленные им воздухоплатели мертвы, ведь мы сообщество небольшое.

- Воздухоплаватель Эдуард Норвен был французом и ветераном наполеоновских войн. Он исчез в тридцать шестом.

- Именно так я и поступил, месье Паркс. Семнадцатого июля в час пополудни. Такие дни не скоро забудешь. Я отрастил бороду и взял себе другое имя.

- Вы можете доказать, что тут замешан Гейнсли?

- Вы можете доказать, что у вас с Гейнсли были какие-то деловые договоренности? - спросил он в ответ.

Я поднял палец и открыл рот, собираясь ответить... но промолчал. Все суммы уплачивались наличными. Мои люди, Келли и Фелдмен, теперь жили в поместье лорда Гейнсли, и я тоже. Вероятно, краска сошла с моего лица. Норвен улыбнулся и отпил из кружки.

- У вас сны и видения, месье Паркс, - продолжал он. - Видения обрушиваются на вас, когда вы поднимаетесь с Гейнсли и Ангеликой. Они начинаются приблизительно на десяти тысячах футов, на высоте, где разум лисы чуть проясняется. Она словно выходит из пьяного ступора и бессвязно бредит.

- Но ни разу не произнесла ни слова...

- Она не такая, как мы. Она говорит мыслями; ее слова - образы мыслей. Я бы вам предложил ничего пока Гейнсли не сообщать.

- Почему?

- Вы все еще живы.

Его слова слишком походили на правду.

- Я видел ландшафты, сплошь красные и зеленые под фиолетовым небом, - продолжал Норвен. - Там раскинулись города из серебристых кристаллов, улицы которых были усеяны трупами, хотя здания уцелели. Как будто сцены чумы. Меня словно бы тащили по городу, заставляли смотреть на тела. На оставшихся в живых были шлемы и балахоны, напоминавшие костюмы для ныряния, вот только шлемы из стекла и без дыхательных трубок.

Тут я не на шутку испугался. Норвен описывал в точности то, что наблюдал я в видениях и снах. Я решился на откровенность, чтобы завоевать его доверие.

- А еще меня посещали сны, полные огромных сверкающих предметов, которые плыли в темноте на фоне незнакомых созвездий, - признался я.

Он кивнул.

- У меня были сходные видения. Расскажите о своих подробнее.

- Я не могу описать блестящие предметы, поскольку они не похожи ни на что земное. Тем не менее они двигались с величавостью огромных кораблей. Они расцветали белым огнем, который желтел, потом превращались в мерцание, затем - в блестящие облака осколков.

- Боевые корабли, возможно, сражающиеся в ночи. Я видел, как огромные толпы славят Ангелику. Произошла битва. Она была

предводителем.

- Женщина-предводитель? Абсурд.

- Почему? В настоящее время молодая королева Виктория - монарх вашей огромной империи. В шестнадцатом веке вами правила королева Елизавета, и она была воительницей. У нас во Франции прославилась Жанна д'Арк.

И снова мы сидели молча. Но теперь я уже обливался холодным потом, невзирая на ревуший в очаге огонь.

- По моему мнению, Ангелика спустилась откуда-то с очень большой высоты, - рассуждал вслух Норвен. - Возможно, из Тибета, областей, которые еще не исследованы. Я изучил все карты, какие только существуют. Я читал отчеты первооткрывателей Силбрука и Уэбба. Они упоминают горы пяти миль в высоту. Думаю, наши видения - о городах в тех горах. Там территория, размером с Францию, о которой нам ничего не известно... А трупы в видениях? Что вы о них думаете?

- Эпидемия. Ангелика бежала, спасая свою жизнь. Вниз - из прохладного, чистого воздуха. В плотную, насыщенную, теплую, усыпляющую атмосферу людей. Ее мозг одурманен плотным воздухом. Возвращение в горы исцелило бы ее, ведь на моем воздушном шаре, в четырех милях над гостиницей, где мы сидим, ее разум начинает проясняться.

- Никакая это не эпидемия, - возразил Норвен. - У меня было четыре года на размышления. Ангелика не бежала от болезни, ее изгнали. Случилась война. Она была их Наполеоном и потерпела поражение.

- Чересчур уж фантастично... - начал я.

- Гейнсли надеется узнать секреты оружия народа, слушая ее бессвязный бред. Едва разум проясняется, она посылает бредовые видения в сознание всех, кто ее окружает. Вот почему он держит вас на службе. Он хочет выведать секреты, способные изменить мир. Он сделал наброски машин и оружия, которых пока не понимает, но каждый полет позволяет ему собрать все новые фрагменты ее мыслей. Его беда в том, что он всегда должен иметь при себе воздухоплателя, поскольку в разреженном воздухе подвержен приступам дурноты. Вот почему он убил остальных. Он не хочет, чтобы кто-то другой собрал столько же видений Ангелики. А вас он презирает, поэтому не боится.

Тут я рассмеялся.

- Нелепица! Что может знать Наполеон или Веллингтон про ковку металла, литье пушек, механизм ружейного замка или даже ткань для мундиров! Такое известно ремесленникам, а не генералам.

- Правда? Как изготовить порох?

- Ну, взять серу, уголь и селитру и смешать их в положенной пропорции. Шестьдесят процентов селитры...

Внезапно до меня дошел смысл его слов. Кое-какие важные секреты

очень и очень просты.

- Один-единственный прорыв способен изменить мир, месье Паркс. Хватит и простых идей, чтобы их поняли даже генералы и монархи. Порох способен выиграть войну. Изобретите рынок ценных бумаг, и вам будет легче заниматься финансовыми операциями... А вы когда-нибудь задумывались, как изменило мир бухгалтерское дело? Или замена рулевого весла на рулевое колесо? Все это понятно идиоту... или политику.

- Но ведь не каждое открытие приводит к войне...

- Подумайте еще раз. Предположим, вы губернатор такой-то колонии, и до вашего сведения дошло, что кто-то обучает местное население отливать пушки и строить боевые корабли. Что бы вы предприняли?

- Ха, послал бы флотилию канонерок.

- Вот именно. Народ Ангелики не обрадуется, если мы освоим их науку. Не заблуждайтесь, они поставят нас на место, и ради этого уничтожат нашу цивилизацию... Доброго вам дня, месье Паркс.

Он встал, собираясь уходить.

- Подождите! Что вы предлагаете?

- Вам, сэр, я не предлагаю ничего.

- Тогда зачем было встречаться со мной?

- Ну как же, месье Паркс? Когда я сделаю то, что должен, я хочу, чтобы хотя бы один человек знал, что я поступал по зову чести.

* * *

Я не все рассказал Норвену. Ведь я первый воздухоплаватель на службе у лорда Гейнсли, который использовал альтиметр. Ни в одном другом полете Ангелика не могла указать на отметку восемь миль, потому что у моих предшественников такого прибора не было. Восемь миль. Большая часть Земли еще не разведана, но нам известно хотя бы то, что горы не поднимаются на сорок две тысячи футов. Если Ангелика приспособлена к подобной высоте, это означает, что некогда она жила на другом небесном теле. На Марсе, возможно. Планета маленькая, поэтому воздух там, вероятно, разреженный.

Я засел за книги. В середине семнадцатого века на Марсе были замечены полярные шапки и моря, а в 1665 году итальянский астроном Кассини произвел расчеты, показавшие, что день там не слишком отличается от земного. Как я быстро установил, эта планета похожа или была похожа на нашу. Тогда я обратился к литературе о фантастическом. «Человек на Луне» Гудвина был опубликован два века назад и познакомил нас с идеей о путешествиях между небесными телами, а великий Вольтер использовал ту же идею в «Микромегасе». Очевидно, планеты - это иные миры, возможно,

обитаемые. Если можно построить подходящий корабль... а вдруг он уже построен?

Для меня вывод напрашивался сам собой: наша планета стала для Ангелики островом изгнания, ее Эльбой.

Мы поднимались на половину той высоты, которая для нее комфортна. Что же она вспомнит, когда совершенно придет в себя, когда ум ее уподобится свежезаточенной кавалерийской сабле? Восемь миль. Очень долгий путь наверх. Шар, возможно, его выдержит, а я нет. Во всяком случае, без моего нового аппарата кислорода, который прошел испытание только на уровне моря.

Нельзя было забывать и про лорда Гейнсли. Говорил ли Норвен правду? Лорд Гейнсли действительно расправился с прошлыми своими воздухоплатателями? И вообще, как быть с ним? Восемь миль - вдвое больше той высоты, на которой ему становилось дурно. Даже с чистым кислородом я опасно близко подойду к пределу моей выносливости. Гейнсли не место на воздушном шаре.

А если, как говорил Норвен, он опасен, я в следующий раз прихвачу с собой старый кремневый пистолет отца.

* * *

День начался превосходно. Воздух был тих, и шар величественно встал над газовым заводом. Предыдущие полеты совершались исключительно в уединении поместья лорда Гейнсли и проходили на разогретом воздухе. Наш первый полет на шарльере проводился без большой огласки и застал всех врасплох. На сей раз вокруг столпились зеваки, явились и газетчики. Гейнсли объявил публике, что будет подниматься один, поэтому на ночь меня и одетую мальчиком Ангелику спрятали в плетеной корзине. Мы прикорнули на дне, пока наполнялся шар и светлело небо.

Жители северного Лондона как будто вознамерились превратить полет в событие. Гейнсли заявил, что собирается определить свойства атмосферы на экстремальных высотах. Он станет замерять направление ветра, температуру, атмосферное давление, влажность и даже интенсивность солнечного света. Заиграл оркестр, собравшиеся закричали ура. Когда Гейнсли заговорил о значении науки и прогресса, я услышал, как двое рабочих сказали: мол, шар полон и шланг подачи водорода надо бы перекрыть.

Гейнсли велел, чтобы шар привязали к крыше газового завода. Один из его людей стоял наготове, чтобы отпустить рычаг, и тогда мы отправимся в путь. Только вот веревка проходила через днище плетеной корзины и крепилась к главному кольцу у основания баллонета. Никто не знал, что я пронес на борт мясницкий нож.

Удар перерубил связующую нить.

Шар прямо-таки прыгнул в небо. На несколько мгновений оркестр завел победный марш, но музыку перекрыли возмущенные крики Гейнсли. Большинство в толпе как будто решило, что запуск произошел по плану, и разразилось радостными криками. Я сидел, скорчившись, чтобы меня не увидели. Ангелика была как всегда безучастна.

Пока нам сопутствовала удача, и это тревожило. Я бы предпочел, чтобы неприятности случились в начале полета, а все хорошее - под конец. А вдруг разобиженный и разъяренный Гейнсли или его люди начнут по мне стрелять... но огромная толпа зрителей не оставила им такой возможности. Я следил за стрелкой часов и через тридцать минут встал на ноги. Альтиметр показывал, что мы поднялись на двенадцать тысяч футов и стремительно идем вверх. Глянув вниз, я увидел, что мы пролетаем над предместьем Лондона, но шар медленно сносит на северо-восток, к полям.

Первые четыре мили мы преодолели за пятьдесят минут. Ангелика снова начала проявлять интерес к происходящему и поглядывать за борт. Как и ожидалось, в голове у меня вспыхивали видения, но на сей раз я не обращал на них внимания. На пяти милях запустил аппарат кислорода. Его эффективность в разреженном воздухе оставалась неизвестной, и мне хотелось возможно дольше растянуть запас химикатов.

Теперь мы были на высоте пиков у северной границы Индии. Если Ангелика происходила оттуда - это наилучшая для нее высота. Однако, как я и ожидал, ее разум не прояснился. Ничего доброго подобное не сулило.

Я знал, что даже с кислородом не протяну долго. Мы находились на высоте, приспособившись к которой мне следовало неделями. Двигаясь как можно осторожнее, я старался беречь силы, но мое состояние определенно ухудшалось.

Возникли новые видения - явно не моего разума. Я стоял на балконе, и тысячи славили меня. Повсюду толпились лисы, украшенные золотыми галунами, клепаными ремнями, церемониальными мечами и поясами, которые сверкали крошечными огоньками. Кое-какие, очевидно, украсили свой мех зеленым, пурпурным, синим и желтым орнаментом.

Ангелика застыла возле альтиметра, все еще постукивая по отметке восемь миль.

Не с нашей планеты, теперь это очевидно. Без кислородного шланга она на большой высоте должна была потерять сознание, а такой оживленной и деловитой я ее еще не видел.

Чуждые образы все еще затопляли мой разум. Ангелика находилась в зале суда, мех заседателей был выкрашен черным. Многие лисы

указывали на нее то угрожающе, то умоляюще. Не знаю как, но я понимал ход беззвучного разбирательства. Воздух Земли - тяжелый и перегруженный кислородом - стал ее темницей. Слишком много кислорода, слишком высокое давление, слишком жарко. На уровне моря она пребывала в ступоре: изощренное наказание, словно ты постоянно и безнадежно пьян.

Альтиметр указывал, что мы превысили порог в шесть миль, когда ее случайные мысли перестали захлестывать мой мозг. Явное облегчение, но теперь у меня возникли трудности с управлением аппаратом, который поддерживал мою жизнь. И опять-таки повезло, потому что устройство функционировало в точности так, как было задумано. Когда я в следующий раз проверил альтиметр, мы миновали семь миль.

Трудно передать ощущение безмятежности на семи милях над английскими полями. Здесь нет ни птиц, ни насекомых, даже верхушки облаков кажутся маленькими и далекими. Звуки, которые до меня доносились, приглушены разреженным воздухом. И очень, очень холодно. Хотя на мне подбитые мехом пальто и рукавицы, холод проникает сквозь одежду ледяными иглами.

Вот вам первый человек, увидевший небо с подобной высоты! Каждый вдох давался с трудом, хотя чистый кислород поступал мне в рот через трубку. Мысли Ангелики снова просочились в мозг. Уже не случайные обрывки воспоминаний, когда ее разум выходил из тумана на уровне моря, но отчетливые, сфокусированные образы. Она что-то пыталась мне сообщить. Струйка превратилась в поток.

Последний раз я глянул на альтиметр на восьми милях. Мы всё поднимались. Вероятно, где-то на сорок пять тысяч футов. Чужие мысли затопляли мой разум: спецификации, философия, постулаты, сопротивление материалов, законы, ограничения, битвы, почести, поражения. Ангелика теперь управляла аппаратом, а я съежился на дне корзины, прижав трубку ко рту.

Осталась одна, последняя, банка с перекисью водорода, когда Ангелика вдруг посмотрела на меня. Ее лицо словно бы оделось ореолом вспыхнувшего света, и вокруг нас затрещали пурпурные разряды. Только я успел подумать, не воспламят ли электрические искры водород в баллонете над нами, как взорвалась вспышка самого яркого и чистого белого света, какой только можно вообразить.

* * *

Я открыл глаза под небом глубочайшей фиолетовости, на котором маленькое бледное солнце светило среди редких полупрозрачных облаков. В отдалении сиял город хрустальных шпилей, колонн,

укреплений и арок, сам по себе казавшийся произведением искусства. Передо мной по заключенному в камень каналу бежала вода пурпурного оттенка. Прямой как стрела канал тянулся до самого горизонта. Поля по обе его стороны были засажены низенькими раскидистыми деревьями, на которых росли желтые плоды.

- Это не явь, - сказал я.

Рядом со мной возникла Ангелика.

- Конечно, нет. Мы в моем разуме.

- Тогда где мое тело?

- В корзине под воздушным шаром, в восьми милях над землей. Если мы не спустимся через минуту, ты умрешь, но в пространстве разума минуты можно растянуть на часы, так что не беспокойся.

- Ты умеешь говорить...

- Я просто вообразила, будто умею. Это поможет тебе сохранить рассудок.

- Тогда... о чем бы нам поговорить?

- О людях, которых я вижу в твоей памяти. Наполеон, Веллингтон, Цезарь, Александр, Ганнибал.

- Эдуард Норвен считает, что ты - Наполеон в изгнании на Эльбе. Он говорит: нельзя позволить тебе бежать, не то развяжешь новые войны и станешь причиной невообразимых бедствий.

- Он про Ганнибала не говорил?

- Нет. А должен был?

- Ганнибал мужественно и с умом сражался за свой народ Карфагена против Римского государства. После долгой и изнурительной войны он потерпел поражение - скорее, из-за глупости собственного правительства, чем благодаря превосходству римлян на поле боя. Он стал изгнанником. Рим разрушил Карфаген, уничтожил его народ, и целая цивилизация перестала существовать. Даже поля были отравлены, чтобы в том месте никогда впредь не построили город.

- Я читал об этом.

- Тогда вернемся на два тысячелетия вспять.

Ландшафт растворился, и мы очутились где-то на земле, ночью, в городке, напоминавшем мне зарисовки, сделанные в Египте. Я сидел за столом напротив внушительного и энергичного мужчины. Вид у него был усталый, даже изнуренный, но ни в коем случае не сломленный. Улыбнувшись, он поднял бровь.

- Ангелика? - спросил я.

- Для тебя Ганнибал. Позади меня - что ты видишь?

- Человека с двумя кружками на подносе. В одну он подсыпает какой-то порошок. Яд?

- Конечно.

Наемный убийца подошел к нам, поклонился и, поставив напитки, поспешил прочь. У него было лицо Норвена.

- Помни, я Ганнибал, - сказала Ангелика. - Если протянешь руку и выплеснешь содержимое моей кружки в песок, я, возможно, выживу и подниму новую армию врагов Рима. На сей раз я сумею его разгромить. Подумай, что будет приобретено, а что утрачено.

- Но Ганнибал покончил с собой, чтобы избежать позора.

- Ты так думаешь? Историю пишут победители. Кому, как не мне, это знать.

- При твоём правлении будет лучше? - спросил я.

- Хотелось бы думать. Карфагеняне были скорее купцами, чем завоевателями.

Ганнибал поднес к губам кубок с отравленным вином. Не вполне понимая, почему так поступаю, я выбил кружку из его руки.

Сцена растворилась, сменившись современной мастерской. Мы стояли у верстака, на котором лежала разобранной странная конструкция из поршней и клапанов.

- Приводимый в действие обычной паровой машиной, этот аппарат способен понемногу откачивать воздух из камеры размером с небольшую комнату. Он может снизить атмосферное давление до одной десятой того, какое имеется на уровне моря.

- До давления на высоте восьми миль?

- Да. Я могла бы жить в ней и в полной мере использовать свои способности.

- Ты хочешь, чтобы я это построил?

- Вопрос неверный, мистер Паркс. Вы хотите это построить? Я свое дело изложила, теперь вы мой судья. Каков же приговор?

И снова сцена начала растворяться, но на сей раз последовала темнота.

* * *

Мы были на высоте четырех миль, когда я пришел в себя. Дышалось с трудом, но струйка кислорода как будто все еще выходила из аппарата. Ангелика с отрешенным видом сидела на полу.

Когда до земли оставалось несколько ярдов, я выбросил якорь. Его лапа зацепилась за одинокое дерево, и корзина опустилась так мягко, что это была едва ли не лучшая моя посадка. Я помог даме выбраться из корзины и, задержавшись ровно настолько, чтобы сбросить тяжелые пальто и рукавицы, поспешил увести ее в ближайшую рощицу. Мы приземлились на поле недалеко от предместья Лондона и, по моим прикидкам, проделали не больше пятнадцати миль по горизонтали. Вскоре появятся Гейнсли и его люди, чтобы забрать Ангелику и расправиться со мной. Я намеревался спрятаться, пока не соберется большая толпа, ведь он не станет убивать меня при свидетелях.

Через несколько минут у сдувшегося шара появилась пара работников с фермы. Хотя поначалу они боялись машины из плотного шелка, но вскоре начали принимать разные позы на фоне плетеной корзины. Один даже надел мое меховое пальто, изображая воздухоплователя.

Вот тут и появился Гейнсли, приехал верхом с дворецким, конюхом и двумя подручными. Мои худшие опасения подтвердились, когда он отдал приказ и все четверо его спутников достали ружья и выстрелили в человека в моем пальто. Бедняга упал на землю. Его товарищ поднял руки. Было очевидно, что Гейнсли принял работников за нас с Ангеликой, но вскоре осознал свою ошибку.

- Мужчина и женщина... где они? - заорал он, спешиваясь, хватая одной рукой уцелевшего работника за грудки, а другой приставляя к его лбу маленький американский капсюльный пистолет.

- Откуда мне знать, сэр, - ответил тот. - Я с Фергюсом... Мы тут шар нашли. Думали, постережем его, пока хозяин не вернется.

- Мой воздушный шар был украден человеком, которому принадлежит это пальто. Где он?

- Не знаю, сэр. Когда мы прибежали, пальто лежало на траве.

Искушение убить его, вероятно, было для Гейнсли чересчур велико, но к тому времени приблизился еще один всадник. Одну смерть можно списать на ошибку. Вторая отправит Гейнсли на виселицу, барон он или нет. Он приказал своим людям спешиться и перезарядить ружья, а всадник все приближался.

- Эй там! Сэр! Мы преследуем опасных преступников, укравших этот воздушный шар, - вот и все, что успел сказать Гейнсли, прежде чем всадник достал пистолет и выстрелил ему промеж глаз.

В это мгновение я узнал Норвена. Четверо подручных Гейнсли еще не успели перезарядить свои эйнфилдские ружья, поэтому попытались наброситься на него. Они не знали, что он вооружен одним из новых многозарядных пистолетов Коппера. Пистолет мог выпускать шесть пуль из шести стволов за несколько секунд. Еще двое были застрелены прежде, чем один из оставшихся ударом приклада вышиб Норвена из седла. Он упал, но, лежа спиной в траве, застрелил третьего. Уцелевший поднял руки.

- Пощады, сэр! - закричал он. - Вы же не станете стрелять в безоружного человека?

- А сколько пощады выказали ко мне вы, месье Гаррад? - спросил Норвен и застрелил его тоже.

К тому времени работник вскочил на ноги и улепетывал, что было мочи. Норвен спокойно снял с седла капсюльную винтовку, уверенно и ловко прицелился и выстрелил. Половина головы работника взорвалась, когда шарик в семь десятых дюйма сделал свое дело. Но даже с разделявшего нас расстояния я видел, как на щеках Норвена блестят слезы. Он был хорошим человеком, которого вынудили

убивать.

Я лежал совершенно неподвижно. Верно, у меня был пистолет отца, но стрелок из меня неважный, и я, пожалуй, промахнусь по паровозу, стоя на платформе. Норвен убил шестерых шестью выстрелами, и еще одна пуля оставалась у него в пистолете. По всей очевидности, удовлетворившись, что убил Гейнсли и его подручных, и приняв мертвых работников за нас с Ангеликой, он сел на лошадь и ускакал.

Мы прятались среди деревьев, пока у шара не появились новые люди и не обнаружили бойню. Когда прибыли представители властей, я вышел и разыграл деревенщину, опоздавшего к месту событий, и, разумеется, Ангелика была вполне убедительна в роли деревенского дурачка. Нам не составило большого труда ускользнуть и пешком вернуться в Лондон.

* * *

Это случилось два года назад, и с тех пор я преуспел. У меня собственная мастерская, где день и ночь ухает паровая машина, поддерживая работу единственной на планете барокамеры. Она размером с небольшую комнату, и в ней живет Ангелика - при давлении таком, какое наблюдается на высоте восьми миль. В остальном комната удобно обставлена мебелью эпохи регентства, обитой красной с зеленым кожей, снабжена небольшим книжным шкафом, письменным столом, где Ангелика делает чертежи аппаратов, которые мне предстоит строить, и верстаком, за которым она собирает крошечные замысловатые механизмы, похожие на сказочных насекомых с крыльями из голубых и серебряных кружев. Еда и питье поступают к ней через камеру выравнивания, а наружу выходят по большей части чертежи.

Я строю корабль для путешествия в пустоте. Он напоминает обтекаемый паровой поезд без колес. Он, как кузнечик, присел на тонкие суставчатые ножки, работающие от золоченых поршней. Вместо паровозной будки у него сдвоенная воздухо непроницаемая камера с иллюминаторами. Одна сторона - для Ангелики, другая - для меня, и в них очень разное атмосферное давление. Мастерам, которые помогают в сборке, я говорю: дескать, это новый тип бронированного воздушного шара, и в своем невежестве они мне верят.

Детали были изготовлены в сотнях различных мастерских по всей Британии, континентальной Европы и даже Америки. Это красивый корабль с корпусом из латунных трубок, стальных шлангов, в его освещенных газовыми лампами блоках установлены механизмы на кристаллах и запаянные котлы, в которых ничто не кипит. Даже незавершенный, он поражает, когда приведен в действие. Прошлой

ночью мы откатали раздвижную крышу мастерской, поднялись в ночь и смотрели на газовые фонари, на дымный туман Лондона с высоты восьми миль. Как легко передовой край превращается в обыденность. Ангелика мысленно говорила со мной, спрашивала, не хочу ли я слетать на Луну, но вчера я был к этому еще не готов. Как легкие, привыкающие к воздуху на больших высотах, мой разум требовал времени, чтобы приспособиться к таким чудесам.

В настоящее время я заказал четыре двигателя иного типа, новое добавление к нашему кораблю. На мой взгляд, смысла в них нет никакого, но Ангелика утверждает: они будут работать. Даровитый и работающий мистер Брунелль получил контракт на изготовление некоторых деталей. Если бы он только знал, что на самом деле строит котел, в котором будет содержаться вещество чернее сажи и не имеющее существования в том смысле, в каком мы его понимаем. Фарадей поставляет нам многие из электромагнитных и электростатических приборов; ювелиры Пеннингтон и Бейли шлифуют кристаллы, которые проводят электричество, а часовых дел мастера братья Харли строят навигационные приборы, в которых ничего не понимают.

Прекрасный корабль из золотых трубок и железной брони сможет совершить путешествие к звездам, пусть даже мой разум лишь в самом общем смысле способен постичь расстояния, которые он преодолеет. Корабль будет снабжен емкостью, две секции которой сейчас собирают в мастерских Глазго и Шеффилда, сосудом, который однажды заключит в себе кусочек сердца звезды. С его помощью можно распылить боевой корабль с расстояния десяти миль, используя не более тысячной доли мощности. Ангелика будет капитаном, штурманом и канониром, но какой двигатель способен работать без скромного кочегара и смазчика?

В каком-то смысле Норвен был прав. Ангелика - Наполеон невообразимо развитой расы, а планета Земля - Эльба, на которую ее изгнали. Норвен ее боялся, но тут он ошибся. Ведь распря у Ангелики произошла с мирами такими далекими, что и не постичь. В конце-то концов, зачем Наполеону завоевывать крошечную Эльбу, когда можно замахнуться на много большее?

Перевела с английского Анна КОМАРИНЕЦ

© Sean McMullen. Eight Miles. 2010. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Аналог» в 2010 году.

ПАПАШИНО ЛУЧШЕЕ

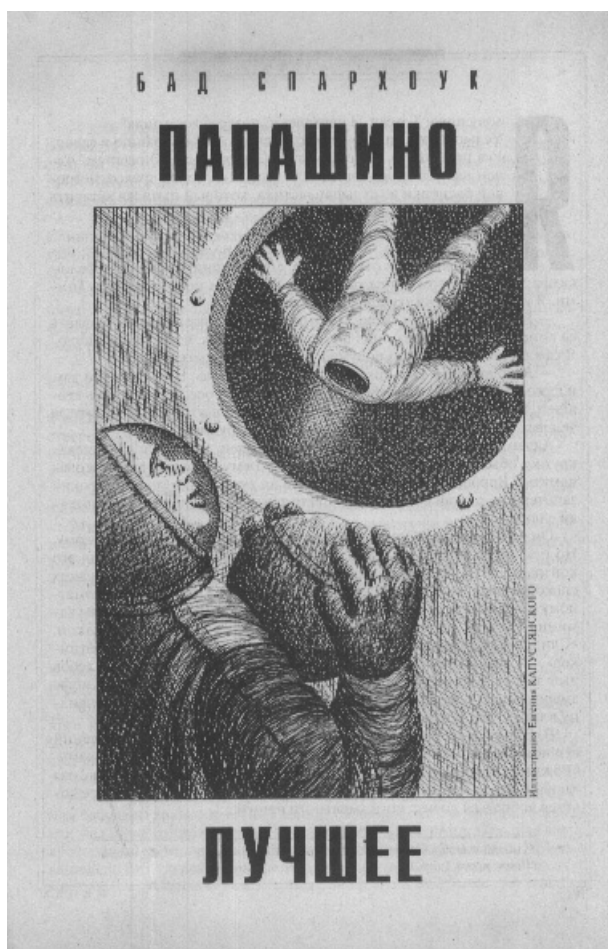

Иллюстрация Евгения КАПУСТЯНСКОГО

- Я хочу пива, Томми. Я чертовски, позарез хочу пива!

Услышав эти слова через встроенную в шлем рацию и зависнув при этом в 200 тысячах километров над Юпитером, Аллен настолько изумился, что выпустил конец трехсотметровой распорки из сульфопластика, который пытался вставить в положенное место.

- Чего?

- Я сказал, что мне чертовски нужна пинта холодного пива, - рявкнул в ответ Ангус, его напарник и фигура в белом скафандре на другом конце распорки. - Ты там поосторожнее, Томми. Я и так еле держу эту проклятую распорку.

- Извини. - Аллен снова ухватился за распорку и стал направлять ее конец в нужную точку над анкером. - Знаешь, что меня удивило? Я сам об этом только что подумал - о кружечке легкого.

- А я о портере. Горьком, как шлюхина любовь. Но есть еще и эль, и даже пильзенское, и вообще любое пиво, которое делает жизнь стоящей. Я тебе вот что скажу, Томми: жизнь становится хреновой,

когда человек не может иногда опрокинуть пинту-другую.

Аллен знал, что под «пинтой» шотландец скорее подразумевал кружку объемом в пол-литра, а не то, что ему подсказывала расовая память*¹². Впрочем, какая разница, если он тут же представил высокий запотевший стакан с жидкостью цвета темного янтаря, и у него потекли слюнки.

Он работал возле Юпитера всего год и уже начал тосковать по дому. Но с этим он ничего поделать не мог, потому что до окончания его контракта с JBI оставалось еще три долгих года. Не имелось и никаких способов утолить его жажду по тому чудесному, хмельному и ароматному пиву, оставшемуся ныне лишь в воспоминаниях. Эти чертовы администраторы станции установили на ней полный сухой закон. «Слишком велика опасность пожара, испарений и нетрезвых работников», - заявили эти нецивилизованные чинуши. Индийцев-чаехлебов этот запрет, разумеется, ни капельки не волновал, упивающихся кофе американцев - тоже. А чем прикажете утешиться канадскому ирландцу в таком богом проклятом окружении?

В одной лодке с ним оказался и Ангус, потомок многих поколений суровых шотландцев, любивших выпить виски и помахать кулаками. «Рожден с жаждой и собираюсь помереть с грехами на душе», - не раз заявлял он. Аллен не сомневался, что его приятелю еще отчаяннее хочется добраться до честного хмельного напитка.

- Как думаешь, можно здесь добыть пивка? - рассеянно поинтересовался он. Подслушать их разговор по рабочему каналу связи не смог бы никто. В наполненных статическим радиошумом окрестностях Юпитера радио было настолько бесполезным, что во время работы они переговаривались по узконаправленному лазерному лучу.

- Ты о контрабанде, Томми? - мгновенно сообразил Ангус. - Слишком дорогое удовольствие. Да и не заказать нам столько, чтобы хватило утолить мою жажду. Если, разумеется, ты не знаешь нечто такое, что неизвестно мне.

- Увы, нет. Кроме того, стоимость перевозки ящика настоящего пива с Земли или даже той жалкой имитации пива под названием «Олимп» с Марса, пожалуй, переплюнет всю сумму на моем банковском счете.

- Тогда надежды нет, - скорбно проговорил Ангус. - Если только...

Распорка наконец-то переместилась на последний миллиметр и встала на место. Аллен быстро вставил анкерный болт в совпавшие отверстия в распорке и скобе и плотно закрепил его гайкой. Теперь они могли вернуться на станцию и скинуть вонючие рабочие скафандры.

- Если только что?

¹² * *Английская пинта равна 0,57 литра, а американская - 0,47 литра. (Прим. перев.)*

- Если только у нас не будет местного продукта, - медленно произнес Ангус. - Правда, можно попробовать сделать пиво самим.

Мысль Аллену понравилась, хотя он понятия не имел, что им для этого потребуется. Но идея принять холодного пивка, чтобы смыть воспоминания, о неистребимо въевшихся в скафандры запахах мочи и затхлого воздуха, была воистину замечательной.

- Ты всерьез думаешь, что мы сможем?

* * *

- Теперь о том, что нам потребуется, - негромко сказал Ангус, чтобы никто в общей комнате не смог их подслушать. - Нужны рецептура, ингредиенты и кое-какие приспособления.

Аллену тут же вспомнился двоюродный дядюшка, весьма скандального нрава, и его спрятанная в подвале незаконная конструкция из медных котлов, змеевиков и булькающих емкостей, исходящих горячим паром.

- И где, по-твоему, мы спрячем перегонный аппарат?

- Нам не нужен перегонный аппарат, тупица Томми. Моя любимая бабушка, да благословит Господь ее доброе сердце, показала мне, как делается отличное пиво. Необходимы всего лишь большая емкость, вода, хмель, сахар и еще кое-какие мелочи. Это легко. Бабуля варила по сто литров в месяц и почти все употребляла сама.

Аллен приободрился - ему почему-то казалось, что сделать пиво гораздо сложнее.

- Значит, решено. - Он опасливо огляделся и подсел поближе к Ангусу:

- Так что, говоришь, нам нужно?

- Ну, если честно, я точно не помню. Но не волнуйся, я поищу рецепт в «Гугле». Большую часть материалов мы, наверное, сможем выпросить или слямзить.

Идея нравилась Аллену все больше, но кое-что не давало ему покоя:

- Ты сказал, нам понадобится емкость. Где мы ее спрячем? На станции просто не найти укромного уголка, за которым бы не следили камеры.

- А я не говорил, что емкость нужно обязательно держать на станции, - возразил Ангус и махнул рукой в направлении Вселенной в целом и Юпитера конкретно. - Можно спрятать ее снаружи: привязать к стыковочному кольцу или поднять к антеннам, где она будет смотреться еще одной загадочной хреновиной среди прочих. Ее трудно будет заметить, понимаешь? А нам останется лишь придумать, как держать емкость в тепле. Насколько я помню, для созревания пива нужно тепло.

- Солнце, - задумчиво произнес Аллен. - Да, точно. Мы сможем

использовать идею «черного тела». К тому же если покрасить тару черной краской, ее нелегко заметить. С другой стороны, нам тоже до нее будет труднее добираться. Все же лучше держать ее в надежном месте на станции. Здесь мы сможем за ней приглядывать.

Ангус хлопнул ладонями по столу:

- Значит, решено. Знаешь, Томми, я буквально чувствую, какова на вкус наша первая бочка пива!

* * *

Пока Ангус занимался рецептурой и инструкциями, Аллен обшарил станцию в поисках чего-нибудь такого, что сошло бы за бродильный чан. Исходя из того, что он пока узнал, емкость требовалась довольно большая (литров сорок или пятьдесят - в самый раз) и с плотной крышкой, чтобы не дать пиву выкипеть и улететь в космический вакуум.

Свалка возле научной секции поначалу выглядела многообещающе, но оказалась бесполезной. Очевидно, местная ученая братия принципиально не могла допустить, чтобы даже хлам пропадал зря, и при постоянной нехватке оборудования и запчастей пускала в ход для своих проектов все, что плохо лежало.

Возле столовой ему повезло больше. Аллен наткнулся на две столитровые бочкообразные канистры из-под воды, которые только что заменили полными и выставили в коридор, где любой желающий мог их забрать. Аллен решил, что уж лучше он приспособит канистры для благородной цели, чем позволит ученым уволочь их для очередного бесполезного эксперимента.

Дальнейшие поиски в шкафчике для хозяйственных мелочей одарили его четырьмя рулонами изолянта и двумя баллончиками черной краски, предназначавшейся для проекта, которому обрезали финансирование.

Увидев канистры, Ангус не пришел в восторг:

- Нам ведь нужно наполнить этих поросят, Томми. При нашей норме пять литров в день на человека нам столько никогда не набрать. Люди заметят, если мы пару раз не примем душ.

- Я даже не удивлюсь почему, - принялся Аллен. - Из запасов станции мы точно не сможем потихоньку ее сливать - за ними слишком внимательно следят. Нас поймают быстрее, чем мы успеем заполнить первую канистру.

- Я связался со своей бабулей, и она отправила нам посылочку, - сообщил Ангус. - Чудесный пирог из ячменного солодового экстракта, пакетика пивных дрожжей и полкило сушеного хмеля. Но сусло придется варить самим.

- Чего варить? - изумленно переспросил Аллен.

- Сусло. Это такая бурда, из которой получается пиво. Ее обычно варят из пророщенного зерна.

- И где нам здесь найти зерно? Единственное, что у нас тут есть, - та чертова соя, которую выращивает Сид.

Ангус задумался.

- Бабуля сказала, что дрожжам в принципе по барабану, из чего сварено сусло, лишь бы в нем хватало сахара. Так что я совершенно уверен: соя нам подойдет.

- Фу! - скривился Аллен. - Даже думать не хочу, какой вкус будет у этого пива.

- Наверное, как у тофу. Может быть, бабулин солод улучшит вкус. Я тоже не хотел бы связываться с соей, но куда деваться, когда одолевает жажда? Вряд ли оно получится намного хуже той легкой мочи, которую сосет большинство американцев.

Аллен поморщился. Как-то раз он ненадолго съездил в Штаты, где и отведал этой уникальной мерзости. К счастью, он обнаружил там и несколько мелких пивоварен, в которых преданные своему делу спецы все еще варили классический продукт.

- Тогда я поинтересуюсь у Сида, не найдется ли у него чего-нибудь, подходящего для нас, - решил он. - Как думаешь, сколько нам потребуется?

- Сид - противный парень, он все время подозревает, что кто-то плохо обращается с его растениями. Я раньше думал, что биологи оптимистичнее смотрят на жизнь. - Ангус вздохнул. - Ведро два чего-нибудь, содержащего крахмал и пригодного для сусла, должно хватить. Уж больно объемистые канистры ты раздобыл.

- А как быть с водой? Решил что-нибудь?

- Ну... - сказал Ангус, помедлив, - столько воды мы сможем добыть, немного расширив круг заговорщиков.

- Немного! И кому ты успел рассказать?

- Не будь таким жадным, Томми. Подумай лучше о пиве, которое мы будем пить. Ты ведь не обделишь других парней, которых жажда мучает не меньше, чем тебя? Особенно если они согласятся пожертвовать немного воды в интересах нашего проекта?

- Скольким, Ангус? - Чем больше заговорщиков, тем выше шансы на то, что их раскроют.

- Ну, сперва я поговорил - очень осторожно, заметь, - с парнями, которые занимаются регенерацией и очисткой воды. Понимаешь, работать возле конденсаторов очень жарко, все время хочется пить, поэтому они охотно согласились подбрасывать нам по несколько литров - примерно половину того, что нам нужно, - в обмен на скромную компенсацию.

Аллен ощутил, как у него поднимается давление.

- Насколько скромную, Ангус? - медленно проговорил он.

- Десять литров, - ответил тот и очень тихо добавил: - С каждой партии.

- Не так уж и плохо, - согласился Аллен, прикинув, что каждая канистра даст им не менее пятидесяти литров пива. - Нам все же кое-что останется.

Ангус кашлянул.

- Потом я потолковал с ребятами из столовой - беднякам отчаянно хочется промочить горло. Поверь, Томми, я их жажду почувствовал, прямо как свою! Все они отличные парни. Они согласились спрятать наши канистры в надежном месте.

- Сколько? - уточнил Аллен, гадая, какую долю придется отдать парням из столовой.

- У них есть закуток между отсеками кухни. Там тепло и темно, и он неподалеку от внешнего кольца, где сила тяжести побольше, что поможет гуще осесть. А самое приятное, что они хотят всего литр. - Он помолчал. - Каждому.

- Только за укромный закуток?

- Еще они помогут нам сварить сусло, и каждый пожертвует немного воды.

- Так сколько пива нам придется отдать? - еще раз спросил Аллен, боясь услышать ответ. - Сколько там парней?

- Пять работающих и честных сынов прерии, Томми. Ты ведь не откажешь им в капельке удовольствия, верно?

Аллен быстро подсчитал. Пять литров в неделю, плюс доля с водоочистки, плюс их с Ангусом рационы... При таком раскладе канистры наполнятся за месяц, а то и быстрее. Значит, благодаря Ангусу они получают около сотни литров пива, из которых примерно тридцать нужно отдать. Как ни крути, это все еще будет вполне приличная прибыль с их инвестиций.

Но когда Сид потребовал литр пива за каждый килограмм обработанной сои, их доля существенно уменьшилась.

- Лучше полпинты, чем ничего, - решил Ангус, услышав эту скверную новость, - но и хоть что-нибудь тоже лучше, чем ничего.

* * *

Первую партию они замешали во время пересменки, когда почти все администраторы JVI спали. Ангус отвесил нужное количество проросшей сои, которую они обжарили, прокипятили и тщательно процедили, получив в результате сахаристое сусло. Разлив его по канистрам, он добавил в каждую щепотку дрожжей, чтобы запустить брожение, тщательно раздробленный хмель, порцию бабулиного ячменного солода и плотно завинтил крышки.

Аллен принялся:

- А сусло-то пахивает. Вряд ли мы сможем вентилировать канистры на кухне.

- Может быть, газа получится не так уж и много. А крышка плотная, вонь не должна пробиться.

Для верности Аллен обмотал крышки изолентой. Затеет придет конец, если администраторы почувствуют хотя бы легкий запах с кухни.

- Теперь будем ждать недели две, от силы месяц, - сказал Ангус. - А потом отведаем первое пиво, сваренное возле Юпитера. Кстати, Томми, как ты назовешь наш продукт?

Аллен задумался. «Юпитер» - слишком очевидно, слишком просто. Не подойдут для пива и названия спутников папаши-Юпитера - Ио, Ганимед, Европа или Амальтея. Они годятся разве что для презренного утонченного вина, но только не для доброго честного напитка. И тут он заметил в иллюминаторе краешек Юпитера.

- А как насчет «Папашино»?

Ангус широко ухмыльнулся:

- Мне нравится. «Папашино» - правильное название для пива.

- Можно и круче. Давай назовем его «Папашино лучшее».

Ангус секунду подумал и согласился:

- Точно, так даже лучше. Ты гений, Томми.

* * *

Следующие несколько дней Аллен проверял температуру канистр, прикладывая к ним ладонь. На четвертый день он заметил, какими тугими стали стенки. Наверное, пивоварам следовало оснастить канистры воздушным клапаном.

Что ж, пожалуй, мысль здравая.

Проверив канистры следующим вечером, Аллен не сомневался: они раздуваются, как воздушные шары. Из удлиненных цилиндров обе превратились в объемистые бочонки.

- Это все чертов газ, который выделяют дрожжи, - заключил Ангус. - Если давление не сбросить, канистры могут взорваться.

На секунду Аллена охватила паника. Если выпустить бродильный газ в атмосферу станции, по запаху станет очевидно, чем они втихаря занимаются. Ему живо представилось, как разгневанное начальство выдворяет его на Землю, лишив заработанных денег. Такого он допустить не мог.

- Надо перетащить канистры в шлюз. Там мы сможем выпустить газ так, что запаха никто не почувствует.

Несколько часов спустя, когда горизонт очистился, а один из заговорщиков встал на стреме, они развязали крепёжные веревки и вытянули ближайшую канистру из укрытия.

Разбухшая емкость едва пролезла в люк. Она шумно отскакивала от стен, пока ее катили к ближайшему шлюзу, и все это время Аллен благодарил небеса за то, что сейчас почти все начальство спит.

Пока Ангус закрывал внутреннюю дверь шлюза, Аллен закрепил внутри контейнер. Когда он чуть-чуть отвинтил крышку, чтобы сбросить давление, вместе с газом вырвалась и обильная пена, зато контейнер быстро сдулся и принял исходную форму. Запах стоял более сильный, чем прежде, но не такой неприятный.

Теперь осталось лишь вернуть контейнер в укрытие и притащить в шлюз другой. Пара пустяков, решил было он, начав поворачивать запорное колесо на внутренней двери.

И уже на последних оборотах он кое-что сообразил и остановился. Как только откроется внутренняя дверь, весь газ из шлюза - и, что еще хуже, запах - вырвется и попадет в вентиляционную систему станции.

Аллен отдернул руку от колеса и задумался. Имелось очевидное и простое решение. Нужно лишь открыть наружный люк, и газ улетит из шлюза. Единственный недостаток такого решения - вместе с газом наружу вырвется и воздух. А такое приключение Аллен вовсе не жаждал испытать.

Отчаянно жестикулируя, шевеля носом и изображая тонущего, он ухитрился донести проблему до Ангуса. Его лицо, с трудом различимое через крошечное окошко в стенке шлюза, отражало нарастающую тревогу, когда он поглядывал по сторонам, ожидая, что в коридоре вот-вот кто-то появится.

Аллен подумал, что ему надо лишь надеть дыхательную маску или скафандр. Но, оглядевшись, он понял: все маски остались снаружи, в раздевалке. И скафандры тоже.

Вот тебе и решение...

Ангус пантомимой посоветовал задержать дыхание. Такой вариант мог бы сработать, если бы на заполнение шлюза воздухом не требовалось больше времени, чем Аллен смог бы задерживать дыхание. Для проверки этой идеи он набрал в грудь побольше воздуха и отсчитывал секунды, пока не пришлось вдохнуть снова.

Нет, понадобится вдвое больше времени, чтобы закрыть наружный люк и восстановить давление в шлюзе.

Давление воздуха! Вот и решение. Если он выпустит из шлюза только часть воздуха, лишь бы понизить давление внутри, а воздух еще останется пригодным для дыхания, то можно будет открыть внутреннюю дверь, воздух из станции ворвется в шлюз, а он быстро

выберется из него, закроет дверь и выпустит в космос проклятый газ вместе с запахом. Блестящая идея, решил он.

Все прошло гладко, как по маслу. Лишь пара хлопьев пены и легкий запахок прокрались вместе с ним внутрь. Аллен быстро развернулся, захлопнул внутреннюю дверь и нажал кнопку сброса давления. Получилось даже лучше, чем он планировал.

Но тут он сообразил, что контейнер вместе с половиной их запаса пива все еще находится в шлюзе. А если они откроют наружный люк, чтобы выпустить газ, плотно закрытый контейнер раздуется и почти наверняка взорвется.

Не колеблясь, он выключил сброс давления и начал восстанавливать в шлюзе нормальную атмосферу, чтобы они смогли забрать контейнер. И наплевать теперь на запах, решил Аллен, надеясь, что частичная продувка шлюза успела решить проблему.

Выпустить газ из второго контейнера было уже нетрудно.

* * *

Две недели спустя Аллен грустно покачал головой, разглядывая емкости с бурой жидкостью и толстым слоем осадка.

- Что-то мы упустили, Ангус...

- Не понимаю, - протянул приятель. - Не представляю, как выпуск газа мог так повлиять на брожение. Бабуля всегда выпускала газ через бродилку.

- Может быть, дрожжам перестала нравиться соя? - предположил Аллен.

- Да какая разница... Главное, что эту партию мы запороли. Придется начинать все сначала.

Аллен скривился:

- Нет. Пока не выясним, где допустили ошибку. Что скажешь, если мы спросим совета у кого-нибудь из биологов? Наверняка найдется парень, который не откажется поделиться знаниями. - «И возьмет еще один налог с нашей тающей доли», - мысленно добавил он.

* * *

- Похоже, ваши микроорганизмы перестали расти, потому что им просто не хватает сахара, - сказал биолог Фред, быстро исследовав принесенный образец.

- Может, соя попалась плохая? - предположил Ангус.

- Соя для этого не слишком подходит. В ней мало крахмала, который можно превратить в сахар.

- Зато мы уверены, что воздуха дрожжам более чем хватало, - заключил Аллен.

Фред ненадолго задумался:

- Возможно. Это анаэробный процесс, поэтому избыток кислорода может его замедлить. Лучше поддерживать концентрацию углекислоты высокой. Насколько энергично вы перемешиваете смесь?

- Каждые два дня выпускаем газ в шлюзе. Этого хватает для встряски?

- Ну, при нормальной силе тяжести мертвые дрожжи падают на дно, поэтому оставшаяся колония продолжает расти на обнажающейся поверхности. Однако при нашей пониженной гравитации этого может не хватить. К тому же это препятствует дальнейшему размножению дрожжей. Так что, парни, если хотите, чтобы ферментация прошла до конца, вам надо придумать, как аккуратно перемешивать смесь.

Аллена охватило смятение. Партнеры очень разозлятся, узнав, как бездарно они с Ангусом загубили общее дело.

- Значит, эту бурду нужно вылить и начать все сначала? - печально проговорил он.

- И где мы снова возьмем столько воды? - процедил Ангус.

- Пожалуй, подобное не потребуется, - заметил Фред. - В образце все еще есть живые дрожжи. Думаю, вам нужно лишь добавить щепотку сахара, чтобы снова запустить брожение. Кстати, за этот совет я требую дополнительную пинту.

Аллен застонал.

* * *

Заговорщики вернулись на тайную пивоварню, и Аллен бросил в первый бочонок несколько крупинок сахара.

- Думаю, он имел в виду порцию побольше, - заметил Ангус.

- Он сказал «щепотку». Столько я и добавил.

- А по-моему, он имел в виду гораздо больше, - возразил Ангус. - Пять крупинок на такой контейнер - это с гулькин нос.

Аллен почесал макушку:

- Гм-м... пожалуй, действительно маловато. Он насыпал в контейнер еще немного.

- Да что ты скромничаешь? Вечно у тебя полумеры, - не согласился Ангус. Он выхватил у Аллена пакет с сахаром и щедро сыпанул в контейнер целую горсть. - Вот теперь достаточно, это точно!

- Что-то ничего не происходит, - усомнился Аллен, подождав несколько секунд, и энергично встряхнул бочонок. - Только немного пены.

- Пена из-за того, что ты его трясешь! И, наверное, поранил бедных

малышек. Оставь их в покое. А мы посмотрим, заработал ли Фред свои две пинты.

* * *

На следующий день прибыл груз распорок, и босс пожелал, чтобы их немедленно пустили в дело. Аллен с Ангусом возражать не стали. Двойная оплата за сверхурочную работу устраивала, пусть даже работа эта была тяжела, и после возвращения со смены они вымотались до предела. Они едва успели проглотить пару кусков, как их одолела сонливость, и они блаженно рухнули на койки.

Аллен проснулся из-за того, что его энергично тряс напарник.

- Вставай, черт побери! - прошептал Ангус. - Надо немедленно заняться пивом. Кажется, из-за сахара у нас новая проблема.

Одну из работниц кухни встревожило то, как вспучились пластины пола над тем местом, где хранились бочки. Она испугалась, что администратор кухни обнаружит бочки, если заглянет туда.

* * *

Когда Аллен заполз в их укрытие, он не поверил своим глазам. Ближайшая бочка настолько раздулась, что уперлась боками в стенки. Пластик стал тугим, как кожа на барабане, а его наружная поверхность покрылась мельчайшими трещинками.

- Я ведь говорил, что ты кинул слишком много сахара, - крикнул Аллей через плечо. - Теперь надо опять сбрасывать давление.

- И как ты собираешься это сделать, умник? Бочки так выросли, что уже не пролезут сквозь люк. Надеюсь, ты не собираешься выпускать газ прямо здесь?

Аллен напряженно думал. Ангус был прав. Если они выпустят газ здесь, то система циркуляции воздуха разнесет его по всей станции, и тот - о, ужас! - попадет в ноздри администраторов JVI.

Так что же им теперь делать?

- Принеси свой скафандр, - распорядился Аллен. - И соединитель для баллонов. Мы выпустим газ в скафандр, а потом - в шлюзе.

- Это самая идиотская и дурацкая идея из всех, что посещали твою башку, - отозвался Ангус. - Впрочем, она может сработать. - И помчался за скафандром.

Притащил он два.

- Одному из нас нужно быть в шлюзе, чтобы провентилировать скафандр, - пояснил он.

Пока Ангус прилаживал соединитель к выпускному клапану бочки с

помощью изоленды и молитвы, Аллен облачился в свой скафандр.

- Кажется, получается, - заметил Ангус, наблюдая, как его скафандр быстро наполняется газом, а контейнер съезживается до нормального размера. Лишь малая часть его содержимого попала в скафандр, когда он открыл клапан.

- Надеюсь, газа не слишком много. Нам еще предстоит затолкать скафандр через люк шлюза.

- Мне бы сейчас точно не помешал глоток-другой нашего варева, - сказал Аллен. - Такая жажда от этой работы...

Скафандр был пока наполнен лишь наполовину. Ангус протиснулся мимо сдувшегося контейнера ко второму.

- Меня здорово волнуют эти трещинки в стенках, - сказал он. - Не хватало еще, чтобы бочка взорвалась после стольких наших усилий.

Аллен согласился.

Длины шланга от скафандра не хватило, чтобы дотянуться до второй бочки. Получалось, что нужно протащить скафандр мимо первой. Но если они его надуют, то как потом вызволить его из укрытия?

- Аллен, мне нужен удлинительный шланг, - крикнул Ангус. - Метра два, не меньше.

- И где, по-твоему, мне его взять посреди ночи? - огрызнулся Аллен. - А если кто-нибудь увидит, как я разгуливаю по станции в скафандре?

- А я не хочу отсюда выбираться - все равно потом лезть обратно. Так что шланг придется искать тебе.

- Ладно, пошарю вокруг. - И Аллен отправился на поиски. После долгого отсутствия, когда одна из трещин начала заметно удлиняться, Аллен вернулся с куском пластикового шланга.

- Лучшее, что смог раздобыть, - пояснил он.

На вид шланг явно не был рассчитан на работу под давлением. И больше всего походил на те, которые использовались в душевой.

- Скажи, что ты этого не делал, - простонал Ангус.

- Ерунда. Подумаешь, одной душевой кабинкой стало меньше. Так ли важен душ, когда нашему пиву грозит опасность? - риторически спросил Аллен.

После очередного потраченного куска изоленды и обильно пролитого пота, обе бочки приобрели нормальный вид, трещины исчезли, а скафандр был полностью надут.

- Кажется, здесь мы справились, - облегченно выдохнул Ангус.

* * *

Следующие проблемы возникли, когда они пропихивали скафандр через люки в переборках и тащили его по коридорам - руки и ноги неуклюже растопыривались в самые неподходящие моменты. В конце

концов Аллен обхватил скафандр, прижимая его руки к бокам. Он радовался, что сейчас некому увидеть эти странные объятия.

Наконец он оказался в коридоре, ведущем к шлюзу, и побрел по нему, волоча раздутое газохранилище. Он уже запустил наполнение шлюза воздухом, когда в коридоре появилась женщина-администратор.

- Доброе утро, - приветливо сказала она. - У вас какая-то проблема?

- Нет-нет, никаких проблем, - ответил Аллен, надеясь, что женщина не заметит ничего странного. Надутый скафандр он притискивал бедром к переборке, а свободной рукой прижимал руку скафандра к боку. К счастью, скафандр располагался лицом к стене, и женщина не могла заглянуть сквозь щиток в пустой шлем.

- Мелкий ремонт, - пробормотал он, когда люк шлюза распахнулся. Аллен затолкал скафандр в шлюз, вошел следом и встал перед люком, закрывая женщине обзор. - Очень тороплюсь, - быстро пояснил он и захлопнул люк. Обернувшись, он увидел ее через окошко. Господи, если она заглянет внутрь, им с Ангусом крышка...

Охваченный паникой, он нажал кнопку откачки воздуха из шлюза. Может быть, удастся вытащить скафандр наружу и уже там выпустить из него газ, не возбуждая женского любопытства.

Давление начало падать, и скафандр стал еще больше раздуваться. Если бы не шлем, Аллен врезал бы себе по лбу. Ну, конечно! Они ведь надули скафандр до давления выше нормального. Вот почему он стал таким жестким.

Подгоняемый мыслью, что проклятая администраторша все еще стоит возле шлюза, он попытался вытолкнуть скафандр через открывшийся наружный люк. Гадская конструкция в него не пролезала - мешали растопыренные руки. Стоило ему прижать одну к боку скафандра, другая тут же оттопыривалась. И он никак не мог прижимать обе так, чтобы собственная рука оставалась свободной.

Он начал потеть. Господи, как долго он возится. А скафандр надо сдуть быстро, пока администраторша не увидела, чем он тут занимается.

И тут его посетила блестящая идея. Почему бы просто не открыть шлем, чтобы выпустить газ? Так ведь получится быстрее, верно? И он нажал на фиксаторы шлема.

Газ рванулся наружу. Руки скафандра сдулись, а сам он ракетой вылетел из шлюза, оставив Аллена со шлемом Ангуса в руках. Безголовый скафандр улетал все дальше, оставляя за собой след испаряющихся снежинок.

Пожалуй, идея оказалась не такой уж блестящей.

* * *

- И как мы теперь объясним пропажу моего скафандра? - мрачно осведомился Ангус, когда Аллен поведал ему о злосчастном повороте событий. - У меня вычтут его стоимость. Может быть, отправят обратно на Землю. Господи, Аллен, ну как ты мог дойти до такого маразма?!

Аллен пожал плечами:

- Может, мне сказать, что я чистил твой скафандр в вакууме и тот случайно улетел?

- А с какой стати тебе этим заниматься? Это ведь мой скафандр, а не твой.

- Возможно, мы сумеем раздобыть челнок и выловить его, - предложил Аллен. - Кто-нибудь из твоих приятелей-пилотов мог бы согласиться... за толику пива. - Его в очередной раз ужаснула мысль об новом сокращении их постоянно тающей доли. - Сколько это будет нам стоить - еще литр или два?

- Кэти может согласиться, но это дорого обойдется, - пробурчал Ангус.

- В конце концов, ей придется объяснять расход горючего, регистрировать план полета и изобретать правдоподобную причину. Думаю, это нам может обойтись гораздо больше литра, ведь надо будет договориться и с Джорджем - пустить нас за компьютер в рубке, чтобы рассчитать, куда мог улететь скафандр.

Аллен вздохнул:

- Раз надо - значит, надо. Действуй.

Когда пиво будет готово, они обрадуются, коли им достанется хотя бы несколько глоточков «Папашиного лучшего». Само собой, если не случится еще какой-нибудь неприятности, которая все погубит.

* * *

В следующие дни Аллен был занят расчетом скорости расширения пивных бочек. После инцидента со скафандром он измерял скорость увеличения бочек ежедневно, и она явно замедлялась. За последние день или два она снизилась менее чем до сантиметра в день, а пена и вовсе исчезла.

- Думаю, пиво готово, - объявил он, проверив расчеты.

Ангус хлопнул в ладоши и облизнулся:

- Ах-х... надеюсь, на вкус оно лучше, чем на запах. Я уже недели две ощущаю это после каждого вдоха в своем злосчастном скафандре.

- Куда будем разливать? - спросил Аллен. - В бочках его оставлять нельзя.

- Я передам ребятам, чтобы приходили со своим бутылками, - ответил Ангус. - А разливать «Папашино лучшее» начнем сегодня ночью, когда проклятые администраторы-чаехлебы отправятся спать.

* * *

Разнообразие емкостей, принесенных конспираторами, Ангуса и Аллена буквально изумило. Работники столовой пришли с бутылочками из-под специй, парни из техобслуживания заявили с набором автоклавов, а ученые - с дорогой стеклянной посудой, оставшейся после каких-то экспериментов.

- Мы держим весь кухонный отсек под пониженным давлением, - заметил один из парней с кухни, когда заговорщики достали из укрытия первую бочку. - Никакие запахи оттуда наружу не просачиваются.

Аллен и Ангус долго смотрели на парня, вспоминая эпопею по избавлению от избыточного газа, потерянный скафандр и другие проблемы, едва не обернувшиеся катастрофой.

- Почему же ты не сказал нам об этом месяц назад? - процедил Ангус, скрежетнув зубами.

Парень пожал плечами:

- Вы не спрашивали.

Бочку водрузили на рабочий стол, закрепив, чтобы не укатилась, двумя стратегически размещенными кастрюлями. Аллен опустил в жидкость трубку - осторожно, чтобы ее конец оставался над скопившимся на дне осадком. Потом нацедил немного продукта в чашку и протянул Ангусу.

Тот с сомнением уставился на пузырящуюся мутноватую жидкость, втянул носом кисловатый запах и лизнул коричневатую пену кончиком языка.

- Не очень-то вдохновляет, - сообщил он собравшимся.

Затем поднес чашку к губам и выпил тепловатую жидкость.

- Ну? - спросил Аллен. Все затаили дыхание, дожидаясь окончательного приговора.

Ангус причмокнул и взглянул на осадок в чашке.

- В жизни не пил такого мерзкого на вкус, вонючего и паршивого пива.

- Он помолчал. - Но все же это пиво. И лучшее, какое я отведал за последние два года.

Аллен взял чашку, нацедил еще немного и жадно выпил.

- Такое пойло точно не захочешь пить мелкими глоточками, но порадовать душу вполне сойдет. В очередь, ребята! Бар открыт!

Группа за группой получили свою порцию, при этом каждый делал глоток-другой, чтобы лично оценить продукт.

- Пожалуй, вкус улучшится, если напиток охладить, - предложил кто-то из столовой. Все немедленно поставили свои емкости в огромный холодильник.

- Думаю, стоит проверить вторую бочку, - предложил Ангус, когда первая опустела. - Как знать, может, пиво там получилось другим.

Не успел он договорить, как четыре пары рук извлекли вторую бочку из укрытия и поставили на стол.

- На вкус напоминает эль, - сообщил Ангус после первого глотка. - Но очень дрянной.

Всем пришлось отведать, чтобы оценить суждение Ангуса. Затем выпить еще по одной, чтобы оценка стала абсолютно точной, после чего все согласились, что настал самый подходящий момент, чтобы выпить по третьей за успех.

Позднее, когда бочки вымыли и спрятали на прежнее место, Ангус сказал Аллену:

- Думаю, следующая партия у нас выйдет лучше. Ты как считаешь?
- Вообще-то, - ответил Аллен, - я все больше размышляю о глотке-другом хорошего виски...

Перевел с английского Андрей НОВИКОВ

© Bud Sparhawk. The Old Man's Best. Печатается с разрешения автора.
Рассказ впервые опубликован в журнале «Analog» в 2011 году.

Сергей ШИКАРЕВ

ПОЧИТАТЬ И ПОСЧИТАТЬ

В № 9 за 2009 год мы опубликовали вызвавшую большой резонанс статью «Перемена книг и книги перемен», в которой московский критик попытался проанализировать влияние финансового и экономического кризиса на книгоиздание и дать прогноз относительно грядущего изменения ландшафта фантастической литературы. Прошло два года, и время показало, что во многом прогнозы критика оказались справедливы. Например, в части доминирования издательских проектов, по поводу которых в нынешнем году размышляли два наших автора - Алексей Пехов в шестом номере журнала и Дмитрий Володихин в девятом. С.Шикарев решил продолжить разговор, вооружившись не только книгами, но и калькулятором.

Согласно данным Российской книжной палаты, всего в 2010 году было

выпущено 102 790 наименований книг общим тиражом 494 553 тысячи экземпляров, а также 159 290 тысяч брошюр. Подавляющее большинство (больше 70%) - новинки.

Любопытно распределение тиражей. Около 30% всех жанровых книг выпускается тиражом до 5000 экземпляров, чуть более трети общего тиража (36%) дают наименования от 10 000 до 50 000 экземпляров. Соотношение наименований и тиражей напоминает об известном законе Парето, самая популярная трактовка которого такова: на долю 20% любителей пива приходится 80% всего потребляемого пенного напитка... Действительно, 21% от всей выпущенной книжной продукции составляют книги с тиражом выше 5000 экземпляров, и эти издания составляют почти 80% от общего тиража. При этом всего 0,8% выходят тиражом свыше 50 000. Эти издания дают свыше 10% от общего тиража. Число этих книг невелико: всего 997 наименований. А 462 новинки вышли тиражом свыше 100 000 экземпляров.

На вершине тиражной пирамиды не так уж много авторов, и большинство из них, как ни печально, не имеют никакого отношения к фантастике. Десятку самых топовых отечественных писателей составляют преимущественно сочинители женских детективных романов. Впрочем, замыкает десятку автор с «фантастической» родословной: тираж произведений Александра Бушкова в 2010 году составил 826 000 экземпляров.

Несколько лучше обстоят дела с зарубежной литературой: там почетное третье место занимает Стефани Майер с тиражом 1,4 миллиона экземпляров.

А теперь обратимся к премии «Фантаст года», которая вручается именно за выдающиеся тиражи. Роман Злотников, отмеченный премией за 2010-й, в предыдущем году опубликовал восемь книг (из них четыре в соавторстве) общим тиражом в 273 100 экземпляров. «Непоседа» Сергея Лукьяненко имел тираж в 160 000 тысяч экземпляров. Вадим Панов напечатал роман «Хаосовершенство» тиражом в 80 000 экземпляров и таким же тиражом авторскую антологию с собственной повестью*.

Вот еще несколько фактов и цифр: все тиражи, начиная с 2008-го, который в расхожей лексике кризисного периода следовало бы назвать тучным, снижаются с 760,4 миллиона экземпляров до 653,8 миллиона в 2010 году. То есть тиражная, пирамида существенно сокращается в размерах. При этом основание ее, вопреки прогнозам, в том числе и моему, меньше не становится: единственная тиражная группа, в которой увеличилось количество выпущенных наименований, а также их доля в общем тираже, - издания от 5000 до 10 000 экземпляров. Склонность издателей к «ковровым бомбардировкам» в расчете на то, что какая-то из книг покажет отличные продажи, лишь усугубилась.

* * *

Все вышеизложенное в бизнес-терминологии можно сформулировать как кризис перепроизводства на падающем рынке. И, наверное, пора ответить на вопрос: какое отношение имеет падение книжного рынка к книгам фантастического жанра, а бизнес - к творчеству?

Незамысловатый ответ заключается в том, что ландшафт фантастики, с которым имеет дело читатель, формируется не только и не столько усилиями писателей, сколько действиями издателей, которые по долгу службы ставят коммерческие соображения выше художественного уровня. Зачастую издательский выбор заключается не в том, печатать или нет ту или иную книгу, а в том, какую из книг издать. Ограничение в ресурсах неминуемо сводит вопрос к выбору между различными альтернативами. Например, два романа Нила Стивенсона, уже переведенные на русский язык, ждут своего часа - потому что есть НФ-книги, издание которых прибыльнее.

В чью же пользу делает выбор издатель? Ответ очевиден. Это проекты.

Проекты - несомненное достижение книгоиздательского дела, без сарказма. История их не сводится к шумным и успешным названиям последних лет. Вопрос в том, что считать проектом. К числу таковых, например, можно отнести продолжение Жюлем Верном спустя почти 60 лет неоконченной повести «Сообщение Артура Гордона Пима» Эдгара Аллана По. Если вспомнить, что уже через три десятилетия к этой истории обратился и Говард Филипс Лавкрафт в «Хребтах безумия», которые, в свою очередь, продолжил в конце XX века Чарлз Стросс в новелле «Очень холодная война», то перед нами проект, который продлился 160 лет!

По мере развития технологий и появления новых способов того, что зовется новомодным словом «сторителлинг» («рассказывание историй»), множились и шансы использовать коммерчески успешное произведение в других сферах. Так, киносага «Звездные войны» стремительно обросла «сопутствующими товарами» - комиксами, новеллизациями, мультсериалами, компьютерными играми и т.п.

Именно желание издателей/продюсеров развить успех и максимизировать прибыль от первоначальной истории приводит к появлению новых, связанных с ней продуктов в виде новеллизаций, экранизаций и геймеризаций, всю совокупность которых можно рассматривать как единый развлекательный пакет.

* * *

В прошлом году было выпущено 111 «проектных» книг. Всего же за год рассмотрели 1094 новые фантастические книги, то есть пресловутые проекты составили около 10% от общего количества наименований.

Немного, правда? Однако ситуация предстает совсем в другом свете, если взглянуть на нее сквозь призму тиражей.

Общие тиражи проекта «Вселенная Метро 2033» составили 684 000 экземпляров. Тиражи «Этногенеза» - 840 000 экземпляров. А вот совокупный тираж книг из проекта «S.T.A.L.K.E.R.» за 2010 год - один миллион триста сорок четыре тысячи экземпляров! Чтобы стало понятнее, добавим: средний тираж непроектной фантастической книги колеблется между тремя и восемью тысячами.

С вручением «Роскона» «сталкеровскому» роману «Кубатура сферы» твердыни премий, еще недавно игнорировавшие проектные книги, с грохотом рухнули, обнажив реальное положение дел, сложившееся в отечественной фантастике: тотальное господство «проектов».

Чем же оно вызвано?

Рассматривая проекты в бизнес-логике, легко заметить, что они делятся на два вида (как говорится, люди делятся на два типа: тех, кто делит все на два типа, и тех, кто нет). Проекты первого типа активно привлекают, «вербуют» чужую читательскую аудиторию - тех, кто постоянным читателем фантастики не является. Ярким примером проектов такого рода является серия «S.T.A.L.K.E.R.», чью основную читательскую аудиторию составляют фанаты компьютерной игры. Или менее заметная на сталкеровском фоне «Disciples III: Renaissance».

Такие попытки клонирования «S.T.A.L.K.E.R.», как, скажем, «Зона смерти» или цикл «Гиблое место» (место действия - та же Зона, но перенесенная в Древнюю Русь), сравнимого успеха не имели, значительно уступая в тиражах.

Вторая разновидность проектов базируется на коммерческой эксплуатации потенциала уже известных и популярных миров с «наработанной аудиторией». Типичные примеры - «Анклавы» Вадима Панова и «Метро» Дмитрия Глуховского. Любопытно, что Сергей Лукьяненко в одном из интервью обмолвился: «чужие» проекты его не привлекают, а вот открыть свой мир для других авторов может быть интересным. Что ж, очевидно, ждать новых и разных дозоров остается недолго.

Проекты второй группы формируются на основе коммерчески успешных авторских сериалов и циклов. Сольная книга, породившая проект - случай редкий и уникальный, тут можно вспомнить разве что «Обитаемый остров» АБС и «Метро» Глуховского.

Это одна из причин, по которой авторы торят свою дорогу к читателю многотомными сагами. Причем складывается впечатление, что от обилия томов напрямую зависит и число поклонников писателя.

Автор этих строк не без внутреннего содрогания вспоминает читательский отзыв в одной из электронных библиотек на сериал такого рода: «Первые пять книг сериала откровенно скучны, но зато потом начинается такое!..»

Количество книг, для которых на фестивале «Звездный мост» выделена специальная номинация под названием «За лучший цикл, сериалы и романы с продолжением», с 2007 года численно превосходит их число в номинации «За лучший роман».

Из общего количества «непроектных» жанровых книг 570 изданий являются продолжениями, начинаниями или окончаниями. Цифра приблизительная, поскольку не все писатели в первой же книге декларируют, сколько томов они еще собираются наваять. Отметим и особо изощренных авторов, которые не ограничиваются «традиционными» сериалами, смело организуя надсерии и подциклы, а также тех, кто умудряется дебютировать не романом, а сразу трилогией, которые заботливо собирает под одной обложкой издательство «Альфа-книга».

* * *

Что же остается на долю самостоятельных книг?

Новых «сольников» в 2010 году вышло всего 413. Да и самостоятельны многие из этих книг лишь де-юре, фактически следуя в фарватере модных, востребованных тем. Например, подавляющее число переводных книг посвящено вампирской тематике со специфической «сумеречной» окраской.

Вообще прогноз относительно зарубежной фантастики, данный автором этих строк два года назад, реализовался весьма любопытным образом. Отечественных произведений вышло почти в два раза больше, чем зарубежных: 751 наименование русскоязычных авторов против 343 переводных изданий. И качественный состав переводной фантастики претерпел существенные изменения. В тех поджанрах и нишах, которые открыли, освоили и обжили отечественные фантасты (например, альтернативная история и особенно «попаданчество», фэнтезийные эпопеи, постапокалиптические ужастики и фантастические боевики), зарубежная книга является редким исключением, обусловленным, как правило, известным именем автора. А вот в тематиках, отмеченных за рубежом шумным маркетинговым успехом, уверенно лидируют иностранные писатели. Яркий пример - уже упоминавшиеся выше «Сумерки» Стефани Майер и их многочисленные клоны. Хотя попытки реализовать на практике призыв к догоняющей модернизации и заработать на раскрученных темах предпринимают и отечественные авторы: вспомним хотя бы

многочисленных Порри Гаттеров и прочих «однофамильцев».

Словом, положение автора, равнодушного к проектам или не допущенного к ним, весьма непростое. Ведь тиражи и коммерческий успех книги зависят от ее маркетинговой поддержки. Характерен пример «сталкеровской» серии, чьи огромные тиражи обеспечивает столь же огромная аудитория фанатов и любителей компьютерной игры.

Сегодня потенциалы такой маркетинговой поддержки существенно больше у кино- и игровой индустрии, нежели у издательств. Из этого следует, что самые успешные с коммерческой точки зрения проекты будут являться частью развлекательных пакетов, порожденных не литературой, а смежными формами сторителлинга. Тиражи проектных книг характеризуют размер аудитории именно проекта (или представления издателя о размере этой аудитории), а не талант писателя, которого к этой аудитории допустили.

Разница между наработанной и одолженной аудиторией очевидна. Здесь роль автора сводится к функциям рабочего, обслуживающего проектную машину. Неслучайно на обложках книг «Этногенеза», куда почти поголовно устремилась «цветная волна», даже не указываются имена авторов.

Между тем иного пути к тиражам (и гонорарам) у молодых авторов сегодня практически нет. Повторить путь Лукьяненко или Панова, сделанный ими в «допроектную эпоху», сегодня на порядок сложнее.

* * *

Но и надежды авторов раскрутиться и сделать себя имя в проектах не оправдываются. Как показала практика, тиражи наследуют проекту, а не имени автора.

Например, «сталкеровский» роман Алексея Гравицкого был выпущен тиражом в 70 000 экземпляров, а его же «Калинов мост» вышел в двух изданиях общим тиражом в 6000 экземпляров. Роман Сергея Паля «Плазмоиды» вышел также в двух изданиях общим тиражом 7000 экземпляров, а роман «Монохром» в проекте «S.T.A.L.K.E.R.» поднялся до 90 000 экземпляров.

Неубедительно? Тогда обратимся к авторам титулованным и заслуженным, чье имя является брендом и гарантией литературного качества. Последние два романа Александра Громова («Человек отовсюду» и «Ребус-фактор») вышли тиражом в 12 и 10 тысяч экземпляров соответственно. Тираж его же «Игры в поддавки», выпущенной в серии «S.T.A.L.K.E.R.» под псевдонимом Александр Митрич, составил 110 000 экземпляров!

А ведь кульбиты от индивидуального творчества к проектному (или,

если хотите, корпоративному) и обратно бесследно не проходят. Яркий и горький пример - талантливый Андрей Лазарчук, застрявший в проектах и новеллизациях.

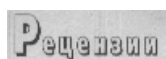
Проблема не в существовании проектов, а в том, что они вытесняют индивидуальную, самобытную фантастику. Ведь и коммерчески успешные авторы начинают собственные проекты. А одиночный роман автора оказывается в положении школьника, вынужденного драться с отборной шпаной.

Впрочем, мечтания о временах, когда не милорда глупого с базара и шустрого сталкера с вокзала понесут, имеют давнюю традицию.

Остается только привычно посетовать, что, как уже не раз говорилось, такого умного читателя, который был в 1960-1990-х годах, у фантастики нынешней уже не будет. И такое изменение читательской аудитории вызвано тотальной коммерциализацией жанра... Но ирония заключается в том, что литературная фантастика, сведенная к коммерческой, развлекательной функции, оказавшись на рынке, объем которого неуклонно снижается, стремительно проигрывает альтернативным способам развлечения: электронным играм, кинематографу, телевидению.

Разумеется, фантастика найдет свое место в тех же играх и кинофильмах. Однако достойных текстов от этого не прибавится. Вообще, при очевидном перенасыщении рынка книгами фантастического жанра произведений, достойных перечитывания, почти не обнаруживается.

Впрочем, есть надежда, что при неминуемом сокращении общего количества выпускаемых изданий они станут заметнее.

Рецензии

**Игорь ЧЁРНЫЙ
ПЛЯСУН**

Москва - СПб: АСТ - «Астрель» -ВКТ, 2011. - 410 с.

(Серия «Историческая фантастика»).

4000 экз.

При общей распространенности и низком качестве историй про «попаданцев» в различные времена и миры отрадно сознавать, что и тут случаются приятные исключения. К таковым относится новый роман филолога-фантастоведа и писателя И.Чёрного. Перед нами - любопытный образец настоящей исторической НФ.

Завязка сюжета детективная: живет и работает в Санкт-Петербурге журналист Роман Градов, чье детство прошло в Узбекистане. Неожиданно он получает от начальника своего информагентства двойное задание: во-первых, выяснить, почему из Узбекистана вдруг стали поступать фальшивые российские рубли в огромном количестве, и, во-вторых, что за чертовщина творится среди развалин заброшенного городища Топрак-кала.

Градов, как и положено всякому полноценному «попаданцу», немножко супермен: изучал в детстве индийскую систему боевой и оздоровительной гимнастики «шиванат». Кстати, эта система восходит к пляске бога Шивы, в танце создающего и разрушающего миры, - отсюда и название книги. Знаток древнеиндийской боевой практики Градов способен легко справиться с парой-тройкой вооруженных противников. Но в некогда родном и знакомом городке он оказывается втянут в такую череду событий, что в итоге вынужден укрыться в горной пещере, на самом деле являющейся туннелем во времени. Отсюда журналист Градов и попадает в 118 г. н.э., где сталкивается с римскими легионерами, охраняющими посольство, возвращающееся из Кушанского царства домой...

В отличие от стандартных историй «про нашего парня в древнем мире» книга И.Чёрного написана с хорошим знанием материала.

Глеб Елисеев

Игорь МИНАКОВ, Максим ХОРСУН

ЕГЕРЬ. ДЕВУШКА С ЗЕМЛИ

Москва: Эксмо, 2011. - 352 с.

(Серия: «Абсолютное оружие»).

4000 экз.

Роман предназначен прежде всего молодежной аудитории. У кого слово «путешествие» ассоциируется с открытием новых земель, а не с удачным шопингом или отдыхом на курорте. Причудливый мир планеты Сирены, тщательно проработанный авторами - это сверхвitalное биологическое сообщество, представляющее собой обитателей океана, перевоплотившихся для жизни на суше.

Изобилующие жизнью планеты уже не раз встречались на страницах книг и в кино. Обобщающий мотив - высокая организация биосферы, вплоть до наличия «соборного» разума. Продолжается тема и в рецензируемом романе.

Мы еще только знакомимся с главной героиней книги, дочерью олигарха Реминой Марвелл, а за спиной девушки уже встает призрак серенианского леса, с его неожиданным биоценозом и странными

аборигенами, способными по собственному желанию замедлять развитие организма, оставаясь вечными детьми. Нам предлагается честный экшен. Юная и строптивая наследница миллиардов ищет приключения на свои вторые «девяносто» и благополучно находит их в компании молодого, но уже крутого егеря-поселенца. Однажды встав на тропу приключений, герои не могут сойти с нее до самого конца, постоянно попадая в передряги.

Тему освоения других планет в современной отечественной НФ нельзя назвать востребованной. Если говорить о конъюнктуре, то немалая часть аудитории не настроена сегодня заглядывать далеко в космос. Это, однако, не значит, что прелесть пионерской НФ больше не манит людей. Стремление достигать новых горизонтов слишком сильно в человеке, чтобы мода или иной сиюминутный мотив помешали ценителю соперничать приключениям новых Колумбов и Магелланов.

Николай Калиниченко

Тим СКОРЕНКО

ЗАКОНЫ ПРИКЛАДНОЙ ЭВТАНАЗИИ

Москва: Снежный ком, 2011. - 400 с.

(Серия «Настоящая фантастика»).

3000 экз.

Если одобренный публикой роман Скоренко «Сад Иеронима Босха», посвященный примитивной антицерковной агитации, читался в захлеб, то «Законы прикладной эвтанази» - пример тонко-интеллектуального подхода к сложной проблеме границ «необходимого зла», но... драйва в нем нет. Сюжет развивается монотонно, текст перегружен отвлеченными рассуждениями. Это удача для Скоренко-мыслителя и в то же время отступление для Скоренко-писателя.

Министр здравоохранения из XXVII века Варшавский пытается «пробить» законы, позволяющие ставить эксперименты на людях и проводить эвтаназию, поскольку иными способами не может остановить вринкл - страшное заболевание, уродующее тело и психику. Его цель благородна, он мечтает победить большое зло и уверен, что ради этого можно творить зло малое. Например, мучить подопытных...

На долю его дочери Майи выпадает путешествие во времени, и она оказывается в знаменитом отряде 731 Исии Сиро, где на пленниках ставились жестокие опыты. Медицинские успехи экспериментаторов грандиозны. Цена, заплаченная за них, огромна. Превышена ли здесь мера «необходимого зла»? Безусловно. Когда Майя Варшавская «транзитом» через наше время возвращается в свой век, она начинает

борьбу с отцом, поскольку уверена: нельзя повторять кошмар отряда 731 даже в самом рафинированном и облагороженном формате, даже ради высшей цели. Но ей приходится применять радикальные средства.

Опять «необходимое зло». Где его граница? Террористический акт со взрывом лаборатории? Выстрел в отца? Можно ли убить одного ради спасения жизни тысяч? Ранить? В каких обстоятельствах? Каждый раз границу приходится проводить заново, в мучениях и раздумьях, и лучше бы руководствоваться любовью, а не ненавистью...

Дмитрий Володихин

Карина ШАИНЯН

ЧЕ ГЕВАРА. КНИГА 1. БОЛИВИЙСКИЙ ДЕДУШКА

Москва: АСТ - Этногенез, 2011. - 256 с.

30 000 экз.

Тексты К.Шаинян отличает ярко выраженный авторский стиль. Эта самобытность проявляется даже там, где правит бал корпоративный формат коммерческих проектов. Отказываясь мириться с максимально облегченной формой сериального экшена, автор старательно рассыпает по тексту цвета, запахи и звуки. Это выглядит немного забавно и самую малость претенциозно, словно попытка расписать «хрущёвку» под гжель. В то же время внимание автора к мелким вещам хорошо вписывается в тематику «Этногенеза». Тем более в основе проекта - именно «вещицы», странные артефакты. На сей раз страсти разгораются вокруг легендарного команданте. Оказывается, Эрнесто Гевара тоже был владельцем волшебного артефакта. А вы сомневались?

Трагические и кровавые события в Южной Америке традиционно оттеняются сюжетной линией, развивающейся в привычных для большинства читателей современных декорациях. Главная героиня с составной фамилией Гумилева-Морено, домашняя городская девушка, вместе со своим другом художником Сергеем неожиданно оказывается втянутой в игру, от которой пахнет опасностью и далекими боливийскими джунглями.

Радует непринужденная экстерриториальность действия. Автор с удовольствием играет большими пространствами, тасует локации, точно колоду карт. Это новое качество для отечественной фантастики, способной даже из галактики сделать коммуналку.

Неплохо отработаны герои. Взять хотя бы колоритную «бабушку-пиратку», срисованную из фильмов Миядзаки, и шамана с простым, но гордым именем Ильич.

На фоне прочих книг проекта «Дедушка» выглядит мягче, в романе сильна гуманитарная подкладка - сказывается женская рука. Однако все необходимое для погружения в приключенческую, полную мистики и загадок вселенную Этногенез в романе есть.

Николай Калиниченко

Юлия ЗОНИС
ИНКВИЗИТОР И НИМФА
Москва: АСТ, 2011. - 384 с.
(Серия «Амальгама»).
5000 экз.

Ю.Зонис - одно из самых заметных имен «цветной волны». И вопреки распространенной среди ее коллег практике она не рекрутировалась в проекты.

Перед нами - космоопера, на страницах которой мы обнаруживаем не только человечество, но и лемурийцев с атлантами, которые являются потомками некогда покинувших планету землян. По свойственной НФ дихотомии первые далеко продвинулись по пути развития биотехнологий, а вторые известны своим техницизмом и столь же продвинутыми гаджетами. Впрочем, и земляне не лыком шиты. Здесь процветает орден викторианцев, владеющих телепатией. Как и принято в Space Opera, силы эти готовы развязать между собой войну.

Главный герой, Марк О'Салливан, должен сыграть свою роль в интригах верхушки ордена, а заодно и в истории человечества.

Автор умело оперирует космооперными масштабами, хотя и демонстрирует родовые меты «цветной волны», смещая акцент в сторону любовного треугольника. Характеры, а с ними и истории персонажей поданы живо, для чего писатель обильно использует флэшбеки. Поначалу радует глаз наличие научной подкладки. Но она явно необязательна, потому что вскоре выясняется, что в картине созданного автором мира преобладают совсем не научные, а гностические мотивы.

Книга, в которой упоминаются и неандертальцы, и русалки, и Сингулярность, и даже набившие оскомину Предтечи, весьма эклектична, но следует в русле произведений западной фантастики, с которой автор хорошо знаком. Отсюда же, из англо-американской НФ, не только знакомые декорации и расстановки сил, но и амбициозность замысла, попытка проработать экономическую модель предлагаемого читателю будущего.

Усвоил автор и еще один распространенный прием авторов космопер, а именно - стремление к многотомности. Действие книги

обрывается «на самом интересном месте», буквально на полусло...

Сергей Шикарев

**Марк ДАЛЕТ
ОРБИНАВТЫ**

**Москва: Новое литературное обозрение, 2011. - 672 с.
3000 экз.**

Марк Далет живет в Израиле с середины 1980-х. Он занимается переводами русской литературы, израильских книг, буддистских текстов.

Действие его первого романа происходит в Испании конца XV века, в переломный момент истории. Торжество инквизиции, открытие Америки, распространение ценностей Возрождения и завершение Реконкисты. Для инаковерующих на Иберийском полуострове начинаются тяжелые времена, многим суждено стать изгнанниками. Сколь трудно человеку, выросшему в одном обществе и попавшему в другое, оставаться самим собой под давлением институций, репрессирующих «чужаков» - эта тема красной нитью проходит через книгу.

Юноша Али, главный герой романа, успел покинуть Гранаду до начала осады, получив после крещения новое имя Алонсо. Он влюблен в книги, ему удается и торговля ими. Но главной книгой его жизни становится таинственный манускрипт из библиотеки деда, рассказывающий про орбинавтов - людей, которые могут путешествовать по снам и управлять миром силой мысли. Поскольку мир - сам по себе большое сновидение, его можно «отмотать» назад и выбрать другой вариант событий. Это доступно немногим, а техника необходимых ментальных упражнений изложена в рукописи специальным шифром. К его разгадке Алонсо привлекает своих друзей - рыцаря Мануэля, его мать Росарио, одну из первых женщин с университетским образованием и любительницу поэзии Консуэло.

Рассказ об управлении снами лишен влияния Кастанеды: по уверениям автора, он опирался на буддистскую традицию. Однако главной идеологией книги стал культуроцентризм - уважение к печатному слову, восхищение искусствами, стремление укрепить круг общения интеллектуалов. Глубокая проработка исторических подробностей создает фон, в который вмонтированы жанровые шаблоны, и повествование получилось неспешное, вдумчивое, интересное и способное доставить удовольствие любителю произведений такого рода.

ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ГЕРОЙ НА ВСЕ ВРЕМЕНА

За продолжительную историю наших интернет-голосований вопросы ставились самые разные - как сугубо жанровые, так и общелитературные. А вот вопрос о герое почему-то не появлялся. Петербургский писатель Николай Романецкий решил исправить эту оплошность. Итак: «Какие герои фантастических романов вам кажутся наиболее привлекательными?»

Ответы распределились следующим образом:

Обычные люди в фантастических обстоятельствах - 51%;

Бойцы, любящие приключения - 5%;

Ученые-мыслители, способные на озарение - 16%;

Желающие странного - 17%;

Эльфы, гномы, тролли, вампиры и тому подобная братия - 6%;

В фантастике вообще нет «живых» героев, одни картонные персонажи - 5%.

Всего в голосовании приняли участие 442 респондента.

Всякому, мало-мальски разбирающемуся в нашем литературном направлении, известно, что качественная фантастика держится на трех китах, имя которым Чудо, Тайна и Достоверность.

Элементарная же частица фантастики - иными словами, конкретное художественное произведение - опирается на Сюжет (точнее, в литературоведческом смысле, фабулу), Мир и Героя.

Впрочем, я всегда предпочитал в этой троице несколько иной порядок: Герой, Мир, Сюжет. Для меня интересной оказывается именно та книга, которая заставляет сопереживать действующим на ее страницах персонажам. Ведь именно сопереживание - тот неутомимый двигатель, что тащит читателя по сюжетным закоулкам и буеракам в любом описываемом мире.

Объясняется эта особенность просто: в основе ее лежит обычная человеческая психология. Сопереживать и волноваться за близкого - это так естественно...

Что же показало состоявшееся голосование?

Конечно, социальная общность читателей журнала «Если» - это не

всеобъемлющая масса потребителей продукции фантастического рынка, и потому вряд ли стоит распространять предлагаемые выводы на весь интересующийся фантастикой люд. Однако читатели журнала - это весьма квалифицированные люди, хорошо разбирающиеся в нашем литературном направлении, и потому именно их мнение должно быть интересно большинству писателей, для кого фантастика - не просто кормушка или возможность утолить графоманский зуд, кого волнуют дороги, по которым она движется. Давайте посмотрим на результаты голосования.

Крайне мало тех, кто считает,, что в фантастике «вообще нет «живых» героев».

Конечно, это был откровенно провокационный вопрос, ибо носители подобного суждения либо фантастикой не интересуются вовсе, предпочитая иные литературные направления, либо выбирают такой ответ исключительно, как говорят сейчас в молодежной среде, «для прикола». Мнения и первых, и вторых вполне могут быть вынесены за скобки. Потому что вовсе не для первых мы пишем книги, а вторые - сами по себе злобные буратины... К счастью, в этой группе респондентов оказался лишь каждый двадцатый.

Примерно столько же проголосовавших считают самыми интересными героями фантастической литературы «любящих приключения бойцов» либо «эльфов, гномов, троллей, вампиров и прочую фэнтезийную братию».

И бойцы, и «братия» - яркие представители эскапистского направления в фантастике, то есть книг, уводящих читателя как можно дальше от проблем реальной жизни, от обычных человеческих забот, в сладкий мир грез, в бездумность и развлекательность. Своего рода духовные наркотики. Этаким информационный алкогольный напиток.

И то, что популярность их среди читателей «Если» столь мала, не может не радовать. Значит, «фэнтезятиной» наш родной самый читающий в мире народ уже наелся по самое не хочу.

Намного большей популярностью (едва ли не втрое по числу проголосовавших) пользуются «ученые-мыслители, способные на озарение».

Герои-ученые - типичные представители научной фантастики образца прошлого века, с некоторых пор потерявшей былую популярность у отечественного читателя. Принято считать, что сей факт связан с широко распространившимся разочарованием во всесильности науки, с полным неверием в ее реальные возможности решать сложные проблемы, открывающиеся на горизонтах земного человечества. Отчасти из тех же причин проистекает и увеличение религиозности, хотя там основания много глубже, ибо исходят не только из материальной, но и из духовной сферы нашей жизни.

Однако нельзя не заметить, что на Западе в последнее время

наблюдается вполне устойчивый рост интереса к научной фантастике. Да и наши «НФ-возрожденцы» в лице Антона Первушина и Ярослава Верава сотоварищи, по всей видимости, совсем не зря бьются за новый рассвет этого фантастического жанра.

Чуть более популярными оказались герои, «желающие странного».

Люди, которым нравятся такие литературные типажи, и сами весьма необычны. Именно из этой социально-психологической среды выходят кремлевские и некремлевские мечтатели (как, впрочем, и блаженные), изобретатели, а равно и писатели-фантасты.

Нормальный человек, ясное дело, не станет придумывать иные миры и отправлять свое воображение в иные времена. Собственно, людей подобного рода и не может быть много (на гауссиане*¹³ литературных предпочтений они располагаются далеко от пика максимальной распространенности), иначе человечество давным-давно погибло бы от голода и холода. Но, с другой стороны, без мечтателей-изобретателей оно бы и не имело никаких исторических перспектив в битве с окружающим миром.

И наконец, за «обычных людей в фантастических обстоятельствах» проголосовали более половины респондентов.

Это читатели, которых интересуют понятные человеческие чувства и поступки (пусть и в необычных, невероятных, невозможных условиях, которые всего лишь более выпукло показывают психологически обоснованные характеры героев). То есть таких читателей прежде всего интересуют персонажи не придуманные, а взятые прямоком из существующей вокруг нас действительности, выросшие из самой жизни (что бы там ни утверждали о фантастике и ее типажах апологеты так называемой Большой литературы). Это как раз представители пика на гауссиане, и их подавляющее численное преобладание говорит о том, что психологическая структура читательских предпочтений в достаточной степени нормальна, чтобы не бояться возможных жанровых перекосов и не прислушиваться к возникающим периодически слухам о скорой и неизбежной смерти этого литературного направления.

И я бы вполне удовлетворился результатами состоявшегося голосования, кабы не маленькое, но существенное «но»... Судя поданным сайта «Если», общее количество читателей, взволновавшихся проблемой популярного героя в фантастике, втрое

¹³ * Строго говоря, чтобы обращаться к гауссовскому распределению, надо было бы при голосовании дать больше вариантов ответа (к примеру, остались без внимания «попаданцы», сыщики, герои сиквелов и т.п.), но ведь это было достаточно приблизительное исследование читательской аудитории, не претендующее на математическую строгость. (Прим. авт.)

меньше, чем, к примеру, тех, кого интересуют достоинства и недостатки межавторских проектов. А значит, существующий рынок и тут диктует свои условия.

Впрочем, люди ведь всегда с большей охотой высказываются о том, что им не нравится, чем о том, что им по сердцу. Пнуть, а не похвалить - это тоже нормальная черта индивидуума, живущего в нашем постсоветском обществе.

Николай РОМАНЕЦКИЙ

Вл. ГАКОВ

БЕГЛЕЦ В ПРОШЛОЕ

В этом месяце исполняется 100 лет со дня рождения писателя, прожившего долгую жизнь, но написавшего до обидного мало. Это если считать научную фантастику. Потому что Джек Финней плодотворно потрудился на общем литературном поприще, ряд его произведений был успешно экранизирован - словом, по американским стандартам его можно считать литератором вполне состоявшимся. А в нашем жанре он создал всего четыре романа и три сборника рассказов. Другое дело, что почти все они оставили заметный след.

Думаю, что не только мне, но и многим моим сверстникам, приобщившимся к фантастике полвека назад, запомнился уже первый рассказ этого автора, появившийся в русском переводе. Новелла «О пропавших без вести» никому тогда не ведомого Джека Финнея была опубликована в одном из первых выпусков «НФ» издательства «Знание» и тогда поразила нас, не избалованных переводами «из-за бугра», не столько сюжетом, но общим настроением. Становилось как-то не по себе после чтения щемящей истории о землянах, которые

были согласны удрать со своей планеты куда угодно и охотно воспользовались помощью некоего загадочного инопланетного «турагентства». Чем-то определенно зацепила тогда драма героя рассказа - простого обывателя, которому смертельно обрыдла окружающая его реальность и которому дали шанс сменить ее. А он в последний момент сдрейфил - не смог сделать один-единственный шаг к другой жизни, яркой и желанной. Просто не поверил в свой счастливый случай, а когда спохватился - было поздно. Волшебная дверь в стене, открытая в иной мир, захлопнулась. Безнадёжно, навсегда...

Позже, повзрослев, я понял, чем именно захватила меня эта история. Тем, что никакая это была не фантастика - подобное многие хотя бы раз переживают в реальной жизни.

С тех пор я запомнил нового автора. И с каждой новой встречей с ним убеждался: тот первый прочитанный рассказ не был исключением. Во всех произведениях Финнея, какие мне удалось прочесть - в переводах и в оригинале, - герои стояли перед той же дилеммой: оставаться в этом, привычном мире, который надоел до смерти, или сделать решительный шаг в мир иной (не в том смысле, конечно, какой чаще всего вкладывают в это словосочетание). Просто поверить в него, в его реальность - и этого будет достаточно.

Много позже я прочитал все, что мог, и о самом Джеке Финнее. И в очередной раз поразился: как мало он - по меркам американской фантастики - успел написать. И как мало сведений оставил о себе^{*14}.

Джек Финней - литературный псевдоним Уолтера Брейдона Финнея, родившегося 2 октября 1911 года в Милуоки (штат Висконсин). После окончания колледжа Нокс в Гэйлсбурге (название этого города в соседнем штате Иллинойс еще мелькнет в произведениях писателя) он работал в различных рекламных агентствах и об этом своем профессиональном опыте не раз вспомнил впоследствии в романах и рассказах. После чего полностью переключился на литературную деятельность, благо она давала возможность прокормить семью - жену, сына и дочь. Большую часть жизни писатель прожил в Лос-Анджелесе. Поближе к Голливуду - едва ли не главному своему «кормильцу».

Писать Финней начал рано, но совсем не фантастику. В основном детективные и «просто» романы, те, которые называют обобщающим термином mainstream («основной поток»).

Первый научно-фантастический рассказ «Такие интересные соседи»

¹⁴ * *Намного больше сведений о его однофамильце Чарлзе Финнее, авторе фэнтезийного романа «Цирк доктора Лао» (1935) и других произведений. (Здесь и далее прим. авт.)*

Джек Финней опубликовал лишь в 1951 году, причем не в специализированной научно-фантастической печати, а напротив - в престижном «глянцевом» еженедельнике «Collier's Weekly», К тому времени начинающий писатель-фантаст разменял пятый десяток.

В дебютном рассказе была описана ситуация «побега из своего времени». Но на сей раз вывернутая наизнанку - соседями героя рассказа оказываются беглецы из далекого будущего, в котором назревал конец света, и все население Земли срочно переселилось в различные эпохи, надеясь обрести там более спокойную жизнь. История, описанная Финнеем, вышла настолько человеческой, «литературной», что ей самое место было в «толстом» журнале, где, кстати, время от времени печатали еще одного коллегу, также жившего в Лос-Анджелесе, - Рэя Брэдбери. И другие научно-фантастические и фэнтезийные рассказы Джека Финнея также увидели свет в аналогичных периодических изданиях широкого профиля - «The Saturday Evening Post» и «McCall's». Это были журналы, гордившиеся своим статусом «серьезных» и «литературных», в отличие от специализированных научно-фантастических, презрительно называемых «pulp fiction» - «низкопробное чтение»^{*15}.

Парадоксально, но главный успех - в материальном выражении - в литературной карьере Финнея пришелся на произведение как раз научно-фантастическое. Совсем не «литературное» и, будем честными, банальное донельзя! Речь идет об остросюжетном боевике «Похитители тел» (1955), в котором на Землю вторгаются некие инопланетные организмы («стручки»), начинающие охоту за телами людей. Захватчики в буквальном смысле слова выпитывают тела землян в себя, оставляя от «хозяев» один прах; в результате планета медленно, но верно начинает заполняться «дублями» людей, у которых от человеческого осталась только личина.

Сам автор неоднократно заявлял, что не ставил перед собой серьезных задач. Однако автор предполагает, а располагает читатель... В обстановке маккартистской истерии, охватившей Америку, роман определенно имел второй план. И совсем не фантастический...

Но даже несмотря на наличие политического подтекста, книга большого шума не вызвала. Однако стала основой знаменитой экранизации - одного из лучших научно-фантастических фильмов 1950-х годов «Вторжение похитителей тел» (1956) режиссера Дона Сигела. Популярность картины была столь велика, что римейк 1978 года осуществил не кто-нибудь, а представитель самого что ни на есть

¹⁵ * Устоявшийся русский перевод культового фильма Квентина Тарантино вполне соответствует сюжету картины, но формально не совсем точен.

интеллектуального американского кинематографа - Филипп Кауфман. Главные роли сыграли звезда первой величины Дональд Сазерленд и легендарный «мистер Спок» из сериала «Звездный рейс» Леонард Нимой. В обоих фильмах «высоколобая» критика усмотрела многое, даже едва скрытую сатиру на конформных американцев, во многом потерявших свою хваленую свободу и готовых подчиняться любым социальным стандартам и стереотипам.

Может быть, это и преувеличение. Но, как бы то ни было, именно этой картине Джек Финней в значительной мере обязан своей единственной наградой в мире фантастики - Всемирной премией фэнтези, полученной в 1987 году в номинации «За общий вклад в развитие жанра»**¹⁶.

Два других научно-фантастических романа Финнея - «Десятицентовик с Вудро Вильсоном» (1960) и «Меж двух времен» (1970)^{*17} - в большей мере отразили главную тему его творчества. Это выстраданная ностальгия человека XX века, издерганного, постоянно «взведенного» и бесконечно одинокого, несмотря на все технические игрушки, называемые «средствами коммуникации». Ностальгия по прошлому, по идиллической утопии - в другом времени или в каком-то параллельном мире. Так же просто, как сегодня эмигрировать в другую страну. По словам известного американского критика Гэри Вулфа, «эскапизм - термин, слишком часто упоминающийся применительно к научной фантастике, - в случае с Джеком Финнеем странным образом оказывается самым подходящим... Вся его фантастика представляет собой чистый эскапизм».

Необычная десятицентовая монета с профилем президента Вудро Вильсона из одноименного романа позволяет герою совершить побег в параллельную Америку, где он обретает славу - как автор популярнейших мюзиклов (которые в его «первой» реальности сочинил композитор Оскар Хаммерстейн) и как создатель застежки-молнии... Мелочи, конечно, но они сказочно изменили жизнь «маленького человека Америки», не говоря уже о его самооценке.

Во втором романе, хорошо знакомом нашему читателю еще по первой, «мировской» публикации, побег в прошлое принес герою

¹⁶ ** Среди других экранизаций - нефантастических, снятых по произведениям Джека Финнея, - выделяются боевики «Пятеро против заведения» и «Нападение на «Королеву», а также фильм «Добрый сосед Сэм». Во всех этих картинах были заняты звезды: в первом главную роль сыграла Ким Новак, во второй снялись Фрэнк Синатра и Вирна Лизи, а в третьем роль рекламного агента сыграл Джек Леммон.

¹⁷ * Можно упомянуть еще один роман - «Стена Марион» (1973), в котором «душа» кинозвезды 1920-х годов во время глубокого творческого кризиса неожиданно переносится на полвека в будущее.

неизмеримо большее - любовь. Другое дело, что Нью-Йорк 1880 года, куда в конце концов бежит простой сотрудник рекламного агентства Сай Морли со своей любимой (обретенной двумя годами позже - в 1882-м, куда его отправляют в качестве испытуемого-добровольца - участника некоего сверхсекретного правительственного проекта), оказывается для беглецов своего рода утопией.

Хотя в романе присутствуют ссылки на Эйнштейна и всякие наукообразные обоснования путешествий во времени, автор не скрывает, что это так, «для антуража». Для Финнея более важна убедительность иного рода - художественная. Ее он добился. После чтения романа читателя уже никогда не покинет ощущение, что теперь он знает, каково это - проснуться однажды в другом времени. Что касается метода переноса во времени, то он, по сути, тот же самый: в прошлое нужно просто поверить, как в параллельную реальность, которая никуда не исчезла - просто невидима и неосязаема. Это, конечно, метафора, но в научной фантастике она действует. Достаточно просто любовно и детально реконструировать прошлое, в которое вы желаете перенестись. Научиться одеваться, как принято было тогда, питаться, думать, поступать, как это делали наши предки. Привыкнуть к их быту. Словом, вспомнить все. И, выйдя на вечернюю прогулку в своем времени, вы откроете дверь подъезда в прошлое.

Важно только страстно захотеть сделать шаг.

«Роман о времени» сам пришелся «ко двору». Окончание эпохи «бурных шестидесятых», как никакое другое время в новой истории Америки, породило ностальгию по добрым тихим старым временам. Хотя и заметно идеализированным, но таково свойство всех утопий.

Четверть века понадобилась Джеку Финнею, чтобы осознать, что он еще не все сказал о своих героях и о прошлом, где они затерялись. И перед самой смертью писатель закончил роман-сиквел «Меж трех времен» (1995), в котором попытался распутать хотя бы некоторые из неизбежных в таких путешествиях временных парадоксов - хроноклазмов.

Эскапистскими мотивами пронизано и большинство рассказов Финнея, лучшие из которых составили сборники «Третий ярус» (1957), «Я люблю Гэйлсбург в весеннее время» (1963) и «Забытые новости: преступления века» (1983). Неожиданным - но сколь характерным для этого писателя! - стал подзаголовок второго сборника: «Фантастические рассказы и рассказы о времени». Именно так - оцените этот союз «и»... А название первого отсылает к одноименной новелле, герой которой - обладатель проездного в нью-йоркскую «подземку» - обнаруживает необычный вагон, регулярно совершающий рейсы в прошлое и обратно. Не пересказывая сюжеты других рассказов, напомним читателю лишь некоторые из названий, знакомых

по переводам: «Боюсь...», «Второй шанс», «За, спиной - пропасть», «Лицо на фотографии», «Хватит махать руками».

В том-то и отличие научно-фантастической прозы Джека Финнея ют произведений куда более плодовитых коллег, что почти каждое произведение писателя запоминается. Хотя, если задуматься, ничего невероятного (во всяком случае для читателя этой литературы) не содержит...

Написал он, действительно, до обидного мало. 14 ноября 1995 года Джек Финней отправился в свой последний путь из больничных покоев клиники в пригороде Лос-Анджелеса Гринбрее. Только, в отличие от его героев, писателя нельзя считать пропавшим без вести: у нас есть его рассказы и книги, с помощью которых мы • всегда будем оставаться на «связи» с автором.

журнал **АНТИКВАРИАТ**
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку
Достоверная информация
и реальные цены

Подписка:

- по каталогу ООО «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) — индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» — индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890, факс: (499) 248-6819.

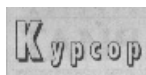
Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890, (495) 585-7312 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

журнал
АНТИКВАРИАТ
ПРЕДМЕТЫ ИСКУССТВА
И КОЛЛЕКЦИОНИРОВАНИЯ

Ваш гид по рынку
Достоверная информация и реальные цены

Подписка:

- по каталогу 000 «Межрегиональное агентство подписки» (кроме Москвы) - индекс 99438;
- по каталогу «Пресса России» - индекс 45720;
- в отделе распространения, тел.: (499) 248-0890, Факс:(499)248-6819.
Адрес: 119435, Москва, Б.Саввинский пер., 9.
Тел.: (499) 248-0576 (редакция), тел.: (499) 248-0890, (495) 585-7312 (отдел распространения),
www.antik.ru, e-mail: info@antik.ru (редакция),
sales@lubkniga.ru (отдел распространения).

Курсор

▣ **ХII чтения** памяти А.Н.Стругацкого прошли 27 августа в московском арт-кафе «Древо». Основным мероприятием стал круглый стол, посвященный творчеству АБС и 20-летию со дня кончины Аркадия Натановича Стругацкого, которое отмечается в октябре этого года.

На Чтениях выступили: Глеб Елисеев (доклад «Государственное устройство мира Полудня у АБС»); Дмитрий Володихин (доклад «Почему повесть «Четвертое царство» не была опубликована при жизни А.Н.Стругацкого?»); Антон Первушин (сообщение «История и современность семинара Б.Н.Стругацкого в СПб.»); Эдуард Геворкян (Воспоминания «Московский семинар фантастов в 1970-1980-е годы, А.Н.Стругацкий и Четвертая волна»). Вел Чтения Эдуард Геворкян.

Во втором «отделении» вручалась литературная премия «Филигрань». Ее судьбу в этом году решали 15 жанровых критиков и публицистов. Традиционно единственным критерием, по которому профессиональное жюри определяет судьбу премии во всех номинациях, является литературное мастерство, проявленное в произведении. В номинации «Рассказ» лауреатом стал Игорь Пронин («Космос как космос»), в номинации «Повесть» - Антон Первушин («Почталъон сингулярности»), в номинации «Роман» -Олег Дивов («Симбионты»).

4 **Мультфильм**, созданный на основе сказки Марины и Сергея Дяченко, получил украинскую государственную премию им. Леси Украинки, учрежденную Кабинетом министров республики для поощрения авторов лучших литературно-художественных произведений, адресованных детям и юношеству. В номинации «Кинопроизведения» премия была вручена художнику-постановщику Оксане Карпус за кукольный мультфильм «Театральный роман» - экранизация сказки супругов-фантастов.

Тем временем появились данные, что в феврале 2012 года в престижнейшем американском издательстве «Tor Books» выйдет англоязычная версия романа Марины и Сергея Дяченко «Шрам».

4 **«Реконструкция»** - так назывался 69-й «ВорлдКон» (World Science Fiction Convention), проходивший с 17 по 21 августа в Рино, штат Невада. Именно на «ВорлдКонах» определяются лауреаты престижнейшей в англоязычной и мировой фантастике премии «Хьюго». Лучшим романом ожидаемо стал уже собравший целую полку призов двухтомник «Блэкаут»/«Все чисто» Конни Уиллис. Лучшей повестью назван «Жизненный цикл программных объектов» Теда Чана, короткой повестью - уже знакомый читателям «Если» «Император Марса» Алена Стила, рассказом - «За неимением ногтей» Мэри Робинетт Коваль.

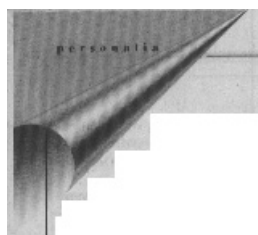
Лучшим полнометражным фильмом вполне предсказуемо стало «Начало» Кристофера Нолана. Лучшим журналом назван «Clarkesworld», фэнзином - «The Drink Tank». Специальную премию имени Джона Кэмпбелла, предназначенную самому многообещающему молодому фантасту, получил американец Лев Гроссман.

На «ВорлдКоне» вручалась еще одна известная премия - Sidewise Awards. Названная так в честь классического рассказа Мюррея Лейнстера, она достается лучшим произведениям в жанре альтернативной истории. На этот раз лауреатами стали Эрик Сведин за роман «Когда ангелы заплакали: Другая история Кубинского ракетного кризиса» и Алан Смайл за рассказ «Битва орлов».

4 **Радостная новость** для поклонников саги «Звездный путь»: сценарист и продюсер Дэвид Фостер заявил, что вскоре начнется работа над новым сериалом по вселенной «Стар Трека». Его действие будет происходить после событий сериала «Звездный путь: Вояджер» (1995-2001). Планируется снять около шести сезонов. В главных ролях будут задействованы молодые актеры.

In memoriam 26 июля в госпитале родной Осаки скончался Саке Комацу, блестящий писатель-фантаст, принадлежавший к «первому поколению» японской фантастики. Комацу родился в Осаке в 1931 году. Окончил филологический факультет Киотского университета. Изучал итальянскую литературу. В 1959-м он прочитал рассказ «Цена риска» Роберта Шекли и решил писать фантастику. Дебютная НФ-повесть «Мир - Земле» появилась в 1961 году. В 1960-1970-е вышло несколько романов Комацу в разных жанрах - остросюжетная фантастика, космическая опера, роман-катастрофа... Он неоднократно награждался главной японской премией Seiun Award. Самым известным произведением писателя считается переведенный на многие языки роман «Гибель Дракона» (1973), на основе которого был снят одноименный фильм. Роман оказался почти пророческим - ведь он повествует о гибели Страны восходящего солнца после серии землетрясений и цунами.

Агентство F-пресс

personalia

**ДАЙСОН Марианна
(DYSON, Marianne J.)**

Профессиональный инженер-физик, популяризатор науки и фантаст Марианна Джакмидс Дайсон родилась в Кантоне (штат Огайо) и после окончания школы решила стать астронавтом. Но вместо этого закончила Университет Северной Каролины в Гринсборо с красным дипломом физика и проработала какое-то время техническим специалистом в Конгрессе США. А затем все же воплотила свою космическую мечту: закончив аспирантуру в Университете Раиса в Техасе, она стала одной из первых десяти женщин, работавших в Центре управления полетами НАСА.

Покинув астронавтику, Дайсон переключилась на публицистику, в основном научно-популярную, снискав на этом пути немалую известность. Ниву НФ уже известный автор начала осваивать в 1990

году, опубликовав рассказ «Фейерверк в космосе».

В настоящее время Марианна Дайсон, мать двоих взрослых сыновей и обладательница черного пояса 2-й степени в корейской разновидности восточных единоборств, проживает в Техасе, пишет «твердую» НФ и занимается популяризацией науки.

ЛУКИН Евгений Юрьевич

(Биобиблиографические сведения об авторе см. в № 7 за этот год)

Корр.: Ваша новая повесть по философии и интонации очень близка к недавно опубликованной в «Если» повести «Приблудные». Был замысел написать дилогию или просто «так получилось»?

Е.Лукин: Я все пытаюсь делать нарочно и все у меня получается нечаянно. Вы не поверите, но, когда я начинал «Разбойничью злую луну», мне и в голову не приходило, что это - продолжение «Миссионеров».

Нечто подобное произошло у меня и с двумя недавними повестями («Приблудные» и «Андрюиды срама не имеют»), хотя в общепринятом смысле дилогии здесь нет: разные герои, разные события, разная манера изложения. Тем не менее сходство очевидно. Мне уже и самому начинает казаться, что я дважды, хотя и по-разному, реализовал один и тот же замысел, одну и ту же идею. Но получилось так, ей-богу, неумышленно.

Что ж, будем считать это особой формой дилогии.

МАКМАЛЛЕН Шон (McMullen, Sean)

Австралийский музыкант и писатель Шон Кристофер Макмаллен родился в 1948 году в городе Виктория. «В моих жилах, - утверждает Макмаллен, - перемешано много кровей: шотландская, португальская и ирландская - со стороны отца; французская, английская и шотландская - со стороны матери». Закончив Мельбурнский университет с дипломами физика и историка, он профессионально занимался музыкой и лишь в конце 1980-х начал писать научную фантастику и фэнтези.

Первой публикацией Макмаллена стал рассказ «Цвета хозяев» (1988). С тех пор он опубликовал 10 романов - тетралогии «Сага о Лунных мирах» и «Большая зима», а также одиночные романы «Империя центуриона» (1998) и «Перед бурей» (2007). Кроме того, перу Макмаллена принадлежит 50 рассказов и повестей, опубликованных как в австралийских периодических изданиях и антологиях, так и в

американских журналах «Analog» и «The Magazine of Fantasy and Science Fiction» и английском «Interzone». Лучшие рассказы писателя составили сборники «Звонок на край света» (1992) и «Прогулка на Луну» (2007). Макмаллен восемь раз завоевывал высшую национальную премию в научной фантастике «Дитмар» и дважды другую австралийскую премию - «Ауреалис», присуждаемую за лучшее произведение года, а также трижды номинировался на премию «Хьюго» (в том числе за рассказ «Восемь миль», предлагаемый вниманию читателей в этом номере «Если») и один раз на Британскую премию по научной фантастике.

Шон Макмаллен известен и как историк НФ. В соавторстве с Расселом Блэкфордом и Ваном Эйкеном он опубликовал монографию «Незнакомые созвездия: история австралийской научной фантастики» (1998) и в том же году в соавторстве с Полом Коллинзом издал «Энциклопедию австралийской научной фантастики и фэнтези». Обе «были отмечены премией «Дитмар».

РОСЛЕР Армин (RÖSSLER, Armin)

Немецкий писатель и публицист А.Рослер родился в 1972 году в Хейлбронне. Изучал немецкую и английскую литературу, а также политологию в университете Манхейма.

В 2001 году опубликовал свой первый жанровый рассказ «Струющийся пережат». Через три года последовал и дебютный роман «Забытый портал». Однако успех принесла автору вышедшая позже «Трилогия Аргоны». Причем все три романа - «Энтеете», «Андраде» и «Аргона» - номинировались на жанровые премии. Рассказ «Ловцы», опубликованный в этом номере журнала, был номинирован на высшую национальную премию Deutschen Science Fiction Preis.

В 2009 году писатель выпустил роман «Вариант Надир», высоко оцененный критикой и читателями. А в 2010-м А.Рослер отметил своеобразный юбилей - составил десятый сборник научно-фантастических рассказов.

Живет с женой и двумя детьми в Рауенберге, работает редактором в местной газете.

СПАРХОУК Бад (SPARHAWK, Bud)

Ученый-электронщик и фантаст Джон К.Спархоук, который подписывает свои произведения «Бад Спархоук», родился в 1937 году

в Балтиморе (штат Мэриленд) и окончил Университет штата с дипломом математика. Затем служил техническим специалистом по электронному оборудованию в ВВС США, работал в сфере информатики «на большие корпорации, правительство и военных», а все свободное время отдавал яхтам. В настоящее время Спархоук проживает в Аннаполисе (штат Мэриленд).

Свой первый научно-фантастический рассказ «Случай с батареей Томкинса» автор опубликовал в 1976 году, однако после нескольких выступлений замолчал почти на полтора десятилетия. Как писатель-фантаст он снова заявил о себе лишь в начале 1990-х. Сейчас на его счету роман «Мегера» (2008), семь повестей из серии о Сэме Буне (некоторые из них печатались в «Если»), три из серии «Нулевая вероятность», а также более сорока рассказов и повестей, лучшие из которых составили сборник «Танцующая с драконами» (2001).

Произведения Бада Спархоука два раза номинировались на премию «Хьюго» и четыре - на премию «Небьюла».

ТОРГЕРСЕН Брэд (TORGERSEN, Brad R.)

Молодой фантаст Брэд Торгерсен родился в городе Оук-Харбор (штат Вашингтон). По словам автора, ему сейчас «тридцать с небольшим», он программист, «ушибленный компьютером», работает «в небольшой медицинской компании в штате Юта». До этого Торгерсен сменил множество профессий: торговал гамбургерами, мыл посуду в заведении фастфуда, служил офисным клерком в доме для престарелых, работал на нескольких радиостанциях.

В научной фантастике Торгерсен дебютировал в прошлом году - рассказами «Экзанастазис» и «Бродяга». Редчайший случай: произведение начинающего автора «Бродяга» читателями журнала «Analog» было признано лучшей короткой повестью, опубликованной в этом издании в 2010 году. Недавно вышло в свет еще одно произведение молодого писателя - рассказ «Изгнанные из Эдема».

Подготовили Михаил АНДРЕЕВ и Юрий КОРОТКОВ

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Издательский дом «Любимая книга» предлагает вам подписку на

шесть номеров журнала «Если» по цене 90 рублей за номер,
ВКЛЮЧАЯ СТОИМОСТЬ почтовых услуг.

Цена действительна на номера 2011 года.

Номера будут высылаться подписчикам ежемесячно.

Обязательно укажите, с какого месяца по какой вы осуществляете
подписку.

Процедура проста: вы можете обратиться в отделение банка,
оплатить квитанцию, снять копию с ее лицевой стороны и
отправить вместе с данными о себе в издательство.

Не забудьте сообщить свои фамилию, имя, отчество и адрес, по
которому высылать журнал.

Извещение	Форма № ПД-4
	ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)
ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
БИК 044525767 № к/с 301018109000000000767 (номер кор.сч. банка получателя платежа)	
КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
Итого _____ руб. _____ коп.	
Кассир	
ООО «Издательский дом «Любимая книга» (наименование получателя платежа)	
ИНН 7713538330 № р/с 407028103200000000410 (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)	
В ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК» (наименование банка получателя платежа)	
БИК 044525767 № к/с 301018109000000000767 (номер кор.сч. банка получателя платежа)	
КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2	
Подписка на журнал «Если» на шесть месяцев. (наименование платежа)	
Сумма платежа 540 руб. 00 коп.	
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.	
Итого _____ руб. _____ коп.	
Квитанция	
Кассир	

Извещение

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

(наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

(ИНН получателя платежа)

№ _____

(номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

(наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с 301018109000000000767

БИК _____

№ _____

(Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____ (наименование платежа)
540 00
Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир
Квитанция

ООО «Издательский дом «Любимая книга»

_____ (наименование получателя платежа)

ИНН 7713538330

р/с 407028103200000000410

_____ (ИНН получателя платежа)

№ _____

_____ (номер счета получателя платежа)

ЗАО «КРЕДИТ ЕВРОПА БАНК»

В _____

_____ (наименование банка получателя платежа)

044525225

к/с30101810900000000767

БИК _____

№ _____

_____ (Номер кор./счета банка получателя платежа)

КПП 771301001; код ОКПО 74659499; ОКВЭД 22.1; 22.2

Подписка на журнал «Если» на 6 месяцев

_____ (наименование платежа)
540 00
Сумма платежа: _____ руб. _____ коп.
Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп.
Итого _____ руб. _____ коп.

Кассир

ВНИМАНИЕ!

ВНИМАНИЕ!

Издательская подписка: шесть номеров журнала с любого месяца. Отправьте сведения о себе (фамилия, имя, отчество, адрес с почтовым индексом) и приложите копию квитанции об оплате. Условия подписки опубликованы на предыдущей странице.

Адрес: 119435, г. Москва, Большой Саввинский пер., д. 9. 000
«Издательский дом «Любимая книга», отдел распространения.

Тел./факс: (499) 248-08-90 (доб. 177)

e-mail: sales@lubknlg.ru

<p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p> <p>С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т. ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.</p> <p>« ____ » _____ 20__ г. _____ (подпись плательщика)</p> <p>Информация о плательщике</p> <p>_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)</p> <p>_____ (ИНН)</p> <p>№ _____ (номер лицевого счета (код) плательщика)</p>	
---	--

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

_____ (Ф.И.О., адрес плательщика)

_____ (ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

С условиями приема указанной в платежном документе суммы, в т.ч. с суммой взимаемой платы за услуги банка, ознакомлен и согласен.

« ____ » _____ 20__ г. _____
(подпись плательщика)

Информация о плательщике

(Ф.И.О., адрес плательщика)

(ИНН)

№ _____
(номер лицевого счета (код) плательщика)

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Ричарда ЛОВЕТТА
и Марка НИМАННА-РОССА
«ФАНТОМНОЕ ЧУВСТВО»**

РАССКАЗЫ

**Джона ХЕМРИ, Стива БЕЙНА,
Скотта КАРТЕРА, Джона КЕССЕЛА**

СТАТЬЯ

Аркадия ШУШПАНОВА: Говард в кино

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге

«Пресса России»
(том I: газеты, журналы)
и в каталоге «Роспечать»
(газеты, журналы).

Цена подписки
(включая стоимость почтовых услуг)
полугодового комплекта
(индекс 73118) — 520 рублей,
годового (индекс 42918) — 957 рублей.

Подписка ведется во всех отделениях связи.

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТЬ

**Ричарда ЛОВЕТТА
и Марка НИМАННА-РОССА
«ФАНТОМНОЕ ЧУВСТВО»**

РАССКАЗЫ

Джона ХЕМРИ, Стива БЕЙНА, Скотта КАРТЕРА, Джона КЕССЕЛА

СТАТЬЯ

Аркадия ШУШПАНОВА: Говард в кино

ЧИТАЙТЕ НОЯБРЬСКИЙ ВЫПУСК ЖУРНАЛА

ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

Наш журнал вы найдете в объединенном каталоге «Пресса России» (том I: газеты, журналы) и в каталоге «Роспечать» (газеты, журналы).

